

**Academia de Științe a Moldovei
Institutul Patrimoniului Cultural
Академия наук Молдовы
Институт культурного наследия**

**PATRIMONIUL SPIRITUAL
ȘI ISTORICO-CULTURAL
AL RUȘILOR DIN MOLDOVA**

**ДУХОВНОЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ РУССКИХ МОЛДОВЫ**

Culegere de articole
ale conferinței științifice cu participare internațională
dedicată aniversării a 25-a de la fondarea
sectorului „Etnologia rușilor” al Centrului de Etnologie
al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM
(Chișinău, 23 martie 2016)

Сборник материалов
научной конференции с международным участием,
посвященной 25-летию создания сектора «Этнология русских»
Центра этнологии Института культурного наследия АНМ
(Кишинэу, 23 марта 2016 г.)

Chișinău / Кишинэу – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Сборник рекомендован к печати Ученым советом Института культурного наследия (ИКН) Академии наук Молдовы (АНМ) (Протокол № 7 от 13.07.2017). Издание осуществлено при финансовой поддержке Посольства Российской Федерации в Республике Молдова.

Culegerea a fost recomandată spre editare la ședința Consiliului științific al Institutului Patrimoniului Cultural (IPC) al Academiei de Științe a Moldovei (AȘM) (proces-verbal nr. 7 din 13.07.2017). Publicat cu susținerea financiară a Ambasadei Federației Ruse în Republica Moldova.

Научный редактор и ответственный за издание: Зайковская Т. В., доктор филологии, ИКН (Кишинев, Республика Молдова) / **Redactor științific și responsabil de ediție:** T. Zaicovschi, doctor în filologie, IPC (Chișinău, Republica Moldova)

Научный консультант: Млечко Т. П., доктор хабилитат филологии, профессор, Славянский университет (Кишинев, Республика Молдова) / **Consultant științific:** T. Mleciko, doctor habilitat în filologie, profesor, Universitatea Slavonă (Chișinău, Republica Moldova)

Рецензенты / Recenzenți:

Калашникова Н. М., доктор культурологии, профессор, Отдел этнологии Российского этнографического музея (Санкт-Петербург, Российская Федерация) / **Kalașnikova N.**, doctor habilitat în culturologie, profesor, Secția *Etnologie* a Muzeului Etnografic Rus (Sankt Petersburg, Federația Rusă)

Кожухарь Е. С., доктор педагогики, ИКН (Кишинев, Республика Молдова) / **Cojuhari E.**, doctor în pedagogie, IPC (Chișinău, Republica Moldova)

Плэмэдялэ А.-М., доктор хабилитат искусствоведения, ИКН (Кишинев, Республика Молдова) / **Plămădeală A.-M.**, doctor habilitat în studiul artelor, IPC (Chișinău, Republica Moldova)

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

„Patrimoniul spiritual și istorico-cultural al rușilor din Moldova”, culegere de articole ale conferinței științifice cu participare internațională (2016 ; Chișinău). Patrimoniul spiritual și istorico-cultural al rușilor din Moldova = Духовное и историко-культурное наследие русских Молдовы : Culegere de articole ale conferinței științifice cu participare internațională dedicată aniversării a 25-a de la fondarea sectorului „Etnologia rușilor” al Centrului de Etnologie din cadrul Institutului Cultural al AȘM, (Chișinău, 23 martie 2016) / red. șt.: T. Zaicovschi ; consultant șt.: T. Mleciko. – Chișinău : Institutul Patrimoniului Cultural, 2017 (Tipogr. „Notograf Prim”). – 288 p. : fot., tab.

Antetit.: Acad. de Științe a Moldovei, Inst. Patrimoniului Cultural. – Tit. paral.: lb. rom., rusă. – Texte : lb. rom., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Apare cu sprijinul financiar al Ambasadei Federației Ruse în Rep. Moldova. – 200 ex.

ISBN 978-9975-84-050-7 (Notograf Prim).
[008+39](=161.1)(478)(082)=135.1=161.1
P 44

© Institutul Patrimoniului Cultural, 2017

Мухаметшин Ф. М. <i>Научное осмысление русского наследия Молдовы в контексте развития гуманитарной сферы российско-молдавских отношений</i>	7
Зайковская Т. В. <i>Сектор «Этнология русских» Центра этнологии ИКН АНМ: 25 лет научного поиска</i>	11
Млечко Т. П. <i>Русский мир ближнего зарубежья как объект научных исследований</i>	22
Этнические контакты и взаимодействия культур и языков	
Белоусов В. Н. <i>Русский язык в межкультурном взаимодействии: последствия и интерпретации</i>	28
Лашенова Л. А. <i>Роль общественных организаций в сохранении духовного и историко-культурного наследия русских в Молдове</i>	31
Погорелая Е. А. <i>Нравственные ценности русского мира в межкультурной парадигме европейской толерантности</i>	34
Осипова Н. О. <i>«Скифский синдром»: поэзия русского зарубежья в поисках национальной идентичности</i>	38
Думника И. И. <i>Русские и Россия в восприятии болгарского офицера в Бессарабии в 1918 г.</i>	42
Червенков Н. Н. <i>Вклад России в формирование болгарского ополчения в Кишиневе и Брэиле</i>	46
Душакова И. С. <i>«Под знаком пушкинской лиры»: как СМИ сохраняют идентичность русских в Молдове</i>	52
Иванова Н. В. <i>Символическое поле русской молодежи Республики Молдова</i>	55
Галущенко О. С. <i>Динамика численности русского населения Молдавской АССР</i>	59
Рябцев И. А. <i>Миграции русского населения Бессарабии в системе город–село в 1897–1940 гг.</i>	64
Душакова Н. С. <i>«Тоже старообрядцы, но другие», или Кто такие макогоне</i>	69
Пригарин А. А. <i>Актуальная историография старообрядчества в Республике Молдова</i>	73

Историко-культурное наследие

Рабинович Р. А. О некоторых особенностях культуры Древней Руси в Пруто-Днестровском междуречье	77
Рябцева С. С. О специфике юго-западной группы древнерусских створчатых браслетов	81
Голубева Э. С. Музыкальная жизнь «двора» князя Г. А. Потемкина в Молдавском княжестве («Эпоха Потемкина» в Молдавии)	85
Королева Э. А. Влияние русского балета на молдавский балетный театр	90
Циркунова С. В. Композитор Анфиса Федорова и ее вклад в развитие музыкального искусства Республики Молдова 1980-х гг.	95
Березовикова Т. Н. Алексей Иннокентьевич Амвросов: скрипач, альтист, педагог	98
Аксенова Н. В. Деятельность Вячеслава Николаевича Аксенова в Государственном русском драматическом театре им. А. П. Чехова в 1960-е гг.	104
Типа В. В сказочном мире Леонида Домнина	108
Частина А. П. Законодательные акты в области архитектуры и градостроительства бессарабского зодчества в первой половине XIX в.	115
Юрченко Н. А. Градостроительные планы Кишинева 1817 и 1834 гг., или Откуда есть пошел европейский город Кишинев	120
Степанов В. П. Похоронно-поминальная память времени населения сел Пояна и Кунича Республики Молдова (этнографические зарисовки обычаев и обрядов на основе полевых изысканий)	127
Цвиркун В. И., Кантарян Н. В. (Митрополит Владимир). Материалы к биографии протоиерея Михаила Березовского	130
Condriticova L. Piese de argintărie bisericască lucrate de orfevrii din Rusia (Pe baza articolelor atestate în Basarabia)	138
Procop N. Ludmila Şevcenco – 30 de ani de creație	144

**Языкознание и литературоведение
в этнологическом дискурсе**

Ананьева С. В. Русская литература Казахстана: взгляд из XXI века	148
Донцу Н. Ф. Итоги деятельности лингвистов-русистов Молдавского государственного университета за 70 лет	153
Прокоп С. П. Феномен русскоязычной литературы в контексте мирового литературного процесса (К постановке проблемы)	157
Жигалова М. П. Гармония мира и человека и ее отражение в русскоязычной литературе Беларуси (На примере рассказа Э. М. Скобелева «Невинную душу отнять»)	162
Шишкан К. Б. Проблемы сохранения природного наследия в русской литературе Молдовы (На базе творчества Семена Пасько)	168
Шаршов Т. Ф. Особенности функционирования русского языка в Молдове	172
Тудосе В. И. О микротопонимике старообрядческого села Покровка	177
Сорочяну Е. С. Влияние русского языка на разговорную речь гагаузов	181
Квилинкова Е. Н. О влиянии русского языка на гагаузскую религиозную литературу	185
Никогло Д. Е., Сырф В. И. Сочинения поэтов гагаузского происхождения, пишущих на русском языке (К вопросу о тематическом своеобразии)	190
Дамьян Н. А. Возлюбить ближнего – основное кредо Светланы Бахрушиной	196
Оразбаева Н. С. Функционирование казахскоязычных топонимов в русском поэтическом тексте	200
Юзифович В. А. Стилистическое своеобразие очерка Б. Д. Челышева «Л. Н. Толстой в Молдавии»	203
Ковалов А. И. Ходьба по многоточиям (О некоторых особенностях графики и пунктуации в стихах Олеси Рудягиной)	205
Захарова Л. М. Взаимосвязь и противостояние человека и природы в русскоязычной прозе Молдовы (II половина XX в.)	210

Культурология.

Междисциплинарные связи и взаимовлияния

Цвик И. О. <i>Русская литература как ведущий фактор формирования межкультурной личности в Молдове</i>	214
Горбачева Н. А. <i>К проблеме формирования культуроведческой компетенции школьников в условиях полиэтнической Молдовы</i>	218
Ионова И. А. <i>Макротопонимические концепты в картине мира жителей Республики Молдова</i>	223
Батаева О. И. <i>О проблемах сохранения духовного и историко-культурного наследия А. С. Пушкина в Молдове (Из истории музеефикации пушкинских мест)</i>	225
Кушниренко В. Ф. <i>Сиявший в славе, забытый и воссиявший в наши дни</i>	231
Рацеева Е. В., Ткачук Е. М. <i>Ценностно-смысловое содержание концепта Родина у студенческой молодежи Республики Молдова</i>	235
Гарусова О. А. <i>Русская культура межвоенной Бессарабии и русское зарубежье</i>	240
Кара Н. В. <i>Болгарские и русские паремии о женщине</i>	245
Зайковская Т. В. <i>Отражение архетипической бинарной оппозиции молодой – старый в фольклорном сознании русских Республики Молдова</i>	250
Долгов В. Г. <i>Типологическая близость юродства и кинизма в философско-аксиологическом аспекте</i>	258
Мегрелишвили Т. Г. <i>Современная художественная парадигма развития русскоязычной литературы Грузии</i>	263
Солонкова И. В. <i>NATASHA, PROPAGANDA, KALASHNIKOFF (Опыт преподавателя русского языка как иностранного в преодолении стереотипов у военно-политических и гражданских экспертов через ознакомление с духовными ценностями современной русской культуры)</i>	270
Шорина Л. В. <i>Митрополит Гавриил – святитель</i>	275
Сведения об авторах	283
Adnotare	287

Мухаметшин Ф. М.

Научное осмысление русского наследия Молдовы в контексте развития гуманитарной сферы российско-молдавских отношений

Выдающийся историк и литературовед Дмитрий Лихачев писал: «В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому». Но история – феномен двоякий. С одной стороны, это то, что по факту произошло, с другой – совокупность представлений народа о том, что произошло. И реальность иногда не совпадает с ее интерпретацией. Это не случайно. Споры о «делах минувших» – отнюдь не пустая полемика: именно в них рождается видение народом своей идентичности, а значит – и его будущее.

В современной Молдове существует множество разных, даже противоположных, трактовок ее прошлого. Заметное место в этих дискуссиях занимает вопрос о месте и роли русского наследия. Отраднo, что на официальном уровне эта тематика не осталась без внимания и является предметом изучения в Институте культурного наследия Академии наук. Но с учетом тектонических сдвигов на мировой арене сегодня вопросы взаимовлияния, общности и расхождения культур и цивилизаций должны приобретать не только академическое, но и большое общественное значение. В этом смысле процессы, которые в течение веков имели место в Молдове, являются хорошим примером конвергенции культурных пространств на благо развития страны.

Приходится признать: мир переживает сегодня непростой период. Почти не осталось регионов, которые бы не затронули проблемы, вызванные глобальной разбалансировкой. Исторический Запад, претендуя на моральное превосходство, пытается тормозить естественный процесс формирования более справедливого многополярного мира. Навязывание им своих правил игры вызывает отторжение и ведет к еще большему хаосу в мировых делах.

В этих условиях насущной задачей является формирование новой, более демократичной и гуманной системы глобального управления. Одним из ее основополагающих принципов должно стать признание цивилизационного разнообразия современного мира. Философской платформой такой системы мог бы стать «новый гуманизм», нацеленный на создание инклюзивного глобального сообщества с опорой на общечеловеческие ценности, и прежде всего на интеллектуальный потенциал. В достижении этих целей ведущую роль взяла на себя ЮНЕСКО. Выступая в прошлом году в честь 70-летия этой организации, ее руководитель

Ирина Бокова выделила перспективную задачу ЮНЕСКО «призывать страны к новому гуманизму», «укрепляя веру в человечество как одну семью, единую в своем разнообразии».

В контексте поиска основ для межкультурного диалога особенно ценен опыт стран, где множество народов веками мирно жили бок о бок, как одна семья, взаимно дополняя друг друга. Таким уникальным опытом обладает Молдова. Разные народы здесь сплотило единое ценностное пространство, сформированное общей православной верой. Наличие условий для мирного сосуществования народов обеспечило каждому из них возможность развиваться и внести свой вклад в развитие всего края. И важную роль в становлении и развитии цивилизационных основ молдавской земли сыграли славянские этносы, включая русских.

Славянское, а затем и русское население, переселяясь в Бессарабию еще в стародавние времена, было принято на этой земле радушно. Яркий пример – в XVII в. здесь нашли приют старообрядцы, бежавшие от реформ патриарха Никона. Особенно значителен был приток переселенцев из России во время пребывания Молдовы в одном с ней государстве – в период Российской империи и СССР. Проживая в этих краях, русские имели возможность свободно сохранять свою этнокультурную самобытность. При этом они объективно являлись и остаются здесь одной из наиболее заметных групп по удельному весу и вкладу в развитие экономики и общественно-политической сферы. Столетиями здесь кипела бурная интеллектуальная жизнь местного русскоязычного сообщества.

Исторические и межчеловеческие связи предопределили тесное сближение России и Молдовы на уровне культуры. Веками их культурные пространства взаимодействовали подобно сообщающимся сосудам. Примеров тому немало. В XV в. брачный союз дочери Штефана Великого с сыном Ивана III укрепил связи Молдавского и Московского княжеств. Молдавский господарь, стремясь заручиться поддержкой русского князя во внешней политике, писал ему: «В сей стороне один я остался: с двух сторон – поганство (то есть язычество) тяжкое, а от трех сторон – так называемые христиане, которые мне хуже поганства. Я уже не могу их больше терпеть, только бы Бог научил Вашу милость повернуться к нам лицом и явить к нам приятельство (то есть дружбу), а я бы еще больше к Вашей милости имел приятельство». Эти слова говорят не только о внешнеполитических интересах, но и об осознании глубокого духовного родства молдавского и русского народов.

Другой яркий пример – Дмитрий Кантемир, молдавский господарь и советник Петра I. В России он создал наиболее значительные труды, служившие настольными книгами для европейских востоковедов. Потомки переселявшихся в Россию молдавских дворян внесли вклад в развитие

русской литературы и философии. Это и Антиох Кантемир, дипломат, сатирик, один из родоначальников русской изящной словесности. Это и Михаил Херасков, поэт, создатель новых жанров русской литературы, ректор Московского университета, издатель, хозяин литературного кружка. Сама Молдова прочно вошла в историю русского искусства. Здесь бывали Пушкин, Толстой, Короленко, Горький, Бунин, Маяковский. Многих из них эта земля вдохновляла.

На современном этапе эта духовная связь не прервалась. В России сохраняется живой интерес к изучению и сохранению молдавского культурного достояния для широкого круга русскоязычных читателей. В 2009 и 2011 гг. в Москве при поддержке МФГС был издан двухтомник фольклора и литературных памятников Молдовы («Спел про лист зеленый я» и «Душа, озарившая Кодру»). Вступительное слово к первому из них написано народным писателем Ионом Друцэ, а ко второму – академиком Михаем Чимпоем, председателем Национальной ассоциации творческих союзов Молдовы.

Однако история часто нам показывает, что межкультурные контакты могут и не иметь кардинального влияния на развитие идентичности народа. Почему же здесь воздействие «русского фактора» оказалось столь глубоким? Причин несколько. Наиболее очевидная – это длительность присутствия славянского населения на данной территории, еще до 1812 г. Но не только.

Великий русский писатель и философ Федор Михайлович Достоевский писал, что «идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создала ее». Родство нравственных начал русского и молдавского народов заложено общей православной верой восточно-христианского образца, а потому носит основательный и незыблемый характер. Думается, именно общность цивилизационных кодов способствовала быстрому и легкому взаимопониманию народов России и Молдовы. Именно это объясняет, отчего так органично русское наследие стало неотъемлемой частью культурного пространства Молдовы.

Нельзя не приветствовать попытки осмысления этого наследия, сформированного, подчеркну, на общих для России и Молдовы ценностных началах. В этой связи очень важной представляется деятельность сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы, который занимается изучением истории, языка и культуры русского населения Молдовы. 25 лет назад именно в этом секторе (тогда отделе) впервые началось комплексное изучение вклада русских специалистов не только в культурное, но и в экономическое и социальное развитие республики.

Это было чрезвычайно актуальной тематикой исследований. Все мы помним, что в период распада СССР многие республики столкнулись с издержками «этнического ренессанса», в числе которых было и предвзятое отношение к русскому населению. Хотя политики не всегда слышат ученых, но в обществе слово ученых всегда пользовалось авторитетом. Именно поэтому так важно было с позиций науки описать и представить данные о «русском присутствии» с опорой на факты – достоверно и убедительно.

Впечатляют результаты уже первых лет работы отдела, когда в нем работали историки, этнографы, филологи и искусствоведы. Многие их работы актуальны до сих пор: о различных слоях русского городского и сельского населения Молдовы, о русских в межвоенный период, о русском языке и литературном процессе в Молдове, о специалистах, поднимавших экономику республики в советский период, о старообрядческом фольклоре, о становлении здесь русского театра. Уже одно только перечисление дает представление о масштабе работы и солидности результатов.

Задача осмысления русского вклада в Молдове решается не только исследователями сектора «Этнология русских». За два десятилетия учеными из числа вузовских работников и специалистов разных организаций написаны и изданы монографии, книги, справочники, альбомы. Это труды историков Сергея Назарии и Петра Шорникова, документальные сборники по истории Великой Отечественной войны Николая Гуцула и авторитетный журнал «Русин» Сергея Суляка, это материалы по старообрядчеству и альбомы по памятникам русской культуры, подготовленные специалистами Славянского университета, ПГУ имени Т. Шевченко и других вузов. Многие проекты реализуются совместно с российскими научными центрами и исследователями из стран СНГ.

Большой вклад в изучение и развитие русского наследия Молдовы вносят общественные организации: Координационный совет российских соотечественников, проживающих в Молдове, Центр русской культуры, Товарищество русских художников М-АРТ, Ассоциация русских писателей, русские общины из разных районов республики. Важную роль в консолидации и продвижении современного русского искусства Молдовы играют литературные журналы «Русское поле» и «Наше поколение», а также газета «Русское слово».

С 1989 по 2003 год в Молдове была создана нормативная база для использования русского как языка межнационального общения практически во всех сферах жизни государства и общества. Были заложены основы для сохранения исторического наследия русской культуры Молдовы.

Согласитесь: стремясь к новому, было бы обидно растерять по пути успешный опыт Молдовы по поддержанию на своей земле очень мирной,

комфортной для разных народов среды. Пока мир мучительно ищет пути преодоления мировоззренческих расхождений, было бы непростительно в спорах об идентичности уничтожить здесь основы уникального и единого ценностного пространства, частью которого является в том числе и русское наследие.

Попытки отрицания частью интеллигенции роли русского наследия Молдовы в формировании ее культуры – это опасные игры с народной памятью. Они ведут к искажению исторически сложившегося самосознания народа и разрушению веками складывавшейся среды.

Русское наследие, наряду с наследием украинцев, белорусов, гагаузов, болгар, евреев и других народов, является неотъемлемой частью культурного пространства Молдовы. Влияние этих народов обусловило своеобразие и неповторимость культуры этой страны. Потому изучение культурного и духовного достояния населяющих Молдову этносов важно, чтобы понять особенности собственно молдавской идентичности. Значимым аспектом этого процесса видится изучение общего ценностного фундамента живущих здесь народов. Хочется верить, что работа в этом направлении поможет выработать формулу, которая и в будущем обеспечит условия для сохранения и развития историко-культурного и духовного богатства народов Молдовы. А это полностью отвечает ожиданиям российской стороны в контексте двусторонних отношений.

Зайковская Т. В.

Сектор «Этнология русских» Центра этнологии ИКН АНМ: 25 лет научного поиска

Любой юбилей, будь то человек или коллектив, в том числе научный, – это, так или иначе, время подведения итогов, обзора результатов его деятельности. Оглядываясь на пройденный путь научного поиска и творчества, можно с уверенностью сказать, что за четверть века своего существования сектором «Этнология русских» было сделано немало.

Под первоначальным названием «Сектор изучения истории, языка и культуры русского населения Молдовы» он возник в 1991 г. в рамках Отдела национальных меньшинств АНМ, который впоследствии стал Институтом национальных меньшинств. Сектор возглавляла Т. П. Млечко, а Институт – К. Ф. Попович (который в 1995 г. стал академиком АНМ). Такое сочетание руководства оказалось весьма благоприятным для налаживания работы вновь созданного коллектива. Этот период я уже однажды назвала «золотым веком» существования сектора, несмотря на все

имевшиеся тогда трудности. В то время, после реорганизации системы академических подразделений, в него органично влился ряд сотрудников из Института истории АНМ (И. А. Анцупов, Л. Е. Репида, Н. В. Забунова, А. Ю. Скворцова), Отдела этнографии и искусствоведения (Л. В. Шорина, О. А. Гарусова, Л. Х. Друмя, О. В. Горянская), Отдела русского языка и литературы Института языка и литературы (С. П. Прокоп, Т. В. Зайковская, А. В. Шипилов), а также исследователи, пришедшие из других организаций и учреждений (Т. П. Млечко, К. Б. Шишкан, Л. И. Димитрова, Э. Л. Лефтер) – каждый со своими научными наработками, творческими предпочтениями, со своим солидным багажом. Важно подчеркнуть, что среди сотрудников сектора практически не было таких, которые начинали бы свою исследовательскую деятельность с нуля.

Когда создавался отдел, выяснилось, как ни странно, что именно в истории, этнографии и т. д. русских республики больше всего белых пятен. Надо было эти лакуны заполнять. Имелось много сложностей и в отношении подходов, методологии. Например, по словам А. Ю. Скворцовой на одной из конференций периода начала 90-х, «прежде молдавская историческая наука изучала не отдельные этносы, а исторический процесс в целом. Располагая глубокими и всесторонними исследованиями истории республики, мы не имеем достаточно четкого представления о меньшинственных этносах, их месте и роли в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Молдовы. В молдавской историографии нет ни одной работы, которая была бы посвящена специально русскому населению». Сегодня в это трудно поверить, но ситуация была именно такова.

Таким образом, перед исследователями стояла задача изучения русского населения Молдовы, его истории, его вклада в различные сферы жизни общества, русского фольклора, русского театра, деятельности русских музыкантов-исполнителей, языкового сознания русских Молдовы и т. д., а параллельно – проблем взаимопонимания, межкультурного диалога.

Поэтому с самого начала существования сектора выдвинулся ряд вопросов, требовавших комплексного решения. Осуществлялось научное осмысление реалий, связанных с положением русского и, отчасти, так называемого русскоязычного населения республики, которые рассматривались в контексте истории края, во взаимодействии с культурой других этносов и этнических групп, проживающих в республике.

Под тем же названием сектор остался и после переименования в 1999 г. Института национальных меньшинств в Институт межэтнических исследований. Тогда сотрудниками сектора разрабатывался ряд разделов в рамках общей темы, одноименной с тем названием, которое он носил в те годы. Так, в области истории (И. А. Анцупов, Л. Е. Репида,

Н. В. Забунова, А. Ю. Скворцова) исследовались вопросы, связанные с изучением процесса формирования и развития на разных исторических этапах русской и других этнических групп на территории Бессарабии; аспекты переселенческого движения; анализировались особенности формирования русского городского населения Бессарабии XIX в., его численность, социальный состав, материальное и духовное состояние, семейный уклад, быт и традиции; изучались также современные тенденции развития и реформирования, формирования общественного мнения и его влияния на преобразовательные процессы и т. д. В области языкознания (Т. П. Млечко, Т. В. Зайковская, А. В. Шипилов) и литературоведения (К. Б. Шишкан, С. П. Прокоп, Л. И. Димитрова, Э. Л. Лефтер) разрабатывались различные аспекты социолингвистических, психолингвистических и лингвокультурологических исследований, проводилось системное изучение различных литературных жанров, представленных в творчестве русских и русскоязычных поэтов и писателей Молдовы в разные периоды времени. Исследованием русского фольклора Молдовы и его связей с фольклором других этнических групп республики плодотворно занималась Л. Х. Друмя. Разработка раздела «Русская культура и искусство Молдовы» (которую успешно осуществляли Л. В. Шорина, О. А. Гарусова, О. В. Горянская) предусматривала описание, на основе исторических и архивных источников, деятельности представителей русской музыкальной культуры, театра, в том числе освещение функционирования русскоязычных театральных коллективов, русских актеров-эмигрантов на территории Бессарабии в первой половине XX в., выявление роли русского театра в бессарабской культуре межвоенного периода на уровне персоналий и т. д.

Как видим, задачи были поставлены очень широкие и смелые, и они решались с неизменным энтузиазмом и творческим вдохновением. Хотя, надо отметить, что многие проблемы должны были разрабатываться, скорее, целым институтом, а не одним-двумя исследователями, которым, тем не менее, они оказались вполне по силам. Не следует, видимо, забывать и о том, что 90-е гг. были не самыми легкими для жителей республики, в том числе для тех, кто работал в научной сфере.

Уже в 1994 и 1995 гг. были проведены две крупные международные конференции, соответственно: «Русские Молдовы: история, язык, культура» и «Славянские культуры в иноязычной среде». В их организации и проведении трудно переоценить заслугу тогдашнего руководителя сектора Т. П. Млечко. Осмысление стремительных перемен, происходивших в обществе, обмен научными идеями и результатами исследований с коллегами из других учреждений и организаций республики, а также из-за ее пределов – все это было чрезвычайно важно, помогало обрести свое

место в научном мире. Выпущенные сборники материалов указанных конференций сегодня стали библиографической редкостью, но пользуются неизменной востребованностью. Вскоре стали появляться и другие зримые итоги исследований – помимо статей, начали выходить и монографии, справочники, сборники материалов и др. Их поток не иссякает и по сей день.

Названия этих книг говорят сами за себя, очерчивая широкий круг затронутых в них проблем, введенных в научный оборот новых материалов, в том числе архивных.

Анцупов И. А.	Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья. Кишинев, 1996. Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000. Русские на Очаковской земле. Кишинев, 2003.
Репида Л. Е.	Население Молдовы в интеграционных процессах (40–50-е гг. XX в.). Кишинев, 2000. Суверенная Молдова. История и современность. Кишинев, 2008.
Млечко Т. В.	Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. Кишинев, 1999.
Скворцова А. Ю.	Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре (1918–1940). Кишинев, 2002.
Забунова-Абакумова Н. В.	Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006.
Зайковская Т. В.	Проблемы культуры молодежной речи (Пути пополнения словарного состава молодежного жаргона). Кишинев, 2005.
Гарусова О. А.	Карл Шмидт. Городской голова Кишинева 1877–1903 гг. (нем., рум., русск. яз.). Кишинев: Cartier, 2014.
Димитрова Л. И.	Газетный очерк русской журналистики Молдовы 80–90 гг. XX века. Кишинев, 2007.
Ижболдина И. А.	«Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. Исследования и материалы. Кишинев, 2012.

Прокоп С. П.	В предощущении полета (Общие тенденции развития русской поэзии Молдовы второй половины XX века). Кишинев, 2001. Ковчег обетованный. Русская поэзия Молдовы начала XXI века. Кишинев, 2014. Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX века. Кишинев, 2014.
Друмя Л. Х.	Фольклорные переводы и лексико-стилевые интерференции (взаимосвязи восточнороманской и восточнославянской народной поэзии). Кишинев, 2008.
Шишкан К. Б.	Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях (XVIII – I половина XX вв. Биобиблиографический справочник. В 2-х тт. Кишинев, 2009–2010, соавт. С. Пожар. На разломах времен. Русский роман Молдовы 80–90-х годов XX столетия. Кишинев, 2001. В поисках параллельных миров. Русская подростково-юношеская проза Молдовы конца XX столетия – начала Эры интернет-поколения. Кишинев, 2008.
Лефтер Э. Л.	Лефтер Э. Л. На стыке веков и культур. Заметки о русской литературе Молдовы. Кишинев, 2000.
Шорина Л. В.	Мир глазами театра. История Государственного русского драматического театра им. А. П. Чехова. Кишинев, 2001.
Шишкан К., Прокоп С., Пынзару С.	Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – начало XXI вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. Кишинев, 2003.

Необходимо отметить один важный момент: когда в 1999 г. Институт национальных меньшинств был переименован в Институт межэтнических исследований, это естественным образом в известной мере повлияло и на тематику научных разработок. Хотя и ранее в изысканиях исследователей присутствовали направления, связанные с компаративистикой и междисциплинарностью, всё же после этого они обрели большую рельефность.

В начале нового тысячелетия директором Института стал И. Г. Бодрут. Вскоре в сектор были приняты несколько новых исследователей (литера-

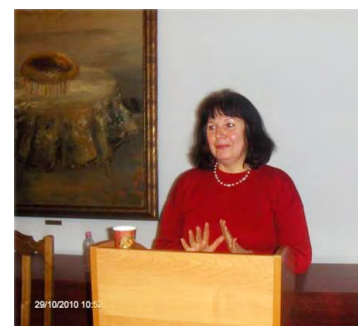
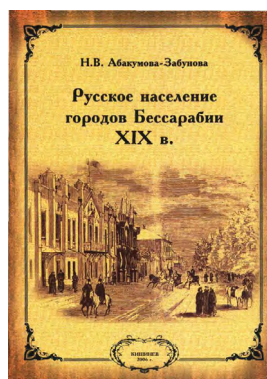
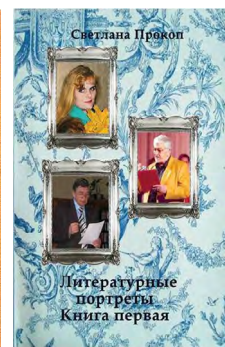
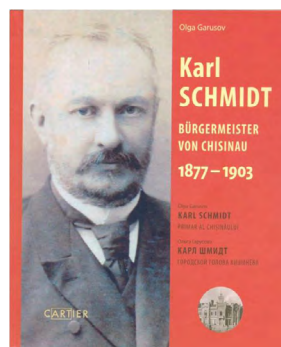

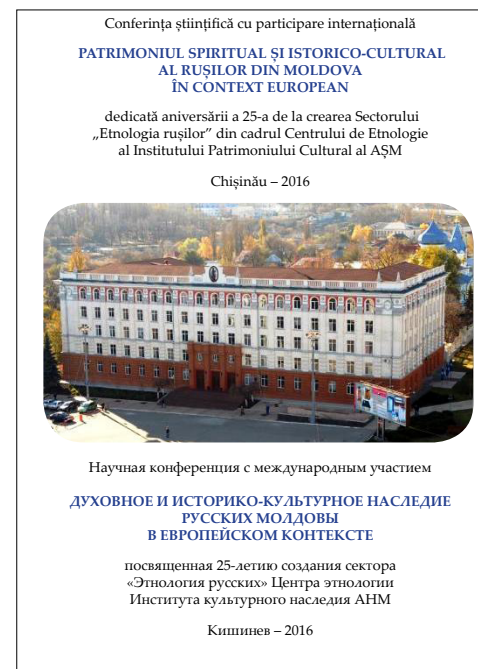
туровед И. А. Ижболдина, искусствовед Н. А. Юрченко), которые подключились к разработке тематики сектора.

В 2006 г. в жизни Института и, соответственно, сектора произошли существенные перемены под знаком реструктуризации Академии наук. Институт в форме Центра этнологии, наряду с еще двумя Центрами, вошел в состав Института культурного наследия, где и пребывает до сих пор. Разумеется, тематика исследований еще раз претерпела определенные изменения. Однако следует отметить, что и до этого было много наработок в данном русле, которые получили свое дальнейшее развитие. Можно сказать, что от конкретных эмпирических исследований стал заметен переход к междисциплинарным и теоретическим. Темы диктуются как научными потребностями Молдовы, так и тенденциями мирового научного пространства. Междисциплинарность, пересечения как раз и расширяют его, открывают новые подходы и перспективы. Тематика стала звучать сейчас в более широком контексте. Поскольку сектор является составной частью Центра, то эти перемены видны уже по названиям проектов последних лет: «Духовные и материальные ценности русских Республики Молдова: культурно-типологические формы и типология взаимопонимания, культурно-исторический вклад, этнические взаимодействия и интеграция в современное общество» (2006–2010), «Европейское измерение этнографического наследия Республики Молдова» (2011–2014), «Всестороннее освоение составляющих этнокультурного наследия как фактора гармонизации и развития общества Республики Молдова» (2015–2018).

Среди разрабатываемых в настоящее время тем находятся следующие: «Русская диаспора Румынии в межвоенный период» (ставится цель этнокультурного и исторического исследования русской диаспоры Старого королевства, ее ментальности, национально-культурных традиций, адаптации к новой среде и т. д.), «Этнокультурные русские организации Республики Молдова» (общей целью является раскрытие вклада этнокультурных русских организаций в гармонизацию межэтнических отношений республики и развитие общества в целом), «Отражение коллективных взглядов на образ Другого в рамках оппозиции свой – чужой» (на материале русского, румынского и болгарского языков и соответствующего материала прессы, исходя из понятий *образ – стереотип*), «Образ Республики Молдова в зарубежной прессе» (англоязычной, русской, румынской, с выработкой соответствующих рекомендаций по улучшению этого образа), «Вклад русских архитекторов в становление архитектурного наследия Кишинева XIX – начала XX вв.» (цель – изучение деятельности русских архитекторов, работавших на территории Бессарабии и внесших значительный вклад в развитие архитектурно-художественного облика Кишинева указанного периода), «Этнокультурные особенности

поэтического наследия Бессарабии конца XIX – начала XX вв.». Эти темы разрабатываются, соответственно, О. А. Гарусовой, Т. В. Зайковской, И. С. Душакковой, Н. А. Юрченко, К. Б. Шишканом.

Сотрудники сектора не являются сугубо кабинетными исследователями. Опросы, анкетирование, работа в республиканских и зарубежных архивах, полевые изыскания, экспедиции в села с компактным проживанием русского населения – все это составляет значительную часть исследовательского процесса. На протяжении пройденных лет сфера образования тоже не была обойдена вниманием сотрудников сектора: чтение ряда спецкурсов на основе собственных исследований, участие в государственных комиссиях по приему выпускных экзаменов (лицензиат, мастерат) (Государственный педагогический университет им. И. Крянгэ, Славянский университет, Тираспольский университет (Кишинев), университет Высшая Антропологическая Школа и др.) – это далеко не полный перечень такого рода деятельности. Осуществлялась большая научно-популяризаторская работа в различных периодических изданиях (газеты «Славянский вестник», «Русское слово», «Молдавские ведомости», «Laterna magică», «Экономическое обозрение», «Деловая газета», журналы «Финансы и банки», «Teatrul» и т. д.

История и культура русских Молдовы настолько богаты и разнообразны, что в процессе изучения любой темы исследователи неизменно выходят на все новые и новые аспекты изысканий.

Млечко Т. П.

Русский мир ближнего зарубежья как объект научных исследований

За прошедшие четверть века вслед за трансформационными преобразованиями геополитического характера, произошедшими на постсоветском пространстве, сформировалось абсолютно новое направление исследований, в центре которых – ближнее зарубежье России как часть русского мира. У этого направления наличествует общность концепта при отсутствии общего названия, аналогичного, например, такому обозначению, как *россика*, которое включает в более узком первоначальном значении иностранную литературу о России или творчество иностранных мастеров изобразительного искусства в России, а в более широком – литературу, изданную за пределами России, но содержательно относящуюся к стране и русским.

Концепт «русский мир» получает все более широкое наполнение, осмысливается теоретически и обретает собственное терминологическое оформление. Это по многим причинам сложная задача. Не в последнюю очередь потому, что речь идет о многогранном цивилизационном феномене, который, хотя и изучается по отдельным его составляющим в рамках различных дисциплин, однако чаще является, как показывает практика, объектом междисциплинарных исследований или исследований комплексных. В этом смысле можно считать идеальным по замыслу факт создания и деятельности того академического подразделения, чей 25-летний юбилей мы сегодня отмечаем. На первоначальном этапе Отдел истории, языка и культуры русского населения Молдовы Института национальных меньшинств (далее – ИНМ) АНМ был укомплектован такими специалистами, которые по профилю своих исследований – история разных периодов, этнология, фольклористика, литературоведение, лингвистика, искусствоведение (театр, музыка, архитектура) – в полной мере обеспечивали всестороннее описание русского мира Молдовы в прошлом и настоящем. Впоследствии к этим исследованиям добавилась сравнительная этнопсихология.

Конкретная цель моего выступления состоит в том, чтобы обзорно представить актуальную проблематику исследований по постсоветскому ареалу русского зарубежья, а свержзадача заключается в том, чтобы до-

казать эффективность и перспективность их проведения в рамках специализированного подразделения, которое ведет комплексное изучение русского мира своей страны, опираясь на опыт, научную актуальность, практическую значимость и своевременность изысканий сектора «Этнология русских» Центра этнологии Института культурного наследия (далее – ИКН) АНМ.

Такого рода исследования осуществляются в полном соответствии с логикой современного научного поиска, нацеленного на синхронное описание объективно изменяющейся социальной действительности. Как констатирует известный исследователь процессов на постсоветском пространстве Е. И. Пивовар, они являются не только основой «объективного взгляда на мировой исторический процесс, но и важной составляющей понимания современных социокультурных процессов и их прогнозирования. Русский мир в странах бывшего СССР, помимо всего прочего, сугубо образовательной и научной составляющей, в равной степени, является еще и субъектом международной политической деятельности» (Пивовар, 2008, 13). В этой связи необходимо отметить, что сам факт проживания в России и за ее рубежами практически равного количества русских ставит вопрос о серьезном рассмотрении русского мира в контексте исследований о традиционных диаспорах и так называемых новых диаспорах, которые в современном мире признаются самостоятельными и значимыми акторами международных процессов и отношений, а также влиятельной силой в процессах обустройства межнационального мира внутри страны.

Итак, в том или ином объеме и структурном формате исследование местного русского мира осуществляется в каждой из стран с русской составляющей в структуре населения. Кроме того, они ведутся и российскими учеными. Это происходит параллельно, как съемка двумя камерами, чем достигается полнота изображения и при этом выверяется достоверность материала и объективность его интерпретаций. Активно судьба русского этнического меньшинства и русскоязычных сообществ в целом изучается в странах Балтии, в Казахстане, республиках Средней Азии. В этом ряду основательно представлена и Молдова благодаря во многом тому, что за 25 лет исследовано и введено в научный оборот сектором «Этнология русских» ИКН АНМ.

В период распада Союза и обострения межэтнических отношений полемика по национальным вопросам в каждом из новых независимых государств противоречиво апеллировала к прошлому. Возникла потребность в объективной исторической информации о присутствии русских в национальных республиках бывшего Союза. В советский период они никогда не вычленились для обособленного изучения, поэтому исследования по **исторической тематике** призваны были дать ответ на два вопро-

са. Первый из них: по какой причине и с какой целью русские покинули Россию и оказались именно на данных территориях. Второй: как в разные исторические периоды складывалась судьба русских в иных краях и каков русский след в развитии стран их исторического пребывания. Таким образом, в фокусе исследований этого направления – история русского населения в отдельно взятой стране, с одной стороны, с другой – история русского исхода за пределы России в иные земли (крепостные беженцы, старообрядцы, переселенцы, невозвращенцы, разные волны миграций и т. п.). В Молдове такие исследования были осуществлены, причем, первые из них – именно в специализированном подразделении ИНМ АНМ, однако тема далеко не исчерпана. В рамках этого направления в историческом аспекте или на сегодняшнем хронологическом срезе, но непременно с опорой на историческую ретроспективу, описываются определенные социальные или профессиональные сферы, отрасли хозяйства и культуры, образования и науки, где свой заметный след оставили русские люди, в том числе и в Молдове. Таким образом, в ответ на социальный запрос и сообразно этому мощному импульсу история зарубежных русских получила широкое научное освещение. По констатации Е. И. Пивовара, рассмотревшего историографию вопроса, на сегодняшний день «значению и роли российского зарубежья в отечественной и мировой истории, а также в современном мире посвящена обширная историография» (Пивовар, 2008, 13-37). Помимо проблем исторического характера, следующая из тех, что оказались в центре не только научных дебатов, а потому особенно нуждаются в научном обосновании, – это **проблема идентификации общего пространства расселения русских за рубежом**.

Это пространство в постсоветском ареале – особый исторический и социокультурный феномен, относительно наименования и характеристик которого у исследователей нет пока единого мнения. Накопленные материалы, излагаемые аргументы и факты в совокупности своей позволяют лишь приблизиться к «выбору имени». Однако терминологической ясности до сих пор нет. В качестве вариантов используются термины *новое, ближнее, постсоветское, российское и русское зарубежье*.

Разнообразие обозначений связано не только с объективной сложностью самого феномена, который к тому же рассматривается в разных ракурсах, но и с тем, что отсутствует исторически традиционный термин. «Исстари эмиграция воспринималась общественным мнением как явление, противоречащее русскому национальному характеру. Традиция негативного отношения к исходу за рубеж была продолжена и в советский период. Официальные отечественные источники именовали зарубежные русские общины не иначе, как „эмиграция“, „колония“, а не „русское население“. Думается, тем самым акцентировалось внимание на противо-

естественности феномена исхода русскому национальному духу, хотя термин „диаспора“ активно употреблялся применительно к еврейскому и армянскому рассеянию» (Бутузов, 2002, 14). Известны и такие стилистически примечательные формулировки, как *направление русского исхода, Россия в изгнании, очаг довоенного русского рассеяния, анклавные русские территории* и др. Поскольку задача настоящего обзора – только обозначить актуальные проблемы исследований феномена зарубежного русского мира в его постсоветском ареале, но не рассматривать их, все же ограничимся краткой констатацией о том, что доминирующим обозначением стало выражение *зарубежный русский мир*.

Еще сложнее оказалось **идентифицировать тех, кто к этому русскому миру зарубежья принадлежит и кто его составляет**. Здесь уместно начать с ремарки о том, что «объект гораздо сложнее, чем кажется».

В научном мире и научном дискурсе нет единства в вопросе о том, как обозначается население новых независимых государств, которое идентифицирует себя с русскими хотя бы по одному из трех оценочных критериев: общности по культуре, общности «по земле» и общности «по крови», которые были предложены авторитетным исследователем С. Панариным.

Помимо таких исторических номинаций, как *русские в рассеянии, Россия в изгнании, зарубежные русские общины, русские колонии*, «обрусевшие переселенческие сообщества», в список ныне используемых обозначений входят следующие: *русские, русское население, зарубежные русские, этнические россияне, русское население нового российского зарубежья, новозарубежные русские, местные русские, русское национальное меньшинство, русское лингвистическое меньшинство, русскоязычные, русскоговорящие, русскокультурные, русская диаспора, российская диаспора, новая русская диаспора, диаспорные сообщества, соотечественники, русский мир, новый русский мир, другие русские*.

Отметим, что понятие «русский мир» является, на самом деле, альтернативой не денотату *русскоязычные*, что используется применительно только к постсоветскому пространству, но – в большей части своего значения – соотносится с термином *диаспора*, таким же глобальным по охвату («феномен глобального размаха»). Однако он не бесспорен в применении к реалиям нового зарубежья. Это связано с традиционно моноэтнической сутью понятия «диаспора», а также со спецификой таких элементов его содержания, как «граница» и «историческая родина».

Диаспора – наиболее распространенное и сложное, наиболее неопределенное и спорное из всех обозначений, применяемых по отношению к русским, проживающим в странах ближнего зарубежья. Что собой представляет эта диаспора и какая она – русская или российская, и существует ли она вообще? Это связано, в первую очередь, с тем, что, в отличие

от общепринятого представления о так называемой классической диаспоре, в анамнезе новой диаспоры, во-первых, отсутствует факт самого исхода, во-вторых, не абсолютна ее этническая составляющая.

По отношению к диаспорам, сложившимся таким образом, Р. Брубейкер в 1999 г. вводит в обиход обозначение *диаспора катаклизма* (Брубейкер, 2003), а Г. Шеффер в своей классификации – номинацию *зарождающиеся*, то есть находящиеся лишь в начальной стадии своего становления (их только начинают формировать корейцы, филиппинцы, а также русские в бывших советских республиках) (Шеффер, 2003, 164-166). Именно попыткой избежать обозначения *диаспора* объясняются варианты иных обозначений этого феномена: экспатрированные сообщества, трансграничные этнические группы, этнокультурные анклавы, субэтноты и др. Представляется наиболее точным предложенный Н. П. Космарской следующий вариант термина и его трактовка – *автохтонная диаспора*. Его обоснованию посвящена в монографии этого автора «Дети империи» целая глава – «„Диаспорный проект”» против «„автохтонного”». В ней оставшиеся на территории бывших союзных республик и ставшие гражданами этих новых суверенных государств русскоязычные тракуются как «автохтоны», то есть местные. Эта автохтонность местных русских проявляется в языке, поведении, культуре, литературе, менталитете и т. д.

Следующий пункт нашего обзора касается дихотомии *язык и ментальность*. В этой связи остановимся на обозначении *другие русские*: латышские, армянские, молдавские и т. д. Другие русские – так стали называть тех русских, которые с распадом СССР вынуждены были из национальных республик уехать в Россию и, подчеркнем, там они и сами почувствовали свое отличие от россиян. Сейчас это обозначение все более применимо и к тем русским, которые не эмигрировали в Россию.

Отталкиваясь от этого, обозначим сквозную для исследователей всех стран и весьма полемичную на сегодняшний день проблему, касающуюся инонациональной специфики русского мира в каждом отдельно взятом лингвокультурном социуме. Так, в научном мире ведутся споры о «мощности» региональной специфики русского языка: какова она, не превращает ли она единый русский язык в варианты русского языка. Речь об изменениях в языковом сознании и менталитете зарубежных русских, которые, восприняв культуру иного лингвокультурного мира, создают на русском языке литературные произведения, вербальную продукцию для СМИ, проявляют свою приверженность определенным ценностным установкам и ориентирам. В этом плане уместно привести в пример глубокую научную работу И. А. Ионовой «Эскизы языковой картины мира русских жителей Молдовы» (Кишинев, 2014).

В завершение обзора важно назвать еще одно всегда актуальное направление научных исследований – история и современное развитие межгосударственных отношений между странами пребывания русских и их исторической родиной. В странах ближнего зарубежья этот аспект находится в зоне пристального внимания исследователей. Представленный обзор проблематики научных исследований – актуальных, востребованных, перспективных, – посвященных русскому пространству в ареале ближнего зарубежья, основан на доскональном знакомстве с литературой и диссертационным фондом по данной тематике и на материалах собственного исследования, изложенных в отдельных главах монографии «Русская языковая личность ближнего зарубежья». Большой интерес науки к синхронному и диахронному его описанию только еще раз доказывает, что феномен ближнего русского зарубежья «является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса» (Пивовар, 2008). Именно это и находится в поле зрения сектора «Этнология русских», в котором уже осуществлено немало интересных и важных исследовательских проектов, и, самое главное, существует насущная необходимость в продолжении комплексных научных изысканий по изучению русского населения как органичной части многонационального населения Молдовы. Не в последнюю очередь это является важным источником для построения учебного курса «История, культура и традиции русского народа», преподаваемого в начальном и среднем звене образовательной системы, а также для осознания молодым поколением себя среди других и толерантного отношения к многообразию мира.

Литература

- Бутузов А. Г. География русской диаспоры в XX веке: региональный аспект. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2002. 187 с.
- Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). В: Диаспоры, 2003, № 3, с. 6-32.
- Ионова И. А. Эскизы языковой картины мира русских жителей Молдовы. Кишинев, 2014. 371 с.
- Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
- Млечко Т. П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинэу, 2013. 437 с.
- Пивовар Е. И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен: роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
- Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. В: Диаспоры, 2003, № 1, с. 162-184.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЯЗЫКОВ

Белюсов В. Н.

Русский язык в межкультурном взаимодействии: последствия и интерпретации

Функционирование русского языка в иноязычном окружении обуславливает развитие в нем целого ряда характерных устойчивых черт, совокупность которых может приобрести даже статус узальной нормы. В связи с этим стало складываться мнение о формировании неких новых языковых сущностей, имеющих отличия от национального русского языка на фонетическом, грамматическом, семантическом и лексическом уровнях. Однозначной интерпретации и оценки всех этих новаций в русистике пока нет. В ряду наиболее распространенных причин обычно называют либо недостаточное усвоение билингвом норм русского литературного языка, либо влияние на неисконную русскую речь билингва его родного языка, либо первое и второе одновременно.

Возникает вполне резонный вопрос: так как же все-таки относиться к инновациям такого рода? Можно ли считать местные представления о нормах такого русского языка закономерными, а сами эти «нормы» – нормами? Положительный ответ на этот вопрос, по мнению некоторых зарубежных лингвистов, вполне допустим.

Исследование результатов межкультурного взаимодействия, а также анализ и оценка русской речи в иноязычном окружении в аспекте становления и эволюции норм русского языка в полиэтническом социуме по традиционным исследовательским моделям показали, что в самой процедуре анализа не учитываются некоторые важные аспекты. Так, выявление интерференции (а именно в этом направлении велись очень активные исследования) практически не способствует лингвистическому описанию неисконной русской речи. Анализируются ошибки, а это в любом варианте описания дает фрагментарные сведения. Попытки же таксономического исследования приводят к контрастивному сопоставлению языков или к выделению так называемых зон потенциальной интерференции.

Проблема системы и нормы в условиях языкового контактирования предстает в новом ракурсе. Особенность речевой практики говорящих на неродном русском языке заключается в том, что речевые погрешности, не препятствующие коммуникации, представляются им вполне

допустимыми. Главным в нормативной оценке становится коммуникативная значимость той или иной языковой единицы, и этим определяется коммуникативная целесообразность нормы. Поэтому классическое определение нормы как совокупности структурных средств, регулярно употребляемых определенным языковым коллективом (то есть совокупность общепринятых традиционных реализаций русского литературного языка), во внимание в данном случае не принимается.

Разумеется, функционирование русского языка в иноязычном окружении обуславливает развитие в нем целого ряда характерных устойчивых черт, совокупность которых может, как отмечалось, приобрести даже статус узальной нормы. Но эти нормы, по крайней мере, в ближайшее время, вряд ли подвергнутся кодификации, поскольку в идеале (пока) сохраняется ориентация на нормы русского литературного языка.

Изменившиеся условия изучения, распространения и сохранения именно русского языка как средства межнационального общения, а не неких языковых образований, квалифицируемых как его национальные, региональные или локальные варианты, заставляют обратиться непосредственно к «первопричине» появления подобных сущностей.

Неверно усматривать в нормализации языка, функционирующего в иноязычном окружении, только простой эффект артефакта: норма – это основа языка. Любые попытки подвергнуть сомнению необходимость теоретического осмысления процесса становления и изменения нормы языка-макропосредника должны рассматриваться как противопоставление теории языка практике его реального использования.

Следует уделять самое серьезное внимание динамическому аспекту нормы, то есть вариативности, развитию и изменчивости нормы, ее функционально-стилевой дифференциации, а также демографической и социальной обусловленности. Интенсивность изменения русского языка, функционирующего в иноязычном окружении, появление разного рода инноваций на практически всех уровнях языка актуализирует необходимость в разработке теоретических положений становления норм русского языка в полиэтническом социуме.

Ответ на вопрос о нормативном статусе разного рода инноваций в русском языке как неродном не прост. Конечно, все подобные явления можно квалифицировать как речевые и объявить их «вне закона». Ведь эффективно функционировать в межнациональном общении любой язык может только при поддержании его в надлежащем состоянии, сохранении и приумножении всего того, что в совокупности было лингвистическим фактором выживания и становления того или иного языка в качестве межнационального.

Разработка теоретических положений становления норм русского языка, функционирующего в качестве родного и в качестве средства межнационального общения в иноязычном окружении, предполагает динамический и системный подход к складывающимся нормам, их выявлению, научному описанию и анализу.

Устойчивые и объективные представления о русском языке в иноязычном окружении можно получить, анализируя ассоциативно-вербальную сеть билингва. В этой сети закрепляются наиболее общие семантические и грамматические единицы, то есть осуществляется отбор наиболее типичных и стандартных лексем, значений, словоформ, синтаксисом и пр., которые соответствуют нормам русского языка и облегчают включение отобранных единиц в речь. При этом, в зависимости от субъективных факторов, диапазон вариативности может быть весьма различным, проявляясь, в частности, в особенностях реализации именных падежных и глагольных парадигм, предпочтениях семантического и синтаксического согласования, преобладании аналитического либо синтетического способа выражения.

Таким образом, с одной стороны, в норме заключены объективные свойства эволюционирующего языка, а с другой – общественные вкусовые оценки. Именно это сочетание в норме объективного и субъективного создает в некоторой степени противоречивый характер нормы: очевидная распространенность и всеупотребительность языкового знака отнюдь не всегда получает одобрение со стороны кодификаторов нормы. Объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков, так как наличие вариантности предполагается самой эволюцией языка.

Конечно, нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что подобные инновации решают поставленную коммуникативную задачу. Но коммуникативная целесообразность при всей ее значимости едва ли может быть главным теоретическим основанием для изменения норм в языковой практике. Ведь норма существует в пределах языковой структуры, а целесообразность может находиться далеко за пределами произносительных, морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических норм. Результатом такого противопоставления становится конфликт нормы и узуса.

Все возражения относительно признания специфики русской речи носителей других языков (поскольку все указанные особенности присутствуют и в русском языке) не учитывают того, что в русском языке весь список представляет нормальные, естественные языковые явления, существующие наряду с другими возможностями системы. В исследуемой же речевой стихии русского языка в иноязычном окружении эти особен-

ности практически неизбежны и не имеют других вариантов, отвечающих нормам русского литературного языка.

Поэтому настало время выработки своеобразной дорожной карты изучения норм русского языка во «внешнем контексте».

Открывается огромное поле для исследователей. Лингвистам, исследующим теоретические проблемы сохранения и изменения норм русского языка в полиэтническом социуме, необходимо выявить отличия от общепринятого литературного стандарта русского языка на всех уровнях языка: 1) фонетическом; 2) лексическом; 3) грамматическом; 4) стилистической системы. В условиях взаимодействия и взаимовлияния контактирующих языков понятия как нормы, так и отступлений от нее иные, чем в русском языке в среде исконных носителей и на территории исконного распространения.

И самое главное: мы сможем говорить о сформировавшихся нормах русского языка, функционирующего в иноязычном окружении, только в том случае, если эти нормы будут закреплены и тем самым легитимизированы в соответствующих словарях и грамматиках.

Необходимо определить предельно допустимые уровни специфических черт, позволяющих квалифицировать рассматриваемое средство общения представителей разных этносов именно как русский язык, а не как некий национальный (локальный, региональный) вариант русского языка. Беспорядочное размывание орфоэпических, лексических, грамматических и иных норм русского языка неизбежно приведет к утрате русским языком функции средства международного и межнационального общения.

Лащенко Л. А.

Роль общественных организаций в сохранении духовного и историко-культурного наследия русских в Молдове

Сектор «Этнология русских» Центра этнологии АНМ, существовавший в разные времена под разными наименованиями, – практически ровесник нашей организации, Русской общины Республики Молдова. Это весьма символично. Развитие деятельности общины было в значительной степени возможным благодаря существованию научного подразделения, в котором изучается история, язык и культура русского населения Молдовы. Думаю, что будет справедливым отметить, что и развитие в целом такой академической структуры, как Институт национальных меньшинств (впоследствии Институт межэтнических исследований, а

сегодня – Центр этнологии в рамках Института культурного наследия), было во многом успешным благодаря тому, что стали появляться многочисленные организации этнокультурного направления.

С течением времени сама жизнь показывала, что надо было очень грамотно строить работу таких организаций, не замыкаться только на проблеме, скажем, русского языка, русской культуры, русских традиций. Дело следовало повести так, чтобы русская культура и традиции вплетались в общенациональную культуру республики, чтобы они не просто становились заметными, а обретали определенное влияние. И именно научная составляющая этому способствовала. Думаю, что сотрудники сектора изучения истории, языка и культуры русского населения Молдовы помнят мои многочисленные звонки ко многим из них, их встречи с активом Русской общины, совместные мероприятия. Все это помогало нам на разных этапах не допускать ошибок, которые могли бы привести к такому моменту, что все мы оказались бы в вакууме.

Наверное, в существенной мере этому способствовало и то, что в составе Русской общины с самого начала были люди разных национальностей, которым дорога русская культура, русские традиции и русский язык. Это помогало нам в различные периоды грамотно выстраивать свои взаимоотношения с властью предрешающими, которые в зависимости от их политических убеждений, пристрастий то ли сужали наши возможности в развитии, то ли способствовали нашему развитию. Это имеется в виду, когда мы говорим об образовании, об издании книг, об участии русского компонента в различных сферах культурной жизни общества (концертные программы, фестивали и т. д.). И в этом плане я, в том числе, с благодарностью отдаю должное такой структуре, как сектор «Этнология русских», действующий в рамках Института культурного наследия АНМ.

Мне бы хотелось подчеркнуть еще один момент. Можно привести множество примеров, когда представители вашего сектора принимали участие в наших научных конференциях. Например, когда было 10-летие нашей общины, и мы отмечали этот юбилей, были и выступления сотрудников вашего подразделения, которое тогда еще называлось сектором изучения истории, языка и культуры русского населения Республики Молдова. Кроме того, проводились многочисленные презентации книг ваших ученых – И. А. Анцупова «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья» (1996), «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000); Л. Е. Репиды «Население Молдовы в интеграционных процессах (40–50-е гг. XX в.)» (2000), «Суверенная Молдова. История и современность» (2008); Т. П. Млечко «Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова» (1999); Л. В. Шориной «Мир глазами театра. История Государственного рус-

ского драматического театра им. А. П. Чехова» (2001); А. Ю. Скворцовой «Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре (1918–1940)» (2002); Н. В. Забуновой «Русское население городов Бессарабии XIX в.» (2006) и мн. др. Мы неизменно принимали участие в этих мероприятиях, оказывали содействие. С другой стороны, мы не без помощи сотрудников указанного сектора издали книгу, посвященную 15-летию Русской общины Республики Молдова. Мы вместе готовились отметить и 20-летие нашей организации. И всегда сотрудники сектора (они, как правило, активно участвуют в жизни общины) вносят свой вклад в проведение многих наших мероприятий. Это и Дни славянской письменности и культуры, это и этнокультурные фестивали, это и Славянские чтения, это и многочисленные презентации книг.

Хочется поблагодарить также за участие в проекте «Русские имена в Молдове», который был реализован при поддержке фонда «Русский мир». Среди статей, которые опубликованы о выдающихся людях, живших в Молдове, немало было и тех, которые связаны с деятельностью сектора «Этнология русских». Кроме того, многие статьи были написаны благодаря тому, что у исследователей сектора накоплен большой материал касательно этой темы.

Вообще следует подчеркнуть, что издание книг является очень важным делом. Ведь книга остается на века, и когда наши потомки будут читать ту или иную книгу, они будут находить там интересную для себя информацию, в том числе и о вкладе сотрудников сектора в такое благородное дело, как книгоиздательство.

Слова особой благодарности хочется выразить тем сотрудникам сектора, которые активно печатают материалы своих исследований на страницах газеты «Русское слово» (которая, считаю, является главной для нашей общины), – Н. В. Забуновой, О. В. Горянской, О. А. Гарусовой и др.

Среди русских общественных организаций, как, собственно, среди организаций других этнических сообществ, проживающих в Молдове, выработалась своя «специализация». Ряд организаций занимается образовательной деятельностью, другие больший упор делают на развитие культуры, есть структуры, как, например, Ассоциация русских писателей, возглавляемая Олесей Рудягиной, это наша гордость, – развивают писательское направление. Не хочу сказать, что наши русские организации идут впереди планеты всей, но делается немало.

Таким образом, когда мы говорим о видах деятельности русских и других этнокультурных организаций, встает необходимость рассмотрения таких аспектов, как, с одной стороны, особенности их «специализации», а с другой – реальное использование возможностей взаимодействия.

Погорелая Е. А.

Нравственные ценности русского мира в межкультурной парадигме европейской толерантности

Проблема защиты и сохранения культурного наследия, вобравшего в себя общечеловеческие ценности, – это проблема глобального характера. Исторический опыт поколений по определению воплощается в культурных ценностях, восприятие и осознание которых формирует духовный мир личности, способствуя не только ее интеллектуальному, но и нравственному становлению. Границы духовности определяются, с одной стороны, толерантностью общества к восприятию мировых культурных ценностей, а с другой, способностью отдельной личности к их конкретному нравственному использованию в контексте перманентно обновляющейся социокультурной ситуации. Именно уровень культуры отражает степень духовного здоровья общества, так как он не только программирует общий вектор его развития, но и структурирует аксиологическую ось координат отдельной личности. Звенья эстафеты поколений сохраняют свою прочность лишь в той степени, в какой личные потребности, склонности, способности и нравственные правила поддерживают стабильность культурно-исторических традиций, нравов, обычаев, в рамках которых только и становится возможным полноценное самовыражение личности, всегда готовой к самосовершенствованию в новых условиях функционирования общества. В этом и заключается взаимозависимость общечеловеческой, национальной культуры и культуры отдельной личности, где каждый из элементов в их органичной взаимосвязи сохраняет устойчивость сложившихся веками системных связей.

В условиях глобализации современной межкультурной парадигмы нравственные ценности являются ядром сохранения самобытной национальной культуры, обеспечивающим ее эффективное развитие в различных формах духовного проявления. Система жизненных ценностей личности формируется как отражение идеалов, стремление к которым превращается для нее в миссию. Такие морально-нравственные основы создают своеобразное энергетическое поле, единство которого и обеспечивает высокий уровень духовности общества, что особенно заметно проявляется в кризисных или конфликтных ситуациях. Энергетика высоких идеалов оказывается настолько мощной, что нередко не теряет своего воздействия на личность столетиями и даже тысячелетиями. Старейший свод таких ценностей содержится уже в десяти библейских заповедях, которые сохраняют свою актуальность, несмотря на истори-

ческие катаклизмы мирового масштаба. Модернизируясь, но не теряя своей морально-нравственной привлекательности, они проявляют свою сущность в представлениях, отраженных в идентификационном дискурсе личности.

Эволюция духа – души, сердца и разума – отражает трансформацию личных ценностей, согласованных с ценностями этноса и, шире, всего человечества, цельность и единство которого только и проявляются в многообразии форм эволюционного развития мира. Идеалы той или иной цивилизации – это духовный камертон, который настраивает вектор творческого самосовершенствования личности в процессе преобразования мира в себе и себя в мире.

Национально-цивилизационный дух, отраженный в символике жизненных ценностей, идеалов и устремлений российского сообщества, сохраняется сегодня и в рамках русского мира как трансграничного единства соотечественников, объединенных маркерами русской ментальности, русской культуры, русского языка. Знаки и символы, отражающие архетип российской (евразийской) цивилизации, по данным исследований, проводимых Институтом ЕврАзЭС, могут быть представлены с помощью восьми понятий, объединяющих максимально полный смысловой набор ценностей российского суперэтноса: в сфере духа – святость; в сфере нравственности – совесть; в сфере культуры – самобытность; в сфере экономики – созидательность; в сфере политики – солидарность; в социально-правовой сфере – справедливость; в сфере отношения к личности – свобода; во взаимодействии с внешним миром – самостоятельность. Каждая из данных сущностей в форме тех или иных ключевых идеологем по-разному проявлялась в определенный период развития российской истории. Так, если в Древней Руси национальную идентичность русского народа поддерживала *вера* как доминанта высоты человеческого духа, то в Российской империи появляется новая духовная скрепа – державность, которая медленно и трудно, но все-таки и сегодня прирастает новой философией жизни, где начинают обретать свое весомое значение такие концепты, как *солидарность*, *достоинство* и *справедливость*. И это не абстрактные понятия, не умозрительные изыскания ученых-исследователей, это заложенные в человеческую природу универсальные нормы морали – ценности, без которых нельзя себе представить единство русского мира. Соборность, солидарность, согласие как духовные скрепы его единства подвергаются сегодня таким серьезным испытаниям, которые могут привести русский мир постсоветского пространства в состояние не только конфликта, но полного хаоса и последующей деградации. Современные попытки разрушить границы между добром и злом в соответствии с сиюминутными политическими,

социокультурными, идеологическими или экономическими интересами определенных групп в обществе или отдельных государств в европейском и, шире, мировом масштабе, стремление ввести *категорию относительности в систему фундаментальных ценностей*, выработанных в истории человечества, безусловно, обернется разрушением основ самого нравственного начала, без которого немислимо самосохранение как отдельной личности, так и всего русского мира.

Как известно, именно та исторически сложившаяся структура бытия, краеугольными основаниями которого выступают православие, соборность, самодержавие и народность, отраженные в православной этике, церковном зодчестве и живописи, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины как особого духовно-нравственного мира добротолубия, не только предопределила и сформировала специфику менталитета русского народа, но и помогла ему создать государство, гармонично объединившее другие этносы, развить великую языковую культуру, искусство и литературу, ставшие неотъемлемой частью духовного богатства всего человечества. Самобытные духовно-нравственные ориентиры и ценности драгоценного сосуда русскости, архетипы которой сохраняются на генетическом уровне в глубинах национального сознания не только российского сообщества, но и всего русского мира, пытаются также подвергнуть новому испытанию идеологи постмодернизма современного западного мира, гипертрофированно мобилизуя одни и нивелируя другие этнокультурные маркеры личности.

Под влиянием тенденций гипертрофированной толерантности западного образа жизни из аксиологической шкалы личности сегодня активно исключаются прежде всего те ценности, которые всегда выступали фундаментом истинной духовности в обществе. Этому разрушительному мощному напору псевдоценностей только и можно противопоставить такой культурный контент, в котором механизмы обновления и модернизации признаются целесообразными лишь в той степени, в какой они соответствуют естественным представлениям личности о своей самобытности в контексте сохранения системы базовых ценностей своего народа.

Русский язык с уверенностью можно отнести к такому же сакральному пространству не только для российского суперэтноса, но и представителей русского мира, как библейские нравственные постулаты для всего христианского мира. Только при такой трактовке сакрального характера русского языка и становится понятной его магическая природа, его глубинная сущность. Если отступить от взгляда на язык только как на вербальную формулу выражения мысли и расценивать его как историческую категорию, духовно связывающую звенья эволюционной цепи,

то следует однозначно признать его отражением сакральности мира, которая, как правило, закрыта бесконечной сущностью наших физических действий в рамках материально выраженных проявлений.

Действительно, обладая энергией, способной менять пространство вокруг нас и нас самих в этом суггестивно сконцентрированном круге, слова способны вызывать к жизни такую архетипическую энергию бессознательного, которая напрямую не только меняет структуру окружающего человека мира, но и человеческую душу, подключая ее к каналам тонких проявлений духовности мира. Слово не только магично, оно мистично, оно способно вызывать такие вибрации внешнего мира, которые превращают звуки в мыслеобразы, меняющие не только физическое поведение людей, но и духовную их организацию. Мощная глубинная сила библейского выражения «в начале было Слово» не только отразила процесс созидания из пустоты мира, обретшего материально выраженные черты, но и изменила информационное пространство этого мира. Образность языка, его энергетическая наполненность, созидательная магическая сила, символичность и сакральность способны сформировать такой образ мысли, который трансформирует сознание, подключает его к энергетическим каналам сверхсознательного и идеального, позволяя ощущать ответные вибрации безграничного космоса. В этой цепочке соединений нет случайных звеньев: так, сакральная энергия символа формирует *атманические идеалы*; энергия образа, стоящего за словом, образует *будхиальные ценности*; речевая фоносемантика влечет за собой физические (каузальные) и ментально-рассудочные движения как энергию ума, воплощенного в действии, в деле. Кроме того, если в рамках шкалы данной цепочки ощутить энергию чувств и эмоций, подтверждающих артикуляцию физического тела жестами, а его матрицу увидеть в жизненной силе, устойчивости и исторической сохранности языка, то в цепочке звук – символ – образ – мыслеобраз – разум – чувство – тело можно, на наш взгляд, почувствовать соответствие семи тонких тел человека семикратному энергетическому воздействию языка на мир и мира на человека через его язык. Только понимая, что это не простое механическое скопление энергий, можно ощутить и осознать трансграничное единство русского мира, языковой ритмико-мелодический строй которого стабильно сохраняет стоящие за словом идеалы, ценности и смыслы.

Осипова Н. О.

«Скифский синдром»: поэзия русского зарубежья в поисках национальной идентичности

Применительно к Руси/России феномен кочевых цивилизаций наполняется особым смыслом в силу исторических обстоятельств, формировавших специфику геокультурного развития, связанных с ассимиляцией славянских и кочевых народов и влиявших на характеристику ментальности русского народа, статус его «срединности». Об этом много писали уже в XVIII в., а уже в новейшее время данная тема получила новый виток своего развития в работах В. Ключевского, С. Соловьева (он был первым историком, осветившим проблему странничества в Древней Руси в контексте противопоставления подвижной бродячей Руси и оседло-устойчивого Запада), Н. Бердяева («Философия свободного духа»), И. Ильина («О грядущей России»), Е. Трубецкого («Смысл жизни»), Г. Флоровского, П. Савицкого («Степь и оседлость. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского» и другие работы), П. Бицилли («„Восток” и „Запад” в истории русского света»), Л. Гумилева («Древняя Русь и Великая Степь»).

Не случайно русская литература оказалась отзывчивой к этой теме: «Номадизм, не только как историческая форма быта скифских племен, но и как особое состояние духа, устремленного к неизвестному, пребывающего в вечном движении и странствии, был постоянным компонентом скифской темы» (Бобринская, 1998, 449). Восприятие номадов как народов, **ведущих вольный, кочевой образ жизни, не знающих собственности, не признающих цивилизации**, на русской почве было дополнено особым смыслом странничества, бродяжничества, скитальчества, одиночества, бездомности, а также противопоставлением застывшей оседлой цивилизации как искусственной – цивилизации кочевников-номадов как естественной. В этой связи примечательна сентенция В. Розанова, сравнивающего Карамзина с Пушкиным, который «кое-что убрал из римских черт русской тоги, он пошевелил под нею плечами скифа; он вообще догадался, что мы – скифы. Но, гениальное сердце, он в этом скифе открыл сокровища, которых, пожалуй, не было в Капитолии...» (Розанов, 1995, 120).

Мифологическое звучание скифских мотивов усилилось в связи с распространенным после войны 1812 г. сравнением России со Скифией, рожденным на фоне знаменитой метафоры «скифской войны» (Наполеон, как об этом пишут историки, ссылаясь на записки наполеоновских генералов, при виде пожара Москвы воскликнул: «Эти русские... Они же

варвары, скифы!». А уже с середины XIX в. скифская тема приобретает концептуальный характер, став центром дискуссий западников и славянофилов. В поэме А. Майкова «Две судьбы» (1844) мы встречаем примечательный диалог, который носит характер идейно-философского спора, отсылающего читателя к славянофило-западническим спорам и концепции почвенничества: «Да, мы скифы. Много в нас/ Есть, точно, скифских свойств» (Майков, 1984).

В той или иной степени, в том или ином звучании мотив «русского скифства» стал если не доминантным, то, во всяком случае, во многом определяющим историософский смысл многих произведений русской классики, их «азиафильство». У того же Достоевского он объясняет природу Карамазовых, Рогожина, Настасьи Филипповны, Раскольникова, что нашло отражение и в публицистике писателя. Так, в одной из своих дневниковых записей («Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?») писатель выразился вполне в духе тенденции: «...Русский человек не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» (Достоевский, 1995, 504).

Именно классика перевела мифологию номадизма на уровень художественно-философской рефлексии и культурного текста, наделила ее мощным знакообразующим потенциалом, дав ей новую жизнь в культуре Серебряного века. На рубеже XIX–XX вв. номадический элемент получил наиболее яркое и последовательное воплощение (и об этом уже достаточно много писалось в связи с отдельными авторами и произведениями – см., напр.: Мароши, 2003, 48–54) в разных векторах своего проявления: это и «панмонголизм» Вл. Соловьева с его звучанием идеи восточной опасности, исторического возмездия Европе, и ницшеански подсвеченная концепция «благородного варварства», и цыганская тема, «влившаяся» в скифскую в ее дионисийском обрамлении, и поиски «азиатского» следа в идее большевизма у Н. Бердяева («Русский большевизм и максимализм есть порождение азиатской души, отвращающейся от западных путей культурного развития и культурного творчества» – см.: Бердяев, 1917). Художественно-поэтическая рефлексия номадического мифа о России-Скифии связана с именами А. Блока, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Белого, Вяч. Иванова, В. Хлебникова, С. Есенина и др. Формируясь одновременно в пространстве утопического и эсхатологического векторов русского культурного сознания, органично вписываясь в стихию исторического перелома эпохи рубежа XIX–XX вв., охватившего все сферы культуры, номадическая тема, разделившись на две ветви, образовала два вектора художественно-философской и идеологической парадигмы – культуры эмиграции и культуры метрополии

(где она отчетливо звучала в советском искусстве 1920–1930-х гг.). Особое место в этом процессе принадлежало литературной группе «Скифы».

Эмиграция обострила вопрос о месте России в цивилизационном пространстве, проблему исторической памяти, спроецировав их на мифологию номада (скифа–цыгана–казака) как наиболее полно выражавшую национально-историческую идентичность. При этом в литературе эмиграции идея «духовного скифства» получила развитие в амбивалентном звучании, выражая, во-первых, бунтарство и стихию в ментальном значении, а во-вторых – онтологию изгнанничества и бездомья. Путь и судьба эмигранта – это путь русского бродяги-кочевника, скитальца, сосланного на «обочину истории» (не случайно в представлении И. Бродского поэт всегда «кочевник мира»). С одной стороны, такое представление конституировало культурно-историческую связь с Россией, с другой – отражало геокультурный статус эмигранта (отсутствие гражданства, юридическое бесправие, безработица и т. д.). В то же время такая судьба воспринималась и как своеобразный знак судьбы и высших сил, что обусловило вписанность «номадического» вектора эмигрантской культуры в идею мессианства: одновременно и в «изгнании», и «в послании». Потерю своего пространства эмиграция воспринимала как странничество, которое во многом ассоциировалось с божьим промыслом (Б. Волков, «Кочевье», 1929).

В обоих вариантах, в частности, речь может идти не только о евразийских изданиях, включающих соответствующий литературный раздел, или о «Свободном Литературном Объединении „Кочевье”» (1928–1939), близком «Воле России» (рук. М. Слоним), где обсуждались произведения В. Андреева, В. Варшавского, Б. Поплавского, Г. Газданова, Ю. Фельзена, а также советских писателей, но и об особом мотивно-семантическом комплексе эмигрантской литературы, где символика номадизма занимала не последнее место, в особенности в художественной репрезентации темы «Восток–Запад». В то же время обозначенные мотивные сферы зачастую переплетались в лирике, будучи объединенными общими концептами (бездомья, скитаний, поисками национально-культурной идентичности, исторической памяти, свободы). Тесно связанная с осмыслением своего места в пространстве Запада, эмиграция актуализировала мотив изгнанничества, мучительного блуждания и отверженности.

Между тем, необходимо подчеркнуть следующее: продолжая, на первый взгляд, разработку скифского текста Серебряного века, поэты эмиграции внесли в нее ряд важных художественно-смысловых корректив: варварский, разрушительный контекст отходит в смысловое «поле» революционного и постреволюционного, так называемого «нового» варварства, варварства тех, кто вверг Россию в пожар истории («русский бунт,

бессмысленный и беспощадный»), а на первый план выходит традиция, близкая как раз русской классике – рефлексия номадизма как духовного пути, как онтологического одиночества, как зоны маргинальности, непринадлежности ни к Западу, ни к России, как попытки возвращения к исторической памяти, как опыта художественного анамнезиса, объясняющего многое в русской «кочевой» натуре.

Приведенная выше бердяевская мысль об «азиатском лице» большевика устойчива не только в историко-публицистическом, но и поэтическом дискурсе эмигрантской литературы (Ю. Трубецкой, А. Несмелов, О. Скопиченко).

В то же время один из мифологических конструктов – представление о мессианской роли русской эмиграции – рождал в сознании исторические ассоциации, связанные с кочевой культурой Руси. И в художественном пространстве этой идеи поэзия эмиграции вступала в творческий диалог с русской классикой и Серебряным веком.

В обозначенном контексте метафора дикости как природности и одновременно уязвимости сочетается с уязвимостью и незащищенностью номада – оксюморон, который связан с художественно-философскими открытиями классики в развитии этой темы. Именно эта метафора в свое время получила художественное воплощение у А. Блока в образе «тяжелой нежности» в «Скифах» («Виновы ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?»).

В поэтической системе эмигрантской лирики метафора скифства выражала еще и особую пассионарность поэтического дара в его стремлении к неограниченной свободе и творческому экстазу. В этом своем преломлении эмигрантская поэзия продолжила традицию Серебряного века, в том числе и в освоении «скифского мифа» авангарда, провозглашавшего очистительную силу творчества («Скифские» М. Цветаевой).

Образ блоковской «степной кобылицы», отмеченный П. Сувчинским в качестве символа русской культуры, пронизывает художественное пространство эмигрантской лирики, вовлекая в свою сферу мотивы степи, вихря-ветра, степных пожаров, вписываясь и в устойчивый ассоциативный ряд «Русь–Россия–сестра–жена» (Е. Бакунина).

Примечательно, что и поздняя эмигрантская поэзия сохраняет приверженность «скифской» тематике (Б. Филиппов, Н. Евсеев, Дм. Кленовский, Н. Туроверов и др.). Нужно отметить, что, как показывают наблюдения, определенное влияние на поэтическую рефлексию скифской темы оказала Вторая мировая война, что дало повод вспомнить и о «скифской войне», и о «скифском» компоненте русской культуры.

В наши дни, на фоне политических процессов, происходящих в мире, вновь актуализируется русский миф о скифско-варварском начале рус-

ской цивилизации. Поэты, представляющие сегодняшнюю поэзию русского зарубежья, внесли ряд важных художественно-смысловых корректив в разработку мотива «русского скифства»: с одной стороны, он возвращается к близкой русской классике рефлексии номадизма как духовного пути, как опыта художественного анамнезиса, объясняющего многое в русской «кочевой» натуре (В. Бетаки, В. Амурский), с другой – приобретает иронический смысл, что в большей степени демонстрирует проза (В. Загреба).

Литература

Бердяев Н. Интернационал и единство человечества. В: Русская свобода, 1917, 22 апр. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_internac/ (дата обращения – 12.11.2015).

Бобринская Е. Скифство в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов. В: Искусствознание, 1998, № 1.

Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? / Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 14. СПб., 1995.

Майков А. М. Две судьбы. Быль / Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1984. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/majkow_a_n/text_17.shtml (дата обращения – 4.08.2015).

Мароши В. В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века. В: Вестник ТГПУ. Вып. 1(33). 2003.

Розанов В. В. Гоголь / О писателях и писательстве. М., 1995.

Думиника И. И.

Русские и Россия в восприятии болгарского офицера в Бессарабии в 1918 г.

В период конца весны – начала лета (май–июнь) 1918 г. Южную Бессарабию посещает болгарский офицер Константин Соларов¹. Здесь он ведет путевые заметки, которые в августе того же года были изданы в Софии под названием «Пътни бележки. Разновидни впечатления из Бессарабия» («Путевые заметки. Разнообразные впечатления в Бессарабии») (К. С., 1918)².

На юге Бессарабии К. Соларову довелось встретиться с представителями различных этносов, главным образом с болгарскими и русскими. Так, например, в Рени он познакомился с комендантом города. Это был русский офицер в звании майора. С ним у болгарина состоялась обстоятельная беседа. Из разговора мы узнаем о настроениях, бытовавших тогда в рядах русского командования. Военные не признавали подпи-

сание Советской Россией Брест-Литовского мирного договора (3 марта 1918 г.), который ознаменовал поражение и выход их страны из войны. Собеседник убеждал своего болгарского коллегу, что, если бы не революция, Россия выиграла бы войну с Германией.

Отдельное место в «Путевых заметках» болгарского офицера занимают размышления об «идее славянства», то есть о панславизме, который представлялся сторонниками данного течения как единство славянской общности и взаимности. По утверждению К. Соларова, эта тема являлась самой сентиментальной для русских: «...По старому обычаю они всегда говорят о ней, и даже когда заказывают еду и питье, когда встают и ложатся...» (К. С., 1918, 29).

Болгарский офицер также пытается дать характеристику сущности русских. Так, он замечает интересную особенность русского человека, который, по его мнению, и после революции остался все таким же сентиментальным и в известной степени религия остается у него оберегом: «...И сегодня еще каждый русский, когда пройдет рядом с церковью, крестится и снимает шляпу, а когда говорит о „Славянстве“, плачет и рыдает». Этот пример убедительно показан в эпизоде с приобретением в Болграде «Революционного календаря за 1918 г.», где среди изображений различных революционных сюжетов, была отпечатана икона «Св. Георгия Победоносца». Вообще Соларов во время своего путешествия по Южной Бессарабии часто рассуждает о русской душе. Он видит в этом народе больших стратегов. Так, например, в Российской империи на железной дороге рельсы более широкие, поскольку русские тем самым рассчитывали, что враг при нападении не воспользуется их инфраструктурой. По мнению болгарина, на русского человека повлияло то, что он жил в огромной империи, поэтому «в его кругозоре и мысли часто с удовлетворением употреблялось слово „большой“». В «Путевых записках» проявляется и негативное отношение К. Соларова к империи, о чем свидетельствуют следующие его слова: «...Не все, что большое, хорошее и здоровое, оно может быть в некоторых случаях плохим и гнилым». Далее он добавляет: «...Российская империя при царях была страшной империалистической державой» (К. С., 1918, 31, 64). Наравне с царским режимом Соларову не были по душе и большевики, которых он встретил в Рени. Он сравнивает их со средневековыми рыцарями, которые в отличие от Дон Кихота и Дульсинеи, любивших и защищавших угнетенных, были «...лучшими друзьями Карла Маркса, у которых культом было все материальное, и только его они ищут и находят с мечом, огнем и отравой» (К. С., 1918, 25).

В общении с русскими собеседниками болгарскому офицеру приходилось часто отвечать на вопрос об участии Болгарского царства в Первой

мировой войне против Российской империи. Ему внушалось, что болгары должны быть признательны России за освобождение от османского владычества. На это К. Соларов отвечал, что его страна защищала свои национальные интересы (К. С., 1918, 28). Интересны слова, высказанные им русскому подполковнику в Измаиле. Основным аргументом болгарина сводился к тому, что Россия имела цель захватить Царьград, что можно было сделать самым кратким путем через Болгарию. После захвата этого города его нужно было бы охранять и со стороны суши. По данным военных стратегов, для этого необходимо было бы превратить Южную Болгарию до Старой Планины в русскую провинцию (К. С., 1918, 65). На вопрос о том, почему болгары стреляли в русских в годы Первой мировой войны, Соларов привел в качестве примера реальную ситуацию, случившуюся с двумя братьями, один из которых украл у другого солону, вследствие чего обокраденный застрелил своего брата со словами «брат, отец, мать, – никто не имеет право приходить в чужой дом и красть то, что ему не принадлежит» (К. С., 1918, 31, 67). Посредством этой аналогии России ставится в вину поддержка Румынии во Второй Балканской войне (июнь-июль 1913 г.), в результате чего Болгария была вынуждена уступить северной соседке территорию Южной Добруджи.

Отдельное важное место в записках Соларова занимает Болград, административный и культурный центр болгар Бессарабии. Отмечается хорошее отношение к русским со стороны живущих здесь болгар. Он видит их ностальгию по старому царскому режиму. Это Соларов заметил во взглядах местных жителей, которые, по причине сходства болгарской военной формы с русской, смотрели на него как на военного офицера царской армии. Соларов не принимает такую наивность и обвиняет в этом старый царский режим, который «держал болгар вдалеке от какой-либо культуры и оставил их наивными, чтобы они ему полностью были подчиненными» (К. С., 1918, 43).

Проследил К. Соларов и мнение жителей относительно вопроса вхождения Бессарабии в состав Румынии. По сведениям автора, собеседники в основном негативно отзывались об этом. Более того, в Измаиле (где живет много русских и болгар) некий русский, «который хорошо знал, как произошло присоединение Бессарабии», сообщил ему, что якобы руководители Сфагул Цэрий сами обратились к румынскому правительству с предложением о готовности провозгласить присоединение, взамен на крупную денежную сумму. Соларов, опираясь на софийскую прессу, уточняет, что якобы сумма была равна 6 млн. леев (К. С., 1918, 50-51). Опираясь на собственные наблюдения, болгарский офицер пытается сделать выводы относительно увиденного. По его мнению, сами же румынские офицеры были недовольны происходящим. В разговорах

с ним они объясняли это тем, что население было негативно настроено к новой власти. Здесь было трудно ввести румынский язык, «поэтому часто слышно, как люди говорили на русском и болгарском языках». Населением не принимались новые реформы, в качестве примера Соларов показал, как искусственное снижение курса лея привело к повышению цен на жизненные припасы в Измаиле, вследствие чего возник конфликт. Под давлением масс местная комендатура была вынуждена отменить ранее изданный декрет (К. С., 1918, 57). О настроениях населения Измаила свидетельствовало и то, что, когда болгарский офицер зашел в один из трактиров, там сразу же начали играть мелодию болгарской песни «Союзники-разбойники!», которую пели болгарские солдаты на фронтах Второй Балканской войны, воюя, в том числе, и на Румынском фронте.

Примечания

¹ Константин Соларов родился 21 мая 1870 г. в Тырново. В родном городе окончил гимназию (1897 г.), после чего в Софии – военное училище (1901), а в итальянском Турине – военную академию (1910). Начал военную карьеру в качестве подпоручика Лейбгвардейского эскадрона, где дослужился до чина ротмистра (1908). В 1912 г. Соларов уже служил в штабе 6-й пехотной дивизии, а в следующем году в чине майора переведен в штаб 5-й армии, а позднее – в штаб объединенных армий генерала М. Савова. После Межсоюзнической войны с 1913 по 1915 гг. К. Соларов преподает военную историю в военном училище. В период Первой мировой войны – начальник штаба 3/6 пехотной бригады. А с мая 1916 г. он уже служит в штабе конной дивизии бессарабского болгарина генерала Ивана Колева, которая участвовала в боевых действиях в Южной Добрудже против Румынии. Летом 1917 г. Соларов стал начальником 1-й конной дивизии. После войны Константин Соларов работает в различных ведомствах: в чине подполковника служит в 6-м конном полку (1919–1920), помощником начальника канцелярии военного министерства Болгарии (1920–1922), командиром 5-й пехотной Дунайской дивизии (1922) и начальником 3-й (1923) и 1-й (1931–1934) инспекционных областей. Дослужился до чина генерала пехоты (16 мая 1934 г.). В тот же день подал в отставку и ушел в запас. Занимается литературной деятельностью, пишет работы по военной психологии, социологии, истории и стратегии. Становится членом Союза ученых и писателей. Ушел из жизни 16 августа 1959 г. в Софии (Недов, 1993, 168).

² Ранее нами была опубликована специальная статья, освещающая обстоятельства написания «Путевых заметок». Там же представлен полный текст бессарабских наблюдений К. Соларова (Думиника, 2016, 240-266).

Литература

Думиника И. Неизвестни пътни бележки на един български офицер в Бессарабия през 1918 г. В: *Relațiile moldo-bulgare: istorie și cultură / Молдовско-*

български връзки: история и култура. Кишинев, 2016, с. 240-266.

К. С. Пътни бележки. Разновидни впечатления из Бесарабия. София, 1918.

Недев С. Командването на българската войска през войните за национално обединение. София, 1993.

Червенков Н. Н.

Вклад России в формирование болгарского ополчения в Кишиневе и Брэиле

Еще в конце 1876 г., при первых приготовлениях России к войне с Турцией, был поднят вопрос о формировании болгарских военных отрядов как составной части Дунайской армии. Во время сербско-турецкой войны 1876 г. Болгарское центральное благотворительное общество (БЦБО) с помощью славянских комитетов в Москве и Петербурге сумело организовать небольшое добровольческое войско. Однако в ожидании войны между Россией и Турцией это общество и его отделения в Румынии приняли необходимые меры к тому, чтобы болгарские добровольцы не рассеивались, а группировались и поддерживались материально до наступления благоприятных условий для создания болгарского войска. В письме БЦБО от 3 ноября 1876 г. отмечалось: «Одним словом, в соответствии с новыми обстоятельствами мы приняли все меры к тому, чтобы организовать здесь, в Румынии, болгарские отряды, которые в случае войны должны принять активное участие в общем деле нашего освобождения». Действительно, одна часть болгарских добровольцев сосредоточилась на румынской территории Бессарабии – в Измаиле, Болграде, Рени и т. д., а другая – на русской, в Комрате и особенно в Кишиневе, где находилось их большинство. Дело в том, что русское правительство специальным постановлением разрешило болгарам, служившим добровольцами в сербских войсках, переходить в пределы империи. Для их содержания правительство и славянские комитеты выделили специальные средства. Усилиями славянских комитетов, Одесского болгарского настоятельства и Кишиневского болгарского общества в Бессарабии был организован сбор одежды, обуви и продовольствия для болгар. В Кишиневе, где добровольцев насчитывалось более 700 человек, они были сосредоточены в центре города, в казармах русской армии. В Одессе около 150 болгар, спасавшихся от репрессий после Апрельского восстания 1876 г., были размещены в военных казармах и обучались воинскому делу. Русский офицер болгарин И. Кишельский написал «Правила для выходцев из Европейской Турции, помещенных в казармах Одессы» и «Руководство для

успешного дела с турками», которые в основном воспроизводили воинский устав русской армии.

Мысль о создании болгарского добровольческого войска в связи с предстоящей русско-турецкой войной была подана русскому командованию некоторыми членами славянских комитетов России. В октябре 1876 г. известный знаток востока и доверенный деятель славянских благотворительных комитетов, отставной генерал-майор Ростислав Фадеев представил в главный штаб русской армии особую записку, озаглавленную: «Болгарское дело в турецкой войне», в которой старался выяснить положение болгар в случае войны с Турцией. В ней генерал решительно высказывался за привлечение к военным действиям болгарских добровольцев через посредство болгарских комитетов. Таких добровольцев предполагалось набрать 15 000 и присоединить к ним 5 000 отпускных русских солдат, а для командования ими собрать всех служивших в России офицеров из болгар. Записка генерала Фадеева была представлена военному министру и доведена до сведения императора Александра II. Решение о войне с Турцией было принято окончательно осенью 1876 г. в Крыму, где находился тогда Александр II. Там же, в присутствии великого князя Николая Николаевича, избранного на должность Главнокомандующего, были обсуждены все предварительные военные меры, в том числе и формирование болгарских дружин. На основе докладной Фадеева военное министерство приняло «Основания для организации болгарского войска», разработанные генералом Н. Н. Обручевым. Они предусматривали создание Болгарского ополчения, которое намечалось использовать не в крупных сражениях, а лишь для охраны населения от разбойничьих набегов, в качестве конвоя, для военно-полицейской службы по охране «спокойствия и порядка» в освобожденных районах, а также для содействия русским войскам в организации разведки и связи с местными жителями. Поэтому формирование ополчения планировалось осуществлять только из пехотных и конных дружин, без артиллерии. Начальником ополчения был назначен генерал Н. Г. Столетов.

В ноябре 1976 г. в Кишинев стали прибывать нижние чины и офицеры. На средства военного министерства Московский славянский комитет изготовил и в декабре стал направлять обмундирование для ополченцев, по форме близкое к болгарской национальной одежде. Оно состояло из меховой шапки с зеленым верхом, черного суконного пиджака и брюк, сапог с высокими голенищами. Вооружение для них хранилось на станции Унгены. Ополченцам было передано оружие, закупленное ранее Московским славянским комитетом и вначале предназначавшееся для вооружения ресско-болгарской бригады в Сербии.

Первые три ополченские дружины были сформированы в Кишиневе, где началось их обучение. Первоначально это велось тайно. Только незадолго до начала войны, 31 марта, на Армянском подворье города открыто был объявлен сбор болгарских добровольцев. Руководитель Кишиневского болгарского общества Иван Иванов, как он впоследствии вспоминал, «объявил, что они поступают уже под командование генерала Н. Столетова как начальника создаваемого болгарского ополчения». Этим закончился первый этап формирования Болгарского ополчения (октябрь 1876 – апрель 1877 гг.), когда военные единицы из болгар создавались неофициально в условиях мирного времени. 12 апреля 1877 г. первые три болгарские дружины участвуют в параде войск на Скаковом поле, недалеко от Кишинева, где был зачитан манифест об объявлении Турции войны. На этом месте в 1966 г. был воздвигнут обелиск болгарским ополченцам.

После объявления войны дружины болгарских добровольцев оставались в Кишиневе, продолжая заниматься военной подготовкой. Через неделю произошло знаменательное для них событие. 17 (29) апреля 1877 г. главнокомандующий издал приказ, в котором болгарская добровольческая часть уже официально именовалась не почетным конвоем, а Болгарским ополчением. Так как времени оставалось мало, добровольцы проходили в Кишиневе усиленную военную подготовку под руководством генерала Столетова. Они вооружались ружьями системы Шаспо со штыками-саблями. У них были патронные сумки из желтой кожи, а также ранцы с необходимыми принадлежностями. Современники отмечали, что ополченцы обучались военному делу с «особым рвением», довольно скоро выучились понимать русский язык.

Спустя несколько дней 53-й пехотный полк, в составе которого находились ополченцы, получил приказ выступить из Кишинева в Плоешты, где находился лагерь дальнейшего формирования ополчения. Сюда для организации сборного лагеря ополченцев был направлен русский офицер болгарин Райчо Николов, который здесь написал первый болгарский военный устав караульной службы – так называемый «Закон болгарских воинов».

И в этот период Кишинев по-прежнему оставался центром по экипировке и вооружению ополченских дружин. Связь с ним не прерывалась ни во время лагерного стояния у Плоешт, ни при продвижении на театр военных действий. «Доношу полковому артиллерийскому управлению, – сообщал полковник Каннабих 11 июня 1877 г., – что 600 карабинов с принадлежностью и 600 шашек для болгарских конных сотен высланы из Кишинева в Плоешты на имя начальника Болгарского ополчения генерал-майора Столетова в 22 закупоренных ящиках».

Из-за большого количества желающих встать в строй части ополчения были переформированы в шесть дружин пятиротного состава, сведенных попарно в три бригады: 1-я и 2-я образовали Западно-Болгарскую бригаду, 3-я и 4-я – Средне-Болгарскую, 5-я и 6-я – Восточно-Болгарскую. Впоследствии они получили цифровое обозначение: 1-я (командир полковник Корсаков), 2-я (флигель-адъютант полковник князь Вяземский) и 3-я (полковник граф Толстой), соответственно. После формирования 6-ти болгарских дружин офицеры, назначенные состоять в них, были, за исключением десятка болгар, русскими военными служащими – более 90 человек. Это начальник ополчения, члены его штаба, командиры дружин и рот, врачи, священники, интенданты и т. д. Обмундирование и снаряжение офицеров было довольно пестрым. Многие офицеры продолжали носить униформу русской армии, единственным знаком принадлежности к ополчению была барашковая шапка, на которой могла носиться российская кокарда. Но даже при болгарской форме носились погоны родных подразделений.

Действительным организатором Болгарского ополчения был его начальник, генерал Столетов, который, по словам И. С. Иванова, дисциплинировал это молодое войско и воспитал его в истинно военном духе. Дело это было далеко не легкое, так как молодые ополченцы «не были втянуты в правильную строевую службу» и не приучены к строгой военной дисциплине. Кроме того, корпус офицеров был далеко не однороден и потому большой сплоченности и единства направления в нем не могло быть: тут находились гвардейцы и армейцы, стрелки и гренадеры, офицеры линейных полков и даже линейных батальонов; в особенности большой процент офицеров был из туркестанских стрелковых батальонов. Как было сказано выше, по плану, выработанному в военном министерстве, Болгарское ополчение предназначалось «для содействия действующей армии к охране спокойствия и порядка в Задунайском крае». Но генерал Столетов, а затем и штаб действующей армии не разделяли такого взгляда на назначение ополчения. По их мнению, оно должно было идти вперед с нашими передовыми отрядами и принимать участие в боях – играть выдающуюся роль в деле освобождения своей родины от турецкого ига. Этот взгляд в конце концов восторжествовал. Но все-таки вначале полевой штаб относился с недоверием к боевым качествам болгар. Опасались, чтобы ополченцами не овладела паника при встрече с турецкими войсками. Вследствие такого взгляда на Болгарское ополчение оно не было включено в состав отряда, предназначенного для переправы через Дунай у Зимницы в виду неприятеля, а шло позади 12-го корпуса. Почти полуторамесячным пребыванием в Плоештах генерал Столетов воспользовался для обучения ополченцев ратному строю и стрельбе. Усилиями русских солдат и офицеров Болгарское ополчение было хорошо обучено и подготовлено для участия

в боевых действиях. Оружие для Болгарского ополчения было закуплено Московским славянским комитетом на пожертвования русского народа.

Окончательно сформированное в июне 1877 г., Болгарское ополчение состояло из 6 дружин по 1 000 чел. в каждой и делилось на 3 бригады, всего было 7 444 солдата, 81 офицер. Несмотря на палящий зной, занятия в ротах и стрельба продолжались почти целый день. Во время пребывания Болгарского ополчения в Плоештах туда прибыл и сформированный для него обоз, который был распределен следующим образом: штабу ополчения – 6 подвод и 12 лошадей, конным сотням – 2 подводы и 4 лошади, 1-й дружине – 14 подвод и 29 лошадей, 2-й дружине – 15 подвод и 30 лошадей, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й – по 14 подвод и 28 лошадей.

В начале мая в Плоешты прибыли великий князь Николай Николаевич-старший и делегаты города Самары, чтобы вручить ополченцам знамя, вышитое на берегах Волги. Идея вручить знамя восставшим против турок славянам родилась в 1875 г. Активное участие в создании этого знамени принял член городской управы Петр Владимирович Алабин и его жена Варвара Васильевна, которая руководила Самарским женским комитетом Красного Креста. Эскиз этого не совсем обычного подарка выполнил художник Николай Евстафьевич Симаков. П. В. Алабин предпринял ряд акций по организации материальной помощи и морально-политической поддержки болгарскому народу, боровшемуся за свержение турецкого ига.

Знамя состояло из трехцветного полотнища – белого, алого и синего цветов, с черным крестом посередине. В середине креста – образ Иверской Божией Матери, а с другой стороны знамени – изображение святых Кирилла и Мефодия – болгарских, славянских просветителей. На алой ленте – щит с надписью золотыми буквами: «Болгарскому народу». Древяно – черное, с позолоченной скобою, на которой написано: «Болгарскому народу, город Самара, 1876 г.». Вручение знамени было назначено на утро 6 мая. Для передачи был издан особый указ: «Всем дружинам, за исключением караула, построиться в полном составе и при оружии на плацу четвертой дружины, а командиру третьей дружины избрать самого достойного из унтер-офицеров для выполнения почетной обязанности знаменосца». Передавая знамя, П. В. Алабин произносит: «Издалека, через всю русскую землю мы пронесли его для вас как живое свидетельство того, что оно вручается вам не от какого-либо уголка России, а от всей русской земли. Идите же под сенью этого знамени! Пусть оно будет залогом любви к вам России. Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения». Цветко Петков держит ответ: «Пусть же это знамя пройдет из конца в конец по всей земле болгарской, пусть оно вытрет слезы с печальных глаз на-

ших матерей, жен и дочерей, да усташится при его виде злая нечисть поганая, и воцарятся после него мир, покой и благоденствие».

За довольно короткий срок русские офицеры и унтер-офицеры сумели обучить болгарских волонтеров, что позволило начальнику ополчения Н. Г. Столетову добиться включения Болгарского ополчения в Передовой отряд Дунайской армии, воины которого героически сражались при Стара-Загоре, участвовали в обороне Шипки, в походах на Балканы в отряде Радецкого, в атаках Шейновского укрепления лагеря турок. Первое боевое крещение у Ески-Загры добровольцы выдержали с честью, и генерал И. В. Гурко записал в приказе 12 июля 1877 г.: «...В этом деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами. <...> Вы ядро будущей болгарской армии. Пройдут годы, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: „Мы потомки славных защитников Ески-Загры“». После знаменитых боев на Шипке Болгарское ополчение стало получать винтовки системы Крнка. Бок о бок русские и болгары бились с врагами насмерть, являя примеры массового героизма и самопожертвования. Наряду с созданием Болгарского ополчения, в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. создавались народная милиция и вооруженные болгарские отряды при частях русской армии, в основном из жителей освобождаемых населенных пунктов. Они получали от русской армии оружие и обычно действовали в районе своего села или города. Как правило, вооруженными болгарскими отрядами командовали русские офицеры, и они выполняли боевые задачи тех частей русской армии, при которых возникали. Народная милиция несла патрульную службу, охраняла подступы к городам, вела бои с мелкими отрядами турецкой армии. Болгарское ополчение было преобразовано в Земское войско Болгарии, которое формировалось на основе всеобщей повинности с двухгодичным сроком. Со складов действующей армии России ему было отпущено 11 040 ружей Крнка и 2 428 800 патронов к ним.

Литература

Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е гг. XIX в. Отв. ред. Б. Н. Билунов. Кишинев: Штиинца, 1986.

Вълков Г. Българското опълчение. Формиране, бойно използване и историческа съдба. София, 1983.

Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг. СПб., 1904.

Поглубко К. Весна освобождения. 1878–1978. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1978.

Руменин Р. Българското опълчение 1877–1878. Личен състав. По документи на ЦВА – В. Търново. София: Военно издателство, 1978.

Душакова И. С.

**«Под знаком пушкинской лиры»:
как СМИ сохраняют идентичность русских в Молдове**

Этнологические исследования СМИ представляются плодотворными как в контексте развития удаленной этнографии (начиная с классических работ Р. Бенедикт), так и в контексте современной медиатизации мира. На примере газеты «Русское слово» мы проанализировали механизмы, при помощи которых данное издание поддерживает или мобилизует этническую идентичность русского населения страны. Выбор газеты продиктован тем, что она издается стабильно более 20 лет (с 1993 г.), имеет сложившуюся аудиторию, а также с первых номеров позиционирует себя как основной рупор русскоязычного населения Республики Молдова. Это дает нам основания предполагать, что выбранная газета обладает потенциалом для мобилизации и актуализации этнической идентичности своей аудитории.

Данное исследование проведено на основании сплошной выборки номеров, выпущенных в 2013–2015 гг. (всего 131 выпуск газеты). Анализ проводился методами критического дискурс-анализа (выявление узловых точек дискурса и цепочек эквивалентности для них). При этом мы отдаем себе отчет в том, что анализ содержания газеты не позволяет нам делать выводы о том, как содержание повлияло на аудиторию.

Анализ газеты «Русское слово» показал, что основными механизмами такого рода является актуализация таких тематик, как:

Культурная (историческая) память – в издании широко освещена тематика победы в Великой Отечественной войне, память о культурных связях между русским и молдавским народами (пребывание А. С. Пушкина в Молдове, роль Кишинева в подготовке восстания декабристов и др.). Как показал анализ, историческая тематика освещена в двух перспективах: 1) описаны исторические события (более отстраненно и объективно), 2) представлены биографии культурных и исторических деятелей (более персонифицированно).

В целом обе выделенные линии репрезентируют историю от начала молдавской государственности до условного «сегодня», когда на страницах издания приводятся последние новости. Эта линия времени прерывается с начала государственности до конца XVIII в., данный период практически не освещен, но уже с конца XVIII – начала XIX в. плотность освещения исторических событий оказывается гораздо выше, хотя по-прежнему не до конца равномерной. Интересна публикация о наиболее

раннем из освещенных исторических событий – о формировании молдавской государственности. Так, в № 1 за 2015 г. опубликована статья, посвященная празднованию 25 декабря 2014 г. 655-летия молдавской государственности («В Кишиневе отметили 655-летие молдавской государственности»). Указанная статья интересна тем, что отражает наиболее распространенный в данном издании механизм, который используется редакцией для производства связи прошлого с настоящим через описание празднования.

Языковой вопрос – на страницах издания встречаются публикации о роли языка, о вкладе России в сохранение русского языка в Молдове, о важности сохранения родного языка и т. д. Данная тематика демонстрирует наибольший разброс привлекаемых для ее освещения дискурсов, включая экономический и политический. В качестве иллюстрации можно привести результаты анализа частотности употребляемых слов. Обработка данных за 2015 г. показала, что слово «язык» находится на 13 месте (встречается 732 раза) и на 8 месте в 2013 г. (встречается 1 642 раза) при абсолютной частотности порядка 2 000 для слова «мы», находящегося на первом месте в 2013 и 2015 гг.

Менее значимой и частотной, однако стабильной является актуализация этничности через апеллирование к территории (в частности, брендинг городов и регионов России как исторической родины) и духовно-религиозной тематике (православные праздники, публичные выступления Патриарха и др.).

Поддержание этнической идентичности происходит также и посредством активного освещения событий из области культурной жизни Кишинева и Молдовы в целом не столько по релевантности события, сколько по этническому его наполнению.

Все указанные тематики и узловые точки дискурса прорабатывают проведение границ между «своими» и «чужими», для чего чаще всего используется политический (или политизированный) дискурс. При этом языковая тематика объединяет в одну группу всех представителей этнических меньшинств, для которых русский язык является родным, тогда как в целом для газеты эта риторика не свойственна, и можно встретить большое количество упоминаний о культурном многообразии Молдовы, которое обычно вписано в контекст молдавской государственности. И если, например, в российской прессе этнический состав Молдовы, как правило, не отражен (что показывает анализ газет «Известия» и «Новая газета»), то «Русское слово» тесно связывает молдавскую государственность с полиэтничностью страны. Это легко объяснимо различиями самопрезентации и презентации «другого», когда при самопрезентации проводится большее количество различий внутри общности. При этом в

языковом вопросе анализируемая нами газета некоторые различия стирает, выводя на передний план языковую идентичность.

Важно отметить, что в проанализированный период мы встречаемся с уже устоявшимися обозначениями этнических групп и вполне устойчивым маркированием событий, тогда как в первых номерах газеты публиковались тексты, посвященные поиску подходящей терминологии (ср. № 2 за 1993 г., где журналист пытается оспорить понятие «некоренных граждан», апеллируя к тому, что все жители Молдовы – это «родные» граждане, поскольку они платят налоги и какое-то время проживают совместно на территории этой страны, а также № 3 за 1993 г., в котором появляется публикация «Мы – не нацмены? Или нацмены – не мы?», полностью посвященная вопросу о статусе русскоязычного населения).

Если же вернуться к вопросу об объединяющем и разделяющем дискурсах, то уже упомянутый нами механизм «смычки» прошлого с настоящим через освещение праздников и мероприятий, им посвященных, является одним из ведущих при построении не только исторического, но и религиозного, а также посвященного языковому вопросу типов дискурса. Это наглядно демонстрирует большое количество публикаций о проведении различных культурных и/или языковых фестивалей, праздновании как годовщин исторических событий, так и дней рождения выдающихся деятелей культуры, а также православных праздников. Подавляющее большинство освещаемых праздников создают дискурс об объединяющей Россию и Молдову истории. Данная тематика прорабатывается в отношении всего «славянского пространства», актуализирует категорию «Русского мира». Один из наиболее ярких примеров – это празднование Дня славянской письменности и культуры, который, как указано в статье «Четверть века с любовью к славянству» (№ 19 за 2015), зародился в Болгарии, а с 1863 г. начал отмечаться и за ее пределами. В 2013 г. фото с этого празднования было на первой странице номера за 24 мая; данное событие было широко освещено и в следующем, двадцатом номере. Близкой к Дню славянской письменности по риторике является и репрезентация Дня российской духовной культуры в Республике Молдова (см., например, № 36-37 за 2013 г.).

Репрезентирует идею сближения и ряд публикаций, содержащих описание празднования годовщин со дня рождения выдающихся писателей, поэтов, архитекторов и т. д. Самой значимой оказывается фигура А. С. Пушкина, ко дню рождения которого приурочено большое количество ежегодных мероприятий. Кроме того, кишиневский дом-музей Пушкина является площадкой, события на которой регулярно отражаются в «Русском слове». Освещение деятельности этого музея возвращает нас к роли культурных деятелей в жизни Молдовы. Так, газета описывает

выставку, посвященную 220-летию А. С. Грибоедова («Поэт и дипломат», 2015, № 1), 200-летию П. П. Ершова («Сказка – ложь, да в ней намек...»), 2015, № 8), а также выставку, посвященную Байрону («Властитель наших дум», 2013, № 1). Основной «локальной привязкой» к Молдове во всех трех случаях является фигура Пушкина: биографии Байрона и Грибоедова освещаются сквозь призму интереса к ним Пушкина. Здесь соединение прошлого с настоящим эксплуатирует одновременно уже описанный механизм смычки через празднование, а также привязка осуществляется через освещение деятельности ныне существующих общностей, клубов, организаций, занимающихся сохранением и распространением русской культуры и русского языка на территории Республики Молдова. К этому можно добавить и публикации, связанные с годовщиной самого музея, освещающие его историю развития и вклад в сохранение русского культурного наследия в Молдове («Островок России в Молдове», 2013, № 5).

В целом мы можем сделать вывод о том, что репрезентация этничности в газете «Русское слово» выстроена вокруг языковой идентичности и исторической памяти. Обе эти тематики отражены во временной перспективе, что позволяет при помощи описания празднования событий и освещения деятельности ныне существующих организаций связать прошлое с настоящим.

Литература

Газета «Русское слово», архив номеров с 2013 по 2015 г. Режим доступа: <http://www.russlovo.md/> (дата обращения – 15.01.2016).

Иванова Н. В.

Символическое поле русской молодежи Республики Молдова

Одной из актуальных проблем современной Республики Молдова является консолидация граждан, для решения которой требуется совокупность символов, способных сформировать позитивную гражданскую и культурную идентичность. Дефицит общих символов может объясняться многими факторами: масштабная трудовая миграция и нацеленность на миграцию молодежи, нарушение межпоколенной трансмиссии, проблема выработки национальной идеи и вытекающая из этого раздробленность общества, отсутствие в образовательных учреждениях адекватной политики патриотического и гражданского воспитания.

Выдающийся социолог Эмиль Дюркгейм очень четко определил роль символов в процессе нацистроительства: «Поскольку нации являются абстрактным понятием, нам нужны символы, чтобы сделать их видимым и конкретным объектом идентификации» (Finell, Liebkind, 2010, 325). Общее символическое поле играет ключевую роль в поддержании общего этносоциального пространства. Символы, как уникальное явление человеческой культуры, обладают способностью поддерживать этничность без строгой зависимости от объективных признаков, что особенно важно в случае мигрантов. Кроме того, символы являются одним из компонентов образа своей и других групп, благодаря чему они играют важную роль в построении межэтнических отношений. Значимость символов государства для населения свидетельствует о его стабильности как системы.

В 2012–2013 гг. нами было проведено сравнительное исследование символической сферы и представлений о стране среди молодежи пяти основных этнических групп Молдовы (молдаване, русские, украинцы, болгары, гагаузы). В данной публикации будут представлены результаты по группе русских. Для изучения символического поля была разработана анкета, которая включала вопросы о субъективно значимых символических событиях, личностях, символах страны и региона.

Нижеприведенная таблица содержит количество ответов респондентов на вопрос о значимых символах, разбитых на категории.

Категории символов	% ответов
Государственные	43%
Виноделие	20%
Культурные	9,5%
Исторические	9,5%
Региональные	6,3%
Природные	4,7%
Качества населения	3,2%
Политические	1%
Сельское хозяйство	1%
Религиозные	–

На первом месте по значимости находятся символы государственные (43%), хотя их значимость выражена меньше, чем в других группах. Среди этих символов выделяются герб (19%) и флаг (16%), а вот гимн набрал всего 8%. На втором месте по значимости выступает категория «виноделие» (20%), причем этот процент намного выше, чем в других группах.

Также больше упоминаний, чем в других группах, получила категория исторических символов (9,5%), но в целом общая цифра все же достаточно низкая. По всей видимости, здесь в слабовыраженной форме проявляется тенденция очерчивания своего культурного ареала на основе молдавской культуры. Виноделие в данном контексте играет роль бренда страны. Также следует отметить, что из национальных меньшинств только группа русских использовала практически все категории символов.

Поскольку в исследовании участвовали студенты из г. Бельцы, определенную значимость получила категория региональных символов (флаг города, Гребной канал в Бельцах, танк в центре Бельц). В группе русских респондентов также относительно высока доля отрицательных ответов: не знаю – 5%, нет таких – 10%. Интерес у респондентов вызывают: государственные символы (38%), культурные (14%), исторические (6%), виноделие (11%). Среди культурных символов упомянуты: Национальный музей изобразительного искусства, часы на арке в центре Кишинева, памятники, памятник Стефану Великому, традиции, обычаи, молдавская кухня, обряды, национальные костюмы.

Интересные результаты дало размышление над предметами, которые будут напоминать о родине в случае отъезда. Такие предметы должны нести символическую нагрузку и быть для их обладателя своего рода персонализированным образом родины. Однако ответы показали, что для респондентов родина связана прежде всего с личными воспоминаниями, личным пространством: фотографии – 30% (семьи, родного города, исторических памятников) и другие изображения (видео; рисунки, картины) – 6%; государственные символы (флаг, гимн) – 7%; сувениры, элементы традиционной культуры (кувшин или блюдо с надписью «Молдова» и гроздью винограда, мэришиор, най, национальный костюм (7%), молдавская музыка, книга народных сказок, молдавские самодельные изделия, брынза, сувенир – Сорокская крепость и Свеча Признательности, яблоки, молдавская сувенирная посуда, тарелка с изображением Стефана Великого, полотно, деревянный сувенир); вино – 11%; сувенир-виноград, воспоминания (добрая память о стране, воспоминания, воспоминания из детства) – 7%; горсть земли – 7%. Тем не менее, по сравнению с другими группами респондентов в группе русских проявляется попытка придать Молдове образ, используя символизм исторических мест, виноделия, материальной культуры, что отсутствует в других группах.

Выделение символических событий отражает отношение респондентов к прошлому страны, а отношение к прошлому, в свою очередь, оказывает «неизмеримое влияние на отношение людей к настоящему и их позиционированию себя и страны в новых ценностно-нормативных и моральных рамках» современной реальности (Психология политическо-

го восприятия...», 2012, 347). В перечислении респондентами символических событий нет единодушия. На первом месте находится обретение республикой независимости, но это только 31% ответов (для сравнения: у молдаван это 84%). На втором месте находится 7 апреля 2009 г. («революция» и приход к власти Альянса за европейскую интеграцию). Остальные события представлены подробно и в целом говорят о сниженном интересе молодежи к истории страны. Русская группа респондентов перечислила исторические этапы развития Молдовы (хотя и в единичных ответах) достаточно детально, в отличие от других групп. Были упомянуты: романизация гето-даков; образование государства в 1359 г.; победа Стефана Великого над турками, правление Стефана Великого; Прутский поход 1711 г.; освобождение от османского ига, аннексия в 1812 г., Бухарестский мир (9%); пребывание Пушкина в Молдове; объединение с Румынией в 1918 г. (4%); победа во Второй мировой войне (24%); советская житница; принятие Конституции – 9%, распад СССР – 7%; война в Приднестровье – 9%; провозглашение молдавского языка государственным – 9%; смена демократической власти на коммунистическую; экономический кризис 2008 г.; 7 апреля (24%) и приход Альянса к власти (4,5%); проведение гей-парада в Кишиневе; избрание президента после долгого отсутствия (4,5%). Не смогли ответить на вопрос 13% респондентов.

Именно в этой группе большой процент символичности имеет победа в Великой Отечественной войне (24%). Это говорит о гордости за победу в войне (которая прошла в том числе и на территории современной Молдовы), а также об осознании вклада в историю этой страны со стороны своей этнической группы. По этой причине обретение независимости – относительный пик истории Республики Молдова для группы русских. Однако события последних 20 лет все же упоминаются чаще. По всей видимости, во всех группах респондентов Республика Молдова воспринимается практически «с чистого листа», то есть со дня провозглашения ее независимости.

Схожая ситуация наблюдается с символическими личностями. Лидирующее место занимает средневековый господарь Стефан Великий (78%), но его правление не упомянуто среди символических событий. Слабое знание истории мешает сформулировать сущность его символизма, которое, вероятно, будет отличаться в разных группах респондентов. Определенной значимостью наделяются бывший президент В. Воронин (27%), поэты М. Эминеску (18%) и Г. Виеру (11%), господарь Д. Кантемир (13%).

Для сравнения, в сходном, но более масштабном исследовании представлений о стране, проведенном в России, в качестве национальных героев, символических личностей, выступили Петр I, В. В. Путин и Ю. Гагарин. Авторы исследования считают, что это связано с таким кри-

терием «геройства» для респондентов, как активная деятельность, независимость, наличие собственного мнения (Психология политического восприятия...», 2012, 363).

Таким образом, результаты исследования показали существование раздробленного общества с дефицитом общеразделяемых символов (значимых для всего общества событий, личностей, культурных феноменов). Причина этого, вероятно, заключается в продолжающемся поиске элитой и гражданами страны символического капитала.

Литература

Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М: РОССПЭН, 2012.

Finell E., Liebkind K. National symbols and distinctiveness: Rhetorical strategies in creating distinct national identities. В: British Journal of Social Psychology, 2010.

Галущенко О. С.

Динамика численности русского населения Молдавской АССР

История молдавской государственности насчитывает более шести с половиной столетий. В середине XIV в. численность населения Молдовы составляла, по разным данным, от 53 тыс. до 78 тыс. чел. В это время в Венгерском королевстве проживало 1,25 млн. чел., а в Польском – 2 млн. В этническом плане преобладали волохи, многочисленным было славянское население, а также венгры, немцы, цыгане, татары, греки и др. (Полевой, 1979, 115, 119). Многонациональный состав населения был важной характеристикой Молдовы на протяжении всей ее истории. Сегодня национальные меньшинства являются неотъемлемой частью нашего общества и способствуют его развитию.

5 февраля 1924 г. в Москве на заседании прокоммунистической Инициативной группы была одобрена «Докладная записка о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики». Ее подписалось десять человек. В этом документе развернуто излагались причины образования новой республики. Главным был тезис «...об обратном получении Бессарабии», а также о последующем распространении революции на Балканы¹.

Другой важной причиной образования Молдавской АССР была необходимость распространения национальной политики советской власти на молдаван левобережья Днестра. Члены Инициативной группы отме-

тели, что молдавское население, живущее в пограничной полосе, «...по соображениям чисто военного свойства, пользуется особенными заботами о своем экономическом благоустройстве. Если к этому добавить специфические культурные интересы молдавского населения, то, исходя из этнографического момента на основе советской национальной политики, можно было бы создать автономную социально-политическую Молдавскую единицу в пределах УССР или в системе СССР. На наш взгляд, подобной единицей могла бы быть Молдавская Советская Социалистическая Республика»².

29 июля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Считать необходимым, прежде всего по политическим соображениям, выделение молдавского населения в специальную автономную республику в составе УССР и предложить ЦК КПУ дать соответствующие директивы украинским советским органам»³.

12 октября 1924 г. в составе Украины была создана Молдавская АССР. Важной характеристикой автономной республики был многонациональный состав ее населения. Этнические русские занимали третье место по численности после украинцев и молдаван. Динамика численности русского населения представлена в таблице № 1.

Из приведенных данных видно, что численность русского населения Молдавской АССР с 1926 г. по 1939 г. увеличилась почти на двенадцать с половиной тысяч человек, или на 125,4%. Также интересно отметить, что доля этнических русских была разной в составе населения различных районов Молдавской АССР. Они проживали большей частью в городах и местечках. Меньше их насчитывалось в сельской местности (см. таблицу № 2). Особо выделялся Тирасполь. Из общей численности населения города в 1926 г. в 21 741 чел. русских было 11 912, в том числе 6 459 мужчин и 5 453 женщины. Средний процент грамотности русских города составлял 71,4%, в том числе у мужчин 84,4%, у женщин – 52,9% (Молдавия, 1928, 192).

По мнению обкома партии и органов советской власти в МАССР, «украинцы и русские не относились к нацменьшинствам». В автономной республике действовало общесоюзное, украинское и молдавское законодательства.

Таблица № 1. Национальный состав населения Молдавской АССР по данным всеобщих переписей населения 1926 и 1939 гг. в сравнении с данными румынской переписи 1941 г.

Национальность	1926 г.		1939 г.		1941 г.		1939 г. к 1926 г.		1941 г. к 1926 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Молдаване	572339	100	599156	100	477885	100	+26817	104,69	-94454	83,5
Украинцы	172419	30,13	170982	28,54	156724	32,80	-1437	99,17	-15695	90,9
Русские	277515	48,49	303825	50,71	267711	56,02	+26310	109,48	-9804	96,5
Евреи	48868	8,54	61278	10,23	28889	6,05	+12410	125,39	-19979	59,1
Евреи	48564	8,48	37035	6,18	3672	0,77	-11529	76,26	-44892	7,6
Немцы	10739	1,88	11947	1,99	11503	2,41	+1208	111,25	+764	107,1
Болгары	6026	1,05	7355	1,23	7142	1,49	+1329	122,05	+1116	118,5
Поляки	4853	0,85	3390	0,57	1296	0,27	-1463	69,85	-3557	26,7
Цыгане	918	0,16	*	*	*	*	*	*	*	*
Белорусы	365	0,06	964	0,16	*	*	+599	264,11	*	*
Чехи и словаки**	322	0,06	275	0,05	*	*	-47	85,40	*	*
Армяне	287	0,05	317	0,05	*	*	+30	110,45	*	*
Румыны	137	0,02	*	*	*	*	*	*	*	*
Татары	104	0,02	333	0,05	*	*	+229	320,19	*	*
Другие	1222	0,21	1455	0,24	950	0,20	+233	119,07	*	*

* Нет данных.

** В 1926 г. в МАССР проживало 314 чехов и 8 словаков, в 1939 г. приводится общая цифра.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIII. УССР. М., 1929, с. 39; Молдавия. Статистические материалы. Балта, 1928, с. 221; Российский государственный архив экономики, ф. 1562, оп. 336, д. 374, л. 6; Pântea C. The ethno-demographic evolution of Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic. Режим доступа: http://atlas.usv.ro/www/codru_net/cc1409_ethnodemographic.pdf (дата обращения – 17.01.2014).

В принятой в апреле 1925 г. Конституции положение о национальных меньшинствах не было закреплено юридически. Вместе с тем ее 10-я статья гласила: «Языки всех национальностей, населяющих территорию Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики, равноправны. Каждому гражданину в Автономной Молдавской Социалистической Советской Республике обеспечивается возможность в его сношениях с государственными органами и в сношениях государственных органов с ним пользоваться родным языком, равно как пользоваться таковым на заседаниях съездов Советов, на всяких других съездах, заседаниях и разных публичных выступлениях» (Вехи, 2000, 43). А 9-я статья определила: «Наиболее распространенными языками в Автономной Молдавской Социалистической Советской Республике признаются языки: молдавский, украинский и русский» (Вехи, 2000, 42).

Видимо, это и послужило основанием для объединения их в понятие большинства. Украинцы в 1926 г. составляли 48,5% населения Молдавии, молдаване – 30,1%, русские – 8,5%. Если в отношении первых двух национальностей в МАССР проводилась политика молдаванизации и украинизации, то русские, в имперские времена занимавшие господствующее положение, подверглись определенному давлению в рамках продолжительной кампании по борьбе с так называемым «великодержавным шовинизмом». Однако непосредственно после образования МАССР этнических русских насчитывалось 42,8% в составе областной парторганизации, 16% – в комсомоле, 20,9% – в профсоюзах. Русскими были 6 из 10 членов Молдавского обкома КП(б)У и 16 из 65 членов Молдавского Центрального Исполнительного Комитета съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов⁴.

Трудно выразить уровень культурного развития в количественных показателях. Поэтому приведем данные переписи 1926 г. по числу грамотных в составе различных этносов: немцы – 68,2%, евреи – 61,6%, русские – 44,3%, украинцы – 36,6%, болгары – 36,3%, молдаване – 25,8%, другие – 53,5% (Молдавия, 1928, 226, 227). В автономной респу-

Таблица № 2. Национальный состав населения Молдавской АССР (по переписи 1926 г.). *Источник:* Стратиевский К. В. Национальный состав МАССР. В: Трибуна. Кишинев, 1988, № 23, с. 43.

Районы	Все население	Молдаване	Украинцы	Русские	Евреи
Ананьевский	62289	21005	32224	2133	6406
		33,70%	51,78%	3,42%	10,28%
Балтский	98095	2264	97656	44498	10362
		2,3%	81,2%	4,6%	10,6%
Бирзульский	57823	18521	30717	3804	2918
		32,03%	53,12	6,57%	5,04%
Григориопольский	30094	13744	4629	3851	1114
		45,67%	15,38%	12,79%	3,70%
Дубоссарский	42609	28559	6077	2867	4612
		67,02%	14,26%	6,72%	10,82%
Каменский	39169	15053	18263	424	4172
		38,43%	46,62%	1,08%	10,65%
Крутянский	50913	8592	36518	402	4601
		16,87%	71,72%	0,78%	9,03%
Красноокнянский	41249	6472	27203	2161	2718
		15,69%	66,94%	5,23%	6,58%
Рыбницкий	47731	17023	23064	1809	4422
		35,66%	48,32%	3,78%	9,26%
Слободзейский	37617	24341	6537	5714	571
		64,70%	17,37%	15,18%	1,51%
Тираспольский	64750	16845	12627	21205	6608
		26,01%	19,50%	32,74%	10,20%
ИТОГО:	572339	172419	277515	48868	48564
		30,13%	48,49%	8,54%	8,48%

блике, согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. был зафиксирован следующий уровень грамотности: немцы – 96,9%, евреи – 88,5%, поляки – 85,3%, украинцы – 82,8%, русские – 81,8%, болгары – 81,5%, молдаване – 74,8%. На одну тысячу человек населения имели высшее образование: евреи – 15,0; русские – 7,3; болгары – 3,0; украинцы – 2,9; немцы – 1,8; молдаване – 1,7⁵.

Примечания

¹ Докладная записка о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики. В: *Cugetul*. Кишинев, 1992, № 5-6, с. 59.

² Там же, с. 58.

³ См. подробнее: Галущенко О. С. Образование Молдавской АССР: современный взгляд историка. В: Проблемы национальной стратегии. М., 2014, № 5.

⁴ Архив общественно-политических организаций Республики Молдова, ф. 49, оп. 1, д. 165, л. 21; д. 622, л. 28; Отчет I Всеомолдавского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (19–23 апреля 1925 г.). Издание ЦИКа АМССР, 1925, с. 67.

⁵ Российский государственный архив экономики, ф. 1562, оп. 336, д. 374, л. 8, 11.

Литература

Вехи молдавской государственности. Сборник текстов Конституций. Кишинев, 2000.

Молдавия. Статистические материалы. Балта, 1928.

Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.

Рябцев И. А.

Миграции русского населения Бессарабии в системе город–село в 1897–1940 гг.

Миграционные процессы, протекавшие в Бессарабии в первые десятилетия XX в., стали отражением экономической и политической ситуации в регионе. Они значительно повлияли на соотношение численности местного городского и сельского русского населения. Исторически русское население Бессарабии сосредоточивалось преимущественно в городах. Уже статистические материалы десятой ревизии, прошедшей в 60-е гг. XIX в., показывают некоторое преобладание городского русского населения над сельским (Табак, 1990, 55). По утверждению В. С. Зеленчука,

более 50% русского населения в конце XIX в. жило в городах (Зеленчук, 1973, 24). А. Ю. Скворцова говорит о «почти половине» (Скворцова, 2009, 127). Вместе с тем, сельское русское население также было значительным. В. С. Зеленчук обнаружил, что в конце XIX в. здесь было 24 чисто русских села и 40 смешанных (Зеленчук, 1973, 24).

Достоверные данные о демографическом развитии Бессарабии в первые два десятилетия XX в. отсутствуют. Несовершенство статистических источников не позволяет с достоверной точностью определить количественные характеристики населения Бессарабии в начале исследуемого периода, в том числе и русского населения края. Исследователи лишь сходятся во мнении, что за 20 лет, прошедших после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., численность русских в крае значительно увеличилась (Скворцова, 2002, 120). Среди русского населения Бессарабии в конце XIX в. были представители всех общественных классов, как привилегированных слоев населения – дворянства, священников, чиновничества, так и более низкого социального положения: купцов, мещан, цеховых ремесленников, крестьян (Абакумова-Забунова, 2006, 229). При этом русские составляли непропорционально большую, по сравнению с их долей в населении Бессарабии (в 1897 г.), часть обладателей более престижных профессий: согласно данным переписи 1897 г. русские в Бессарабии составляли 66,3% персонала государственно-судебных учреждений и полиции, 54,2% представителей общественной и сословной службы, 58,3% лиц, осуществлявших частную юридическую практику, 47% врачей и санитаров, 27% преподавателей и воспитателей (Абакумова-Забунова, 2006, 270). В результате событий первых десятилетий XX в. соотношение русского населения в городах и селах значительно изменилось. Если в норме миграции в развивающемся и индустриализирующемся социуме направлены из села в город, то в данном случае мы видим, что в межвоенный период наблюдалось общее уменьшение численности населения городов Бессарабии, которое сопровождалось оттоком населения в сельскую местность (Скворцова, 2002, 128). Как я надеюсь показать в данной работе, миграции русского населения были частью данного процесса и, вместе с тем, имели свою специфику, связанную, в первую очередь, с его относительно привилегированным положением в предшествующий период.

Миграция из городов в села обусловила быстрый рост численности сельского населения русского происхождения в 20-е гг. Число русских жителей села к 1930 г. выросло в 3 раза по сравнению с концом XIX в., составив десятую часть всего сельского населения Бессарабии. Косвенным свидетельством активной миграции из городов в села служат данные переписей, свидетельствующие об увеличении числа русских, занятых

сельскохозяйственным трудом, и об уменьшении количества тех, кто был занят в сугубо городских отраслях, таких как торговля и кредит или государственная и частная служба (Скворцова, 2002, 128). Если в 1897 г. сельским хозяйством занимались 41,4%, а служили – 25,4% русских (Скворцова 2009, 130), то уже по материалам переписи 1930 г. в сельское хозяйство и сельскохозяйственные промыслы оказались вовлечены 74,3% всех русских, проживавших в Бессарабии, в то время как на государственной и частной службе было занято лишь 3,5% русских. Уменьшилась также доля русского населения, занятого в промышленности и строительстве, торговли и кредитной сферах (Скворцова, 2009, 130).

Перепись 1930 г. отмечает, что из общего числа населения Бессарабии, записавшегося как русские (351,9 тыс.), 99,5 тыс. проживало в городах и 252,4 тыс. – в сельской местности. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что значительную часть «русского» населения составляли украинцы, записавшиеся как русские, а действительное число этнических русских в Бессарабии в 1930 г. не превышало 200 тыс. человек (Табак, 1990, 71). Впрочем, даже если поправка И. В. Табак и соответствует действительности, то все равно ясно просматривается превышение численности сельского населения над городским. В Аккерманском и Измаильском уездах русские составляли пятую часть от всего сельского населения. Необходимо учитывать, что целые села русских крестьян фиксируются в этих уездах уже в первой половине XIX в. (Скворцова, 2009, 132).

В то же время в Хотинском, Сорокском и Бельцком уездах ранее было лишь несколько этнически однородных русских сел – небольшие по численности Новая Грубна и Липованка в Бельцком уезде, а также более крупные Грубно Хотинского уезда и Покровка и Кунича в Сорокском уезде. Во всех остальных селах этих уездов русские жили небольшими группами и соседствовали с другими этносами, которые численно преобладали над ними, что способствовало сильному ассимиляционному воздействию. В конце XIX в. в этих уездах доля русского населения составляла 4–5%. Тем значительнее тот факт, что перепись 1930 г. показывает, что доля русских во всем сельском населении увеличилась втрое, а их абсолютная численность – в 4 раза, что является труднообъяснимым, поскольку массовых организованных переселений русских в сельскую местность Бессарабии в первые десятилетия XX в. не наблюдалось. По мнению А. Ю. Скворцовой, долю русского населения могли повысить те украинцы, которые назвали себя русскими (Скворцова, 2002, 129).

Вместе с тем, во время проведения переписи 1930 г. сыграло свою роль и то обстоятельство, что официально все подданные румынской короны считались румынами (по признаку гражданства). Румынские власти считали, что таким образом это будет способствовать достижению

формальной моноэтничности румынского государства и ассимиляции национальных меньшинств, поэтому активно пропагандировали ее. В результате во многих этнически неоднородных селах определенная часть населения была зарегистрирована как румыны. При этом в качестве родных языков эти люди указывали русский, украинский и др. (Скворцова, 2002, 127). Таким образом, приводимые в официальных документах статистические данные, касающиеся национального состава населения, во многом зависят как от государственной политики, так и от весьма сложной для людей того времени самоидентификации.

В абсолютном выражении число занятых в сельском хозяйстве русских по сравнению с 1897 г. выросло в 4 раза, в процентном – в 2,5 раза. Рост тем более значительный, если учитывать, что новые эмигранты из России оседали преимущественно в городах (Скворцова, 2009, 132). Если в 1897 г. в селах проживала половина русских бессарабцев, то в 1930 г. сельские жители составляли более двух третей русского населения края. Исследователи рассмотрели ряд факторов, способствовавших миграции русского населения Бессарабии из городов в сельскую местность. Например, горожане были вынуждены переезжать в село из-за продолжающегося упадка в промышленности, в сфере транспорта и связи, в финансово-кредитной деятельности, то есть в отраслях, которые служили основными областями занятости русских бессарабцев в условиях царской России (Абакумова-Забунова, 2006, 270; Скворцова, 2009, 131). Одновременно русские искусственно вытеснялись из государственных учреждений и системы образования (Зеленчук, 1973, 32), а большое число бывших военнослужащих русской армии так и не смогли найти себе применение на рынке труда. Бывшим военнослужащим, чиновникам, учителям, утратившим прежние позиции, приходилось искать иные средства существования (Скворцова, 2009, 131).

Уровень безработицы в Бессарабии был крайне высок, по некоторым оценкам для русских он превышал половину взрослого населения данной территории (Кустрябова, 1980, 33). Лишившиеся постоянной, привычной для них работы, люди пополняли ряды своеобразной «пролетаризированной» деклассированной массы. Они добывали себе средства к существованию промыслами, мелочной торговлей, поденной или сезонной работой. Во многих случаях находить данные занятия было легче в деревне, чем в городе. Судя по воспоминаниям современников, бывшие офицеры и чиновники совместно с семьями работали на виноградниках поденщиками, чтобы хоть как-то прожить. Кроме того, многие люди пытались заниматься сельским хозяйством и промыслами в городах, особенно небольших. Доля русского населения, занявшегося этим, достигала: в городе Тузла – 90%, Вилково – 76,1%, Кагул – 71,8%, Килия –

69,9% (Скворцова, 2002, 153, 165). Здесь необходимо учитывать, что крестьянские занятия в городах были распространены и в начале столетия, хотя и не в таких больших масштабах (Абакумова-Забунова, 2006, 273). К тому же данные населенные пункты были объявлены городами уже при румынской власти. Вместе с тем, переход к аграрному образу жизни и изменение социального статуса еще не означали гарантированного приобретения благополучия. Хотя горожанам приходилось тяжело, но и крестьянские хозяйства тоже не процветали. По данным П. М. Шорникова, к 1940 г. 68% крестьянских хозяйств были разорены либо находились на пороге разорения, а треть представителей самостоятельного сельского населения (550 тыс. человек) не имели работы (Шорников, 2011, 51).

Кроме внутренних миграций, важным фактором, способствовавшим изменению соотношения численности русского населения Бессарабии в системе село–город, была миграция в Бессарабию и из нее. По расчетам В. С. Зеленчука, с 1922 по 1930 г. Бессарабию покинули 300 тысяч жителей. Понятно, что значительную их часть составляли представители национальных меньшинств, в том числе русского населения (Зеленчук, 1973, 32). С другой стороны, отмечается большой приток русских с востока. Он был, по мнению занимавшихся данным вопросом исследователей, более существенным, чем фиксируют переписи, так как многие из русских эмигрантов уклонялись от регистрации в качестве таковых. Значительная часть этих внешних мигрантов концентрировалась в городах, способствуя (на фоне общего сокращения городского населения) тому, что, несмотря на массовый отток русского населения в сельскую местность, в процентном отношении доля русских среди горожан к 1930 г. не только не уменьшилась по сравнению с 1897 г. но и выросла (с 24,4% до 26,8%) (Скворцова, 2002, 128). Это позволяет нам считать, что даже в достаточно тяжелых условиях того времени существенная часть русского населения сумела сохранить свой городской статус. Русские не только сохранились как важный компонент городского населения, но и имели достаточно влияния в жизни Бессарабии. Это определило тот немало-важный факт, что большое число представителей других национальных меньшинств меняло свою этническую самоидентификацию и начинало определять себя в качестве русских.

После присоединения Бессарабии к Румынии на данной территории сложилась неблагоприятная экономическая обстановка, сопровождавшаяся политическим давлением на этнические меньшинства с ассимиляционными целями. Ухудшение экономических условий негативно воздействовало на все этнические группы Бессарабии, но русские, ранее занимавшие преимущественное положение, испытали особенно болезненное падение и были вынуждены идти на серьезные изменения свое-

го положения, как социального, так и территориального, для того чтобы выжить. Точное соотношение влияния миграционных и ассимиляционных факторов на изменение распределения русского населения Бессарабии может стать предметом дальнейших исследований.

Литература

- Абакумова-Забунова Н. В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев: Бизнес-Элита, 2006. 520 с.
- Зеленчук В. С. Население Молдавии: демографические процессы и этнический состав. Кишинев: Штиинца, 1973. 64 с.
- Кустрябова С. Ф. Города Бессарабии 1918–1940. Кишинев: Штиинца, 1986. 589 с.
- Скворцова А. Ю. Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период. В: В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009, с. 119–138.
- Скворцова А. Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940). Кишинев: Pontos, 2002. 276 с.
- Табак И. В. Русское население Бессарабии. Численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. 137 с.
- Шорников П. М. Бессарабский фронт 1918–1840. Тирасполь: Полиграфист, 2011. 288 с.

Душакова Н. С.

«Тоже старообрядцы, но другие», или Кто такие макогон*

Данная статья основана на полевых материалах, собранных в Республике Молдова в 2015–2016 гг. среди старообрядцев беспоповского (г. Единцы) и поповского (с. Кунича, г. Бендеры) толков.

В беспоповской среде был зафиксирован этноконфессионализм «макогон», который функционирует как внешнее название старообрядцев-поповцев. Рассмотрим семантику этого термина с точки зрения представителей обоих сообществ (адресантов и адресатов) и признаки, которыми беспоповцы наделяют «макогон», а также проследим, как конструируется граница между старообрядцами беспоповского и поповского направлений внутри самих сообществ.

«[А вот старообрядцы, но которые молятся со священником? Которые в Добрудже, в Покровке, в Куниче?] Е.А.М.: Есть такие. Е.Ф.М.: Ну, они

как-то там все равно не то... Е.А.М.: У нас говорят „Спаси Господи!“, а там говорят „Спаси Христос!“. А иконы такие же самые. [...] Е.Ф.М.: Их называют „макогоне“» (Е.А.М., 1934 г. р.; Е.Ф.М., 1940 г. р., г. Единцы).

«[А поповцы, которые старообрядцы, которые в церкви, попы в рясе, и причастие у них есть – они кацапы?] Поповцы – не-а. Есть тут село здесь, „макогоне“ на их называем» (Щ.Т.К., 1932 г. р., г. Единцы).

Показательно, что разъяснить семантику этого этноконфессионализма местные жители затруднялись:

«[Почему „макогоне“?] Е.Ф.М.: Не знаю. [Они мак гонят?] Е.Ф.М.: Мне кажется, что у них есть как-то миропомазание вот это... на кожу крестик ставят, вот это. Е.А.М.: Не знаю. Е.Ф.М.: Купола, так вот, когда венчают, купола над ними держат. Е.А.М.: У нас соблюдается еще, у нас строгая вера, а они – не очень. [Да?] Е.А.М.: Они не очень соблюдают» (Е.А.М., 1934 г. р.; Е.Ф.М., 1940 г. р., г. Единцы).

«Они макогоне, так и называются. Кто им дал это звание, мы не знаем, но они все время макогоне» (Щ.И.И., 1944 г. р., г. Единцы).

«[А почему их макогонами называют?] Потому что они... не крещенные как надо, наверно, да? Не знаю. [А „макогон“... Это слово что значит?] Макогон – ну... как мы кацапы. [А само вот это слово „макогон“ как-то еще в быту встречается? Что такое макогон?] Я не знаю. Я знаю, макогон – той, где мы...» (Щ.Т.К., 1932 г. р., г. Единцы).

Тем не менее, удалось зафиксировать несколько вариантов индивидуальной интерпретации термина «макогоне»:

«[А „макогоне“ – это не знаете откуда? Гнали мак? Ну, то есть что-то с маком делали?] С.П.И.: Да не-е-е... С.Е.С.: Нет, нет, это опять же, вот видите, что почему так называют, вот как нас называли „кацапы“, потому что, когда приехали, тут же в основном тоже, это было пустое, это были... С.П.И.: Это быстрее связано „макогоне“ – вот ступка и вот этот измельчает это, вот называют „макогон“. Измельчают или чеснок или вот что-то. С.Е.С.: Или твердый по своему характеру, вот мне, например, к этому. Вот можно с этим сравнить. С.П.И.: Что-то, может, это, а с маком... [Именно вот эта ступка называется макогоном?] С.П.И., С.Е.С.: Нет, не ступка, а вот этот пест. С.Е.С.: Пест этот металлический или деревянный, но он твердый. С.П.И.: Ну, у нас раньше было все. С.Е.С.: деревянный» (С.П.И., 1951 г. р.; С.Е.С., 1955 г. р., г. Единцы).

В качестве основных отличительных признаков макогон респонденты называли конфессиональные особенности, в первую очередь, обращая внимание на различия в признаваемых таинствах:

«...Все у них так, только у них миропомазание есть, а его давно уже нет. Мы не достойны за причастие. А у них и сейчас все причастие и ризы у них, это поповцы. Вот. А молитвы все одинаковые. Служба, мо-

литвы – все одинаковое, только... у них... они поповцы считаются и... причастие» (Щ.И.И., 1944 г. р., г. Единцы).

«[А вот такое слово „макогоне“?] С.П.И.: Ну, вот это похоже, вот эти... С.Е.С.: Вот это тоже. Они тоже похожи на нас. Но они – у них поп. С.П.И.: Да. Ну и у них много... с Писанием много есть... [Разницы?] Разницы. С.Е.С.: Нету у них в Писании разницы. С.П.И.: Есть, есть, вот они похожи вот с этими – Покровка... С.Е.С.: Вот они... Они еще... у них еще есть... как это называется, я не знаю, не то, что... не хочу вам соврать. Ну, в общем, они, например, обязательно говорят... причастился, да, вот когда идут на причастие. С.П.И.: на покаяние. С.Е.С.: у них – нет, покаяние – это покаяние, – они хлеб пекут и раздают вот по кусочку каждому, например, вот когда идешь, приходишь на службу, там, не знаю, по-моему, или первая вечерня или что. У нас этого нет. У нас это... В общем, наши к этому очень строго относились. Ведь далеко не все... <...> [А Вы бывали у них на службах?] С.Е.С.: Нет. [Это нельзя или просто?] С.Е.С.: Нет, просто никогда не попадали, почему нельзя? Ну, посмотреть... С.П.И.: Ну-у, да, никто не запрещает. С.Е.С.: Не запрещает, но нежелательно (С.П.И., 1951 г. р.; С.Е.С., 1955 г. р., г. Единцы).

Таким образом, из приведенных фрагментов интервью, записанных в единецкой беспоповской общине, видно, что граница между поповцами и беспоповцами проводится самими носителями традиции только по конфессиональному признаку, а основными отличительными особенностями сообществ выступают для них признаваемые и практикуемые таинства.

Обратимся к адресатам наименования и выясним, что старообрядцы-поповцы знают о названии «макогоне»:

«[Вы слышали слово „макогоне“/ „макогоны“?] Ш.А.И.: Не-а. Не слышала. П.С.В.: Нет, конечно, я говорю...» (П.С.В., 1951 г. р.; Ш.А.И., 1947 г. р., с. Кунича).

«[Слово „макогоны“ Вы не слышали?] Не-а. [Чтобы так называли старообрядцев?] Не-а. Я вот даже... А кто так мог называть? [Ну, мы встречали такое.] Ну, не знаю, что-то какая-то выдумка, наверно» (Т.З.М., 1943 г. р.; С.А.З., 1938 г. р., г. Бендеры). Подавляющее большинство респондентов-поповцев не знают не только о существовании подобного внешнего названия их общности, но и самого слова «макогон». Единственный ответ, полученный на вопрос о значении этого термина, был получен в селе Кунича от школьной учительницы, которая преподавала в соседнем украинском с. Пояна: «Макогон... макогон – это эээ... молоток, макогон – это бить макогоном, уголь били вот раньше. Макогон – большой молот такой. Макогон. <...> [А что бьют макогоном?] Уголь раньше били. [А Вы не слышали, чтобы так людей называли?] Ну, это человек,

который, видимо, занимался этим... орудием труда. [Шахтер?] Шахтеры и кузнецы. Вот кузнец еще» (М.Е.А., 1951 г. р., с. Кунича).

Чтобы выяснить, насколько совпадает конструируемая внутри сообществ граница, старообрядцам поповского направления тоже задавался вопрос о беспоповцах:

«[Скажите, пожалуйста, а Вы про беспоповцев слышали?] Ш.А.И.: Я слышала, но нам с ними... мы не имеем права общаться. [В посуде мешаться нельзя, да?] Ш.А.И.: Не-е-ет, нельзя. [А как Вы их называете?] Ш.А.И.: Как еретики...ммм... может, неправильно я выразилась, но... мы... нам не положено с ними. Нам не положено. Они вот... ты в Бельцы никогда не приезжал, но потом они носят мажурки свои [нрзб.] и раздают. П.С.В.: Ну вот они в Единцах. Ш.А.И.: А-а-а, а мы знаем, говорю, не-не-не, мы не вашей веры, мы... Нет-нет, я говорю, мы не будем брать ваши книжки» (Ш.А.И., 1947 г. р.; П.С.В., 1951 г. р., с. Кунича).

«[Вы слышали, что есть староверы без попов?] Есть, слышала, да, это я слышала. Их много туда, на Урал, этих беспоповцев. Видите, когда было... реформа, и этот Никон разделял, и многие как староверы остались, а многие не признали священства. Считали, уже кончилось священство, уже будет пришествие Христово второе. И так они не приняли, все у их: так и молятся, и подручники, и лестовки, и иконы, а только священство не признали. Но многие обратились, признали, что это неправильно, что они ... потому что, как сказать... это... они считали, что уже конец света, но это еще неправильно было. Ну, всякие, кто как... главарь какой там повел, так они. И много они туда на Урал, так я слышала, там их много. Из Петербурга приезжали, раньше был Ленинград, приезжала одна женщина-старообрядка сюда в монастырь, а жили вот здесь рядом. <...> И это они говорили про этих беспоповцев, <...> я слышала от них, что вот там на Урале много. Да и вот так. [А вот как их называют – „беспоповцы“? Есть еще какое-то для них название? Прозвище, может, какое?] Так слышала только „беспоповцы“. Больше не слышала какое еще прозвище» (П.Ф.И., 1931 г. р., с. Кунича).

Из текстов интервью видно, что особого названия для беспоповцев в этой среде нет: они фигурируют в нарративах как «еретики» или «беспоповцы». Более того, осведомленность об этой общности настолько слаба, что их путают со свидетелями Иеговы (первый фрагмент интервью) или считают, что старообрядцы, не признающие священства, живут где-то далеко, «на Урале», причем получают знания об этом тоже от приезжих из России (второй фрагмент интервью). Среди поповцев существует четкое представление о наличии границы между сообществами, которую переступить нельзя («нам не положено с ними»). Знание о границе функционирует в виде запрета на контакты и использование общей посуды.

В беспоповской среде осведомленность о поповцах, как свидетельствуют полевые материалы, значительно выше, а существенными для сообщества отличительными признаками выступают признаваемые христианские таинства. Название «макогон» функционирует только как экзотно-конфессионализм для обозначения старообрядцев поповского толка.

Примечание

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10091)

Пригарин А. А.

Актуальная историография старообрядчества в Республике Молдова

Либерализация общественной жизни, вместе с принципиальными изменениями в гуманитарных науках, обусловили выделение новейшего этапа в исследовании проблемы. Эмансипация темы старообрядчества и поиски эффективного инструментария приводят к настоящему «историографическому буму» конца XX – начала XXI вв. Староверы начинают эффективно изучаться в отдельных районах своего проживания, с использованием различных исследовательских приемов и методологических проекций – от описательных реконструкций к семиотическому анализу их культуры. Это направление стало настоящим эвристическим полигоном для решения ряда актуальных вопросов таких наук, как история, археология, этнология, фольклористика, социология, лингвистика и т. д.

В тех академических центрах, где в предыдущий (советский) период были начаты продуктивные исследования русских старообрядцев как социального феномена, формируются принципиально новые направления научных проектов. Ярким примером может выступать МССР, где были созданы фундаментальные труды на стыке двух эпох, но настоящие прорывы уже были вписаны в постсоветские контуры (Табак, 1991; Анцупов, 2000). Наличие мощной исторической составляющей для Молдовы сыграло важнейшую роль в формировании современных этнографических исследований. Субъективным фактором являлась деятельность В. П. Степанова, который объединил историко-этнографические направления по целому ряду этносов Молдовы (Степанов, 2001).

Базируясь на опыте изучения советской молдавской историографии исторической и лингвистической направленности, современные ученые

совершили своеобразный антропологический переворот. Дополнительной предпосылкой этому выступило наличие мощного сегмента русско-го старообрядческого населения в республике, которое активно включилось в процесс изучения староверия. Элита не только помогала ученым, но и сама стала создавать версии собственного прошлого (так наз. «*native anthropologies*») (например: Придорожный, 2010; Каунов, 2012; Любич, 2009; Латышев, 2010 и др.). Наиболее удачно этот тип исследований отражают тандемы профессиональных историков и радетелей собственной старины (Аббакумова-Забунова, Латышев, 2014 и др.). Главной темой таких работ является революционный и эффективный подход – историко-этнографическое краеведение или «микроистория»: персональные или локальные реконструкции истории отдельных общин или личностей.

Принципиально другой тип исследований наблюдается у представительницы молодого поколения – Н. С. Душакowej (Кишинев), которая продемонстрировала новейшие подходы в антропологии. На основе объединения европейского конструктивизма с добротной семиотикой ей удалось проследить особенности создания, освоения и функционирования знаковости в жилищах старообрядцев Молдовы (Душакова, 2011, 561-573, Душакова, 2012). Н. С. Душакова сумела вписать свой полевой материал в компаративные перспективы общеславянского и кросс-культурного контекстов.

Классические идеи социальной истории, которыми в свое время прославились молдавские историки, усовершенствовались и получили продуктивное направление в работах Н. В. Абакумовой-Забуновой, написавшей фундаментальную монографию по русскому населению городов Бессарабии в XIX в. (Абакумова-Забунова, 2006). Она также предложила свою версию прочтения и этимологии группового названия – «липоване» (Абакумова-Забунова, 2012, 22-29).

Полевые археографические разведки привели к созданию корпуса копий рукописей и старопечатных книг. Серьезный вклад в это направление внес А. А. Магола. Он же продолжил традицию изучения книжной кириллической культуры старообрядцев. Главными сюжетами его исследований стали создание и функционирование книг в период 1918–1940 гг. (Магола, 2011, 162-176; Магола, 2012, 92-106 и др.).

Молдавские старообрядцы как своеобразный феномен и широкая эвристическая площадка выступают и для представителей других стран. Например, певческую и кириллическую культуру старообрядческих общин «вновь» открывают Н. Г. Денисов, Е. Б. Смилянская, И. В. Поздеева и др. Последняя является руководителем группы археографов МГУ им. М. В. Ломоносова, которые проводят комплексные исследования дониконовской традиции с 2012 г. (Н. В. Литвина, О. Б. Харитоновна и др.).

Для своих блестящих реконструкций материалы из Молдовы привлекает Д. Е. Расков (Санкт-Петербург), неоднократно посещавший приходы Кунича и Покровка. Историческую лингвистику и морфологию, а также лексические интерференции старообрядческих говоров экспедиционным путем изучала группа Л. Л. Касаткина и О. Г. Ровновой.

Для большинства этих работ активными помощниками выступали ученые из Молдовы. В результате этого сотрудничества, а также осознания важности академических работ местными духовными наставниками удалось выявить пласт источников различного типа, которые сегодня вводятся в научный оборот.

Следует отметить обнаруженный и каталогизированный масштабный корпус документов, накопленных за время деятельности Кишиневской епархии с 1945 по настоящее время. Этот массив источников нуждается в системном изучении. В нескольких сотнях папок, общим числом более 300, на десятках тысяч листов сосредоточена церковная история старообрядчества Молдовы и прилегающих территорий. Здесь были обнаружены считавшиеся ранее исчезнувшими сведения последнего периода деятельности Измаильской епархии (1945–1947), а также переписка последнего владыки – Арсения Лысова (1948–1960). Уникальны данные персонального происхождения (например, епископов Иосифа Моржакова или Никодима Латышева).

Можно было бы говорить об активно реализуемом потенциале, но тенденции последних нескольких лет лишают оптимизма на будущее. Прежняя инфраструктура (ежегодные конференции и альманахи «Липоване...») находится в кризисе, отмечается наличие в теме существенных кадровых утрат... Из важнейших факторов развития научного направления остались лишь социальная востребованность знаний (в обществе Молдовы и мира), а также широкие эвристические возможности изучения старообрядческой традиции для разносторонних дисциплин. Молдавские ученые активно включились в транснациональную сеть-корпорацию, продуктивно репрезентуя собственный региональный вариант старообрядческой традиции по ряду направлений (история, этнология/антропология, лингвистика и т. д.). Время покажет, сможет ли кишиневский центр воспроизвести этот механизм рассмотрения локальности как одной из версий глобальности.

Таким образом, очевидна достаточно продуктивная актуальная традиция изучения старообрядцев в целом и одних из их крупнейших и ярких представителей – липован. Эта традиция насчитывает уже более двухсот лет и характеризуется преемственностью в разработке научной проблематики. Благодаря предыдущей эволюции академической и общественной мысли были не столько решены, сколько артикулированы во-

просы о возможности и целесообразности изучения старообрядческой региональной традиции Молдовы.

Литература

Абакумова-Забунова Н. В. О названии и самоназвании русских старообрядцев Молдовы. В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. IX. Одесса, 2012, с. 22-29.

Абакумова-Забунова Н. В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев: Business-Elita, 2006. 519 с.

Абакумова-Забунова Н. В., Латышев Д. И. Старообрядческая Покровка. Кишинев, 2014. 140 с.

Анцупов И. А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000. 287 с.

Душакова Н. С. Особенности традиционной культуры старообрядцев Молдовы и Южной Украины: жилищная практика. В: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН. Москва: Наука, 2011, с. 561-573.

Душакова Н. С. Традиционное старообрядческое жилище Пруто-Днестровского междуречья и Левобережного Поднепровья (XIX – начало XXI в.). Автореф. дисс. ... докт. истории. Кишинев, 2012.

Каунов Ф. С. «Мое время строить, писать и рисовать». Кишинев, 2012.

Латышев Д. И. Старообрядчество и проблемы защиты отечества. В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. VI. Одесса, 2010, с. 189-197.

Любич П. А. Краткая история и культура кагульских старообрядцев. В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. VII. Одесса, 2011, с. 118-128.

Магола А. А. Печатные издания русских липован Бессарабии в межвоенный период. В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. VIII. Одесса, 2011, с. 162-176.

Магола А. А. Издательская деятельность старообрядческого духовенства Бессарабии (1918–1941). В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. IX. Одесса, 2012, с. 92-106.

Придорожный С. В. Стержень духовности русской: Архиепископ Аркадий. В: Липоване: история и культура русских старообрядцев. Т. VII. Одесса, 2010, с. 108-110.

Степанов В. П. Труды по этнографии народов Бессарабии XIX – начала XX вв. Кишинев: Pontos, 2001.

Табак И. В. Особенности расселения и численность старообрядцев в Бессарабии (XVIII – начало XX в.). В: Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). Кишинев: Штиинца, 1991, с. 141-153.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Рабинович Р. А.

О некоторых особенностях культуры Древней Руси в Пруто-Днестровском междуречье

Культура Древней Руси на территории Пруто-Днестровского междуречья (далее – ПДМ) отличалась отдельными элементами по сравнению с другими районами ее распространения.

В 50–80-е гг. XX в., когда только происходило первое, а потом и массовое открытие и изучение памятников древнерусского времени на территории Молдовы, исследователи, стараясь их выявить, увидеть то общее, что их объединяет с памятниками Киева, Новгорода, Гнездова, Чернигова и т. д., не замечали или не придавали значения этому своеобразию. Но на сегодняшний день в связи с достаточным накоплением материалов и возможностью привести аналогии молдавским материалам как в Восточной Европе, так и в других сопредельных регионах, отметить это своеобразие и попытаться определить его истоки становится вполне реальным (Рабинович, Рябцева, 2009).

На особенности сложения и развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровских землях существенно повлияли как обстоятельства, при которых этот регион вошел в состав Киевской Руси и культура местного населения попала под ее влияние, так и этнический состав и культурное своеобразие населения данного региона в период вхождения. В пределах объема, отведенного для публикаций в этом сборнике, конечно, невозможно подробно рассмотреть даже часть из этих вопросов, но мы их тезисно обозначим в проблемном плане.

В первые века существования единого Древнерусского государства в Пруто-Днестровском регионе проживало население, известное (по данным письменных источников различных традиций, в том числе по сведениям русской летописи «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ)) под этническими названиями уличи и тиверцы (ПВЛ, 1950, I, 14, 20-21, 23-24, 33-34; НПЛ, 1950, 106, 109-110). Анализ упоминаний в письменных источниках уличей и тиверцев в связи с военной активностью киевских князей дает возможность полагать, что подчинение поднепровских племен Киевской Руси и соответственно вхождение ПДМ в состав этого государства произошло во 2-й половине 30-х – начале 40-х гг. X в. (Рабинович, 1997, 6; 2001).

Среди факторов, повлиявших на формирование особенностей древнерусской культуры в Пруто-Днестровье, можно указать и продолжительность периода государственной власти Киева над этими территориями. Уже через столетие, со 2-й половины XI в., началось ослабление позиций Древнерусского государства в этом регионе и усиление роли кочевников, двигавшихся к Дунаю из глубины Евразийской степи. Земли ПДМ в последующий период частично находились в зоне влияния номадов, а частично представляли собой нейтральную полосу между Галицким княжеством и кочевниками. Все попытки киевских и галицких князей утвердиться в регионе в XII–XIII вв. оставались безуспешными. В связи с таким коротким по историческим меркам периодом времени становится актуален вопрос, насколько самосознание местного населения было адекватно самосознанию славянского населения Русской земли. За неимением соответствующих источников, мы можем об этом судить только по тому месту, которое уличи и тиверцы занимали в представлениях русских летописцев. Своеобразие положения уличей и тиверцев в летописи объясняется не только своеобразием их этнического происхождения (дискуссии по этой проблеме см.: Трубачев, 1961; Добродомов, 1970; Хабургаев, 1979; Рабинович 2003; 2005), сколько восприятием этих племен летописцем не как «своих», а как «чужих», входящих в состав Руси только эпизодически.

Еще А. В. Насонов (1951, 41) показал, что земли тиверцев и уличей не входили в понятие Русской земли в узком смысле этого слова. В то же время разрабатывавшиеся еще в дореволюционной науке идеи о неравноправности славянских племен в ПВЛ, которые в основном базировались на анализе четырех перечней славянских племен во вводной части ПВЛ (1 – о первоначальном расселении; 2 – перечень племенных княжений; 3 – перечень племен «словенескъ языкъ»; 4 – перечень племен, живущих «в мире»), привели целый ряд исследователей – С. М. Соловьева (1988, 88), И. И. Ляпушкина (1968, 13), М. Ю. Браичевского (1983, 100), Д. А. Мачинского (1981, 38–44) к мнению о выделяющемся по сравнению с другими племенами положении уличей и тиверцев в ПВЛ.

И уже как показал анализ работы Г. С. Лебедева, предложившего классификацию племен ПВЛ (Лебедев, 1983), тиверцам и уличам не нашлось места в «табели о рангах» ни среди «высших», ни среди «низших», по представлениям летописца, племен. В пространственной организации и политической структуре ПВЛ места для уличей и тиверцев также не оказалось. Информация об этих племенах представлена автором летописи практически только по одному из аспектов – по поводу расселения. В этой организации и структуре также нет места хорватам. В отношении хорватов, уличей и тиверцев можно прийти к выводу, что они просто не

входили в сознании летописца в область русской культуры и государственности, в состав этнокультурного и геополитического пространства Руси, представлялись западной пограничной окраиной Руси, автохтонным «дунайским» населением (как сербы и др.) воспринимались не как «свои», а как «чужие», входившие в состав Руси только эпизодически (Рабинович, 2003).

И данные археологии свидетельствуют о своеобразии древнерусской культуры в ПДМ, о ее неоднородном характере. В ее сложении, безусловно, участвовали восточнославянские компоненты местных древностей Лука-Райковецкой культуры, как полагает большинство исследователей (Тельнов, 2003), но также и восточные – салтовские и элементы миграционного дунайского западнославянского происхождения. Последние заложили основу культуры памятников кольцевых городищ типа Екиматуцы-Алчедар, которые нередко считаются эталоном древнерусской культуры в ПДМ (Федоров, Чеботаренко, 1974).

Вследствие этого ранние древнерусские памятники ПДМ характеризуются разнообразием фортификации, погребальной обрядности, домостроительства, керамики, вещевого инвентаря и особенно ювелирного убора (Рабинович, Рябцева, 2009).

Итак, типично древнерусскими в ПДМ являются сразу два типа городищ – сложно-мысовые (типа Глинжены и Речула) и кольцевые (типа Екиматуцы-Алчедар). Одновременно распространены 2 типа погребальной обрядности: первоначально кремации, а затем приходящие им на смену ингумации в грунтовых могильниках (типа Бранешты) и кремации в курганных насыпях (типа Алчедар). Домостроительство древнерусской культуры в ПДМ характеризуют два типа – земляночные жилища, распространенные и в предшествующей Лука-Райковецкой культуре, и наземные дома, появившиеся на кольцевых городищах. В древнерусской керамике региона мы также видим разнообразие, свидетельствующее о неоднородности культуры. Распространены как горшки стройных пропорций с расширением в верхней трети корпуса (прототипы в Лука-Райковецкой культуре), так и яйцевидных форм гончарные сосуды. Технологическим новшеством стало использование слюды в тесте. Изменился и ассортимент – появились так называемые фляги, воротничкообразные кувшины. Резко возросли многообразие и многочисленность вещевого инвентаря и особенно оружия, правда, это, прежде всего, касается памятников типа Екиматуцы-Алчедар. Скромные и редкие ювелирные украшения Луки-Райковецкой культуры сменились в ПДМ в древнерусских древностях богатым серебряным убором в технике тиснения и зерни, имеющим дунайское западнославянское происхождение. Если говорить об отличиях культуры Древней Руси в ПДМ, то отметим здесь отсутствие

типичных древнерусских дружинных могильников, срубных и камерных погребений. Отсутствует в ПДМ и классический древнерусский город: крупные ремесленные поселки не эволюционировали до статуса городского поселения.

При сложении дружинной субкультуры в ПДМ в отличие от остальной территории Руси решающую роль сыграл не скандинавский компонент, который здесь практически не известен, а древневенгерский. Венгры могли сыграть роль этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество, подобно тому, как это сделали варяги в Восточной Европе (Рябцева, Рабинович, 2014).

Литература

Брайчевский М. Ю. Восточнославянские союзы племен в эпоху формирования древнерусского государства. В: Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983, с. 100-103.

Добродомов И. Г. Два булгаризма в древнерусской этнонимии. В: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 160-163.

Лебедев Г. С. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет». В: Историческая этнография. Традиции и современность. Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л.: Издательство ЛГУ, 1983, с. 103-112.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по археологии СССР, №152, Л.: Наука, 1968.

Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). В: Формирование раннефеодалных славянских народностей. Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука. 1981, с. 31-52.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред., предисловие А. Н. Насонова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Повесть временных лет. Ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Рабинович Р. А. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1997.

Рабинович Р. А. Проблема подчинения уличей и тиверцев Киевской Руси в контексте международной политической ситуации IX–X вв. В: Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.

Материалы IX международной научной конференции 25–30 мая 1998 года. Ростов-на-Дону, 2001, с. 134-136.

Рабинович Р. А. От ултинзуров к уличам, или Предыстория одного летописного племени. В: Stratum Plus, № 5 (2001–2002), 2003, с. 282-299.

Рабинович Р. А. Уличи и тиверцы в оценках историографии. В: Stratum Plus, № 5 (2003–2004), 2005, с. 440-484.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009, с. 292-308.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. В: Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура». М., 2014, с. 259-275.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2, М.: Мысль, 1988.

Тельнов Н. П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. В: Stratum Plus, № 5 (2001–2002), 2003, с. 142-264.

Трубачев О. Н. О племенном названии «уличи». В: Вопросы славянского языкознания. Вып. 5, 1961, с. 186-190.

Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 6, Кишинев: Штиинца, 1974.

Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» М.: МГУ, 1979.

Рябцева С. С.

О специфике юго-западной группы древнерусских створчатых браслетов

Одним из характерных типов древнерусских ювелирных украшений XII–XIV вв. являются широкие серебряные створчатые браслеты с шарнирными креплениями. Для них типичен гравированный декор, дополненный чернью. Прототипами этих украшений были византийские серебряные изделия XI–XIII вв. Однако специфика древнерусской художественной школы металлообработки проявилась как в технике изготовления, так и в декоративном оформлении браслетов. Византийские образцы, как правило, выполнены в технике тиснения (Yeroulanoу, 2010, 48-49, pl. 26-28; Bosselmann-Ruickbie, 2011, 400-402; Даркевич, 1975, 271-273; Бочаров, 1984, 87; Калашникова, Корниенко, Рябцева, 2016, 271) (рис. 1, 1–3). Ранние древнерусские браслеты XII в. изготавливались в технике

ручной выколотки (Макарова 1986, 64-99; 2008, 76-97; Жилина 2016, 186; Калашникова, Корниенко, Рябцева 2016, 273). Каждый браслет изготовлялся индивидуально, по всей видимости, по личным заказам представителей знати (рис. 1, 4–8). Кроме отдельных зооморфных (реальных и фантастических) и антропоморфных персонажей, известны и целые сцены, изображающие плясуний и музыкантов, сцену борьбы человека со львом и др. Фигурки зверей и птиц на этих браслетах иногда становятся частью хитросплетения плетеночных и растительных мотивов. Важной особенностью таких браслетов является то, что чернью, как правило, покрыт фон. Таким образом, создавался эффект светлого изображения на темном фоне. Некоторые образцы дополнительно позолочены. Первоначально створчатые браслеты изготовлялись лишь в столичном центре – в Киеве. В течение XII – начале XIII вв. свои мастерские возникают, по всей видимости, и в других городах, например, во Владимире, Рязани, Галиче.

В конце XII – XIII вв. в технике изготовления браслетов намечаются некоторые изменения. Мастера начинают использовать штампы и чеканы. Кроме того, в конце XII в. эпизодически, а в XIII–XIV вв. регулярно чернить начинают не фон, а лишь гравированные линии изображений (Макарова 1986, 87; Калашникова, Корниенко, Рябцева 2016, 281). Деятельность столичных мастеров, по всей видимости, была прервана татарским нашествием, а вот в Галицкой земле подобные украшения распространены, по крайней мере, до первой половины XIV в. (Рыбаков, 1948, 265-266; Макарова, 1986, 87-90; Калашникова, Корниенко, Рябцева, 2016, 288). Признаками поздней группы вещей является переход от чернения фона к декорированию чернью лишь линий гравировки. Кроме того, для браслетов XIII–XIV вв. характерно использование отдельных небольших матриц для тиснения и применение псевдозерненного орнамента, выполненного при помощи чеканки с оборотной стороны изделия (рис. 1, 10–14). Что касается орнаментики, то четко просматривается сохранение традиционных мотивов, известных на более ранних образцах. В то же время, мастера отказываются от сложных многофигурных композиций с участием антропоморфных и зооморфных персонажей. Появляются новые варианты иконографии изображения птиц и кринов (клад Войнешть), а также растительно-геометрические фигуры, напоминающие готический шрифт (Викторово, Шанчай). Кроме украшений высокого уровня изготовления, представлены и «примитивы». Часть находок происходит с территории Древней Руси, но известны и отдельные браслеты этой группы за ее пределами: клад Войнешть–Яссы (Румыния), Шанчай (Литва) (Пастернак, 1944; Ратич, 1957; Даркевич, Соболева, 1973, 83-95; Teodor, 1961, 245-263; Пиотровский, Волошин, 2012, 211-218; Оца, Геор-

Рис. 1. Византийские и древнерусские створчатые браслеты XI–XIV вв. Масштабы разные.

1 – Афины, Музей Бенаки (Греция); 2 – Париж, Лувр (Франция); 3 – Балтимор, Художественный музей Уолтерса (США); 4 – Тверь, 1906 г. (Россия); 5 – Киев, 1903 г. (Украина); 6 – Киев, 1986 г. (Украина); 7 – Тверь, 1906 г. (Россия); 8 – Старая Рязань, 1966 г. (фрагмент изображения) (Россия); 9 – Москва, 1988 г. (фрагмент изображения) (Россия); 10 – Киев, 1939 г. (Украина); 11 – Шанчай (Литва); 12 – Червень (Польша); 13 – место находки неизвестно; 14 – Войнешть (фрагмент изображения) (Румыния) (Источник: Калашникова Н. М., Корниенко А. И., Рябцева С. С. Створчатые браслеты. Традиция до и после Нашествия. В: *Stratum Plus*, 2016, № 5, с. 269-300).

геску, 2016, 301-320). Подобные удаленные местонахождения являются отражением торговых и культурных взаимоотношений.

Таким образом, именно в регионах Юго-Западной Руси в XIII–XIV вв. сохранялась домонгольская традиция изготовления широких створчатых браслетов. Для них характерно сочетание применения имитации зерни при помощи чеканки с обратной стороны изделия и нанесения черни на линии гравировки. В других же регионах Руси эти признаки встречаются, но по отдельности: чернение линий гравировки – Любеч, клад 1907 г. (Макарова, 1986, 84, рис. 40, № 237), ложная зернь – Киев, клад 1939 г. (Макарова, 1986, 86, рис. 43; Калашникова, Корниенко, Рябцева, 2016, 290) (рис. 1). Тесные контакты Галицкой Руси с регионами Карпато-Поднестровья и Прибалтики определили появление сходных украшений в кладах Войнешть и Шанчай.

Литература

- Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси. М.: Наука. 1984.
- Даркевич В. П. Светское искусство Византии: произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.: Искусство, 1975.
- Даркевич В. П., Соболева Н. А. О датировке литовских монет с надписью «печатъ» (по материалам Шанчайского клада). В: СА, 1973, № 1, с. 83-95.
- Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
- Калашникова Н. М., Корниенко А. И., Рябцева С. С. Створчатые браслеты. Традиция до и после Нашествия. В: Stratum Plus, 2016, № 5, с. 269-300.
- Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука. 1986.
- Оца С., Георгеску М. Некоторые замечания по поводу передатирования клада из Войнешть (жудец Яссы). В: Stratum Plus, 2016, № 5, с. 301-320.
- Пастернак Я. И. Древний Галич. Краків–Львів. 1944.
- Пиотровский М., Волошин М. Чермно (Червень): дослідження 2010–2011 років. В: Червень – град між Сходом і Заходом. Каталог виставки. Tomaszów Lubelski – Leipzig – Lubin – Rzeszów, 2012, с. 211-218.
- Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ: Видавництво АН УРСР, 1957.
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Академии наук СССР. 1948.
- Bosselmann-Ruickbie A. Byzantinischer Schmuck des 9. bis frühen 13. Jahrhunderts. Untersuchungen zum metallenen dekorativen Körperschmuck der mittelbyzantinischen Zeit anhand datierter Funde. SPÄTANTIKE – FRÜHES CHRISTENTUM – BYZANZ. KUNST IM ERSTEN JAHRTAUSEND. Reiche B: Studien und Perspektiven. Band 28. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011.
- Piotrowski M., Wołoszyn M. 2012. Czermno/Cherven – archaeological investigation of an Early Rus' medieval Town in Eastern Poland in 2010–2011. A preliminary

nary report. В: M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Špehar (ed.) Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Arheological and Historical Evidence. Vol. II. Kraków-Leipzig-Rzeszów-Warszawa, p. 359-389.

Teodor D. Gh. Tezaurul feudal timpuriu de obiecte de podoabă descoperit la Voinesti-Iași. В: Arheologia Moldovei, nr. 1, 1961, p. 245-263.

Yeroulanou A. Important Bracelets in Early Christian and Byzantine Art. В: Intelligible Beauty, recent research on Byzantine jewellery. Edited by Chris Entwistle and Noël Adams. British Museum Research Publication, 178. London: British Museum, 2010, p. 40-49.

Голубева Э. С.

Музыкальная жизнь «двора» князя Г. А. Потемкина в Молдавском княжестве («Эпоха Потемкина» в Молдавии)

«Эпохой Потемкина» исследователи нередко называют (Bezviconi, 1962, 176) период в истории культуры Молдавии и соседних регионов, связанный с русско-турецкой кампанией 1787–1791 гг. При этом неизменно упоминается деятельность потемкинских архитекторов, художников, издание в походной типографии Светлейшего первой на территории княжества газеты «Courier de Moldavie»; первый публичный концерт в Яссах (1788), знаменитое ораториальное действо на поле, возле местечка Цуцоры (1789), музыкальный праздник под Бендерами в честь взятия Килии (1790), в котором были заняты многочисленные музыкальные силы князя, и т. д.

Мемуаристы, историки, отмечавшие любовь Потемкина к музыке, нередко делали акцент на его просветительской миссии. Во время пребывания «Князя Таврического» в Новороссии на концерты и спектакли потемкинской труппы приглашались греки, крымские татары, молдаване, сербы. «В Молдавии, – по свидетельству графа Ланжерона, – Потемкин устраивал концерты и давал в честь <...> молдаван великолепные балы» (Брикнер, 1895, 824). Подчеркнутая дань уважения к народам, исконно проживающим на южных территориях, была отчасти дипломатической тактикой политика, отчасти нормой поведения вельможи эпохи Просвещения, к тому же крупнейшего деятеля России, находившегося в центре военно-политических событий европейского масштаба. Не случайно главная квартира Потемкина воспринималась как «двор» со сложившимся ритуалом жизни (прием послов, высокопоставленных гостей, военных всех рангов из различных стран, наличие интимного круга лиц), где искусству отводилась огромная роль. Прообразом потемкинского двора

стал екатерининский, ориентированный на европейские культурные традиции, которые, однако, в области театра и, особенно, музыки существенно корректировались личными вкусами Светлейшего.

К моменту пребывания Потемкина в Молдавском княжестве основные музыкально-исполнительские структуры его «двора» уже сложились. Архивные источники позволяют назвать 4 оркестра. Два из них – оркестры «русских рогов»: «большой» – основной и «малый» – ученический. Первый был приобретен Потемкиным 5 декабря 1784 г. у графа К. Г. Разумовского и считался одним из лучшим в России. Он включал в среднем 27–29 человек. В «малый», созданный в 1786 г., входило от 20 до 22 учеников. Вместе с роговыми музыкантами на службу к Светлейшему перешел их руководитель – корнетист, капельмейстер и композитор из Богемии Карл Лау. В его задачи входило обучение музыкантов «до превосходнейших успехов и совершенства на рогах и других инструментах».

В бумагах потемкинской канцелярии сохранилась информация о военном духовом «осьмиголосном» оркестре. Состав – 9 полковых музыкантов, «взятых Потемкиным из артиллерии» для выполнения предусмотренных инструкцией военных и гражданских функций при главнокомандующем. Обычный состав предполагал парное использование гобоев, кларнетов, валторн и фаготов. Иногда число исполнителей увеличивалось за счет добавления барабана, трубы. «Осьмиголосный» хор в годы русско-турецких войн последней четверти XVIII в. оказался наиболее мобильным типом военно-полкового оркестра.

Из комментариев канцеляриста в ставке Потемкина узнаем, что преподавателем «на кларнетах» в 1785 г. был «старый Манштейн, который по сю пору обучает и всю осьмиголосную духовую музыку» (РГАДА1, 582). Имя немецкого кларнетиста, скрипача и альтиста Андреаса Манштейна было известно Петербургу с 1765 г. Он служил капельмейстером Ведомства главной канцелярии и фортификации, а также (по 1792 г. включительно) – альтистом 1-го придворного оркестра (Порфирьева, 1998, 115). В документах за 1791–1793 гг. имя Манштейна по-прежнему связано с музыкантами потемкинского оркестра (РГВИА). Но где проходили занятия? Скорее всего, по согласованию с Дирекцией императорских театров, на территории Молдавии. Отдельного разговора заслуживает так называемая инструментальная музыка, или особый оркестр Потемкина, соответствовавший европейским аналогам симфонического. Он возник не позднее 1782 г., когда в качестве дирижера и композитора был приглашен австрийский музыкант Карл Ибераль (РГАДА 2, 89), который оставался при должности вплоть до смерти патрона.

Архивные документы свидетельствуют о том, что состав оркестра в среднем насчитывал 28–30 музыкантов. Большая часть (от солдат до

унтер-офицеров) была «прикомандирована» из различных полковых оркестров страны. Уже в 1783 г. оркестр сопровождал Потемкина в его поездках: Херсон, Дубровна, Петербург... Примерно в это же время выдающийся русский музыкант И. Хандошкин, в котором князь видел будущего руководителя музыкального учебного заведения в Новороссии, по его поручению закупал инструменты для оркестра.

Партии солирующих инструментов в оркестре исполняли музыканты, приглашенные из Европы. Они же входили в число «камер-музыкантов» – исполнителей малых форм (от дуэтов и далее), которые находились при Потемкине. Были также хор, балетная труппа. Известно о постановках оперных и драматических спектаклей (ведущие партии первых из них исполняли приглашенные итальянские певцы). Следует также назвать большое число камерных составов. Особое место среди них занимали «Архиерейские певчие стихари», неизменно сопровождавшие князя (РГАДА 2, 106-107). Они как бы возвращали слушателя к истокам православного песнопения, быть может, к мыслям о спасении души. Различные же народные составы (молдавские, цыганские, турецкие, венгерские и пр.) заявляли о своеобразии каждой из национальных культур. Некоторые национальные составы были представлены екатерининскому двору и остались там (как например, участники тарафа) на службе (Голубева, 2013, 174). Другие стали основой для профессионального освоения. В их числе – «молдавский танец» и «танец-песня», а также трио для «турецкого оркестра» (барабан, треугольник, тарелки) в «военной кадрили» (музыка О. Козловского) на знаменитом празднике в Таврическом дворце, устроенном Потемкиным 28 апреля 1791 г. (Грачев, 1956, 178, 180).

«Инструментальная музыка», или «особый» оркестр Потемкина, возникает не позднее 1782 г., когда в качестве дирижера и композитора был приглашен австрийский музыкант Карл Ибераль, оставшийся в этой должности до смерти князя (1791). В 1786 г. к руководству Музыкальной Академией¹ в Кременчуге (позже переведенной в строившийся Екатеринослав) на службу к главнокомандующему прибывает итальянский композитор Джузеппе Сартти, обладавший европейской известностью. Именно на него Потемкин возлагает руководство объединенными музыкальными силами своего двора. Близость натур музыканта и его вельможного покровителя, сказавшаяся в тяготении к масштабности форм (кантаты, оратории), стремление к эксперименту в области музыкальных проектов, масштабности действия, способствовали созданию сочинений крупной формы, в частности, исполнявшихся на пленере. С начала 1791 г. обязанности Сартти выполнял впоследствии знаменитый русский композитор польского происхождения О. Козловский.

В оркестре, насчитывавшем 28 человек, были представлены все группы классического состава. По своим возможностям он может быть сравним с лучшими коллективами Европы. В репертуаре за 1790–1791 гг. мы находим около 190 опусов различных музыкальных форм: от арии до оперы. Они принадлежат 32 композиторам – современникам Потемкина, среди которых Д. Бортнянский, Б. Галлуппи, Д. Паизиелло, Д. Чимароза, Стамиц (предположительно, Ян), один из сыновей Баха (предположительно Иоганн Кристиан), Л. Боккерини, К. Абель, А. Бюллан и мн. др. Впервые в истории русской музыки были исполнены 2 симфонии Моцарта, 18 симфоний и 15 (из 24 написанных) опер Й. Гайдна. Напомним, что оперы Гайдна – наименее известная часть наследия композитора. Хранившиеся в архиве семейства Эстергази, скорее всего они могли попасть к Потемкину благодаря русскому посланнику в Вене А. К. Разумовскому. Он же в августе 1791 г. рекомендовал князю Моцарта, который, будучи неудовлетворенным своим положением, «был бы расположен предпринять <...> путешествие в Молдавию» (Васильчиков, 1882).

Значительную часть репертуара составили сочинения, в том числе музыкантов потемкинского окружения: О. Козловского, К. Ибералея, Россетти Д. Конти, Д. Винченци и особенно Д. Сарти. Это – оратории, кантаты (духовные и светские), оперы, балеты, концерты и др. Обращают на себя внимание так называемые «русские» оперы («Мельник» Д. Сарти, «Два охотника», «Дровосек» К. Ибералея), которые, по-видимому, являлись разновидностью широко распространенных тогда в России «переделок» популярных оперных образцов: с новой музыкой, порой основанной на фольклорных мелодиях, новых или переведенных с языка оригинала на русский литературных текстах.

Не исключено, что этот вид искусства при потемкинском «дворе» был представлен «благородными спектаклями», поставленными и исполненными великосветскими любителями из окружения Светлейшего (Е. Долгоруковой, П. Потемкиной, австрийским посланником в России графом Л. А. Кобенцелем и др.). Сохранилось описание-эскиз сценического оформления будущего спектакля, начертанное рукой самого Потемкина. В постановках опер должны были быть заняты и профессиональные силы. Известно, например, что в музыкальных вечерах участвовала итальянская певица Гриели, ее соотечественник «сопранист» А. Бравура (последний входил в число преподавателей Академии.)

Балетная труппа, которой с 1789 г. руководил итальянский танцовщик, преподаватель и балетмейстер Ф. Розетти, состояла из крепостных Потемкина (15 юношей и 10 девушек). Солисты были также и воспитанниками известного французского балетмейстера Ш. Ле Пика, работавшего при Императорском дворе. Помимо дошедших до нас сведений

Р. Державина о балете-аллегии «Смирнский купец» и балетной пасторали, исполненных во время знаменитого праздника в честь взятия Измаила в Таврическом дворце Потемкина, известны названия ряда других (с музыкой Д. Винченци), опубликованные в репертуарных списках тех лет в Милане. Кроме того, в бумагах потемкинской канцелярии значатся балеты «пастушеский», «казачий», «испанский», «комический».

Группу солистов-инструменталистов при Потемкине составляли его «камер-музыканты», которые числились также преподавателями «Высочайше утвержденной» в 1784 г. Екатеринославской (Кременчугской) музыкальной Академии. В их функции, помимо исполнения и сочинения музыки, входили занятия с находившимися при них учениками, нередко крепостными крупнейшими вельмож России. Среди исполнителей камерной музыки были скрипач, альтист и композитор Д. Винченци, виолончелист А. Дельфино, гобоист Ф. Бранкино, приглашенные из оркестра Миланского театра «Ла Скала», концертирующий клавесинист (он же преподаватель сольфеджио) Ф. Даль Окка, скрипач Л. Гиолио, контрабасист Д. Гатта, флейтист Ф.-Л. Михель и др.

На молдавских «бивуаках» потемкинского «двора» происходило обучение юных музыкантов, впоследствии известных композиторов Д. Кашина, А. Веделя, П. Турчанинова, гобоиста Шепелева, флейтиста Г. Тенишева и др. Загадка Екатеринославской Академии музыки, существовавшей, по мнению большинства исследователей лишь «на бумаге», может быть разрешена, если принять во внимание ее передвижной характер.

Среди народных ансамблей, пользовавшихся благосклонностью Потемкина, который знакомил с ними Санкт-Петербургский императорский двор, был тараф из трех человек. Вывезенный из Валахии в 1774 г., он находился в Петербурге или при князе вплоть до его смерти. Здесь же, в Молдавии, была составлена цыганская капелла из 10 человек.

Многообразная, насыщенная и высокохудожественная жизнь потемкинского «двора», с одной стороны, способствовала знакомству местных жителей с европейской и русской музыкой, с традициями музицирования, с другой, дала возможность российской столице узнать искусство лэутаров, а молдавским народным мелодиям – в оригинальном или обработанном виде войти в произведения профессионального музыкального творчества (сочинения О. Козловского, репертуар роговой музыки и др.).

Примечание

¹ 4 сентября 1784 г. именным указом императрицы был учрежден Университет. В течение нескольких лет названия учебного заведения менялись. Утвердилось: Екатеринославская Академия (с музыкальным и художественным отделениями). Свою идею создания учебно-просветительского центра на юге

России политик-романтик сформулировал в письме (а точнее – в «донесении») Екатерине II от 8 октября 1786 г.: «По соседству Польши, Греции, земля Воложской, Молдавской и народов Илирических, множество притечет юношества обучаться, которые возвратятся с неизгладимою благодарностию к вашим благодеяниям и привязанностию к России...» (Русский Архив, 1865, № 1, с. 66-67).

Литература

Брикнер А. Г. Князь Г. А. Потемкин. В: Исторический вестник. Т. 62. СПб., 1895, с. 824.

Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București, 1962.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. III. Ч. I. СПб., 1882.

Голубева Э. С. «Двор» князя Потемкина: легенды и быль. В: Вестник Славянского университета. Вып. 21. Кишинэу, 2013.

Грачев П. В. О. А. Козловский. Очерки по истории русской музыки. Л., 1956.

Порфирьева А., Березвчук Л. Манштейн. В: Музыкальный Петербург. XVIII в. Т. 2. СПб., 1998.

РГАДА 1 (Российский Государственный архив древних актов), ф. 11, оп. 1, д. 950, ч. 2.

РГАДА 2, ф. 11, оп. 1, д. 950, ч. 2; ф. 17, оп. 1, д. 285.

РГВИА (Российский Государственный военно-исторический архив), ф. 52, оп. 2, ч. II, д. 104.

Королева Э. А.

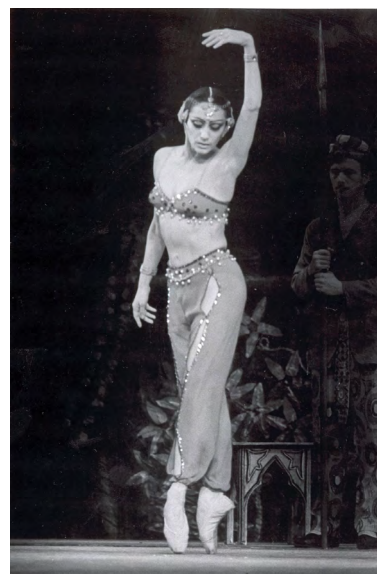
Влияние русского балета на молдавский балетный театр

Начиная с 60-х гг. XIX в., с постановки в Санкт-Петербурге Мариусом Петипа грандиозного балета «Дочь фараона» на музыку Цезаря Пуни, русский балет стал уверенно заявлять о себе как об искусстве мирового масштаба. Мастерство высокопрофессиональных артистов балета, выученных в императорской театральной школе, невиданная до того времени роскошь декораций и костюмов, сценических спецэффектов поражали зрителей изобретательностью и масштабом театрального действия. «Дочь фараона» вошла в плеяду произведений мирового искусства. В 2003 г. спектакль Петипа со стилистическими изменениями в соответствии с новым временем возобновил на сцене Большого театра в Москве французский хореограф Пьер Лакотт. Через год этот спектакль с большим успехом исполнялся в Париже.

Балет «Баядерка», признанный вершиной драматического творчества Петипа, в 1981 г. был перенесен Татьяной Легат со сцены Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова в Молдавский театр оперы и балета. В 1983 г. во время гастролей Молдавского театра в Москве он был показан на сцене Большого театра, буквально через несколько дней после того, как москвичи видели эталон «Баядерки» в исполнении Ленинградского театра им. С. М. Кирова. Успех был неожиданным, ошеломляющим. Молдавский спектакль, следовавший всем канонам классического балета, был наполнен живыми человеческими чувствами. В танце Никии Валентины Палагнюк высвечивались таинство души баядерки и всепоглощающая, губительная любовная страсть.

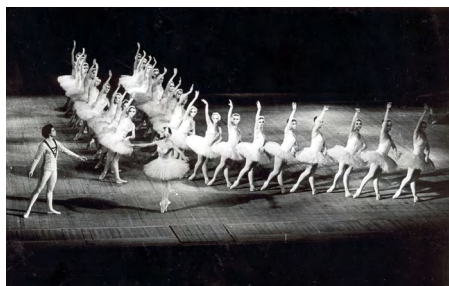
В 1965 г. в редакции Софьи Тулубьевой, воспитанницы ленинградской балетной школы, бывшей солистки Театра оперы и балета им. Кирова, известного педагога и балетмейстера, на сцене молдавского балетного театра появился шедевр Петипа «Спящая красавица», признанная энциклопедией балетного искусства XIX в. В 1989 г. «Спящую красавицу» перенесла на молдавскую сцену в редакции кировского театра Татьяна Легат.

С 1958 г. шедевр Мариуса Петипа и Льва Иванова «Лебединое озеро» в разных редакциях до настоящего времени продолжает украшать афишу молдавского балета. Последняя редакция «Лебединого озера» знаменитого премьера балета и балетмейстера Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова Константина Сергеева была перенесена на молдавскую

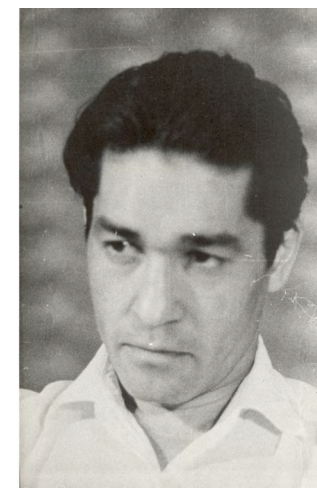

сцену в 1982 г. С 1963 г. не сходит с молдавской сцены балет «Жизель», перенесенный со сцены Театра оперы и балета им. Кирова солисткой этого театра Ниной Федоровой.

Молдавский балетный театр был создан в 1957 г. Труппу формировал воспитанник Московского хореографического училища известный балетмейстер Александр Проценко. Первыми ее артистами были выпускники молдавской группы Ленинградского хореографического училища: Петр Леонарди, Виталий Поклитару, Клавдия Осадчая, Вера Салкуцан,

Вера Кукол и другие, выпускники хореографического отделения Музыкального училища им. Шт. Няги, в числе которых была первая исполнительница партии Жизель Элеонора Годова, а также артисты, приглашенные из других театров бывшего Советского Союза. Солистка балета Киргизского театра оперы и балета Галина Мелентьева уверенно заняла положение прима-балерины молдавского балета, ведущими солистами стали солистка Воронежского театра Розита Потехина, выпускница Пермского хореографического училища Людмила Недремская.

Молдавский балет заявил о своем рождении спектаклем «Бахчисарайский фонтан» Асафьева в постановке Проценко. Роль Заремы исполняла Мелентьева. В своей постановке балета «Тщетная предосторожность» Гертеля Александр Проценко исполнял роль Марселины. В роли Лизы выступила Розита Потехина, Колена – Александр Смолянский, выпускник Киевского хореографического училища.

В 1980 г. балет «Тщетная предосторожность» поставил в Молдавском театре оперы и балета Марат Газиев, воспитанник Московского хореографического училища, окончивший балетмейстерское отделение ГИТИСа. «Тщетная предосторожность» в постановке Газиева исполняется до настоящего времени в Национальном театре оперы и балета, а также в других театрах бывшего Советского Союза.

С 1879 по 1985 г. Газиев был художественным руководителем молдавского балетного театра. Это был его золотой период. Вместе со своей женой, знаменитой балериной Пермского театра Марианной Подкиной

он поднял профессиональный уровень труппы. Он пригласил для постановки «Баядерки» Татьяну Легат, Константина Сергеева – на постановку «Лебединого озера», Анатолия Сидорова – на постановку «Сильфиды», а также других мастеров ленинградского балета, способствовавших повышению артистического мастерства молдавских балетных танцовщиков. В постановке Газиева идут сегодня в Национальном театре оперы и балета «Тщетная предосторожность» Гертеля, «Коппелия» Делиба и «Дон Кихот» Минкуса.

Балет «Щелкунчик» Чайковского в постановке всемирно известного хореографа Юрия Григоровича, перенесенной со сцены московского Большого театра в 1998 г., и сегодня среди всех вышеназванных классических балетов входит в число спектаклей, составляющих основу репертуара Национального театра оперы и балета.

Искусство балетмейстера, основанное на русской балетной школе, осваивал на факультете режиссуры хореографа в Ленинградской консерватории (1986–1991) Евгений Гырнец. Сегодня на сцене молдавского театра идет в его постановке балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева.

Циркунова С. В.

Композитор Анфиса Федорова и ее вклад в развитие музыкального искусства Республики Молдова 1980-х гг.

Анфиса Викторовна Федорова (1953–2000) вписала яркую страницу в развитие музыкальной культуры Республики Молдова. Она была музыкальным редактором на Гостелерадио (1977–1980), автором популярной передачи «Музыкальные меридианы»; преподавателем музыкально-теоретических дисциплин в Молдавском государственном институте искусств им. Г. Музическу (1980–1982); педагогом по композиции в Кишиневской детской школе искусств им. В. Полякова (1985–1998), умевшим пробудить в детях любовь к музыке и творчеству. Наконец, она была талантливым композитором, оставившим заметный след в музыкальном искусстве Республики Молдова.

Анфиса Федорова прожила короткую жизнь: ей было 47, когда она покинула этот мир, оставив о себе память как о человеке с богатейшими творческими возможностями, не реализованными даже в малой степени. Она была сильной личностью, однако слишком много сил уходило на борьбу за выживание. Эта борьба ее поглотила, и в итоге она отошла от музыки, обретя смысл жизни в обращении к Богу. Последние годы Анфиса посвятила служению в Армии спасения, что кардинально изменило ее мировоззрение и жизненные приоритеты. Она перестала писать музыку, а обнаружив в себе серьезную болезнь, отказалась от медицинской помощи и быстро подошла к концу жизненного пути.

Автор данной статьи имела счастье быть близкой подругой Анфисы и знать не понаслышке о ее творческих планах и проблемах, беседовать с ней, знать ее мнение по разным вопросам, в том числе и «о музыке и музыкантах», а также опубликовать в научной статье результаты аналитических размышлений о композиционно-драматургических процессах в ее произведениях (Циркунова, 1998, 180-192). Поэтому сейчас, когда ее нет в числе живущих, пишущая эти строки считает долгом внести лепту в воссоздание картины композиторской реальности того времени рассказом об этом незаурядном человеке.

Родилась Анфиса Федорова 7 декабря 1953 г. в пригороде Кишинева – поселке Гидигич. Ее мать, бывшая фронтовичка, работала медсестрой в детском саду, одна растила дочь. В вечерней музыкальной школе, которую Анфиса посещала параллельно с общеобразовательной, она училась играть на аккордеоне. Среднее музыкальное образование получила в Кишиневском музыкальном училище им. Шт. Няги, окончив его в 1973 г. по специальности «Теория музыки» (класс В. Бородина).

Выпускницей Молдавского государственного института искусств им. Г. Музическу была дважды: в 1978 г. по специальности «Музыковедение» (класс Л. Райляну) и в 1981 г. по специальности «Композиция» (класс З. Ткач). Как композитор в период 1982–1984 гг. совершенствовалась в ассистентуре-стажировке Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского под руководством Т. Чудовой, ассистента Т. Хренникова.

Творческий путь А. Федоровой определился в начале 1980-х гг. Первые ее сочинения были связаны с требованиями вузовских учебных программ и планов. Среди них: «Цикл песен на стихи А. Пушкина» для голоса и фортепиано (1977), «Вариации для струнного квартета» (1977), цикл обработок молдавских народных песен для голоса и фортепиано (1978), хоровые сочинения (1980), Соната для флейты и фортепиано (1980). В год окончания Института искусств Анфиса пишет хоровой цикл «Времена года» на стихи А. Майкова и одночастную Симфонию. Учеба в Москве ознаменовалась созданием крупного вокально-симфонического цикла «Эминеску». В дальнейшем Анфиса переключила внимание на инструментальную музыку. В 1985 г. она пишет Сонату для фортепиано, в 1987 г. – Концерт для струнного оркестра и органа, в 1993 г. была завершена и исполнена композиция для органа под названием «Аркан». Это было последнее произведение Анфисы.

Композиторская активность А. Федоровой пришлась на 1980-е гг., которые в истории национальной музыки имели рубежное значение. С одной стороны, они завершали ту историко-культурную волну, которая началась в 1960-е гг., достигла кульминации к рубежу 1970–1980-х и сошла на нет к началу 1990-х. С другой стороны, 1980-е гг. готовили почву для нового этапа, получившего наименование «переходного», охарактеризованного музыковедом Е. Мироненко как период, «когда произошла радикальная смена геополитического пространства – обретение Молдовой независимости, а вместе с ней и смена всей социально-культурной парадигмы, расколовшей историю национальной культуры на две части: советскую и постсоветскую» (Мироненко, 2014, 9).

В это время в зените славы находились В. Загорский, П. Ривилис, Г. Няга, З. Ткач, В. Ротару, другие музыканты, сформировавшиеся под влиянием преимущественно русского советского искусства. Тогда же уверенно заявляли о себе их ученики Б. Дубоссарский, О. Негруца, С. Бузилэ, И. Маковой, а также вступали на путь созидания молодые Г. Чобану, В. Беляев, В. Чолак, М. Стырча, нащупывавшие свою «колею» уже не только в следовании традициям, но и в попытках их преодоления. Среди них была и А. Федорова. Она не относилась к приверженцам авангарда и поставангарда, не изобретала необычных выразительных средств, не

пользовалась новыми техниками композиции. Ее музыка традиционна. Она ассимилирует элементы музыкального языка Б. Тищенко, Г. Канчели, А. Шнитке, порой включает лексемы из молдавского фольклора. При тягательную силу творчеству А. Федоровой придает его содержательная сторона – это страстная исповедь умного, глубокого и ранимого человека, которому чужды конъюнктурные мотивы.

Начиная с ранних студенческих опусов, композитор обращается к концептуально значимым темам. Например, трехчастный хоровой цикл «Времена года» трактует смену времен года как чередование этапов человеческой жизни: лето – осень – заличка весны. Сочинение заканчивается оптимистическим призывом: «Приходи, весна, скорей!», которого в поэтических строках А. Майкова нет и который сообщает слушательскому восприятию позитивный настрой на светлое будущее. Стремление к художественному и философскому обобщению проявилось в вокально-симфоническом цикле «Эминеску». Лирический герой этого сочинения погружен в размышления о жизни и смерти, о роковой предначертанности происходящего. Все части контрастируют друг с другом, а драматургическое развитие напоминает контур крупной волны: длительное *crescendo*, яркая кульминация, резкий спад.

Подобный драматургический прием используется А. Федоровой и в инструментальных сочинениях, что позволяет говорить о наличии у этого композитора своеобразной драматургической модели, варьируемой в различных опусах. Но если в произведениях, связанных со словом, драматургия определяется логикой и эмоциональным спектром поэтического текста, то в инструментальных сочинениях движущей силой является контраст двух темообразующих комплексов. Один олицетворяет неумолимость внешнего начала, другой воплощает душевные состояния лирического героя. Их первоначальное сопоставление и последующие столкновения образуют блоки в композиции сочинения, при этом каждый последующий блок превосходит предыдущий по эмоциональному напряжению. Данная закономерность особенно ярко обнаруживается в Сонате для фортепиано, в Концерте для струнного оркестра и органа, в пьесе «Аркан». Проследим сказанное на примере фортепианной сонаты.

Первоначальное сопоставление контрастных элементов осуществляется во вступлении: одноголосная мелодия, насыщенная трелями и динамическими контрастами, несколько раз чередуется с жестко токатными диссонансирующими комплексами. Следующим уровнем сопоставления становится чередование главной и побочной тем экспозиции: главная – механистична, напориста, побочная – хорал, в котором постепенно обнаруживаются черты вальса. В разработке происходят радикальные трансформации образов, в результате чего в зеркальной

репризе побочная приобретает жестко напористый характер, а главная тема утрачивает мощь. Гимническая кода, по-видимому, является данью традиции, в контексте сочинения она воспринимается недостаточно органично. Однако в целом Соната для фортепиано А. Федоровой является заметным явлением в развитии данного жанра. Она с успехом была исполнена в одном из концертов фестиваля «Дни новой музыки» 2014 г., запись сонаты в интерпретации молодой молдавской пианистки Инессы Чолпан помещена в сети Интернет и пользуется заслуженным интересом (Anfisa Fiodorova, 2014), усилиями друзей А. Федоровой ведется работа над изданием нот этого произведения.

Справедлива мысль о том, что человек жив, пока его помнят. Память об Анфисе дарует ей жизнь в сердцах друзей, учеников, коллег. Композитор А. Федорова оживает в исполняемой музыке, наполненной зарядом душевной чистоты, внутренней силы и устремленности к позитиву. Все это образует тот вклад, который Анфиса Федорова внесла в развитие музыкальной культуры Республики Молдова.

Литература

Мироненко Е. Композиторское творчество в Республике Молдова на рубеже XX–XXI веков. Кишинев: Primex Com, 2014.

Циркунова С. Инструментальная музыка Анфисы Федоровой. В: *Cercetări de muzicologie*. Chişinău, 1998, p. 180-192.

Anfisa Fiodorova – Sonata. В: <https://www.youtube.com/watch?v=1Rg91eQ2WD4> (дата обращения – 08.07.2017).

Березовикова Т. Н.

Алексей Иннокентьевич Амвросов: скрипач, альгист, педагог

Настоящая статья посвящена Алексею Иннокентьевичу Амвросову (1928–2007), замечательному музыканту и преподавателю, долгие годы беззаветно служившему искусству и педагогике Республики Молдова. В основу статьи легли материалы из архива семьи Амвросовых, архива Академии музыки, театра и изобразительных искусств, а также интервью и высказывания, предоставленные автору коллегами и учениками А. И. Амвросова. Алексей Амвросов родился в Иркутске. Его мать Вера Ивановна была бухгалтером, об отце Иннокентии Ивановиче дети знали мало, так как он скончался во время эпидемии тифа в 1932 г., не дожив и до сорока лет.

Спустя годы по надписи на одной из старых фотографий было установлено, что отец был разносторонним музыкантом: играл на контрабасе, валторне и ударных инструментах. Из троих детей Амвросовых (всего их было четверо, но старший брат умер в младенчестве) двое – Алексей и его старшая сестра Юлия – стали скрипачами. Юлия всю жизнь прослужила в оркестре Одесского оперного театра. Младшая сестра Нина не стала музыкантом, но и она связала свою жизнь с музыкой, выйдя замуж за сокурсника Алексея, скрипача Александра Оприцу. Многие знают Нину Иннокентьевну по многолетней работе в библиотеке Кишиневского музыкального училища им. Шт. Няги.

Учиться игре на скрипке Алексей Амвросов начал в иркутской музыкальной школе. В семейном архиве сохранилась небольшая заметка с красноречивым названием «Талантливые дети» из газеты «Восточно-сибирская правда» (сентябрь 1937 г.), в которой говорится о способных юных музыкантах Алексее и Юлии Амвросовых.

В 1939 г. семья Амвросовых переехала в Алма-Ату, в 1944 г. в Полтаву, а в 1947 г. обосновалась в Одессе, где Алексей окончил музыкальное училище. В 1948 г. он поступил в Одесскую консерваторию, в класс известного педагога Вениамина Зиновьевича Мордковича, ученика и главного продолжателя традиций Петра Соломоновича Столярского – легендарного основателя Одесской музыкальной школы для одаренных детей, ныне носящей его имя.

По совету молдавской певицы Янины Левицкой, в 1954 г. молодой выпускник Одесской консерватории Алексей Амвросов приехал в Кишинев. Здесь он получил предложения поступить на работу в три филармонических коллектива: симфонический оркестр, который возглавлял Тимофей Гуртовой, ансамбль молдавских цыган, руководимый Владимиром Барончуком, и ансамбль народного танца «Жок» под музыкальным руководством Шико Аранова. Алексей выбрал «Жок», с которым побывал во многих республиках СССР и за рубежом, был участником фестивалей румынско-советской и венгерско-советской дружбы, VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Он всегда очень тепло вспоминал о Шико Аранове и высоко ценил его талант руководителя, ком-

позитора и аранжировщика. Работая в «Жоке», Алексей Иннокентьевич освоил незнакомую ему до тех пор специфику исполнения молдавской народной музыки. Полученные навыки он позже использовал в своей педагогической работе со студентами.

В 1957 г. А. И. Амвросов начал преподавательскую деятельность в Музыкальном училище (ныне колледж) им. Няги, где вел классы скрипки, альты, квартета, камерного ансамбля. На протяжении многих лет возглавлял отдел струнных инструментов. «Он стал своеобразным символом музучилища им. Шт. Няги, по которому три десятилетия подряд все сверяли часы, качество труда и нормы поведения» (Поляр, 2003). Помимо этого работал в Детской музыкальной школе № 1, в Кишиневской государственной консерватории и в Институте искусств им. Г. Музическу. В последние годы был доцентом кафедры народных инструментов Академии музыки, театра и изобразительных искусств.

За годы педагогической работы Алексей Амвросов подготовил более 80 учеников, многие из которых стали артистами и солистами различных ансамблей народной музыки, симфонических и оперных оркестров, лауреатами республиканских и межзональных конкурсов. Среди учеников Алексея Иннокентьевича назовем таких, как Ася Муртазина, Семен Будник, Ефим Пастух, Вера Дуда, Юрий Кашеев, Ефим Зубрицкий, Марк Горенштейн, Лучия Ластовка, Евгения Зубрицкая-Визитей, Валерий Бивол, Оскар Нузман, Валериу Хынку, Валериу Патик, Светлана Врабие, Людмила Лунгу, Марин Гуцану. Выпускниками А. Амвросова по классу квартета являются известные музыканты Михаил Мулер, Николай Татарин, Александр Андрусенко, Валерий Негруца и др.

Свой колоссальный педагогический и исполнительский опыт А. И. Амвросов обобщил в ряде ценных методических трудов, которые с успехом используются в учебном процессе. Преподавая такую важную учебную дисциплину, как «Методика обучения игре на смычковых инструментах», в 1991 г. он издал одноименную методическую разработку, в которой подробнейшим образом описал все стороны игрового процесса (Амвросов, 1991). Позже были опубликованы две его методические статьи: «К вопросу о технике рук скрипача» и «Игровые движения и их координация в процессе скрипичной игры» (Amvrosov, 2003). Ряд методических работ ждут своей публикации.

С одинаковым мастерством владевший скрипкой и альтым, А. И. Амвросов проявил себя как талантливый исполнитель. С юных лет он играл в оркестрах: сначала в Полтаве (оркестр Украинского музыкально-драматического театра им. Н. В. Гоголя), затем в Одессе (оркестры Театра музыкальной комедии, Русского драматического театра и драмтеатра Одесского военного округа). В зрелые годы выступал с сольными и ансамблевыми

программами. В 1980-е гг. был артистом Камерного оркестра Молдавского радио и телевидения.

Нельзя не упомянуть и о созданном в 1964 г. струнном квартете Молдтелерадио, в первый состав которого, помимо Алексея Амвросова, вошли Анатолий Мирочник, Александр Каушанский и Юрий Крылов. Квартет активно сотрудничал с Союзом композиторов Молдовы, принимал участие в его пленумах и съездах, в Декадах молдавского искусства в Москве и Латвии. Многие композиторы доверяли ему первое исполнение своих произведений. Сочинения из репертуара квартета вошли в фонд Национальной компании Телерадио-Молдова и были записаны на пластинки фирмой «Мелодия». Можно с полным основанием утверждать, что этот коллектив, в котором участвовал Алексей Иннокентьевич, сыграл важную роль в становлении квартетного искусства Молдовы.

За заслуги в области развития отечественной музыкальной культуры и педагогики А. И. Амвросов был награжден значком «Отличный работник культуры МССР», почетными грамотами Президиума Верховного Совета МССР, Министерства культуры СССР и МССР. Указом Президента Республики Молдова Алексею Амвросову было присвоено почетное звание *Om Emerit* (1996). Но, по словам музыковеда Елены Абрамович, «самое почетное звание было присвоено Алексею Иннокентьевичу его многочисленными учениками: „Любимый, глубоко уважаемый и незабвенный Учитель“».

Марк Горенштейн, дирижер, народный артист Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед отечеством»: «Говорят, что каждый из нас живет до тех пор, пока его помнят. Уверен, что многочисленные воспитанники Алексея Иннокентьевича никогда не забудут его страстного желания научить своих студентов тому, чем сам обладал в избытке: неиссякаемой любви к музыке, фанатической преданности педагогике и удивительной честности в служении своему делу. Он учил не только специальности, но и человеческим взаимоотношениям, правдивости, благородству и порядочности» (Овчинникова, 2012).

Лучия Ластовка, концертмейстер группы альтов Государственного камерного оркестра Белоруссии, профессор Белорусской академии музыки: «Только настоящий Учитель может почувствовать индивидуальность своего ученика и найти подход к задаткам будущего музыканта. Как никто другой, Алексей Иннокентьевич умел формировать техническую базу исполнителя-ученика. Сколько юмора было на занятиях, когда он пародировал нашу постановку, создающую проблемы во время исполнения! Любовь к музыке и огромное терпение Учителя давали свои результаты. Всего, что я имею, я достигла благодаря Алексею Иннокентьевичу,

его педагогическому таланту, бесконечной доброте и благородству. Моя благодарность ему безгранична!»

Наум Хош, доцент кафедры струнных инструментов АМТИИ: «Роль Алексея Иннокентьевича в развитии молдавской скрипичной педагогики очень весома. Его имя можно поставить рядом с именами таких видных педагогов, как И. Дайлис, А. Тушмалов, М. Унтерберг, А. Каушанский, Г. Няга, Г. Буйновская и другие. Он досконально знал анатомию исполнительского аппарата, уделял этому пристальное внимание. Он требовал от учеников, чтобы они анализировали работу мышц каждой руки, добиваясь таким образом преодоления возникающих исполнительских сложностей».

Надежда Жадан, преподаватель кафедры народных инструментов АМТИИ: «Алексей Иннокентьевич был музыкантом с отличными профессиональными и личностными качествами, педагогом, как говорится, „от Бога“, светлым и бескорыстным человеком. Его уважали и преподаватели, и студенты – за профессионализм, добротную скрипичную школу, за преданность своему делу и бескомпромиссность в самых разных ситуациях, за доброту и удивительный внутренний свет, который он посылал людям».

Светлана Врание, артистка симфонического оркестра Телерадио-Молдова, преподаватель музыкального колледжа им. Шт. Няги: «С большим уважением вспоминаю Алексея Иннокентьевича и искренне горжусь тем, что являюсь его ученицей. В наши дни, когда профессионализм часто подменяется дилетантскими навыками, хочется еще раз сказать спасибо Педагогу, который прививал нам трепетное отношение к профессии, в которой, как он говорил, „нет мелочей“».

Елена Абрамович, музыковед, *Om Emerit*: «А. И. Амвросов передавал ученикам лучшие исполнительские традиции. А традиции, по словам Игоря Стравинского, – „как фамильные драгоценности, как наследство, которое ты получаешь при условии, что ты обогатишь его прежде, чем передать его потомству“. Такими „фамильными драгоценностями“ щедро одарил Алексей Иннокентьевич своих учеников».

Именно высокие исполнительские и педагогические традиции позволяют оценить вклад А. И. Амвросова в музыкальную культуру нашей страны. И его образование, и вся его деятельность отвечали самому высокому уровню европейских и мировых стандартов. Подчеркнем, что А. Амвросов прошел одесскую школу скрипичного мастерства, основы которой были заложены в XIX в. выпускниками Петербургской консерватории Константином Гавриловым, Эмилем Млынарским, Павлом Пустарнаковым – учениками основателя русской скрипичной школы Ле-

Квартет Молдтелерадио. Слева направо: А. Мирочник, А. Амвросов, А. Каушанский, Ю. Крылов (Источник: личный архив автора)

опольда Ауэра. Л. Ауэр же, в свою очередь, был учеником знаменитого представителя австро-венгерской школы Йозефа Иоахима.

А. Амвросов учился у известного во всем мире Вениамина Зиновьевича Мордковича, наследника педагогических традиций Петра Соломоновича Столярского, скрипичную школу которого французский скрипач и композитор Жак Тибо назвал «Школой мирового скрипичного искусства XX века». В классе В. З. Мордковича занимались Эдуард Грач, Валерий Климов, Семен Снитковский, Роза Файн, Ольга Каверзнева, Александр Винницкий и многие другие выдающиеся скрипачи.

Блестящие традиции одесской школы Алексей Амвросов передал своим ученикам, которые доказали их высокое качество, работая не только в Молдове, но и в самых престижных оркестрах и учебных заведениях многих стран мира: России (Государственный симфонический оркестр России им. Е. Светланова, Академия музыки им. Гнесиных), Беларуси (Государственная академия музыки, Камерный оркестр Беларуси), Украины (Одесская и Киевская академии музыки), США (симфонические оркестры Нью-Йорка, Индианнополиса), Франции, Германии, Аргентины и др. Интеллигентный, доброжелательный, досконально разбирающийся в своей профессии и во многих других вещах, но при этом удивительно скромный, без единого намека на самолюбование, обладающий блестя-

щим, с характерной ненавязчивой «подачей», чувством юмора, – таким запомнился Алексей Иннокентьевич Амвросов родным, коллегам, ученикам, всем, кому довелось ощутить душой обаяние его личности.

Литература

Амвросов А. Методика обучения игре на смычковых инструментах. Методическая разработка. Кишинев, СПТУ-24, 1991. Ч. 1, 52 с. Ч. 2, 57 с.

Овчинникова С. Слово об Учителе. В: Молдавские ведомости, № 25 (1506), 2012, 6 марта. Режим доступа: http://www.vedomosti.md/news/Slovo_Ob_Uchitele (дата обращения – 01.07.2016).

Пожар С. Скрипку меняя на альт. В: Кишиневские новости, 2003, 15 августа.

Amvrosov A. Considerațiuni referitoare la tehnica manuală a violonistului. В: Problemele metodico-didactice în învățământul artistic superior. Chișinău: Grafema Libris, 2003, с. 108-110.

Amvrosov A. Mișcările interpretative și coordonarea lor în procesul cântării la vioară. В: Problemele metodico-didactice în învățământul artistic superior. Chișinău: Grafema Libris, 2003, с. 110-112.

Аксенова Н. В.

Деятельность Вячеслава Николаевича Аксенова в Государственном русском драматическом театре им. А. П. Чехова в 1960-е гг.

В период 1961–1963 гг. художественным руководителем Русского драматического театра им. А. П. Чехова являлся Вячеслав Николаевич Аксенов. Он столкнулся с большим количеством сложностей административного, материального и художественного характера, обусловленных, в основном, реконструкцией театрального помещения. Приступив к этой работе после длительного пребывания на руководящих должностях в различных драмтеатрах СССР, В. Аксенов привык к необходимости решать организационные и художественные задачи в условиях плохо налаженного творческого процесса, поэтому тяжелая ситуация в Кишиневском русском театре начала 1960-х гг. не явилась для него чем-то новым и непредвиденным. Особенно остро она ощущалась на фоне плодотворной деятельности других театральных коллективов, число которых в столице МССР постоянно увеличивалось. Приняв на себя функции руководителя, В. Аксенов развил интенсивную деятельность и, если бы не последовавшие вскоре два инфаркта, возможно, время его работы в Русском драмтеатре Кишинева не было бы таким кратким.

Режиссеру пришлось не только решать вопросы репертуарной политики, художественного руководства творческим процессом, заниматься собственными постановками, но и определять бытовые условия функционирования театра, морально поддерживать кадровый состав труппы. В числе организационно-хозяйственных задач, с которыми столкнулся В. Аксенов, первостепенное значение принадлежало обеспечению репетиционных и игровых площадок для работы коллектива. Поскольку собственное помещение театра находилось на капитальном ремонте, в обязанности В. Аксенова (совместно с директором) входило составление договоров с администрацией Кишиневской государственной филармонии и Дома офицеров, в зданиях которых работал театр.

Для расширения ареала творческой активности театра и улучшения его материального благосостояния В. Аксенов большое внимание уделял организации гастролей по республике и за ее пределами, чем обеспечивал коллективу чувство стабильности, сплоченности и защищенности. Так, по инициативе Вячеслава Николаевича, в декабре 1961 г. Русский драматический театр им. А. П. Чехова выезжал в Тирасполь, весной 1962 г. осуществил длительные гастроли в Бельцах, летом того же года совершил четырехмесячную поездку по городам Молдавии и Украины, в начале лета 1963 г. давал представления в Краматорске. Постоянные поездки не только укрепляли материальное положение театра, но и учили актеров приспособляться к новым площадкам, а также «способствовали установлению подлинного содружества между актером и зрителем» (Михалева, 1965). В. Аксенов в этой связи писал: «Каждая наша встреча со зрителями, их принципиальная взыскательная критика будет способствовать творческому росту театра» (Аксенов, 1962).

Показательно, что во время гастролей в Бельцах коллектив Русского драматического театра им. А. П. Чехова давал ежевечерние спектакли, при этом ежедневно выезжая в районные населенные пункты, совхозы и колхозы, оказывая практическую помощь художественной самодеятельности. Для укрепления связи со зрителями проводились творческие встречи, зрительские конференции и обсуждения новых спектаклей. Во время этой поездки были показаны спектакли: *Коллеги В. Аксенова* (режиссер И. Сологубенко), *Третья голова* М. Эме и *Левониха на орбите* А. Макаенка (Я. Рево), *Моя старшая сестра* А. Володина (Н. Федорова), *Девушка с веснушками* А. Успенского (Ю. Соколов). Сам В. Аксенов представил публике *Ленинградский проспект* И. Штока. В рамках гастролей состоялись также две премьеры: остросюжетной драмы *Игра без правил* Л. Шейнина в режиссуре В. Аксенова и пикантной комедии *Чемодан с наклейками* Д. Угрюмова в постановке Н. Федоровой.

Сохранилась афиша, свидетельствующая о гастрольных спектаклях, показанных в г. Краматорске. Она включает практически весь репертуар театра того периода: комедии *Девушка из Хетафе* Лопе де Вега, *Третья голова* М. Эме, *Тетка Чарльза* по Б. Томасу, *Лес* А. Островского, *Чемодан с наклейками* Д. Угрюмова, *Участковый из Чудинова* Ю. Петухова, *Старый дурак* К. Финна; мелодраму *Родная мать* Н. Алтухова и драму *Океан* по А. Штейну.

Важнейшей задачей В. Аксенова как художественного руководителя и главного режиссера Кишиневского русского драматического театра им. А. П. Чехова являлось обеспечение направления репертуарной политики. Поскольку режиссер пришел в театр, где уже имелся наработанный репертуар, существовали определенные традиции, он, приученный «жить под диктовку времени», не стремился экспериментировать, искать новые пути в искусстве, кардинально ломать сложившиеся устои. В. Аксенов сознательно ориентировался на текущие запросы современной действительности, учитывал мнения руководящих органов, театрального коллектива и зрительской аудитории.

Режиссерскую деятельность В. Аксенова характеризовало соединение его достижений прошлых лет с новыми театральными идеями. Как и прежде, он опирался на принципы театра переживания, воспринятые от К. Станиславского, а в репертуарной политике ориентировался на театры Москвы и Ленинграда. Но если в 1940–1950-е гг. в афишах этих театров главное место занимали пьесы героико-патриотической тематики, то в 1960-е советская драматургия и режиссура обращались к раскрытию морально-нравственных проблем современной жизни. В столичных театрах ставились пьесы В. Розова, А. Володина, А. Арбузова, А. Штейна, И. Друцэ и др. К числу самых репертуарных драматургов того времени относился также И. Шток (его комедии – *Якорная площадь*, *Божественная комедия*, *Старая дева*, драма *Ленинградский проспект* и др.).

Аналогичным образом строился в начале 1960-х гг. и репертуар Кишиневского русского драматического театра им. А. П. Чехова, который включал преимущественно постановки на современную тему, а также классические спектакли. Сам В. Аксенов в этот период поставил спектакли: *Ленинградский проспект* И. Штока (1961), *Океан* А. Штейна (1962), *Игра без правил* Л. Шейнина и *Старый дурак, или Бесхитростная история* К. Финна (1963). Их отличительной особенностью являлось акцентирование психологического аспекта и показ внутреннего мира человеческой личности. В 1963 г. В. Аксенов в сотрудничестве с художником А. Фокиным работал над постановкой спектакля *Тишина* по роману Ю. Бондарева (Вячеслав Николаевич Аксенов, 2016, 107). Данный замысел остался неосуществленным из-за болезни и выхода режиссера на пенсию.

О двух последних поставленных В. Аксеновым спектаклях информации обнаружить практически не удалось. Известно только, что *Игра без правил* Л. Шейнина раскрывала захватывающий сюжет о борьбе советских чекистов с американской разведкой в послевоенной Германии, где главный герой – опытный чекист Ларцев – раскрывает заговор против конструктора Леонтьева. Сведения о втором спектакле – комедии *Старый дурак, или Бесхитростная история* К. Финна – иного характера, они касаются исполнительского состава. В постановке были заняты ведущие актеры: В. Левинзон (Иван Иванович Терехин), В. Гольцев (его сын Петр), Т. Кривцова (жена Петра Софья Антоновна), Н. Каменева (их дочь Лена), В. Шибанков (Костя Тарбеев), В. Сухоросова (Тася), К. Снегина (Анна Даниловна).

Приступая к оформлению спектакля *Океан* А. Штейна, дирекция театра направила А. Фокина в командировку для детального ознакомления с уже существовавшей на тот момент постановкой, о чем свидетельствует письмо художника В. Аксенову (Вячеслав Николаевич Аксенов, 2016, 114–115). Это дало возможность учесть опыт столичных театров в работе над собственной версией и оттолкнуться от идеи, что название *Океан*, сопряженное с местом действия, является символом глубинной взаимосвязи человеческих судеб. По мнению рецензента П. Сиркеса, трактовка штейновской драматической повести В. Аксеновым осуществлялась «по-современному, правда, до некоторой степени вольно» (Сиркес, 1963). «Вольность» сводилась к стремлению режиссера выделить в каждом образе спектакля главную, основную черту, определяющую его тип. При этом нивелировались второстепенные свойства персонажей. В результате действующие лица утрачивали качество диалектической многогранности, приобретая однозначную направленность. В целом, определяя значение данного спектакля в репертуаре Русского драматического театра им. А. П. Чехова, можно привести мнение критика, свидетельствующего, что основную идею режиссера – расставить оценочные акценты в панораме многоликой картины человеческих характеров – «театр сумел донести до зрителя» (Сиркес, 1963). Об этом же свидетельствует и награждение спектакля и его режиссера дипломом первой степени в республиканском конкурсе на лучшую постановку 1963 г. (Попа, 1963).

Наиболее яркой работой В. Аксенова в этот период его деятельности оказался спектакль по пьесе И. Штока *Ленинградский проспект*, в котором узнаваемые картины простого быта москвичей привлекали зрителей своей современностью, понятностью и близостью. Образы героев раскрывали характеры людей 1960-х гг. с их насущными психологическими проблемами. Режиссер акцентировал роль непреходящих морально-нравственных ценностей в жизни человека, поднимал вопросы идейно-

го воспитания личности, пробуждал стремление к самосовершенствованию и духовному росту. Бытовая направленность событийного ряда, психологизм образов и камерность театральных форм данного спектакля определяли лицо указанной постановки В. Аксенова и совпадали с основным направлением театральных поисков в искусстве МССР (и других республик Советского Союза) 1960-х гг.

Режиссерская, организаторская и административная деятельность В. Аксенова повлияла на ощущение благоприятной созидательной атмосферы в коллективе. Гастрольные поездки укрепляли состояние театральных дел, приучали труппу к мобильности, облегчали установление творческого контакта между актером и зрителем. Таким образом, В. Аксенов положил начало определенной стабильности в сложной кочевой жизни Кишиневского русского драмтеатра в 1960-е гг. и упрочил развитие эстетических установок психологического реализма, которые впоследствии в этом театре подхватили Ю. Соколов, Н. Аронецкая, а позднее – И. Петровский, Я. Цициновский, В. Мадан, И. Шац и др.

Литература

- Аксенов В. Традиционный творческий отчет. В: Коммунист, 1962, 9 мая.
 Вячеслав Николаевич Аксенов: документы и материалы. Биографический справочник. Кишинев: Notograf Prim, 2016. 210 с.
 Михалева В. Артисты селу. В: Советская Молдавия, 1965, 10 апреля.
 Попа В. К 100-летию со дня рождения К. С. Станиславского (Итоги конкурса на лучший спектакль года). В: Советская Молдавия, 1963, 10 января.
 Сиркес П. Спектакль на современную тему (Заметки о постановке *Океан* в театре им. Чехова). В: Советская Молдавия, 1963, 12 февраля.

Тина В.

В сказочном мире Леонида Домнина

Весомый след в молдавской культуре и искусстве оставил Леонид Константинович Домнин, талантливый художник и карикатурист. Помимо его художественной деятельности в области станковой и книжной графики, можно смело утверждать, что у истоков молдавской анимации наряду с Антоном Матером и Константином Баланом находился и Леонид Домнин. После окончания ВГИКа (1968, по специальности «художник-аниматор») он по распределению был направлен на киностудию «Молдова-филм» и определен шрифтовиком в цех комбинированных съемок. Это занятие, далекое от его истинных художественных способностей, не приносило

ему удовлетворения, поэтому он стал искать другие способы самопроявления. Так, вскоре Л. Домнин устраивается художественным редактором в издательство «Картя молдовеняскэ», специализируясь в области станковой и книжной графики по иллюстрированию детских книг¹, особенно сказок. Нужно отметить стремление художника познать/постичь специфику молдавского искусства, особенности культуры, традиции народа. Л. Домнин начал свое «путешествие» в молдавскую культуру со сказок, которые он иллюстрировал. Сказки – это тот волшебный мир, в котором отображается весь спектр быта и традиций народа, его мышление и видение окружающего. Именно его чуткость к восприятию и понимание национальной идентичности помогли ему в творчестве.

Одновременно художник сотрудничает с сатирическо-юмористическим журналом «*Chirăruș*», которому уделяет много времени. Работая в отделе карикатуры, он проявил себя чутким наблюдателем, оценивающим человеческую натуру, удачно обобщая ее недостатки и слабости в своих рисованных историях на бытовую тематику. Этот жанр также не приносил художнику полного наслаждения. Его заветной мечтой еще со студенческой скамьи была анимация. Тем не менее предложение поработать над созданием анимационного фильма в качестве режиссера застало его врасплох, он с трудом принял это приглашение, поскольку у него не было навыков и нужно было все начинать с нуля.

Пройдя через все трудности первопроходца, Леонид Домнин дебютирует в анимации лентой *Аистенок Кич* (по сценарию Зинаиды Чирковой). Это история об аистенке, пытающемся всем помочь и вознагражденном за свою доброту. О процессе создания этого фильма, как и последующих, режиссер с большим воодушевлением рассказывает в своих воспоминаниях.

Иллюстрирование детских книг «*Caprele Irinucăi*» («Козы тетушки Иринуки», 1970), «*La scăldat*» («На речке», 1972) Иона Крянгэ, молдавской народной сказки «*Дафин-богатырь*» (1973), сборника «Молдавские народные сказки» (1978) и др. в известной мере обусловило его художественное направление в анимации, а также тематику будущих фильмов. Волшебный мир сказок, где этико-эстетические категории четко определены, где добро и красота неизменно побеждают зло и уродливость, становится духовным убежищем для художника. Обладая натурой, чрезвычайно чувствительной к порокам, которые он пытался вскрывать с помощью своих карикатур, Л. Домнин удаляется в мир сказок. Ведь мир анимационной сказки – это тот остров, на котором он чувствует себя творцом-демиургом, устанавливая законы жизни, воздаявая должное по справедливости каждому из своих персонажей: трудолюбивому и добросердечному бедняку (*Марица*), человеку, которого подвергает испытаниям нечистый

(*За чужим погонишься – свое потеряешь*), показывая примеры доброты с помощью образа аистенка (*Аистенок Кич*), давая уроки культурного поведения как хвастуну Петрикэ, которому пчела вонзает жало прямо в кончик задранного вверх носа (*Хвастунишка Петрикэ*), так и Лионелу, обидевшему солнце (*Мальчик, который обидел солнце*), в результате чего светило покидает свое место на небосводе и на земле наступает темная холодная ночь. Похожий идейно-художественный посыл содержится в фильме Николая Серебрякова *Великие холода* (1969), где говорится о том, что мальчик обидел маму и на землю пришли холода, под которыми подразумевается душевная холодность.

После создания ленты *Аистенок Кич* Домнин решил посвятить себя анимации. Последующие его мультфильмы были по сценариям Георгия Раковицэ. Так, на основе молдавских народных сказок рождается фильм *Марица*, который получил хорошие отзывы со стороны критики. Авторы, «отталкиваясь от знакомых мотивов, сумели создать собственное произведение – настоящий мультипликационный фильм со свойственной ему спецификой» (Полюхов, 1976). За *Марицей* следуют фильмы *Хвастунишка Петрикэ* (1973) и *Секрет ЛСУ* (1974) тех же авторов. Режиссер быстро собирает рабочую группу, за исключением аниматора, который приглашается с киностудии «Союзмультфильм»: художник-мультипликатор Леонид (Лев) Жданов² консультирует и помогает в процессе работы над указанными лентами. Относительно анимационных фильмов для детей, созданных Л. Домниным, который питал особую страсть к этому жанру, киновед Виктор Андон отмечает как фольклорную основу их сюжетов, так и современную тематику: «Поучительными, с элементами юмора, сделал Л. Домнин и две ленты на современные темы для детей – *Хвастунишка Петрикэ* и *Секрет ЛСУ*. Остается только сожалеть, что движение кукол, цветовая гамма в передаче фонов в фильмах не всегда находится на высоком профессиональном уровне» (Андон, 1976).

При создании следующего фильма – *Сказка об охотнике* (1976) режиссер опять обращается к народному творчеству. Сценарий создавался совместно с Зинаидой Чирковой: прекрасную невесту охотника похищает злой дракон. И он отправляется в долгий путь, чтобы освободить свою возлюбленную. К сожалению, как отмечала критика того времени, «в фильме нет эффекта новизны, неожиданности. Оттого он и производит впечатление скорее экранной иллюстрации, чем оригинального произведения» (Полюхов, 1976). Хотя в фильме есть и интересные моменты, например, свадьба, представленная на фоне молдавского ковра; в пути по пустынным местам, когда у охотника иссякают силы, он достает из внутреннего кармана гроздь винограда, который придает ему сил, и др. Прибегая к этим символам, режиссер приближается к мифологическим истокам молдавского фольклора.

Мотивы народных сказок лежат также в основе фильма *За чужим погонишься – свое потеряешь* (1986, сценарий и постановка Л. Домнина). Автор проводит некоторые параллели с таким героем Иона Крянгэ, как Данила Препеляк, показывая целый ряд процедур обмена, подстраиваемых нечистым, – волов на телегу, телеги на козу, козы на гусака. Персонажи четко обрисованы, обладают характерной идентичностью, проявляющейся в костюме, поведении, голосе и даже в стиле речи. Сами метаморфозы, производимые лукавым, начиная с маскировки под разных лиц, встречаемых на пути, до камней, превращающихся в телегу, козу, гусака, прекрасно соотносятся со спецификой и природой анимационного фильма. Образы обладают отдельной ценностью и за счет элементов, характерных для молдавской культуры и искусства. Наиболее показательны в этом смысле ворота с глазами, что отсылает нас к символике картины Михая Греку³. Здесь ворота означают открытость миру сказок, а глаза – новый взгляд на сюжет и замысел. В видении режиссера герой в конечном счете возвращает себе утраченное, а сверх того получает еще и хвост беса, который чуть было его не попутал.

В своеобразную современную сказку Л. Домнин превращает сценарий молдавской писательницы Санды Лесня об озорном и немного ленивом мальчишке. За свой необдуманный поступок (Лионел обидел солнце, которое будило его по утрам) мальчику пришлось ответить. Длинный и долгий путь к солнцу – это своеобразный путь к познанию мира во всех его обликах. Интерес представляют найденные образы мальчишка, будильника и других персонажей (художник-постановщик Маргарета Наку). Профессионально создано и движение героев, в котором участвовали уже наши молдавские аниматоры Эдуард Миллер, Валериу Донцу и Лариса Кобзак.

Заслуга Леонида Домнина состоит и во введении рисованной техники. Первой попыткой освоить стиль «а-ля Дисней» была лента *Ученые рыболовы* – дипломная работа группы художников-аниматоров, которой он руководил в Художественной школе им. Репина. В целом, замысел фильма принадлежит Л. Домнину, он же был его сценаристом, режиссером и художником-постановщиком – от предложения юмористического сюжета, полного комических эпизодов, до стиля создания героев, рисованных толстыми закругленными линиями. Относительно выбора данной техники режиссер объясняет: «В процессе постановки *Ученые рыболовы* мы ощутили и преимущество рисованного фильма – его динамику, движение, возможность разнообразнейших трансформаций. Всего этого мы были лишены в плоскокукольной мультипликации, поэтому и хотелось попробовать сделать фильм в классической технике» (Тарасенко, 1982, 78).

Режиссер утверждает: «„Ученые рыболовы“, первый наш рисованный мультфильм, имел самую долгую жизнь на экране из всех наших фильмов – Центральное телевидение на протяжении многих лет раз в году демонстрировало его – во Всесоюзный День рыбака» (Домнин). В период работы на студии Л. Домнин пробовал снимать и сатирические фильмы для взрослых – *Труба на прогулке* (1978), по сценарию детского писателя

Вадима Чиркова. Фильм, затрагивающий проблемы экологии, был сделан без особых усилий и сдан на всесоюзный экран. Но этот жанр не вдохновил режиссера, и он решил больше не делать фильмов для взрослых.

Проблема «хороших сценариев» на студии была всегда. Леонид Домнин, как и другие режиссеры, находился в постоянном поиске оригинальных идей. Диапазон его поисков отличается большим разнообразием. Он ставит фильмы и по народным сказкам, и по сказкам современных молдавских писателей (А. Чокану, Г. Раковицэ, Санда Лесня), даже пробовал писать сценарии для своих фильмов в содружестве с З. Чирковой, а потом и самостоятельно.

Режиссер стал сотрудничать и с русскими авторами. Во-первых, это Эдуард Николаевич Успенский, детский писатель, известный по сценариям очень популярных в то время фильмов: *Антошка* (1969), *Крокодил Гена* (1969), *Чебурашка* (1971), *Трое из Простоквашино* (1978), а также был автором передач «Радионяня», «АБВГДейка» и др. Так, веселый фильм *Про холодильник, серых мышей и гарантийных человечков* был поставлен по сценарию Э. Успенского.

Для создания своих фильмов Л. Домнин не только искал по всей стране лучших авторов, но и привлекал самых замечательных артистов как из молдавских театров, так из московских. Например, для записи голосов к фильму *Про холодильник, серых мышей и гарантийных человечков* он обратился к артистам с очень характерными голосами: Георгию Милляру, Борису Рунге и Кларе Румяновой, которых все хорошо узнавали: «Георгий Милляр – главная Баба-Яга Советского Союза, как его называли на „Союзмультфильме“, Клара Румянова – неподражаемый Заяц из „Ну, погоди!“ и Борис Рунге – пан профессор из очень популярной тогда телепередачи „Кабачок 13 стульев“» (Домнин). Переговоры о написании сценария Л. Домнин вел и с Виктором Мережко, с которым вместе четыре года занимался в кружке тяжелой атлетики во времена учебы во ВГИКе. «Я попросил его написать для меня сценарий мультфильма⁴. Виктор сказал: надо подумать. И написал вскоре, но только не для меня, а для „Союзмультфильма“ – „Волк и Лиса“, по русской народной сказке. Фильм⁵ получился очень интересный, диалоги в нем прекрасные» (Домнин).

Фильм *Как нашли друга* (по стихотворению русского писателя Валентина Берестова) уводит нас в далекое прошлое, в период первобытного общества. Своеобразным и с долей юмора представлен этот древний мир (художник-постановщик картины Анна Евтушенко), в котором ощущается влияние стилистики картин примитивистов, таких как хорватский художник Иван Рабузин или французский живописец Анри Руссо. Фильм раскрывает идеальный мир, где все прекрасно и гармонично – и первобытная природа, и первобытные звери, и жизнь первобытной се-

мы. Это и сказка-притча о первом друге человека – собаке, которая приносит всем пользу и радость: дом сторожит, с детьми играет, с главой семьи идет на охоту.

Будучи приверженцем сказочного жанра на протяжении всей своей деятельности на киностудии «Молдова-филм», Л. Домнин создает более десятка лент, большая часть которых посвящена юным телезрителям. Его фильмография охватывает широкий спектр фильмов-сказок, созданных как по мотивам народных сказок (*Марица*, *За чужим погонисься – свое потеряешь*), так и на основе литературных сюжетов (*Сказка об охотнике* по А. Чокану, *Как нашли друга* по стихотворению В. Берестова, *Мальчик, который обидел солнце* по С. Лесня). Тематический диапазон его фильмов очень широк – истории из жизни животных (*Аистенок Кич*), дидактико-назидательные и даже юмористические ленты (*Ученые рыболовы*) и т. д. К сожалению, часть из них остались на иллюстративном уровне, что затеняло и некоторые их художественно-эстетические проблески.

Вклад Леонида Домнина в молдавскую анимацию является бесспорным. В первую очередь это подготовка целого поколения молодых художников-аниматоров, которые успешно включились в процесс создания мультфильмов. Вместе со своими подопечными он постигал эстетические тенденции рисованной анимации по методу Диснея. От американского мастера был перенят и перенесен в молдавскую анимацию гэг. Л. Домнин был примером профессиональной работы с материалом – как в технике перекладки (марионетки), так и в рисованной.

Уехав из Молдовы в 1995, Леонид Домнин написал свои воспоминания о работе на киностудии «Молдова-филм», о творческом процессе, о трудностях того времени и радости побед, о людях, с которыми работал рядом – сценаристах, художниках, постановщиках, композиторах, операторах и т. д. Это и частица истории, и путь восхождения молдавской анимации к призванию, и оценка фильмов.

Леонид Домнин ушел из жизни на 79 году, а память о нем будет жить в его работах – в книжных иллюстрациях, в карикатурах и, конечно, в фильмах.

Примечания

¹ В Братиславе в 1987 г. на Всемирной выставке иллюстраций к детским книгам (под эгидой ЮНЕСКО) его работы были отмечены премией «Золотое яблоко».

² Лев Жданов только что закончил работу над сериалом *Приключения Незнайки и его друзей* (1972).

³ Михаил Греку (1916–1998), молдавский советский живописец, лауреат Государственной премии СССР (1990).

⁴ Виктор Мережко является автором сценариев известных мультфильмов *Василиса Прекрасная* (1977), *Премудрый пескарь* (1979), *Кот Котофеевич* (1981) и др.

⁵ Фильм называется *Лиса Патрикеевна* (1982, реж. Галина Барина).

Частина А. П.

Законодательные акты в области архитектуры и градостроительства бессарабского зодчества в первой половине XIX в.

После того как в 1812 г. территория Бессарабии в результате подписания Бухарестского мира вошла в состав Российской империи, законодательство России в области строительства и архитектуры стало распространяться и на Бессарабскую область (Ceastina, 2010). В это время в России действовал Строительный устав (Свод законов, 1857), основанный на законах российского императора, впервые изданный в 1832 г. Согласно этому уставу, все государственные здания, которые не относились к особым ведомствам, состояли в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Для решения вопросов, связанных со строительством в губерниях и областях, в том числе и в Бессарабии, создавались губернские или областные строительные комиссии, находящиеся в подчинении этого ведомства. Это касалось и городских строительных комитетов. Губернские и областные землемеры приглашались в комиссию только в отношении дел по дорожной части, требовавших обмера земли. Строительная и дорожная комиссия обеспечивала постройку, переделку, ремонт, надзор за исправным содержанием всех казенных и общественных зданий в губернии, кроме состоящих в особых ведомствах, а также занималась рассмотрением смет и т. д.

Начиная с 1816 г., Главное управление путей сообщения и публичных зданий ежегодно выделяло так называемый строительный капитал на сооружение и ремонт общественных зданий, возводимых по утвержденным планам, фасадам и сметам. Для облегчения строительных работ в правительстве создавались «образцовые» проекты, которые рассылали по всем губерниям, чтобы «онные служили руководством не только при постройке новых, но и при переделке старых зданий» (Свод законов, 1857, 27). Они издавались в виде отдельных альбомов и в приложениях к Полному собранию законов. Так, в 1803 г. были выпущены «образцовые» проекты казенных зданий, в 1809 г. – «образцовые проекты» фасадов жилых домов, в 1819 г. – проекты станционных домов, в 1824 г. – церковей,

в 1828 г. – тюремных зданий, присутственных мест и домов вице-губернаторов, в 1830 г. – проекты на устройство селений и в 1831 г. – проекты почтовых домов» (Белецкая, 1961, 119).

С 1829 г. «образцовые» чертежи хранились в строительных и дорожных комитетах. При составлении таких проектов на казенные постройки необходимо было представлять планы местоположения предполагаемого возведения здания с описанием части улицы, площади или квартала, для того чтобы в будущем правильно рассчитать фасад. Причем с 1831 г. на чертеже фасада здания изображали в качестве масштаба фигуру человека, с помощью которой можно было судить о высоте предполагаемого здания. Циркуляр относительно «обозначений на всех архитектурных чертежах человеческой фигуры»³ (НАРМ, л. 8) был подписан Бессарабским гражданским губернатором Акинфеем Сорокунским в декабре 1831 г.

С 1839 г. все общественные сооружения, перестройка и ремонт зданий должны были быть освидетельствованы и проверены, все ли выполненное соответствует смете, фасаду и плану, правильно ли израсходованы материалы и как это показано в расчетах, прочно ли были произведены все работы, действительно ли выделенная сумма использована по назначению.

«Образцовые» проекты были разработаны известными российскими зодчими с использованием классической ордерной архитектуры. «Воплощенные в них высокая градостроительная дисциплина и единое художественное мировоззрение обусловили архитектурную цельность ансамблей центров городов» (Белецкая, 1961, 200) Российской империи в первой половине XIX в., включая бессарабские города.

Особое внимание уделялось сохранности памятников и древних зданий. С 1822 г. был принят ряд законов, согласно которым строжайше запрещалось «разрушать остатки древних замков, крепостей и других зданий древности» (Свод законов., 1857, 41).

Другие важные законы касались строительства тюрем. В 1828 г. в губернских городах тюремные здания строились в соответствии с утвержденным образцовым планом. В архивном фонде Бессарабского областного правления имеются так называемые «Нормальные Проекты тюрем для уездных и областных городов Бессарабии, изданные в 1846 г. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий»⁵ (НАРМ, л. 41).

В данном уставе содержались статьи, касающиеся отчетности и ответственности по строительной части. 31 октября 1831 г. Бессарабский гражданский губернатор А. Сорокунский подготовил предписание в адрес исполняющего должность областного архитектора о необходимости строгого наблюдения за прочностью построек и ответственности зодчих за несчастные случаи, о чем уведомил Бессарабское областное правление³ (НАРМ, л. 1-1 об.).

Особыми правилами руководствовались при строительстве церковных и других молитвенных домов, которые, также как и православные церкви, строили с «ведома местного епархиального начальства и с разрешения или Святейшего Синода или самого епархиального начальства» (Свод законов, 1857, 47). При этом строго запрещалось разрушать древние церкви без уважительной причины. «Древний, как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти» (Свод законов, 1857, 47) не разрешались. На основании Указа Святейшего Правительствующего Синода от 25 апреля 1841 г. его высокопреосвященству архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Димитрию, в основном «при составлении таковых проектов преимущественно и по возможности сохраняем был вкус древнего византийского зодчества»¹¹ (НАРМ, л. 7) с фасадами первоначального вида. С 1800 г. в губерниях возводились преимущественно каменные церкви. Образцами служили проекты для строительства православных церквей, составленные профессором архитектуры Константином Тоном (http://arch-grafika.ru/news/sobranie_planov_dlja_stroenija_cerkvej/2010-03-23-566). Однако повсеместно допускались и деревянные церкви. Начиная со 2 октября 1835 г. и в Бессарабии вновь разрешалось строить деревянные церкви, но при этом рекомендовалось, чтобы новые постройки, «по мере возможности, рассмотрены были для большей прочности на каменном фундаменте»¹⁰ (НАРМ, л. 1 об.). Известно, что в Бессарабии на период 1812–1813 гг. насчитывалось 775 храмов (Халиппа, 1907, 295); из них только 40 были построены из камня, 1 – из кирпича, то есть 95% церквей были деревянными, причем не рубленными, а плетневыми.

Из переписки с Бессарабским гражданским генерал-губернатором, хранящейся в НАРМ, известно о получении в 1825 г. книги «Собрание планов, фасадов и профилей для строительства каменных церквей»⁹. Здесь представлен 31 проект церквей, с профилями и шаблонами разных частей каждого фасада и подробное описание², как составлять смету, правильно класть фундаменты, выводить стены, арки, столбы, купола и крыши, производить разные кровельные и другие строительные работы.

С 1835 г. губернское начальство должно было давать разрешение на сооружение еврейских синагог и молитвенных школ. При этом здания, по правилам, строили вдали от христианских церквей. Новые подобные здания возводили согласно утвержденным и одобренным планам и фасадам, учитывая наличие добровольных пожертвований, собранных еврейским обществом.

Также с 1841 г. сохранялись как древние часовни, построенные в честь предков, некоторых святых икон и особенных исторических или церков-

ных событий, так и новые, которые сооружали по планам и фасадам согласно разрешениям епархиального начальства.

В строительном уставе отдельные статьи посвящались построению общественных зданий, таких как гостинные дворы и городовые амбары, помещения для ночных сторожей и военного караула, а также заведения Приказов общественного призрения. К примеру, полицейские будки в городах строились согласно утвержденному чертежу в 1848 г., а для военного караула основными постройками были «платформы на гауптвахтах, с принадлежностями, и шлагбаумы» (Свод законов, 1857, 59).

Особые правила распространялись также на устройство улиц, площадей, мостов и тротуаров. С 1817 г. при создании новых улиц учитывалось, чтобы они были шире предыдущих примерно на 10–15 сажений. Также они должны были быть без ям, бугров и доходить вплоть до самых домов. В НАРМ, в архивном фонде Кишиневской городской думы, хранятся дела, содержащие сведения об устройстве улиц старого г. Кишинева в 1825 г.⁷ и о мостах, находившихся на Кишиневской городской земле в 1826–1827 гг.⁸

Согласно Строительному уставу, с конца XVIII в. каждый город строился в соответствии с утвержденным планом. В свою очередь с начала XIX в. все частные здания в городах строились «по изданным для них высочайше утвержденным фасадам» (Свод законов, 1957, 76). При этом учитывалось, чтобы в середине фасада было окно, а не простенок; в каменных строениях окна имели высоту не менее двух с четвертью аршин, а ширину – до одного аршина с четвертью, исключая мезонины и антресоли и др.

Начиная с 1817 г. дома красили «следующими цветами: белым, палевым, бледно-желтым, желто-серым, диким, бледно-розовым и сибиркою с большей примесью белой краски» (Свод законов, 1957, 77). В НАРМ, в фонде Кишиневской городской думы, хранится переписка Бессарабского областного правительства с полицией об окраске в один цвет всех зданий по Бессарабской области в 1818–1819 гг.⁶

В столицах губерний сады и огороды тоже обносили специальными заборами, а в уездных городах делали частокол по разрешению местной полиции. Это правило не распространялось на главные улицы, где, также как и в этих городах, должны были быть заборы из досок, бревен или камня.

Согласно Уставу фабричной и заводской промышленности, для строительства частных фабрик и заводов в столицах и других городах необходимо было специальное разрешение губернского начальства. Никакие правила относительно фасадов, высоты крыш и других архитектурных особенностей не касались заводских и фабричных строений в отличие от

частных, так как наружный вид должен был соответствовать внутреннему расположению, исходя из предназначения здания.

Подобно правилам, которые учитывались при строительстве городов в первой половине XIX в., существовали особые положения о постройках в селениях. С 1830 г. «под именем селений разумеются местечки, села и деревни» (Свод законов, 1957, 97), и начальники губерний занимались устройством новых селений согласно плану и определенным правилам: для селения старались выбрать удобное место недалеко от рек, проток и ручьев; сельские церкви, гостинные дворы или лавки для ярмарок строили на площадях, а постоянные дворы и гостиницы для приезжих – недалеко от площадей; питейные дома располагали вдали от церквей; кладбища размещали позади селений, не ближе чем в полуверсте от них и др.

В крестьянских дворах строения были тоже разные: каменные, деревянные и мазанки. В НАРМ, в фонде Бессарабского губернатора, хранится дело¹ о подробных правилах расположения крестьянских дворов от 30 ноября 1830 г. Именно в этом деле хранится Положение об устройстве селений, в котором учитывается, чтобы улицы были правильными и прямыми, и «в таком селении, которое многолюдно, надобно, чтобы среди оно было площадь, а в самых больших и торговых и более одной»¹ (НАРМ, л. 2).

Особое внимание в Строительном уставе Российской империи уделялось постройке станционных домов в селениях, которые были достаточно распространены в первой половине XIX в., в том числе в Бессарабии. В НАРМ хранится дело, датированное 1834 г., – об устройстве почтовых домов по планам, утвержденным в 1831 г.⁴ (НАРМ, л. 3). Это были здания, сооружаемые на почтовых трактах, как правило, каменные, прочные, с целью предоставления ночлега проезжающим.

Таким образом, в первой половине XIX в., согласно Строительному уставу Российской империи, действовали особые правила в области архитектуры во всех городах и губерниях России, включая Бессарабскую область.

Архивные материалы

1. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 581.
2. НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 1025.
3. НАРМ, ф. 6, оп. 2, д. 458.
4. НАРМ, ф. 6, оп. 2, д. 737.
5. НАРМ, ф. 6, оп. 18, д. 15.
6. НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 11.
7. НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 281.
8. НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 313.

9. НАРМ, ф. 205, оп. 1, д. 4911.
10. НАРМ, ф. 208, оп. 2, д. 1197.
11. НАРМ, ф. 208, оп. 2, д. 3276.

Литература

Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв., М.: Стройиздат, 1961.

Свод законов Российской империи. Т. 12, ч. 1. Устав Строительный, Санкт-Петербург, в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857 г.

Халиппа И. Н. Труды Бессарабской ученой губернской архивной комиссии. Т. 3. Кишинев: Типо-литография Э. Шлиомовича, 1907, с. 582.

Ceastina A. Legislația Imperiului Rus în domeniul arhitecturii și impactul asupra dezvoltării Basarabiei în prima jumătate a secolului XIX. В: Arta, 2010, p. 58-68.

http://arch-grafika.ru/news/sobranie_planov_dlja_stroenija_cerkvej/ 2010-03-23-566 (дата обращения – 15.08.2015).

Юрченко Н. А.

Градостроительные планы Кишинева 1817 и 1834 гг., или Откуда есть пошел европейский город Кишинев

На сегодняшний день градостроительные планы Кишинева 1817 и 1834 гг. хорошо известны и достаточно широко представлены, в том числе в Интернете на различных форумах, посвященных истории города. Однако детальный архитектурный анализ, позволяющий сделать выводы об их исключительной роли в формировании исторического центра Кишинева, до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. Между тем, эти планы фиксируют тот изначальный ход градостроительных преобразований, который коренным образом повлиял на превращение прежде сельского населенного пункта Кишинев (каким он являлся до присоединения Бессарабии к России в 1812 г.) в город «европейской наружности»¹.

Так, на плане 1817 г. четко просматривается деление Кишинева на две противоположные по своей структурной характеристике городские половины. Нижняя половина – старый город, приютившийся в излучине реки Бык, который был основан за три с половиной века до разработки данного плана. Сложился он стихийно, на естественном холмистом рельефе, поэтому планировочная организация его во многом зависела от

Фото 1. Архангело-Михайловская церковь (не сохр.) (личный архив автора)

природных условий. Ключевые акценты в нем – церковные сооружения, скромного облика, большей частью деревянные, унаследовавшие черты молдавского средневекового культового зодчества. Вокруг церквей формировались базарные площади, служившие средоточием общественной жизни (Фото 1).

Став в начале XIX в. одним из стратегически важных опорных пунктов юга Российской империи в борьбе с Оттоманской Портой, город уже не отвечал возросшим требованиям. Понадобилась его коренная перестройка. В короткие сроки осуществить ее было практически невозможно. Решение было найдено в создании нового города, который составляет верхнюю половину данного проекта. Эта новая, «европейская» часть Кишинева планировалась не на старой сетке улиц, а на незастроенном пространстве. Она была решена в соответствии с функционально-рационалистическими концепциями русского градостроения эпохи классицизма, с использованием классических регулярных схем.

Организовано архитектурно-планировочные мероприятия в Кишиневе начали проводиться после выполнения топографической съемки города в 1813 г. Ее осуществили первый бессарабский землемер и архитектор М. Озмидов и инженер И. Гартинг (Смирнов, 1975, 16).

Представляется, что именно этот момент следует считать поворотным в градостроительной истории Кишинева. В результате этой съемки была сделана попытка нанести на план имеющиеся городские владения, а также предполагаемые направления улиц. Но что особенно хочется подчеркнуть, что после нее началось строительство зданий на неосвоенной

до того верхней территории города. Наиболее выигрышный холм в новой, верхней части Кишинева был отведен митрополии как самому представительному сооружению (Фото 2).

Рядом с ним приступили к возведению здания семинарии. Участок, занимаемый ими, с трех сторон окружали обширные зеленые массивы, один из которых уже тогда задумано было превратить в публичный сад. Остальные здания: дом армянского архиепископа, каменные городская больница и острог, деревянные провиантские магазины и ряд обывательских жилых домов располагались несколько поодаль от этого возвышения. Но в целом строительство зданий в этой части города велось еще без учета общего генерального плана.

Первые результаты урегулирования планировки Кишинева на основе классических градостроительных схем просматриваются, как уже было сказано, только спустя четыре года после топографической съемки на впервые обнаруженном нами в Военно-историческом архиве (РГВИА, ф. ВУА, д. 2203) плане города 1817 г. (Юрченко, 1997, 96-100) (Фото 3).

План этот до сих пор оставался неизвестным. Между тем, он имеет большое значение для анализа тех приемов, которые легли впоследствии в основу регулярной классической планировки Кишинева. Это важно отметить, потому что до недавнего времени считалось, что Кишинев был распланирован согласно плану 1834 г. то есть в период, когда стали уходить в прошлое приемы русского классицизма, а градостроительные принципы его принимали все более догматический характер. На самом же деле найденный план 1817 г. показывает, что классическая основа Кишинева была заложена раньше, уже вскоре после победоносного окончания Отечественной войны 1812 г., и что его новый генеральный план

Фото 2. Здание митрополии (не сохр.) (личный архив автора)

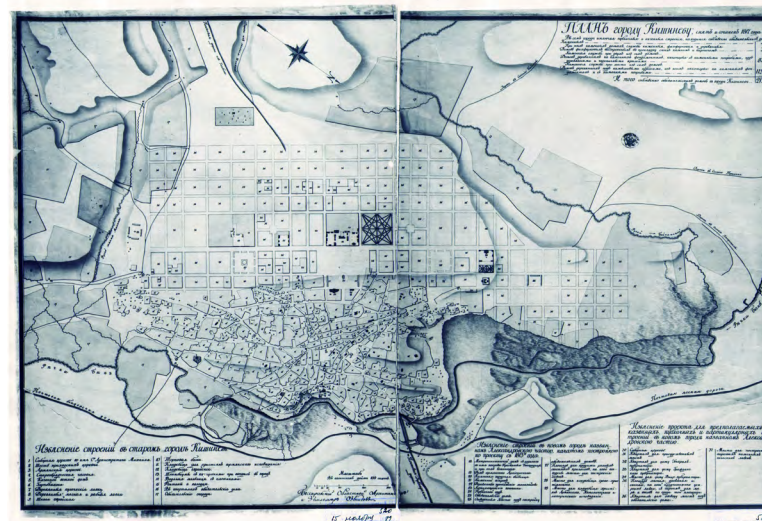

Фото 3. План Кишинева 1817 г. (личный архив автора)

входит в число тех многочисленных планов русских городов, которые создавались в эти годы при активном участии петербургского архитектора-градостроителя В. И. Гесте, который руководил разработкой этих планов в «Комитете для строений и гидравлических работ» под руководством А. А. Бетанкура (1816).

В списке спроектированных Гесте генеральных планов городов Кишинева не обозначен, однако его план создавался, видимо, под их непосредственным воздействием. Он представляет собой, по существу, почти точную копию с одного из «высочайше» подтвержденных образцовых планов. Причем в нем уже намечены все основные особенности будущего генерального плана города, утвержденного в 1834 г. Возможность без каких-либо существенных коррективов применить к конкретному городу «типовой» классический план была обусловлена тем, что новая, «верхняя» часть Кишинева планировалась, как уже было отмечено, не на старой сетке улиц, а на незастроенном пространстве, дававшем свободу для воплощения в жизнь идеально правильных планировочных схем.

Так, регулярно распланированный город должен был иметь центральную площадь, расположенную, как правило, на пересечении двух взаимно перпендикулярных осей. В данном случае горизонтальная и вертикальная оси были проведены через проектируемую соборную площадь. Сделано это было таким образом, что, прорезая площадь, продольная ось превращалась в центральную улицу, на которую был ориентирован главный

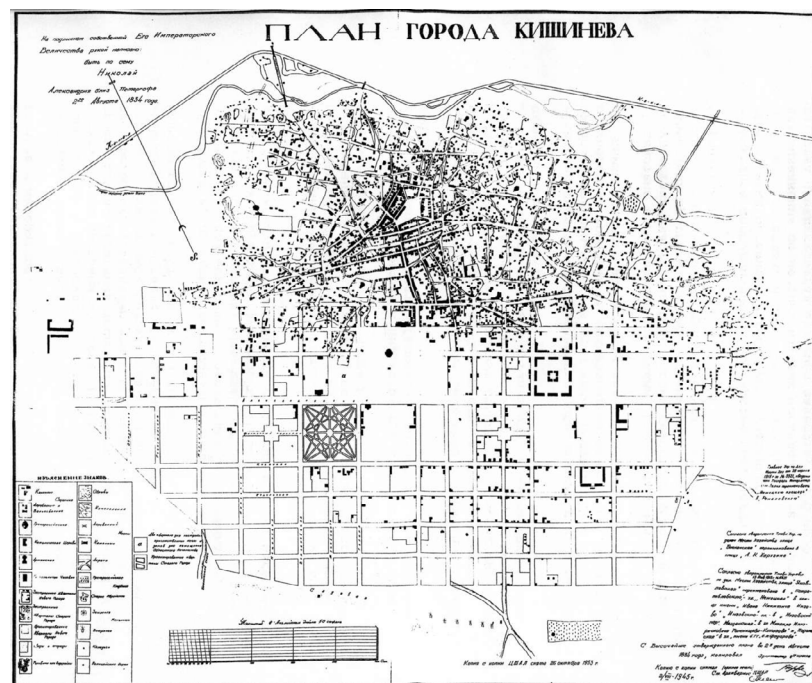

Фото 4. План Кишинева 1834 г. (личный архив автора)

фасад митрополии. Поперечная же ось, проходя по линии, симметрично делящей расстояние между старым торговым центром и площадью Архангело-Михайловской церкви (прежде главного храма) в нижней части Кишинева зрительно как бы продолжала их перспективу и одновременно давала возможность соборной площади доминировать в городском пространстве, благодаря повышению рельефа от старого центра к новому. На эти главные композиционно-пространственные оси в плане 1817 г. и «нанизаны» прямоугольные кварталы нового города, количество и размер которых были подобраны так, что соборная площадь оказывалась в географической сердцевине Кишинева. Такое положение соборной площади уравновешивали еще две площади, раскрывающиеся на главную улицу. Они находились на одной продольной оси с соборной площадью, по обе стороны от нее на равном расстоянии и были меньше ее по размеру в два раза (приблизительно по 4,4 га). Предназначенные для продажи съестных припасов, дров, леса и сена, и, будучи расположены гораздо удобнее, нежели старые торговые центры, они постепенно оттягивали на себя городскую жизнь, которая концентрировалась затем вокруг Собор-

ной площади. Этим был соблюден еще один принцип градостроительства начала XIX в., когда второстепенные центры композиционно не только подчинялись главному, но и усиливали поле его притяжения.

Итак, в первые десятилетия XIX в. площади не только были намечены как градоформирующие акценты, но и проведено их функциональное разграничение. В основу их плана была положена идеальная геометрическая форма – квадрат. Все три площади были сосредоточены на относительно небольшой тогда территории верхнего города (397,5 га) и ориентированы на главную улицу (названную вскоре Московской). Последняя, соединяясь с ними, спустя лишь десятилетие расширила свое архитектурно-планировочное пространство и превратилась в протяженный центр, что являлось принципиальным композиционным приемом позднего классицизма.

Таким образом, на плане 1817 г. впервые было зафиксировано зарождение градостроительных узлов, которые впоследствии составили основу нового Кишинева. Заслуживает особого внимания то, что этим планом предусматривалась и возможность дальнейшего роста города. В самой верхней его части, с трех сторон от центрального ядра, были задуманы геометрические кварталы, уравновешивающие общий симметричный строй Кишинева. Законодательно генеральный план города, закрепивший его регулярную классическую застройку, получил утверждение в Петербурге в 1834 г. В сущности, он повторяет известный нам план 1817 г., с той лишь разницей, что план 1817 г. был проектным, и планировочные замыслы его не распространялись на старый город. Тем не менее, сам момент официального признания генерального плана Кишинева следует оговорить особо, потому что с него, кроме узаконенного, на сей раз планового регулярного строительства, начинается и своеобразная «эпоха» в благоустройстве города.

Дело в том, что при осуществлении плана 1817 г. не была учтена вся специфика пересеченного рельефа Кишинева. Улицы прокладывались довольно быстро, согласно принятой регулярной схеме, но, порой, без достаточной нивелировки местности, так как главной задачей в то время было скорейшее преобразование верхнего города, придание ему облика по классическим меркам «правильного», удобного в сообщении. Здания на этой территории возводились тоже споро, и на плане 1834 г. можно заметить, что почти каждый прямоугольный квартал нового города к этому времени был уже отстроен. Участки, примыкавшие к центру: от Соборной площади до площади Нового базара, между улицами Митрополита Варлаама (бывшей Гостиной) и 31 Августа застраивались каменными домами; более отдаленные: в районе современных улиц 31 Августа, Букурешть, Щусева, Матеевича, от улиц Бэнулеску-Бодони до Чуфли, – в

основном валькованными (то есть глиняно-плетневыми), реже кирпичными (НАРМ, ф. 75, оп. 1). Незастроенной оставалась лишь западная часть нового города: от нынешнего парка Штефана чел Маре до ул. Матеевича в сторону ул. Каля Орхеюлуй.

Благодаря плану 1834 г. мы можем судить, таким образом, как об особенностях планировки нижней части города, подвергнутой на этот раз разбивке на прямоугольные формы, в которые предстояло втиснуть старые кварталы, так и о принципах застройки обеих городских территорий. Каковы они были в старом городе, мы уже знаем. В новом же, «верхнем», преобладала периметральная, по красной линии улиц, застройка кварталов, с обязательным акцентированием их углов и со значительными разрывами между домами. Возможность определить количественное соотношение тех или иных зданий и характер их расположения, а главное увидеть, до какой стадии в целом была доведена классическая застройка Кишинева к моменту появления в нем новых архитектурных течений, – все это дает нам план 1834 г.

Таким образом, можно констатировать, что планомерное строительство в «верхнем» городе началось еще в первой трети XIX в., задолго до официального утверждения самого плана в столице империи, то есть по проекту 1817 г. Рационально выстроенный план «верхней» городской части, в противоположность хаотичной планировке «нижней», являлся прогрессивным, дав толчок развитию Кишинева как делового по духу большого европейского города. Став таковым, он и по сей день сохраняет в своем ныне историческом ядре планировочную структуру и городской центр, заложенные в 1817 г., то есть 200 лет тому назад.

Примечание

¹ Под выражением «европейская наружность» понимается представление о городе, которое начало складываться в русском градостроительстве с петровских времен.

Литература

- НАРМ, ф. 75, оп. 1, д. 933, ф. 75, оп. 1, д. 997.
Смирнов В. Ф. Градостроительство Молдавии XIX–XX веков, Кишинев, 1975.
Юрченко Н. А. Малоизвестная страница градостроительной истории Кишинева. В: Amedeo Carrocci. Moldova. Italia: Graficart, 1997, p. 96-100.

Степанов В. П.

Похоронно-поминальная память времени населения сел Пояна и Кунича Республики Молдова (этнографические зарисовки обычаев и обрядов на основе полевых изысканий)

Скрываясь от преследований и инакомыслия, старообрядцы стремились уединиться в собственном мире и, как известно, старались создать уединенные поселения, вдали от дорог, населенных пунктов и посторонних глаз. Однако известное русское старообрядческое поселение Кунича непосредственно граничит с украинским селом Пояна. Население Пруто-Днестровского населения отличалось веротерпимостью и в немалой степени общей исторической судьбой. По сути, всем приходилось выживать.

В данном исследовании мы остановимся на описании похоронно-поминальной обрядности жителей двух вышеназванных сел. Это этнографическое направление выделяется тем, что представляет собой наиболее архаичное наследие. Одновременно, длительное совместное проживание, веротерпимость украинского населения привели к тому, что в годы советской власти увеличилось количество браков между жителями двух сел. И даже такая устойчивая обрядность, как похоронная, испытала на себе определенную унификацию.

В Пояне и Куниче, когда умирал человек, оповещали соседей и родственников и начинали готовить покойного в последний путь. Звонили в колокола. Мыли умершего, как правило, по полу: мужчину – мужчины, женщину – женщины. Этим обычно занимались люди старшего поколения, и лишь в случае отсутствия таковых – молодые. Еще одной специфической чертой была следующая – те, которые мыли умершего, не могли притрагиваться к приготовлению пищи. В народе считалось, что отказывать в помощи при похоронах, в мытье, копании могилы, приготовлении пищи – грех. В Пояне умершего хоронили на третий день, а в Куниче – в первый. Если, например, кто-либо скончался вечером, – утром его уже несли на кладбище, вспоминает Мария Сергеевна Голтей, жительница с. Пояна. Соседи весьма восприимчивы к изменениям, вероятно, вступление в более тесные контакты с русскими старообрядцами Куничи привело к тому, что украинцы Пояны несколько отошли от устоявшейся схемы и в настоящее время, по свидетельству респондентов, не все соблюдают трехдневный срок после смерти родственника, особенно в теплое время года. Воду после обмывания покойника выносили в глухое место. Поверья, связанные с ее дурной силой, хорошо известны не только в обоих селах. «Балию выносят со свечой и выливают под забор». В доме, обычно после

50 лет, а в Куниче и после 40, хозяйка откладывала на смерть белье – себе и мужу. В это самое, приготовленное белье и облачали умершего. Если из жизни уходили молодые люди, в Пояне их облачали в одежду жениха или невесты. Как и раньше, в Пояне обращались к мастеру, который изготавливал гроб. Старожилы Куничи рассказывали, что раньше было принято откладывать и хранить доски на гроб.

В обоих селах после мытья облаченного во все новое покойника укладывали в большой комнате. В Пояне – головой к иконе, под окнами. В Куниче – ногами к иконе, а в ногах умершего устанавливали крест. Жители Пояны вспоминают, что по поверью, «щоб покойник не портився», под него клали магнит. Сейчас умершего обрабатывают формалином. Узнав о смерти, в дом начинают приходиться соседи и родственники. Если умирали молодые – приходили молодые. Из церкви приносили: *мари* (укр.) – носилки и *херугви, хоренки* (укр.) – хоругви. О смерти жителей села извещал колокольный звон. На стол в комнате, где лежит умерший, клали поднос, на котором оставляли деньги те, кто приходил. На столе в Пояне было принято оставлять тарелку с мукой. В этом селе в первый день после смерти шли в церковь и приносили свешник (подсвечник), на котором зажигали свечи. Ночью в обоих селах было принято читать псалтырь. В Пояне обычно просили это делать жену дьяка.

С первого дня после смерти в Пояне 2–4 человека отправлялись копать могилу. Было принято заканчивать эту работу в день похорон. В селе пекли 80 калачей для раздачи. Обязательно готовили коливо. Когда покойника укладывали в гроб, предварительно его последнее пристанище устилали рушником (укр. полотенцем, с. Пояна) – гребиння. В гроб также клали все, что касалось умершего, – расческу, мыло и пр. Мужчине в гроб, рядом с его головой, было принято класть шляпу или кепку. Женщину всегда хоронили в платке. Покойника накрывали не полностью, на лоб обязательно клали венчик, который брали в церкви. В руки вкладывали иконку. Прощаясь с умершим, целуют эту иконку и крестик, близкие целуют умершего в лоб. Перед тем как на кладбище заколачивали гроб, лицо умершего накрывали покрывалом. Провожая покойника в последний путь, на мари обязательно стелили половик. На похороны приходили без приглашения. В обоих селах впереди похоронной процессии несли и несут церковный крест (который берут для церемонии из церкви), домашний крест (который будет установлен на могиле) и хоругви. Гроб обычно несли шесть человек. По воспоминаниям жительницы с. Пояна Марии Сергеевны Голтей, раньше бывали случаи, когда гроб могли нести и женщины. Вероятно, это заимствование от старообрядцев. В настоящее время гроб в Пояне обычно везут на машине, особенно если умерший жил далеко от кладбища. В Куниче до сих пор покойни-

ка провожают в последний путь на плечах. Для сравнения необходимо подчеркнуть, что на левобережье Днестра, в старообрядческом селе Плоское, также зафиксированы аналогичные свидетельства, причем, – если умерла женщина, гроб с ее телом несут женщины.

Важно отметить, что дорога на кладбище, обычно выбранная один раз, для всех селян была одной и той же в последующих поколениях. Этих путей на кладбище могло быть несколько, в зависимости от места жительства умершего, но они оставались неизменными. Этому факту в народе особого внимания не уделялось, но, тем не менее, он требует констатации.

В Пояне, перед тем как выносить умершего из дома, обычно одаривают пришедших его проводить. В Куниче же так не делают. После выноса и приготовления обеда, было принято обязательно убрать в доме и даже побелить. В Пояне сохранилось правило: по ходу движения похоронной процессии останавливаться 12 раз. 12 раз батюшка читает молитву. В это время близкие и их помощники одаривали присутствующих. При этом дарили калач, кружку с водой, полотенце – 12 престелок.

Очень серьезное внимание уделяли и продолжают уделять жители двух сел тому, чтобы умирающий покинул этот мир при горящей свече. Поэтому, если близкие чувствовали приближение смерти, они старались всегда следить, чтобы свеча не гасла. Если покойник ушел из жизни без свечи, то жители Пояны, после того, как гроб опустили в могилу, передают через могилу полотенце, свечку, калач, иногда – кружку. Кроме того, жители села в Великий четверг дарят свечи и дают калач со свечой через могилу.

В Куниче, на покойника (в могилу, на гроб) льют опаус. В Пояне маслособорование не осуществляется. В народе верили, что до 40 дней душа покойника находится на земле. Для нее на столе после похорон оставляли полную кружку воды, свечу и калач. Считалось, если поутру количество воды уменьшилось – душа пила. Раньше поминали умершего на 3, 9 и 40 дни. Сейчас чаще на 9 и 40. В эти дни кладут вечерю.

От сильных переживаний близким иногда снится умерший. Из-за этого некоторые пугаются. Для того чтобы избежать подобного, в Пояне зафиксировано такое представление – необходимо кому-либо подарить паляницу с луком. Причем дать ее нужно через забор или ворота. В Куниче аналогичная реакция на подобное – дарение нескольких луковиц.

При ограниченном объеме невозможно подробно остановиться на освещении многоаспектной темы похоронно-поминальной обрядности, тем более дать соответствующие комментарии. Автор надеется на то, что это возможно будет осуществить в дальнейших публикациях. Однозначно можно утверждать одно – исследование малоизученной темы похоронно-поминальной обрядности русских старообрядцев и их окружения

важно не только с точки зрения фундаментальной науки, но и с практической стороны – сохранения культурного наследия.

Цвиркун В. И., Кантарян Н. В.

Материалы к биографии протоиерея Михаила Березовского

Вопреки кажущейся известности, творческая биография и жизненный путь выдающегося бессарабского композитора и просветителя, протоиерея Михаила Березовского продолжают интересовать исследователей – историков и искусствоведов. Свидетельством тому служат многочисленные статьи в научных и энциклопедических изданиях (Aragiu, 1992, 192-199; Axionova, 1970, 576; Barbanoi, 2015, 26-31; Barbanoi, 2015, 40-41; Barbanoi, 2016; Boldurat, 2002, 78-79; Ciobanu-Suhomlin, 2004, 86-92; Colesnic, 2016, 276-279; Cunesco, 1993, 91-96; Богдановский, 1962; Котляров, 1967; Наумов, 2002; Пожар, 2008, 145-151). Несомненный вклад в изучение жизни и творчества М. Березовского внесла диссертационная работа искусствоведа Кристины Бараной, выдержавшая недавно публичную защиту (Barbanoi, 2016).

Опираясь на богатый фактический материал, почерпнутый из опубликованных документов, статей и сообщений местной прессы, а также извлеченный из фондов Национального архива Республики Молдова, вышеупомянутые авторы осветили многие страницы биографии протоиерея М. Березовского, его священнической, преподавательской и творческой деятельности, особое внимание уделив его композиторскому, дирижерскому и исполнительскому таланту. Вместе с тем далеко не все аспекты жизни, музыкального творчества и духовно-нравственного служения М. Березовского нашли отражение в указанных публикациях. Продолжившийся поиск неизданных и неизвестных научным кругам архивных документов за пределами Молдовы, посвященных этой выдающейся личности бессарабского общества конца XIX – первой половины XX столетия, дал возможность обнаружить некоторые материалы, дополняющие и уточняющие ряд эпизодов его биографии.

В данном случае речь идет о делах, относящихся к священнической и музыкально-хоровой деятельности протоиерея Михаила Березовского за 1901 и 1915 гг., обнаруженных нами в фонде Канцелярии Священного Синода и личном фонде К. П. Победоносцева, обер-прокурора Священного Синода, Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (РГИА, ф. 796. Канцелярия Синода, оп. 436, д. 681 и ф. 1574 (Победоносцева), оп. 2, д. 97).

Рассмотренные в совокупности, упомянутые документы дают нам возможность дополнить и уточнить некоторые детали биографии М. Березовского, а также внести ясность в те факты творческой и священнической деятельности протоиерея, которые не нашли отражения в работах его биографов.

В первую очередь следует внести уточнения в сведения, относящиеся к составу семьи М. Березовского. Согласно утверждению молдавского краеведа Юрия Колесника, у протоиерея и его супруги Елены Дмитриевны «был единственный сын Андрей» (Colesnic, 2016, 279). Между тем, как указывают нам записи из послужного списка М. Березовского за 1915 г., помимо Андрея, которому к тому времени было 24 года, в числе его детей значатся «сын Дмитрий 21-го года, а также четыре дочери: Мария – 24 лет, Александра – 20 лет, Зинаида – 15 лет и Елена – 13 лет» (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2).

Следующие биографические данные, требующие уточнения, находятся в энциклопедической статье А. А. Наумова (Наумов, 2002, 652). Согласно им, М. Березовский «в 1891 и 1892 гг. был назначен регентом Кишиневского архиерейского хора» (Наумов, 2002, 652). Согласно же упомянутому нами послужному списку протоиерея, «11 января 1891 года он был назначен лишь исполняющим обязанности регента» (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2). Утверждение же в должности регента состоялось только 31 августа 1904 г. (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2). Также неверной является датировка его занятий у известного русского композитора А. К. Лядова. Автор статьи относит их к 90-м гг. XIX в. (Наумов, 2002, 652), в то время как документальные источники указывают 1901–1902 гг., в течение которых он стажировался в Санкт-Петербурге при Придворной капелле. Подтверждением успешного завершения обучения стало присуждение священнику М. Березовскому «звания регента, выданного Управлением придворной капеллы 7 мая 1902 года» (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2).

Другим фактом биографии протоиерея М. Березовского, требующим уточнения, является запись в упомянутом послужном списке. В графе «Состоял ли под судом» отмечено кратко «не бывал» (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2), однако события 1900–1901 гг., зафиксированные в делах обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева, свидетельствуют об обратном.

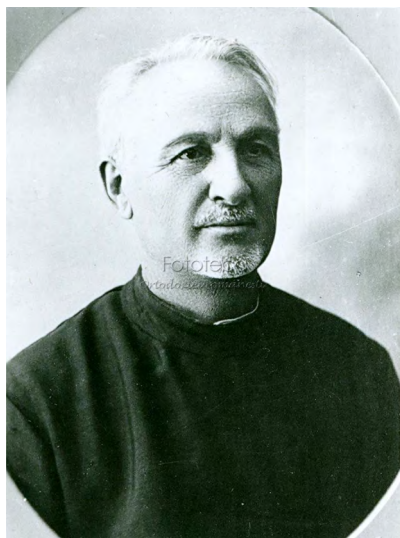
В ноябре 1900 г. между преосвященным Иаковом, епископом Кишиневским и Хотинским¹, и священником М. Березовским, клириком Кишиневского кафедрального собора, возник конфликт на личной почве. Результатом его стало отлучение М. Березовского от управления архиерейским хором, а сам хор был распущен (ф. 1574, оп. 2, д. 97, л. 57 об.-

58). Под предлогом же того, что священник без разрешения церковного начальства «участвовал в ученических концертах, устраиваемых в гимназии с благотворительной и воспитательной целью», он был отдан под церковный суд (ф. 1574, оп. 2, д. 97, л. 58).

Решением Консистории, последовавшим по этому делу, было постановлено: «...оштрафовать священника Березовского в пользу попечительства 25 рублями с воспрещением управлять гимназическим хором в концертах и посещать музыкальные классы профессора Гутора» (ф. 1574, оп. 2, д. 97, л. 57 об.). «Немилость» преосвященного Иакова в отношении М. Березовского продолжалась на протяжении ряда лет и завершилась лишь с отбытием епископа из Кишиневской и Хотинской епархии в первых числах августа 1904 г.

Новоприбывший архиерей Владимир², во внимание к трудам и заслугам священника М. Березовского, утвердил его 31 августа того же года в должности регента архиерейского хора, а спустя несколько месяцев, 3 декабря, наградил за усердную службу скуфьею (ф. 796, оп. 436, д. 681, л. 1 об.-2).

Конфликт преосвященного Иакова с отцом М. Березовским породил некоторые элементы мифотворчества в среде исследователей биографии

М. А. Березовский (1868–1940)

Митрополит Томский Иаков (в миру Иван Алексеевич Пятницкий; 1844–1922). Епископ Кишиневский и Хотинский (1898–1904)

бессарабского священнослужителя и композитора. Так, в статье Бориса Котлярова, опубликованной в 1967 г., утверждалось, что увлечение М. Березовским светской музыкой и общественной деятельностью вызвало недовольство церковного начальства. Более того, за исполнение арии Мефистофеля из оперы «Фауст» Ш. Гуно он временно был приостановлен в сане священника и отстранен от руководства архиерейским хором (Котляров, 1967, 82). В своей докторской диссертации, посвященной творчеству М. Березовского, молдавский исследователь Кристина Барбаной «считает эти сведения мифом, поскольку ни в одном из использованных ею документов не было найдено этому подтверждение» (Barbanoi, 2016, 35). Жизнь и практика постоянно убеждают нас в непреложном факте – истина всегда находится где-то посередине. Не стало исключением и упомянутое событие. Приведенные нами документы убедительно свидетельствуют о том, что конфликт церковного руководства Кишиневской и Хотинской епархии со священником имел место. Однако он не повлек за собой тех тяжелых последствий, о которых писал в своей статье Б. Котляров, и решение церковного суда не было столь губительным для композитора, как утверждал исследователь. Тем не менее сам факт церковного судебного разбирательства явился одной из драматических страниц в биографии этого выдающегося человека.

Изложенная выше информация подводит нас к выводу о том, что сложилась объективная необходимость в глубоком и всестороннем монографическом исследовании духовного, творческого и интеллектуального наследия выдающегося композитора, художника и просветителя Бесса-

Архиерейский хор М. А. Березовского

рабии конца XIX – первой половины XX столетия, протоиерея Михаила Березовского. Для реализации этого научного проекта необходимо провести многоплановые археографические изыскания в рукописных отделах библиотек, а также в архивохранилищах Республики Молдова, Российской Федерации, Румынии и Украины.

В приложении помещаем тексты документов, обнаруженных нами в фондах Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга.

Приложения

Док. № 1. Письмо Н. П. Тарновского³ к К. П. Победоносцеву⁴

Ваше Высокопревосходительство, Константин Петрович.

Кишиневский преосвященнейший Иаков, именуемый смиренным, как то видно из подписанного им постановления Синода, об отлучении от церкви графа Л. Н. Толстого, до того возненавидел местного собора священника [М.] Березовского, и так творит над ним суд, такую расправу.

Мало того, что преосвященный Иаков распустив архиерейских певчих лишил священника [М.] Березовского управления этим хором, на организацию которого этот священник положил душу свою, все свои силы; мало того, что не зирая на 12-летнюю беспорочную и ревностную службу в кафедральном соборе священника [М.] Березовского, преосвященный Иаков отдал его под суд за то только, что он участвовал в ученических концертах, устраиваемых в гимназии с благотворительною и воспитательною целью. Но Преосвященный Иаков, неотвязчиво преследуя этого священника решил даже лишить его права давать уроки пения в Кишиневской духовной семинарии. Ректор семинарии пригласил Березовского заняться этими уроками. Тот охотно согласился, а правление представило о сем на утверждение Преосвященному Иакову. Последовала такая резолюция – «Священник [М.] Березовский состоит под судом и при том по делу о пении. В виду этого, уроки церковного пения в семинарии не могут быть предоставлены сему священнику».

Решение Консистории по означенному делу о пении постановлено: «...оштрафовать священника [М.] Березовского в пользу попечительства 25 рублями с воспрещением управлять гимназическим хором в концертах и посещать музыкальные классы профессора Гутора⁵. Эти музыкальные классы священник Березовский посещал с целью усовершенствоваться в музыке и пении. Цель благородная и достойная поощрения.

Причина конфликта. Преосвященный Иаков, уезжая в Петербург в ноябре минувшего года (1900) для присутствия в Священном Синоде, выразил желание взять с собой священника [М.] Березовского. По се-

мейным обстоятельствам тому нельзя было ехать. Он просил Владыку оставить его в Кишиневе. Владыка рассердился, а затем, когда селся в вагон, приказал распустить певчих. Спустя месяц после отъезда Преосвященного в Петербург я, приехав в Кишинев, зашел в Собор помолиться и был несколько удивлен отсутствием певчих, и при том, во время архиерейского служения викарного преосвященного Аркадия... В соборе тишина, уныние, тогда, когда в это время поются духовные песнопения. Узнав от церковного старосты, что певчие распущены по приказанию Преосвященного Иакова, чем крайне недовольны прихожане, а несчастные певчие остались без всяких средств к существованию, я, возмущенный, телеграфировал Вашему Высокопревосходительству о таком необычайном поступке Кишиневского архипастыря. Преосвященный Иаков, узнав о моей телеграмме, вообразил, что я телеграфировал по наущению священника [М.] Березовского, которого я тогда в глаза не видел. Заподозрив священника Березовского в интриге, Преосвященный стал его преследовать, что и проявилось в отдаче под суд за пение. Мои неоднократные жалобы Синоду о распущении певчих, к сожалению, оставлены без последствий. Не могу не обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на личность священника [М.] Березовского. Как иерей, он стоит на высоте своего призвания, всеми любим и уважаем. 12-й год он священник в кафедральном соборе и по отзыву прихожан всегда исполнял свои обязанности с полным усердием. Как человек, он отличается прекрасными душевными качествами, при чем одарен еще музыкальным талантом.

Н. П. Тарновский

19 октября 1901 года

Санкт-Петербург, Невский 51⁶.

Хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), ф. 1574 (К. П. Победоносцева), оп. 2, д. 97, л. 57-58 об.

Док. № 2. Послужной список священника Кишиневского кафедрального собора Михаила Андреевича Березовского за 1915 год

Священник Михаил Андреев Березовский, 47 лет, из духовного звания. Недвижимого имущества нет.

Награжден:

Набедренником – в 1898 году

Скуфьей – в 1904 году

Камилавкою – в 1907 году

Наперсным крестом – в 1911 году

Имеет серебряную медаль в память царствования императора Александра III-го в 1914 году за участие в богослужении при открытии в высочайшем их Императорских Величеств присутствии памятника императору Александру I в Кишиневе, пожалован золотым наперсным крестом без украшений из кабинета Его Императорского Величества.

Окончил курс Кишиневской духовной семинарии – в 1888 году
 Рукоположен во священники в Свято Архангело-Михайловской церкви города Кишинева – 1 октября 1889 года
 Переведен к Кафедральному собору на штатное Священническое место – 24 марта 1890 года
 Назначен исполняющим должность регента Архиерейского хора – 11 января 1891 года
 Назначен членом ревизионной комиссии при Свечном заводе – 1894 году
 Подучил звание регента, о чем имеет свидетельство, выданное ему Управлением Придворной капеллы – 7 мая 1902 года
 Утвержден регентом Архиерейского хора – 31 августа 1904 года
 Назначен на должность преподавателя пения в старших классах семинарии – 31 августа 1905 года
 Поведения весьма хорошего
 Под судом не бывал
 Жена – Елена Дмитриевна – 42 лет
 Дети:
 Андрей – 25 лет
 Мария – 24 лет
 Дмитрий – 21 год
 Александра – 20 лет
 Зинаида – 15 лет
 Елена – 13 лет
 Назначен членом комиссии для испытания лиц, ищущих псаломщической должности и посвящения в стихарь – 19 июля 1906 года
 Назначен членом-делопроизводителем Совета псаломщического класса – 2 октября 1907 года
 Назначен старшим преподавателем теории музыки и пения в псаломщическом классе – 3 января 1909 года
 Назначен заведующим Кишиневской псаломщической школы – 24 сентября 1913 года

Хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), ф. 796, оп. 436, д. 681, лл. 1-3.

Примечания

¹ Иаков (Пятницкий) – епископ Кишиневский и Хотинский с 26 января 1898 г. – по 12 августа 1904 г. Впоследствии – митрополит Томский.

² Владимир (Сеньковский) – епископ Кишиневский и Хотинский с 12 августа 1904 по 16 сентября 1908 г.

³ Н. П. Тарновский. Профессор медицины Санкт-Петербургского университета. Преподавал на высших женских медицинских курсах.

⁴ К. П. Победоносцев (21 мая [2 июня] 1827 г., Москва – 10 [23] марта 1907 г., Санкт-Петербург). С 1880 по 1905 г. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. С 1872 г. – Член Государственного совета.

⁵ В. П. Гутор (2[14]апреля 1864 г., Кишинев– 30 мая 1947 г., Одесса). Музыкальный деятель, педагог. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию. В 1893 г. основал в Кишиневе первую музыкальную школу, которая просуществовала до 1907 г.

⁶ На полях этого письма рукой К. П. Победоносцева была наложена следующая резолюция: «Не могу долее вмешиваться и разрешить спор между Тарновским и архиепископом из-за хора» (РГИА, ф. 1574. оп. 2, д. 97, л. 57).

Литература

Богдановский Е. М. Хоровая культура Молдавии (со второй половины XIX века и до наших дней). Кишинев, 1962.

Котляров Б. Музыкальная жизнь дореволюционного Кишинева. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967, 127 с.

Наумов А. А. Березовский Михаил Андреевич. В: Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002

Пожар С. Многоликий пастырь: К 140-летию композитора, регента, певца и художника Михаила Березовского. В: Русин, 2008, № 1–2 (11–12), с. 145–151.

Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796. Канцелярия Синода, оп. 436, д. 681 и фонд 1574 (Победоносцева), оп. 2, д. 97.

Arabagiu R. Cine ești, Mihail Berezovschi? В: Basarabia. 1992, nr. 11. Chișinău: Universul, 1992, p. 192–199.

Axionova L. Berezovschi M. В: Enciclopedia Sovietică Moldovenească. Vol. I. Chișinău: Redacția principală a ESM, 1970.

Barbanoi H. Rugăciunile „La râul Vavilonului” și „Ușile Pocăinței” din ciclul „Imnele Vecerniei și Utreniei” de Mihail Berezovschi – exemple de abordare a creațiilor altor compozitori. В: Studiul artelor și culturologie: istorie, teorie, practică. Chișinău: Grafema Libris, 2015, nr. 3 (26), p. 26–31.

Barbanoi H. Activitatea lui Mihail Berezovschi reflectată în documentele Arhivei Naționale din perioada Basarabiei țariste. В: Educația artistică: realizările trecutului și provocările prezentului, Conferința științifică internațională dedicată aniversării a 75 de ani de învățământ artistic din Republica Moldova 25–26 noiembrie, 2015. Rezumatele lucrărilor. Chișinău: Grafema Libris, 2015, p. 40–41.

Barbanoi H. Creația corală bisericească a compozitorului Mihail Berezovschi din perspectiva tradițiilor muzicale ortodoxe. Teză de doctor în studiul artelor și culturologie. Specialitatea 653.01 – Muzicologie. Chișinău, 2016.

Boldurat V. Mihail Berezovschi – promotor al tradițiilor muzicii corale. B: Învățământul artistic – dimensiuni culturale. Chișinău: Grafema Libris, 2002, p. 78-79.

Ciobanu-Suhomlin I. Creația lui Mihail Berezovschi din perspectiva didactică a timpului său (în baza Imnelor Vecerniei, Utreniei și a Liturghiei Sf. Ioan Gură de Aur). B: Învățământul muzical la Chișinău: istorie și contemporaneitate. Chișinău: 2004, p. 86-92.

Colesnic Iu. Chișinăul nostru necunoscut. Ed. a doua, revăzută. Chișinău, 2016, p. 276-279.

Cunescu Gh. Protoiereul Mihail Berezovschi. B: Patrimoniu, 1993, nr. 1, p. 91-96.

Condraticova L.

Piese de argintărie bisericească lucrate de orfevrii din Rusia (pe baza articolelor atestate în Basarabia)

În secolul al XIX-lea și prima jumătate a secolului al XX-lea piesele de argintărie au avut o largă circulație în ambientul laic și bisericesc din Basarabia. De regulă, piesele din metale nobile certifică răspândirea unor modele artistice provenite din diferite centre de argintărie din Europa de Est sau de Vest. Din aceste considerente, studiarea pieselor de orfevrărie atestate în Basarabia necesită o clasificare în funcție de atelierul de producere, după cum urmează: 1) piese lucrate în atelierele ruse, ucrainene; 2) articole produse în atelierele din orașele poloneze; 3) piese lucrate în atelierele din Basarabia, de meșteri autohtoni și 4) articole realizate în ateliere din alte regiuni. În arealul nostru de cercetare au intrat piesele din metale nobile și comune lucrate de aurarii și argintarii din atelierele ruse. Asemenea piese au fost atestate în patrimoniul bisericilor și mănăstirilor din spațiul actual al Republicii Moldova, în unele colecții private și în custodia muzeelor din țară, fiind expuse în cadrul mai multor expoziții. Așa, în cadrul expoziției „Argintăria în ambientul laic și liturgic (sec. XVIII–XX)”, desfășurată la MNIM în perioada 17 iunie – 16 septembrie 2013, au fost prezentate piese din ateliere ruse, vest-europene, evidențiindu-se exponatele provenite din renumite centre de orfevrărie din Rusia, cum ar fi cele de marca Fabergé, Hlebnikov, Sazikov (http://www.nationalmuseum.md/ro/exhibitions/argintaria_in_ambientul_laic_si_liturgic_sec_xviii_xx/ (vizitat 18 august 2013)).

Documentările noastre de teren au scos în evidență mai multe piese de orfevrărie, executate în ateliere ruse, dintre care vom menționa potirul atestat la

biserica din satul Domulgeni–Florești, lucrat din argint titlu 84, executat în anul 1875 de un argintar cu inițialele „ДП”, decorat cu motive geometrice gravate și chipuri de sfinți. O altă piese de cult de la aceeași biserică – discosul – a fost lucrat din argint titlu 84, având poansonul aplicat asupra articolului. Discosul a fost confecționat în anul 1877, a fost apreciat de marcatorul probirer cu inițialele „ИК” (IK). Argintarul care a realizat piesa și-a lăsat amprenta, aplicând poansonul „ДШ” (DȘ). Inițialele meșterilor și marca argintului aplicat „84” confirmă că discosul a fost executat de un argintar din Imperiul Rus. Discosul este decorat cu motive vegetal-floristice și geometrice, realizate prin gravare, pe marginea exterioară fiind gravată inscripția „Грехи души ... се агнец ... Божия величия”. În interior, platoul este decorat cu chipurile gravate ale sfinților. Dată fiind vechimea piesei și perioada de întrebuințare, discosul prezintă urme evidente de folosire, zgârieturi, rămânând a fi unul dintre cele mai prețioase vase din patrimoniul bisericii din satul Domulgeni.

În aceeași ordine de idei se înscrie potirul de la biserică din satul Nimoreni raionul Ialoveni. Piesa are gravate chipurile Evangheliștilor și simbolul crucii, încadrate în medalioane rotunde pe cupa și piciorul potirului. Este confecționat din argint, titlu 84, aurit, are însemnul Camerei de aplicare a titlului – capul femeii în „kokoșnik” și inițialele argintarului „УК”, fapt ce determină executarea lui la începutul secolului al XX-lea, atunci când în Imperiul Rus a fost aprobată marca în formă de capul femeii în „kokoșnik”.

Potirul de la biserică din satul Ulmu–Ialoveni prezintă un interes aparte. Piciorul potirului este simplu, din metal bine șlefuit, pe baza piciorului fiind imprimat anul realizării piesei – 1815, flancat de ambele părți cu câte un motiv stilizat de strugure. Pe versoul piciorului cupei este gravat în limba rusă „Спаси и прости”. Pe întreg perimetrul piciorului potirului au fost gravate chipuri de sfinți, serafimi și simboluri cruciforme. O deosebită atenție evocă cupa potirului, mai ales dantela filigranată de metal, care acoperă partea de jos a cupei. Impresionează exuberanța motivelor vegetal-floristice stilizate și geometrice, formând un desen superb, executat tehnologic și artistic la un nivel foarte înalt. Tot la biserică din satul Ulmu a fost identificată o linguriță din argint, titlu 84, anul confecționării 1871 fiind marcat pe versoul linguriței. Poansonul aplicat indică asupra meșterului care a verificat titlul metalului nobil, un oarecare „КС” (KS). Din punct de vedere tehnologic și artistic este bine șlefuită, nu prezintă urme de prelucrare a metalului. Forma mânerului este elegantă, având o cruciuliță în vârf (model specific lingurițelor de cult), desenul mânerului bogat, executat prin gravare și din fâșii intersectate, motive geometrice, linii și puncte incizate.

În 1820–1821, la mănăstirea Japca au fost aduse o serie de podoabe, veșminte, cărți, toate în mare parte lucrate în atelierele din Moscova. În această listă includem o ferecătură de argint, aurită, pentru chipul Maicii Domnului, cu un gramaj de cca 400 grame. Prețul unei asemenea piese se ridică în anul

1818 la 442 de lei 20 parale (ANRM. F. 205, inv. 1, d. 4535, f. 57). În perioada 13 septembrie 1821 – 18 august 1824, la mănăstirea Japca au fost aduse un potir cu tot setul necesar oficierei serviciilor divine, cu opt icoane decorate în tehnica emailării artistice (denumite în limba rusă „finifti”). Piesele au fost lucrate într-un atelier din Moscova, aveau greutatea totală de 3 funți 3 zolotnik. Lista odoarelor fusese completată de un discos de argint cu greutatea de un funt și 50 grame; 22 de icoane de sărbătoare; o cădelniță de argint de 50 gr; trei aere mari, din stofă franceză, decorate cu cruci de argint cusute pe stofă. Două brăie de mătase erau cusute cu aplice de argint (ANRM. F. 205, inv. 1, d. 4535, f. 60).

În seria pieselor lucrate în atelierelor ruse au fost incluse cărțile tipărite la Moscova, cu ferecături din metale. În acest context menționăm o *Evanghelie* de pe pristol, căptușită cu metal alb cu chipuri convexe (tipărită la Moscova, în anul 1809) și adusă la Muzeul Bisericesc de preotul Constantin Prodan (parohia Celaceuca, Bălți) (Muzeul 2006); o *Evanghelie* încadrată în catifea de culoare zmeurie (Moscova, 1867) din patrimoniul mănăstirii Bocancea (Condrativcova, 2014); o *Evanghelie* ferecată în aur (Moscova, 1779), o *Evanghelie* ferecată în argint (Moscova, 1779) și o *Evanghelie* ferecată în argint, donată mănăstirii în anul 1851, atestate la mănăstirea Japca (ANRM. F. 205, inv. 1, d. 4535, f. 52-54). În biblioteca mănăstirii Hârjauca, în anul 1837, erau o *Evanghelie* (Moscova, 1809) cu ferecătură de aur și argint cu titlul 84; o *Evanghelie* (Moscova, 1817) ferecată în argint de 12 lot, lucrată în tehnica forjării artistice, cu cinci aplice emailate; două *Evanghelii* (Moscova, 1847 și Moscova, 1854), ambele cu ferecătură de argint titlul 84 (ANRM. F. 1232, inv. 1, d. 144, f. 13). De asemenea, printre cărțile aflate în biserica Măzărache din Chișinău (la data inventarierii în anii 1985–1987), se aflau o carte de o deosebită valoare istorică și artistică, păstrată în pronaos, tipărită la Moscova, în anul 1644, având ferecătură de alamă (Arhiva AIRM).

În seria capodoperelor din domeniul veșmintelor de carte includem ferecătura de argint a *Evangheliei* de la biserica din satul Năvârneț raionul Florești. Coperta unu este lucrată prin plasarea la colțuri a aplicelor cu chipurile Evangheliștilor, iar pe centru – chipul Mântuitorului, încadrat într-un medalion oval și integrat într-o stea, în partea de sus și de jos flancată de un motiv decorativ, format din două stele intercalate. Figurile sunt tratate cu o deosebită expresivitate, prin liniile desenului meșterul acordând mișcare și sensibilitate chipurilor lucrate. Deasupra capurilor Evangheliștilor este gravat numele fiecăruia. Ferecătura nu este lucrată integral, cele patru aplice fiind fixate prin nituire una de alta și de copertă. Pe fiecare aplică sunt aplicate însemnele meșterului și finețea argintului. Cotorul de asemenea este îmbrăcat în veșminte de metal, păstrând în partea de jos însemnele meșterului și titlul metalului, fapt ce permite să concluzionăm că legătura de carte a fost lucrată din argint, titlu 84. Un interes aparte merită coperta posterioară a cărții, care posedă la fel patru aplice pe

la colțuri, decorate cu motive vegetale și floristice pe toată suprafața, având în fiecare aplică fixat un semicerc (înconjurat de un rând de pseudoperle), util la folosirea cărții, întrucât semisferele de metal nu permit interacțiunea suprafeței metalice a cărții cu alte suprafețe, astfel fiind redus gradul de uzură al suprafeței argintate. În partea de jos a ferecăturii, după executarea obiectului, a fost aplicată prin nituire o fâșie de argint, având gravată inscripția în limba rusă: „1882 г./Отъ Николая и Анны Дониць/Март 15”, adică o donație din partea citorilor Nicolae și Ana Donici, făcută la 15 martie 1882. Aplicele de pe coperta patru la fel sunt lucrate din argint, titlu 84, marcajele fiind indicate pe fiecare dintre ele – anul executării, 1882, care este și anul citoririi *Evangheliei*, inițialele specialistului care a evaluat lucrarea, însemnate cu caractere ruse „МЗ” (MZ), marca Camerei de Aplicare a titlului – un copac cu ramurile ridicate sus.

O categorie importantă reprezintă icoanele din metal turnat, considerate de unii specialiști în domeniu drept „rugăciuni cuprinse în forme de turnare” sau „rugăciuni încătușate în bronz” (Popescu, 2011). Având o încărcătură spirituală deosebită, aceste icoane turnate din bronz sau aramă constituie un compartiment important mai ales în credința staroverilor (lipovenilor, rușilor de rit vechi). Ca atare, este imposibil de a cuprinde toată multitudinea de piese de aramă turnate, cu toate tipurile iconografice, formele, exuberanța ornamentului și gama coloristică a emailului. În turnarea artistică (individuală și în serie) pot fi identificate chipurile celor mai venerați sfinți: *Sf. Mucenic Gheorghe, Fiodor Stratilat, Fiodor Tiron, Arh. Gavriil* (Гютова, 2000, 7). În mare parte, piesele sunt lucrate în diferite ateliere de turnătorie din secolele XVIII–XX. Dar cel mai mult se apreciau podoabele de aramă turnate în atelierul lipovenilor de la Vîgovsk, Rusia, care a devenit ulterior un model pentru imitarea pieselor din aramă pentru atelierelor de turnătorie până la începutul secolului al XX-lea. În anul 1722, a fost semnat ucazul țarului rus Petru I „Despre interzicerea folosirii în biserici și case private a icoanelor turnate sau sculptate” (Гютова, 2000, 12), iar prin ordinul din anul 1723 se stipula că „<...> (de aramă) icoane de azi înainte nu de turnat și negustorilor de interzis vânzarea lor” (Гютова, 2000, 13). Ambele decrete ale lui Petru I au interzis comerțul cu icoane și crucifixe de metal considerate inestetice și nedemne, însă legislația nu și-a găsit aplicare pe larg. Deja în anul 1843, producerea acestor icoane se afla sub amenințarea confiscării, iar din 1854, odată cu închiderea mănăstirii din Vîgovsk și atelierelor de aici, producerea icoanelor de metal a revenit micilor întreprinderi din localitățile din nordul Rusiei (Popescu, 2011, 124).

Pentru turnarea icoanelor se foloseau trei tipuri de bază pentru turnare: în forme dure de piatră, în forme plastice (lut, nisip), prin modele de ceară cu pierderea sau păstrarea formei (*cire perdue*). Centrul principal de turnare a pieselor de cupru la finele secolului al XI-lea – începutul secolului al XII-lea era orașul Kiev, în secolele XIV–XV întâietatea revine orașului Novgo-

rod (Гнотова, 2000, 11), în secolele XVI–XVII centrul de turnare se transferă la Moscova. Însă nivelul turnării scade brusc, piesele turnate devin simple lucrări meșteșugărești. Tipologic, au fost identificate icoane din metal turnat și cizelat; icoane din metal turnat și cizelat, cu glazură de email, având o gamă cromatică restrânsă, palidă, între 1–7 culori, cu degradeuri (alb, albastru, verde, galben, ocru, brun, negru) (Popescu, 2011, 125). Cât privește materiile prime ale acestor icoane, subliniem că pentru cele turnate mai timpuriu s-a folosit bronzul, iar piesele datate în secolele XVIII–XIX sunt lucrate în mare parte din alamă sau cupru. În repertoriul icoanelor turnate specifice cultului lipovenilor vom remarca următoarele tipuri, documentate inclusiv în patrimoniul MNIM: 1) icoane din metal turnate simple, având un singur element din metal turnat și 2) icoane din metal turnat tip *skladen* (sl.: *складень*) cu subvariante: diptic, triptic, poliptic.

Icoanele din metal sunt compuse din două, trei sau patru elemente pliabile, denumite în literatura de specialitate foi, canaturi, voleuri. Aceste elemente sunt asamblate prin intermediul sistemului mobil de tip balama (nod, articulație). Numărul elementelor pliabile a condiționat și denumirea subtipului. Astfel, icoanele din două foi asamblate sunt cunoscute drept icoane-diptic, cele compuse din trei elemente (un element central și două foi asamblate prin balamale) poartă denumirea de icoane-triptic, iar ansamblul din elemente de metal a intrat în uzualitatea specialiștilor drept icoane-poliptic sau iconostase portabile. De fapt, în calitate de icoane de călătorie, de război, împreună cu icoanele simple din metal, cele din metal pliabile au ajuns încă în secolul al X-lea în Rusia din Bizanț (Popescu, 2011, 125).

Un loc aparte revine motivelor ornamentale, folosite în decorul iconițelor turnate de cupru ale credincioșilor ruși de rit vechi. Asemenea icoane prezintă un ornament bogat, un filigran delicat, impresia fiind amplificată de emailul policrom, turnat în adânciturile formate de motivul filigranat (MNIM. FB 22210; MNIM. FB 22196). Fără a ne concentra eforturile asupra pieselor de cult ale lipovenilor, vom menționa doar câteva icoane lucrate din bronz, în tehnica turnării, păstrate actualmente în colecția MNIM (MNIM. FB 22194, ob. 6-II). Icoana *Sărbătorile* (poliptic), posedă un decor elegant din metal, o reprezentare la scară redusă a celor mai importante sărbători religioase ale rușilor de rit vechi. Fiecare panou de formă pătrată are câte patru cadrane, în care sunt prezentate sărbătorile, partea superioară a panoului fiind decorată cu un element decorativ în formă de bulb, în care este încadrată reprezentarea unei sărbători. Dantela fină metalică, care înfățișează descrierea ciclului de sărbători, cu chipurile sfinților, este amplificată de fundalul turnat în email color, acordându-i-se astfel icoanei o frumusețe și eleganță specială. În același context se înscrie icoana *Hodighitria*, secolul al XIX-lea, bronz, turnare, email. Centrul compozițional include chipul Maicii Domnului cu Pruncul, iar pe perimetru,

în formă de chenar, sunt integrate 18 medalioane cu chipurile sfinților. În adânciturile formate de dantela de bronz a ferecăturii a fost turnat emailul de culoare albastru și azurie.

În concluzie subliniem că prezența odoarelor de preț este datorată, în primul rând, interesului reprezentanților elitei locale și ctitorilor înstăriți mai ales în îndestularea bisericilor cu piese prețioase. Comandate sau donate pentru locașurile sfinte, piesele de argintărie aveau menirea de a înfrumuseța edificiile de cult, de a evidenția rolul lor și de a participa la slujbele religioase, întruchipând astăzi patrimoniul cultural al țării.

Surse de arhivă, colecții muzeale

Arhiva Națională a Republicii Moldova (ANRM). F. 1232, inv. 1, d. 144.

ANRM. F. 205, inv. 1, d. 4535.

Arhiva Agenției Inspectare și Restaurare a Monumentelor (AIRM). Dosarul bisericii Măzărache din or. Chișinău.

Potir, biserica s. Domulgeni

Cruce turnată de metal. Colecția MNIM

Muzeul Național de Istorie a Moldovei (MNIM). FB 22194, ob. 6-II.
MNIM. FB 22196.
MNIM. FB 22210.

Bibliografie

Condaticova L. Bocancea. Mănăstire de călugări cu hramul Sfinții Apostoli Petru și Pavel. Chișinău, 2014.

http://www.nationalmuseum.md/ro/exhibitions/argintaria_in_ambientul_laic_si_liturgic_sec_xviii_xx/ (vizitat 18 august 2013).

Muzeul Bisericesc din Chișinău. Geneză, împliniri, pribegii. 2006.

Popescu Iuliana. Icoanele lipovenești din colecția Muzeului Național al satului „Dimitrie Gusti”. București – scurt istoric, tipologie, stare de conservare. În: Restitutio, București, 2011, nr. 4, p. 118-133.

Гнотова С., Зотова Е. Кресты, иконы и складни. Москва: Интербук-Бизнес, 2000.

Procop N.

Ludmila Șevcenco – 30 de ani de creație

La sfârșitul anilor '80 ai secolului al XX-lea arta din RSSM se caracteriza prin revenirea în țară a artiștilor plastici din domeniul artelor decorative care și-au făcut studiile în instituțiile superioare din fostele republici sovietice, printre aceștia fiind V. Avruțevici (Moscova), N. Ciornaia (Lvov, 1981), V. Dampir (Sankt Petersburg, 1988), V. Grama (Moscova, 1986), L. Șevcenco (Tallinn, 1987), I. Baba (Tallinn, 1987) ș. a. În această perioadă o mare popularitate o au instituțiile de profil din Moscova, Sank Petersburg, Tallinn, în care s-au format o pleiadă întregă de artiști din țară, sau cei străini veniți în Chișinău (V. Avruțevici (Moscova), A. Drobaha (Lvov, 1979), O. Drobaha (Lvov, 1979), V. Ivanciuc (Lvov, 1984), I. Șuh (Lvov, 1985), L. Tihonciuc (Tallinn), L. Cravcenco (Vitebsk) ș. a. Creându-și un stil propriu, tinerii artiști cu viziuni noi, postmoderne, au influențat întreg parcursul artelor textile din Republica Moldova. Astfel, arta textilă (tapiserie, batik) traversează o nouă etapă în evoluția sa, formându-se un nou mediu de libertate de creație pentru plasticienii din republică. În tapiserie, artiștii apelează „la structuri formale sau figurație redusă și la alegorii subtile de semnificație universală” (Simac, 2001, 53). În cazul batik-ului, pâslei, colajului și al patchwork-ului atestăm similitudini, lucrările apropiindu-se cu precădere de abstracționism.

Ludmila Șevcenco este unul dintre artiștii plastici care a contribuit esențial la dezvoltarea artei textile din Republica Moldova. Autoarea s-a impus în

viața artistică din RSSM după finisarea studiilor superioare la Institutul de Stat de Arte Plastice din Tallinn, Estonia (1982–1987). Deosebindu-se prin muncă asiduă, artista participă la numeroase expoziții naționale și internaționale: Expoziția Republicană de Artă Decorativă din Chișinău (1988), „Cercetări I”, „Cercetări II” la EREN, Chișinău (1989, 1990), Expoziția Artiștilor Plastici din Republica Moldova în Germania (1991) ș. a. Activitatea sa a fost apreciată, autoarea învrednicindu-se în anul 1995 de locul III în cadrul *Expoziției-concurs dedicată Aniversării a 50 ONU* la Chișinău, în anul 1997 obține Premiul de Merit la *Concursul Internațional de Stampă* din Tokio, Japonia, în anul 2014 – locul I la *Bienala Internațională de Artă Decorativă Aplicată* la Chișinău.

Autoarea practică diverse genuri ale artei textile: tapiserie, batik, pâslă, colaj, patchwork, broderie ș. a. Studiile obținute lasă amprentă în creația L. Șevcenco, artistul plastic utilizând elementele grafice minuțios prelucrate *Lumea basmului* (2010, batik), *Domnișoara cu pasărea și peștele* (2010, batik) și formele stilizate *Autoportret pe fundal alb* (1991, tapiserie), *Discuție nocturnă* (1993, tapiserie) ș. a. L. Șevcenco abordează complex lucrările, una dintre problemele primordiale de studiu fiind compoziția organizată în pătrat (*Lumea basmului* 2010, *Oraș în toamnă* 2010, *Profil I* 2011), în triunghi (*Răpirea Europei* 2011), pe verticală (*Natură moartă autumnală* 2010, *Domnișoara cu pasărea și peștele* 2010, *Brusture* 2009) sau pe orizontală (*Ghimpi* 2009), oblică (*Vara*

2011). Creația artistei se caracterizează prin diversitate cu predominarea elementelor figurative în compozițiile abstracte *Oraș în toamnă*, *Lumea basmului*, *Domnișoara cu pasărea și peștele*, *Profil I*, *Vara* 2011, *Răpirea Europei*, *Tet-a-tet* 2011. Autoarea abordează genul portretului pe care îl regăsim în *Lumea basmului*, *Domnișoara cu pasărea și peștele*, *Profil I*, figurile nude în batik-ul *Vara*, *Răpirea Europei*, peisajul *Ghimp*, *Brusture* și naturile moarte *Natură moartă tristă* 2010, *Natură moartă autumnală*.

Batik-ul *Ghimp* 2009 (120×90 cm) reprezintă o compoziție deschisă, figurativă, realizată în mijloace expresive caracteristice tehnicii batik-ului fierbinte, având ca suport textil citul. Predominarea gamei reci cu multiple nuanțări de verde domină spațiul compozițional echilibrat cu un roz pal. Verticalitatea motivului principal – ghimpul – domină întreaga compoziție împărțită în patru orizontale. Similare este și lucrarea *Brusture* 2009 (90×70 cm) cu predominarea gamei negru-alb, centrul compozițional al căruia este amplasat în partea de sus.

Răpirea Europei 2011 (70×90 cm) este motivul din mitologia Greciei Antice, abordat pe larg de artiștii plastici Tiziano Vecellio, Rembrandt ș. a. În arta din Republica Moldova subiectul a fost tratat de graficiană Elena Karacențev și pictorul Vadim Palamarciuc. În cazul Ludmillei Șevcenco, Zeus transfigurat

Scoață, 2014 (pâslă, lână, 1700×240 mm). Foto: Arhiva personală Ludmila Șevcenco

Brusture, 2009 (batik, 900×700 mm). Foto: Arhiva personală Ludmila Șevcenco

prin simbolul taurului șezând la pământ, este compus în triunghi, care, grație puterii și autorității sale, domină compoziția. Europa, fiica regelui Agenor, este amplasată grațios, în poziție relaxantă în prim-plan. Nuanțele reci de albastru, violet redau volumetric taurul, Europa fiind de un alb uniton.

Originalitatea și măiestria abordării cu certitudine o plasează pe Ludmila Șevcenco printre pleiada artiștilor plastici care cu devotament practică artele textile în Republica Moldova de mai mult de trei decenii. Ultima perioadă autoarea s-a încadrat în spațiul artistic din Moscova, centru cultural în care L. Șevcenco se afirmă cu un suflu nou.

Bibliografie

Arhiva personală Ludmila Șevcenco.

Simac Ana. Tapiseria contemporană din Republica Moldova. Chișinău: Știința, 2001. 160 p.

Vara, 2011 (batik, 900×700 mm). Foto: Arhiva personală Ludmila Șevcenco

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ананьева С. В.

Русская литература Казахстана: взгляд из XXI века

Русскую литературу, развивающуюся вне территории России, называют «русской нероссийской», «зарубежной русской», «международной». Современные исследователи в истории русской литературы выделяют два крупных проблемно-тематических блока: литература русского зарубежья и русская литература, создаваемая в России. Разрабатывая, в основном, проблематику русского литературного зарубежья, русской поэзии, К. К. Султанов говорит о логике развития русской литературы в XX в. – от «разделения, рассечения» до преодоления «насильственного раскола национальной культуры» и возвращения в «естественные берега» (Султанов, 2009, 68), А. И. Чагин с сожалением пишет о «резком сужении поля взаимодействия русской литературы с теми национальными литературами, культурами, которые на протяжении нескольких столетий были активнейшими участниками такого взаимодействия <...> литератур народов, живущих и в России, и на пространствах бывшего Советского Союза. <...> Причины этому известны – они существуют и вовне литературы (прежде всего), они, вместе с тем, связаны и с особенностями того „промежутка“, той кризисной полосы, через которую проходит русская литература сегодня» (Чагин, 2008, 571-572).

Литературоведы разных стран мира ищут ответ на вопрос: что представляет собой русская литература постсоветских стран (осколки метрополии или равноправные субъекты диалога), выявляя векторы и ориентиры ее развития, уточняя ведущие тенденции. В современном литературном процессе трудно дифференцировать жанры, вычленив одно из другого, отделить, провести четкую грань. Литературная традиция совмещается с историческими документами и новыми теориями дискурсов.

В русской литературе Казахстана рубежа веков и первых 15-ти лет нового века происходят знаковые процессы, продолжается процесс воссоединения оборванных струн в литературах и культурах многих стран мира. Возвращенная литература, литература эмиграции вливаются в единый поток национальных литератур. Элегантно, со вкусом издана книга стихотворений замечательного русского поэта Ю. Софиева «Парус» (Софиев, 2003). Книга уникальна, так как это первое поэтическое издание на родине поэта. Открывается она вступительной статьей

И. Софиева «О моем отце». Тепло, душевно и в то же время лаконично рассказывает сын о его судьбе, годах учебы в Хабаровском и Нижегородском кадетском корпусах, Константиновском артиллерийском училище. Ю. Софиев участвовал в «ледовом походе», в чине поручика воевал в кавказской конно-горной артиллерийской батарее. Затем эвакуация в Галлиполи. Белград, учеба на историко-филологическом факультете... Париж, завершение учебы во Франко-Русском институте.

Людские судьбы оказывались втянутыми в водоворот исторических событий. Позже поэт напишет в одном из стихотворений: «О, времени внезапный лёт...». Эпохи грозный бег коснется и его судьбы: «Умирили за белое знамя./ Умирили за молот и серп».

«Помню все – бережно складывал...» – стихотворение камерное, очень личное.

Помню все – бережно складывал
На самое дно души –
Запах крови, полей и ладана,
Все, что думал, видел, вершил.

Поэтические образы Ю. Софиева яркие и незабываемы, полны очарования и только им присущего своеобразия и колорита. Они обладают особой аурой поэтического воздействия на читателей. Сквозь лаконичные поэтические строки Ю. Софиева «летит обыкновенная, дневная, земная жизнь – навстречу и в ответ». Она вбирает в себя все краски жизни, ее многоцветье и красоту: «Волшебство этой яви иль сна я с собой навсегда увезу...». Поэт очень внимателен к эпитетам и метафорам. Они точны и образны, поэтичны, строги и воздушны одновременно. Земная жизнь, так быстро завершившая свой бег от Парижа до Алматы, вмещает в себя все боли, радости и тревоги, парижский рождественский вечер, осеннюю синеву, ветер весенний с полей, подснежник сквозь слой прошлогодней листвы, пронзительной грусти строку, звездного неба восторг и бережно пронесенные через века «верность, дружбу, любовь, доброту, чистоту».

Вот так и жизнь,
Суровая,
Простая,
Лишь озаренная сияньем слов,
Как синий дым,
Восходит ввысь и тает
В безмолвии осенних вечеров.

Вынужденные покинуть родину, эмигранты надеялись, что «кошмар большевизма скоро закончится, и воспитывали в детях чувство принад-

лежности к Родине, утрата русской национальной идентичности рассматривалась как духовная катастрофа» (Родионова). Одной из характерных тенденций современного литературного процесса является имитация очерковости, документальности. Воспоминания хранят личные судьбы. Это часть народной памяти, сохранение и передача которой потомкам позволяет обрести чувство защищенности перед грядущими испытаниями. К читателям возвращаются неопубликованные до сих пор произведения, одно из последних – «Возвращение» Н. Раевского и др.

Роман, повесть, эссе, воспоминания, дневниковые заметки, путевые очерки представлены в современной казахстанской прозе. Исторический роман («Лобное место» Н. Корсунова, «Орлы приятички» А. Ялфимова), роман-эссе («Эффект неприсутствия» К. Гайворонского), эссе («Не надо грустить, господа офицеры...» Вл. Владимирова), дневник («Дневник» Г. Доронина), фантастическая повесть («Свет земной» Г. Доронина), повесть в рассказах («Великие скитания» Н. Черновой), роман странствий и приключений («Остров» Г. Доронина), филологическая проза («Пролетная птица» В. Савельевой), документально-историческая повесть («В земле их корни» Г. Бодаева), горно-таежная повесть (На таежных профилях» Г. Бодаева), произведения Н. Веревошкина, В. Мосолова, рассказы С. Комова, книга очерков («Я люблю этот город» В. Шупейкина), современный роман («Нефтянка» А. Загрибельного) и т. д.

Традиции и новаторство как важнейшие составляющие современной русской поэзии Казахстана четко прослеживаются в творчестве В. Михайлова, Л. Шашковой, Н. Черновой, Р. Артемьевой и др. Жанр фэнтези соседствует с реалистическим повествованием, именно на стыке жанров рождаются интересные произведения Н. Черновой, Л. Шашковой, Н. Веревошкина, Г. Доронина и др. В художественной литературе сильно автобиографическое начало. Автобиографическая память русского писателя Казахстана пытается воссоздать этапные моменты истории: «Четвертый Рим», «Дорога на Святую землю» М. Симашко, «Не стану искать побед», «Не жалею, не зову, не плачу...» И. Щеголихина, «Флами, или Очарованные собой» Дм. Снегина и др. Прошлое в философской и эстетической концепции, его соотношение с настоящим раскрыто в произведениях И. Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу», «Любовь к дальнему», «Хочу вечности». Личный опыт писателя связан «непосредственно с эпохальными историческими событиями, суровой атмосферой 40–50-х годов, опытом гулагов». Но автор не отказывается от своего прошлого, он любит его, мотивируя тем, что «сожалеть – значит предавать то время, свои дни, годы, тех людей, которые тебя окружали и с которыми ты шел бок о бок». Мотив родины в более поздней прозе получит дальнейшее развитие. Тонкий запах гари напоминает детство, «какую-то неведомую деревню, не-

ведомую Россию, в которой он никогда не был, он в Казахстане родился».

Концепт путешествия отражен в названиях произведений О. Фоминой – «Приключения перламутровой пуговицы», «Удивительные приключения Ксантоса», «Красный жук», «Шашпау». Содержательный пласт небольших по объему рассказов интересен. Сюжеты искренни и фантазийны, сказочны и позитивны. Это в какой-то степени можно соотнести со столь модными в Европе и США «книгами для чтения в самолете», что подтверждает и сам формат издания сборника рассказов О. Фоминой «Пуговица» с изображением на обложке Эйфелевой башни, словно приглашающей в путешествие. В книге малой прозы сильны казахские мотивы. Серебряные подвески шашпау из одноименного рассказа приносят влюбленным счастье и воссоединяют Айсулу из Алматы и Яноша из Будапешта. В прозе О. Фоминой оживают статуэтки, игрушки, машины, каждый имеет свою историю, немного грустную, но со счастливым концом. Ведь «все дело в том, как ты воспринимаешь свою жизнь, и если ты воспринимаешь ее такой, какова она на самом деле, у тебя все будет хорошо» (Фомина, 2013, 139).

«Фронтальная боль», «Васильковая память», «Будь проклята эта шальная война» Н. Валуйской наполняются особым смыслом. «Васильковая память» из поэтического сборника «Песочные часы» (Валуйская, 2013) навеяна древнерусскими мотивами: жалость-тоска, ясный сокол, горе горькое, солдатушко, матушка-земля. Так и слышится плач Ярославны в скорбной песне лирической героини: «Ясный сокол мой далехонько убит...». Внимают жене воина «в синем поле василечки-васильки», плачет лес слезой янтарною, хмельной.

Особой проникновенности и возвышенности достигают завершающие строки баллады:

Память вечную поют ему поля,
Крик небесный –
от тихони журавля.
Цвет атласный –
от калины молодой,
Стон земли – от матери родной.
От жены – венок душистых трав,
Вспоминай хозяйки добрый нрав.
От малого – родниковая душа,
Чтоб гордиться мог отец
за малыша.

Границы пространства и времени поэтического мира современного поэта расступаются. Лирический герой в повседневной жизни с ее су-

толокой, бешеным ритмом «думает о поэзии. О рифме. О ритме». Размышления о поэте и поэзии – вечные вопросы. Порой обнаруживаются парадоксальные ситуации:

Поэты начинают стесняться смысла,
Смысл начинает стеснять поэтов.
И в рассуждениях такого рода
рождается свобода
и умирает лето...

Не вынося «ни похвалы, ни критики», «стихи из обыденности вытягивая», поэт ищет время в незаполненном пространстве, как лирический герой стихотворения «На себя ищущих...» вторгается «в пространство личностное, глядя опасливо» («Ничего личного...»). А это современный город, в который Р. Жуков поселил своих героев: «Снег – гречневой кашей./ Его лопатами едят куртки оранжевые». Именно здесь он находит сюжеты поэм: «Поэма Прикосновений зародилась на остановке имени именитого имени». Здесь и в родной природе – истоки его поэтического творчества.

Особо подкупает бережное отношение к слову. Автор внимателен к родному языку, чувствует и понимает многообразные смысловые оттенки и всю палитру красок: «Вот я вымотан и снова намотан. / Который день? Воскресенье, монтаж?». Лирический автор-герой «Маленькой драмы БЕЗдействующих лиц» «любит/ Слова/ С конца/ Строки/ Кидать / В судьбу/ Кольцом/ С руки...».

Продолжается поиск в нашем изменчивом мире родственной души («Прощание цвета прощение»). Буквы имени любимого кутаются в хлопья разукрашенных одеял. Появляются проникновенные строки: «Она не писала стихов, но любила/ верлибры». Светла и полупрозрачна, по-блоковски строго пейзажная лирика: «К востоку вечер меркнет./ Приземиста, бела,/ Часовенка у церкви/ Звонит в колокола». Мотив памяти-воспоминания решен в есенинской интонации: «Помнишь, как заплетал красиво/ Косы яблонь огонь голубой?». Реминисценции из русской и мировой поэзии позволяют Р. Жукову выстраивать мосты между литературами современными. Особую нагрузку в современном литературном процессе «в условиях развития и углубления межкультурной коммуникации обретает рецепция национальных литератур как оригинальных моделей мышления» (Ломидзе и др., 2011, 18). Русская проза и поэзия Казахстана широко представлена в изданиях России, Беларуси, стран дальнего и ближнего зарубежья. Н. Веревокин, И. Одегов, К. Серебрянский, П. Банников, М. Земсков и многие другие активно публикуются в антологиях прозы и поэзии, на страницах литературных журналов «Нева»,

«Дружба народов» и др. При поддержке Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации изданы два выпуска литературного альманаха «Казахстан – Россия», на страницах которого опубликована проза и поэзия мэтров словесности и молодых авторов.

Литература

- Валуйская Н. Песочные часы. Алматы: Жибек жолы, 2013. 120 с.
Ломидзе Г., Мегрелишвили Т., Модебадзе И. Судьбоносные биографии. Тбилиси: Мцигиобари, 2011. 237 с.
Родионова Н. А. Проблема сохранения родного языка и национальной идентичности в изгнании: на примере первой волны эмиграции. Режим доступа: bilingual-online@googlegroups.com (дата обращения 21.12.2015).
Софиев Ю. Парус / Сост. И. Софиев, Н. Чернова. Алматы: Жазушы, 2003.
Султанов К. К. А. И. Чагин. Пути и лица. О русской литературе XX века. М., 2008. 593 с. В: Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 68, № 2. Март–апрель 2009, с. 68-80.
Фомина О. Пуговица. Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2013. 184 с.
Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с.

Донцу Н. Ф.

Итоги деятельности лингвистов-русистов Молдавского государственного университета за 70 лет

1 октября 2016 г. исполнилось 70 лет кафедре русской филологии, половину сотрудников которой составляют лингвисты. За эти годы было подготовлено огромное количество специалистов-русистов (учителей школ, преподавателей вузов, ученых, журналистов, работников издательств и т. д.). Параллельно с учебно-методической работой осуществлялась научная, что нашло отражение в многочисленных публикациях, участии в национальных и международных конференциях. Вплоть до недавнего времени кафедра русского языка существовала отдельно и была очень многочисленной.

Уже с первых лет наметились два основных направления работы: учебно-методические исследования и лингвистический анализ текста. Поначалу не хватало преподавателей, велика была текучесть кадров, с учебной и научной литературой помогал Одесский университет. Но с приходом в 1952 г. на должность заведующего Б. П. Ардентова деятельность кафедры стабилизировалась. Новый руководитель поставил

перед сотрудниками четкие цели: усовершенствовать методику преподавания русского языка в национальных группах, проводить индивидуальную работу с преподавателями и лучшими студентами со стратегической целью – обеспечить кафедру собственными высококвалифицированными кадрами. Активизировались прикладные и общетеоретические исследования, стали изучаться русские диалекты на территории Молдавии (с работы в такой экспедиции началась научная деятельность обожаемого всеми студентами И. Д. Гриценко), все больше становилось преподавателей с ученой степенью. Члены кафедры стали выезжать на международные конференции, вести кружковую работу. Вовлекались в серьезные научные исследования хорошие студенты, а лучшие из них поощрялись материально. Что интересно, в 1953 г. студентке 4 курса Людмиле Донецких, будущей заведующей кафедрой, была назначена персональная повышенная стипендия.

Многие преподаватели прошли курсы повышения квалификации в Киеве. Защитили кандидатские диссертации Н. В. Юстратова, С. Д. Ледяева, М. Н. Захарова, М. Ф. Палевская, Н. Ф. Иванова, Е. Ф. Ковалева. Сам Б. П. Ардентов начал работать над докторской диссертацией по проблеме соотношения языка и мышления, выступил с основательным докладом на Всесоюзном съезде славистов. Выписывались научные журналы из ГДР, Болгарии, Польши, Венгрии.

С 1963 г. заведующим кафедрой стал Н. А. Рудяков. С этого времени на специальность «русский язык» принимают выпускников молдавских школ. Для реализации оригинальной кафедральной программы повышения грамотности, составленной доцентом В. А. Ивановой, был создан фонокабинет. Сотрудники также работают над осуществлением программы «Развитие культуры русской речи в Молдавии». Силами преподавателей и студентов была создана большая картотека, которая потом использовалась в научной работе подразделения.

С 1954 по 1970 гг. члены кафедры напечатали в Ученых записках КГУ 160 работ. Профессор Б. П. Ардентов издал капитальные труды «Русский синтаксис» и «Общее языкознание». Защитили кандидатские диссертации И. Д. Гриценко, Н. И. Зелинская, М. А. Суровцева, К. А. Николаева, Ж. П. Соколовская. На кафедре уже активно работают выпускники КГУ Л. И. Донецких, К. А. Казакова, И. И. Чебан-Недеогло, И. А. Ионова, позднее – А. И. Кудрявцева, Н. А. Большевская. Сотрудники и студенты вносят свой вклад в научную работу мирового значения: составление Общеславянского лингвистического атласа (под руководством И. Д. Гриценко, при участии И. И. Недеогло, Н. А. Большевской, И. А. Ионовой, А. И. Кудрявцевой, А. К. Монастырской). Интенсивно ведется работа по составлению учебных пособий для школ и вузов, ее признанные лидеры – К. А. Ка-

закова, Н. И. Зелинская, С. Д. Ледяева, Е. Ф. Ковалева, Л. И. Донецких, К. А. Николаева.

Студенты посещают интереснейшие спецкурсы и спецсеминары: «Методика компонентного анализа» (Ж. П. Соколовская), «Эстетическое значение слова в художественном тексте» (Л. И. Донецких), «Стилистические функции антонимов» (В. А. Иванова), «Спорные вопросы синтаксиса» (Б. П. Ардентов), «Проблемы классификации синтаксических единиц» (Н. Ф. Иванова). Выпускаются учебно-методические пособия и сборники для вузов, для русских и молдавских школ (В. А. Иванова, К. А. Николаева, Ж. П. Соколовская, Н. И. Зелинская, М. Ф. Палевская, С. Д. Ледяева, Е. Ф. Ковалева и др.). После отъезда Н. А. Рудякова кафедрой заведовал И. Д. Гриценко, но, к сожалению, вскоре вынужден был оставить этот пост по состоянию здоровья.

С 1972 г. кафедрой заведует доцент, а затем профессор Л. И. Донецких. Состав постоянно растет (в разные годы от 28 до 33 преподавателей), причем в основном за счет выпускников КГУ. Хорошую подготовку получают студенты на спецсеминарах по филологическому анализу текста (Л. И. Донецких), методике преподавания русского языка в молдавской школе (Б. Х. Шиловский), «Основам научно-исследовательской работы» (В. А. Иванова). Именно через них прошли многие будущие научные работники, журналисты, поэты, преподаватели школ и вузов, журналисты, редакторы телепередач и издательств, музейные работники (Н. Большевская, А. Монастырская, А. Троян, Ж. Северинова, Е. Кудельская, В. Костишар, Д. Халфина, С. Батрынча, Н. Антонова, Г. Остроглазова, Е. Федосеева, Г. Кузьменко, Н. Кара, Н. Донцу, В. Карча, Р. Будак, А. Юнко, Т. Аникьева, Т. Черных, В. Кушниренко, О. Батаева и т. д.). Обстоятельные монографии выходят из-под пера Б. П. Ардентова («Что в современном русском языке»), Л. И. Донецких («Эстетические функции слова») и В. А. Ивановой («Антонимия в системе языка»). По инициативе доцента В. А. Ивановой выпускается также по достоинству оцененное учащимися пособие «Студенту к государственным экзаменам по русскому языку», над которым работали и К. А. Николаева, Н. И. Зелинская, Н. Ф. Иванова, В. А. Сычева, М. Ф. Палевская. Функционирует созданная Н. И. Зелинской Заочная лингвистическая школа.

Защищают докторские диссертации Л. И. Донецких и М. Ф. Палевская, кандидатские – И. В. Ильинская, А. К. Монастырская, И. А. Ионова, И. И. Недеогло, А. И. Кудрявцева, Н. В. Кара, Н. Ф. Донцу, Т. Ф. Морару-Шаршова. Авторитетные ученые из крупнейших вузов СССР и зарубежных учебных заведений проводят для наших студентов выездные спецкурсы и спецсеминары (профессор Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР А. И. Молотков, профессор Мордовского

государственного университета П. Г. Черемисин, профессор Пермского научно-исследовательского университета М. Н. Кожина, доцент Пловдивского университета С. Ковачев и др.), а преподаватели кафедры читают лекции в Болгарии, Венгрии, Камбодже.

Сотрудники активно участвуют в ежегодных преподавательских конференциях, выпускают многочисленные сборники и пособия, организуют студентов для участия в Днях славянской письменности и Днях факультета. По итогам соревнования в 1982 г. кафедра была признана лучшей на факультете. В 1986–1995 гг. при кафедре действовала аспирантура под руководством доктора филологических наук Л. И. Донецких. В связи с новыми требованиями к высшей школе (Вестник ВШ за 1986 г.) все преподаватели усовершенствовали свои программы, издали новые статьи и пособия, выступали с докладами на международных конференциях (В. А. Иванова, Л. И. Донецких, А. И. Кудрявцева, В. А. Сычева, И. И. Недеогло, Н. Ф. Донцу и др.). Б. Х. Шиловский и Н. И. Зелинская только за период с 1986 по 1990 гг. опубликовали более 150 п. л. учебно-методической продукции. Образцом для прочих членов кафедры всегда служили профессор Л. И. Донецких, Б. Х. Шиловский, Н. И. Зелинская и В. А. Иванова, признанные авторитеты лингвистической науки не только в стране, но и за ее пределами.

С 80-х гг. на кафедре все больше внимания уделяется сопоставительным русско-молдавским (румынским) и русско-болгарским лингвистическим исследованиям и проблемам перевода (Т. Ф. Шаршова, Н. Ф. Донцу, Е. В. Рацеева, Е. С. Сорочану, Н. В. Кара, А. А. Люшневская, К. С. Андреева и др.). В. А. Иванова ежегодно готовит команду на международную студенческую олимпиаду, и наши студенты часто возвращаются с победой.

С 1994 г. кафедрой заведует Т. Ф. Шаршова. Сотрудники работают так же активно и плодотворно, постоянно совершенствуя учебные программы и методику преподавания, выпуская сборники статей, участвуя в международных форумах («Славянские культуры в инациональной среде», «Бессарабская весна» и др.), готовят студентов к выступлениям на научных конференциях. Действует студенческий лингвистический кружок, проводятся Недели русского языка. Но в связи с изменившимися геополитическими условиями после кадровых сокращений лингвистов и литераторов в 1997 г. объединяют в рамках общей кафедры русской филологии под руководством В. Н. Носова.

Высокий научный потенциал и добросовестность сотрудников остаются прежними. В связи с переходом на Болонскую систему обучения обновляются программы, составляются тесты. Продолжаются ежегодные выступления на преподавательских научных конференциях, поезд-

ки на международные форумы в Россию, Беларусь, Румынию (все чаще за свой счет). В новом столетии все преподаватели становятся членами Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы через МОПРЯЛ, то есть ее молдавское отделение. Участвуют во всемирных конгрессах этой организации в Китае и Испании. Выпускается учебная лингвистическая литература: «Трудности морфологического анализа» (Т. Ф. Шаршова, И. И. Недеогло); «Стилистика и культура речи» (Н. Ф. Донцу); «История русского литературного языка» (Н. Ф. Донцу), учебники для 3–9 классов школьников-болгар Молдовы (Н. В. Кара, в соавт.); «Русско-гагаузско-румынский словарь лингвистических терминов» (Т. Ф. Шаршова, Е. С. Сорочану) и т. д.

Несколько лет назад Фондом «Русский мир» при кафедре был открыт великолепно оснащенный Русский центр, главой которого стал В. Н. Носов. Здесь регулярно обсуждаются новые научные публикации, проводятся межвузовские конференции, тематические литературно-музыкальные вечера. Среди последних мероприятий укажем Круглый стол по проблемам межъязыковых и межкультурных связей в Молдове; в нем активно участвовали и преподаватели-языковеды, которых осталось четверо.

Прокон С. П.

Феномен русскоязычной литературы в контексте мирового литературного процесса (К постановке проблемы)

Проблема русскоязычной литературы в том или ином инокультурном пространстве поднимается исследователями из года в год. Обобщив различные точки зрения относительно дискутируемой темы, мы вышли на некое общее определение русскоязычной литературы в контексте мирового литературного процесса, составленное из характеристик, данных этому явлению современными исследователями-русистами. Основная идея, выдвигаемая авторами при определении этого понятия, свидетельствует о том, что речь идет, прежде всего, о творчестве русскоязычных писателей (не являющихся зачастую русскими по происхождению), пишущих и проживающих в иноязычном пространстве. Второй, не менее важной мыслью, которая подчеркивается нашими коллегами из Республики Молдова¹, Украины², Беларуси³, Казахстана⁴, Киргизии⁵, республик Закавказья – Азербайджана⁶, Армении⁷, Грузии⁸, республик Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии, Дагестана и др.⁹, является наличие в творчестве русскоязычных литераторов этих регионов общей концепции, которая остается для них всех наиважнейшей: принадлежность к

русской культуре. Жанрово-тематическое разнообразие их творчества лишь подтверждает эту концепцию, которая в основе своей несет объединительное начало, выводя героев в поисках своей идентичности на уровень типологического обобщения. Все это еще раз подтверждает историко-этническую уникальность опыта народов, составляющих зачастую меньшинство в различных государствах. Так например, наш коллега из Беларуси, А. Н. Андреев, отмечает: «Изучение собственно русского компонента, системы религиозных, эстетических, философских идей, нашедших творческое преломление в произведениях русскоязычных авторов, их взаимодействия с базовыми белорусскими культурными представлениями дают основание для конструктивных поисков своей идентичности личности, оказавшейся в зоне активного взаимодействия восточнославянских культур» (Андреев, 2010, 151). Об этнолитературных контактах и поисках идентичности говорили многие участники не только на состоявшемся в 2015 г. Конгрессе МАПРЯЛ (Гранада): Р. А. Мардоян, Т. Г. Мегрелишвили, Н. С. Оразбаева, Н. О. Осипова, Т. Н. Сузанская, И. И. Цвик и др., но и значительно раньше – С. В. Ананьева, А. А. Ворожбитова, Н. О. Джуанышбеков, М. П. Жигалова, А. В. Ибрагимова, Т. В. Кривошапова, Е. Мадден (Тихомирова), Ч. З. Мамытбекова, М. Г. Метляева, М. С. Сулейманова и др.

В 2006 г. ведущие научные сотрудники Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, доктора филологических наук П. В. Михед и Н. Р. Мазепа выдвинули идею создания истории русскоязычной литературы Украины. Киевский журнал «Радуга» публикацией статей П. В. Михеда и Н. Р. Мазепы, а также доктора филологических наук, профессора И. В. Козлика (Ивано-Франковск, Украина) инициировал дискуссию о русскоязычной литературе Украины². Вероятно, в силу того, что наши государства имеют общие границы, многое в плане изучения и становления русскоязычных литератур этих регионов сходится. Как утверждают украинские ученые, проблемой изучения местной литературы на русском языке они начали заниматься еще в «дореволюционное время». В 1884 г. увидели свет «Очерки истории украинской литературы» М. Петрова (Киев), а уже в советское время был издан сборник «Русская литература Украины» (Киев, 1971). Напомним, необходимость изучения местной русской литературы на уровне академической науки в Молдове возникла в конце 60-х гг. прошлого века, исходя из молдавско-русско-украинских литературных взаимосвязей. Исследования проводились под руководством академика К. Ф. Поповича. В 1978–1982 гг. вышли три тома «Очерков молдавско-русско-украинских литературных связей» (с древнейших времен до начала XX в.)¹⁰. В рамках академических исследований тему местной русской/русскоязычной литературы активно разрабаты-

вали И. М. Сухарева, С. Пынзару (1932–2013), Р. Клейман (1947–2008), Э. Лефтер (1961–1999), К. Шишкан, С. Прокоп, П. Чеботарь, И. Ижболдина и др.

Опыт написания очерков истории местной русской литературы был и в других республиках бывшего Союза. Так, например, сотрудники Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР подготовили к изданию два тома очерков¹¹. Наш коллега из Ивано-Франковска Игорь Козлик в свое время поднял очень важную проблему, которая, как показало время, продолжает оставаться актуальной. Относя изначально объект исследования (собственно русскую/русскоязычную литературу) к определенному типологическому ряду самостоятельных явлений, он считает, что в пределах конкретной национальной литературы более подходящим для них общим названием может стать *иноязычные литературы*. Однако тут же предупреждает, что исследование русскоязычной литературы (в данном случае – Украины) не может иметь связи с проблематикой постколониализма. В этой связи он пишет: «Русскоязычная составляющая является актуальным, действующим и в этом отношении живым фактором современного разворачивания традиционно полиэтнической <...> культуры, взятой в ее целостности и самобытности. И научное литературоведческое изучение ее необходимо прежде всего нам как одно из действенных средств сознательного, культуроросидательного, направленного на продуктивную историческую перспективу формирования внутреннего культурного поля нашего собственного национально-государственного существования. Формирование самобытного национально-культурного поля обитания – это то, что за нас никто не сделает и не обязан делать, это то, что мы делаем для себя и для того, чтобы, обретая необходимую степень собственной культурной аутентичности, полноценно жить в большом диалогическом пространстве современной человеческой цивилизационной культуры»².

О важности существующей проблемы свидетельствуют различные противоположные точки зрения, высказываемые не только литературоведами, но и политологами. Так, например, еще в конце XX в. украинский политолог Андрей Окара, назвав свою статью «Запах мертвого слова. Русскоязычная литература на Украине», решил, что его позиция относительно русскоязычной литературы в Украине поможет поставить большую и жирную точку и в российско-украинских отношениях². С тех пор прошло почти двадцать лет, а проблемы русскоязычных литератур в иноязычном пространстве продолжают обсуждаться. Более того, исследователи-русисты, представляющие разные регионы, сходятся в одном: русская/русскоязычная литература того или иного этноса является частью мировой русской литературы. Русская/русскоязычная художе-

ственная литература нуждается в осмыслении, выработке определенной методологии изучения, преподавания, популяризации, и, разумеется, написания истории ее формирования и развития. Мы не случайно выбрали в качестве примера выводы наших белорусских и украинских коллег. Нам кажется, что та особая культурная среда, в которой русский язык, как семя, бережно засеянное когда-то нашими предками, начинает прорастать по-своему уникальными культурными всходами, является более важным и значимым элементом в построении независимого государства, чем чьи-то политические амбиции. Более того, иноязычные литературы, формирующиеся параллельно с литературой коренного населения, служат ярким примером толерантности, что, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне культуры совместно проживающих этносов и этнических групп.

Примечания

¹ Метляева М. Г. Против течения: о творчестве Вадима Чиркова, русско-го прозаика последней трети XX в. В: Творчество русскоязычных писателей, покинувших Россию в 80–90-е годы XX века: проблемы системного научного осмысления и популяризации. Мат-лы I Междунар. научно-метод. конф. Сочи, Россия, 23–25 мая 2015. В: Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Научный журнал, № 20, 2015, с. 116–122; Сузанская Т. Н. Классические традиции в лирике современных русских поэтов Молдавии. В: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Мат-лы Конгресса. В 15-ти тт. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. СПб.: МАПРЯЛ, 2015, с. 633–638; Сухарева И. М. Проблема героя в творчестве русских писателей Молдавии. Дис... канд. филол. наук: 10.01.02. Киев, 1984.

² Козлик И. История русскоязычной литературы Украины: какова она? В: Радуга, № 3. Киев, 2006, с. 138–149 См. также: <http://irliua.primordial.org.ua/archives/category/игорь-козлик> (дата обращения – 25.02.2016); Окара А. Запах мертвого слова. Русскоязычная литература на Украине. В: Ex Libris НГ (ЕЛНГ). Сборник русско-украинской критики, № 007 (28) от 26 февраля 1998 г. Режим доступа: <http://liter.net/ukr/crit-okara.html> (дата обращения – 05.06.2016).

³ Андреев А. Н. Русская изящная словесность в современной Беларуси. В: Русские в Беларуси. Сост. А. Н. Андреев. Минск: Макбел, 2010; Жигалова М. П. Картина мира и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси. В: Русский язык и литература, 2011, № 7, с. 22–34; Жигалова М. П. Мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси и ее интерпретация в учебных целях. В: Русский язык и литература во времени и пространстве. Мат-лы XII Конгресса МАПРЯЛ. В 4-х тт. Шанхай, Китай, 10–15 мая 2011 г. Т. IV. Shanghai, 2011, с. 537–543.

⁴ Ибрагимов И. К. Национально-особенные и типологически-общие черты творчества русскоязычных писателей Средней Азии и Казахстана. М., 1990; Кривошапова Т. В. Русская литература Казахстана: современное состояние. В: Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Мат-лы Конгресса. В 2-х тт. Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 г. Т. I. Ч. 1. СПб.: МИРС, 2008, с. 314–319; Мамытбекова Ч. З. Жанрово-стилевое своеобразие романов русскоязычных писателей Средней Азии и Казахстана. Бишкек, 1992.

⁵ Савина М.С. Русскоязычная проза кыргызских писателей-билингвов: Учебно-метод. пособие к авторскому спецкурсу. Бишкек: КРСУ, 2011.

⁶ Керимова Ш. А. Творчество русских писателей Азербайджана 1960–70-х годов (в аспекте проблем современной азербайджанской литературы). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Баку, 1984.

⁷ Мардоян Р. А. Необходимость этнологического подхода при изучении русской литературы в армянской национальной школе. В: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Мат-лы Конгресса. В 15-ти тт. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. СПб.: МАПРЯЛ, 2015, с. 71–75.

⁸ Мегрелишвили Т. Г. Русская классика в современной русскоязычной литературе Грузии. В: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Мат-лы Конгресса. В 15-ти тт. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. СПб.: МАПРЯЛ, 2015, с. 418–422; Мегрелишвили Т. Г. Русская литература Грузии: актуальные проблемы исследования (к постановке исследования). В: Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Мат-лы Конгресса. В 2-х тт. Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 г. Т. I. Ч. 1. СПб.: МИРС, 2008. С. 332–338.

⁹ Ворожбитова А. А. Русскоязычная проза Северного Кавказа (1941–1945). М., 1992; Абакарова О. М. Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Нальчик, 2005; Гаджибабаева М. И. Формирование и развитие лезгинско-русского двуязычия в литературе. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Махачкала, 2005; Резунова И. А. Проблемы двуязычного творчества в северокавказском литературном процессе и своеобразие русскоязычной карачаевской литературы. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Майкоп, 2004; Сулейманова М. С. Абдулаа Маров – основоположник дагестанской русскоязычной литературы. В: Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Мат-лы Конгресса. В 2-х тт. Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 г. Т. I. Ч. 1. СПб.: МИРС, 2008, с. 399–406.

¹⁰ Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей с древнейших времен до середины XIX века. Кишинев, 1978; Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX века. Кишинев, 1979; Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX века. Кишинев, 1982.

¹¹ Очерки истории русской литературы Узбекистана. Вступ. ст. П. Тартаковского. Т. I. Ташкент, 1967; Т. II. Ташкент, 1971.

Жигалова М. П.

Гармония мира и человека и ее отражение в русскоязычной литературе Беларуси
(На примере рассказа Э. М. Скобелева «Невинную душу отнять»)

Мысль об экологии души становится ведущей в творчестве русскоязычного писателя Беларуси Эдуарда Мартиновича Скобелева* – белорусского писателя и публициста, поэта, литературоведа, критика, политика и общественного деятеля. В печати он выступает с 1964 г. Пишет на русском языке. Стал одним из инициаторов объединения белорусских литературных журналов «Полымя», «Маладосць», «Неман», «Крыніца», «Всемирная литература» в единый литературный холдинг. Он – писатель-пророк, остро чувствующий природу. Ему дорог мир, в котором мы живем, а также не менее значим и завтрашний. Будет ли он? И что необходимо делать человечеству, чтобы этот мир состоялся?

Когда читаешь его произведения, невольно на ум приходит мысль об экологии жизни: природы-Матери и всей Планеты, человеческих отношений, экологии человеческой души... Действительно, самое большое заблуждение всего человечества сегодня заключается, наверное, в том, что оно уверено, что природа подчиняется ему, что человек создал свои законы Природы, по которым она должна жить. На самом деле, все происходящее ныне на планете свидетельствует об обратном. Природа не только создала свои законы, но гораздо дальше человека пошла в плане нравственном. Она значительно сильнее человека и как Мать-кормилица прощает ему многие «грехи», но всегда его любит и примет любого. По мнению писателя, «жизнь – это гармония. Там, где она нарушена, – страдание и гибель» (Скобелев, 1994, 233). Поэтому многие герои Э. Скобелева озабочены будущим Планеты, Матери-Земли и понимают, как важно эту главную проблему выживания человечества решать всем вместе. Так, Луийя, героиня его романа «Катастрофа», утверждает, что «нет большего горя, если человечество выйдет в космос разобщенным» (Скобелев, 1993, 266), ведь «человеку больше всего нужно <...> не благосостояние, а безопасность человечества, с которой только и начинается все остальное» (Скобелев, 1994, 265).

Герой его романа «Пересечение параллельных» Веремич замечает: «Чтобы избежать вселенской катастрофы, человек должен следовать уже

известным заповедям: видеть добро, стремиться к добру и всеми силами сопротивляться злу <...>, морально все то, что отвечает интересам человечества как космического целого, что уравнивает народы в праве влиять на общие судьбы, что сплачивает и укрепляет мир...» (Скобелев, 2005, 389).

В своем дневнике Альфред пишет: «Не оставить бы детям мир, неприглядней, чем есть». И далее он размышляет: «Какой быть жизни, чтобы были лучше люди? Каким быть людям, чтобы жизнь была богаче и полнее?» (Скобелев, 2005, 509).

Экологической проблеме, гармонии в каждом человеке и во всем мире посвящает Э. Скобелев и рассказ «Невинную душу отнять» (1989). Если в мире будут царить ложь и алчность, катастрофа неминуема: «Как убедить, что нужно жить правдиво, честно и открыто?» (Скобелев, 2008, 134). «Жизнь не игра, а время испытаний: ты человек или не человек?» (Скобелев, 2008, 109). Подлинную мудрость в постижении гармонии между природой и людьми Э. Скобелев и раскрывает в рассказе.

Описание жизни Лося и Лосихи заставляет читателя почувствовать человеческую черствость, ощутить всю боль трагедии семьи животных, испытать жгучую ненависть к людям-убийцам. Правда, природа не проявляла ненависти к этим людям. И в этом нет ничего удивительного, ведь Мать не может ненавидеть своих детей, она любит их потому, что они есть. И потому, наверное, справедливо замечено, что «умное дитя жалко раз, а глупое – дважды».

Тема рассказа – взаимоотношения человека и природы. Идея – гармония или дисгармония? Автор высказывает опасение: гармония человека и природы нарушена, и сегодня они чаще живут в атмосфере непонимания, вражды. А надо бы «прильнуть к Матери-Природе, довериться ей полностью». Можно предположить, что рассказ написан по следам аварии на Чернобыльской АЭС, произошедшей в 1986 г. «Подозрение о какой-то страшной беде, постигшей лес и лесных жителей, а вместе с тем и Лосиху, зародилось, когда Лось увидел на берегу реки дохлых вьюнов и небольшого сома, а в ольшанике наткнулся на труп болотной совы. Вот тогда он вспомнил о том, что аисты, две семьи, жившие за лугом у реки, ближе к деревне, давно снялись с обжитых мест и улетели. Или они тоже погибли?»

Приметив за собой, что он тоже стал быстро уставать и часто испытывал боли в брюхе, Лось решил уйти из этих гиблых мест, и Лосиха покорно последовала за ним, хотя переходы давались ей с большим трудом» (Скобелев, 2010).

Автор начинает свой рассказ о жизни животных с ряда вопросительных предложений: «Может, он совсем постарел и разучился скользить

почти бесшумной тенью? Может, виною тому предчувствие, что он теряет Лосиху навсегда?» Читатель узнает судьбу этой пары животных: как они встретились, как были счастливы, как умели чувствовать красоту, которая их окружала: «Она (Лосиха) любила взбираться на песчаный холм и смотреть оттуда, как за лес спускалось солнце <...> и звуки глохли, и все живое умиротворенно провожало эту великую радость – солнце» (Скобелев, 2010). И вдруг... Блеск в глазах Лосихи пропал, когда у нее родился мертвый лосенок. Что стало причиной, никто не знал, но почему-то все реже она стала пить воду из реки, предпочитая пить из ручья или болота; стала избегать привычных мест кормежки. Перестали прилетать сюда аисты. И вскоре Лось и Лосиха покинули это гиблое место. Лосихе становилось с каждым днем все хуже. «К людям! – тотчас решил Лось, хотя они и не вызывали у него большого доверия. Но более слабый всегда верит в помощь более сильного» (Скобелев, 2010). Гармония в рассказе заканчивается тогда, когда появляется человек, нарушающий покой природы. Он бессмысленно и грубо уничтожает все на своем пути (даже Лось и Лосиха погибают от руки человека!).

Автор подчеркивает, что все живое пережило столько горя, и, казалось бы, это должно было объединить людей и животный мир, ведь несчастные лоси отправлялись к людям за помощью. Но оказалось, что даже горе людей ничему не научило: они продолжают уничтожать природу и тех, кому все-таки удалось выжить в этой катастрофе: «Отчего вы, люди, не цените, не умеете ценить то благо, которое даровано вам по рождению? Посмотри, человек, сколько вокруг живого цвета!» (Скобелев, 2010).

Это подчеркивает и композиция рассказа. Рассказ начинается с того, что Лось отправился за помощью к людям и потерял свою Лосиху. Его мучают горькие предчувствия, но он продолжает ее искать. Ретроспективный план помогает понять историю знакомства животных, их трагедию – смерть лосенка и следующую за ним болезнь Лосихи. И надежда у Лося теперь только на человека, к которому он и отправляется за помощью. Однако вместо помощи их ждало убийство: во дворе дома он находит зарубленную топором хворую Лосиху, а слезы в глазах Лося свидетельствуют о его глубоких чувствах. Смерть здесь ждала и его, могучего, сильного и мудрого. «Лось был, конечно, уже стариком. Правда, еще крепким, даже могучим. Он носил самые ветвистые и тяжелые рога во всей округе, одним ударом которых пришиб как-то громадного волка-пришельца». Лосиха была романтической, кроткой, тихой: «Она любила бродить по незнакомым местам, умела чувствовать красоту. Напрягаясь всем телом и наставляя уши, она благоговейно смотрела на реку, вечную плынь, слушала пение лесных птиц» (Скобелев, 2010).

Заметим, совсем по-другому описывает автор людей-убийц: «Было ясно, что эти плотные, как бревна люди, в телогрейках и треухах, провявшие жженым табаком и мерзкою водою, убили хворую Лосиху, когда она пришла просить о помощи» (Скобелев, 2010). Еще большее пренебрежение и даже отвращение к людям описывает автор в сцене дележа мяса убитой Лосихи: «Выпьем мужики за мир на земле и наше взаимное понимание!» (Скобелев, 2010).

Концовка рассказа лишь дополняет образ жестоких убийц: они решают, кому какой кусок мяса достанется, после того, как будет нанесен последний выстрел в уже умирающего Лося: «Старый Лось отбросил всякую мысль о мести. Он мог бы расшвырять или даже забить насмерть этих убийц, но он слишком сознавал, как они жалки в своем преступлении и как несчастны, если не понимают и никогда не поймут своего несчастья. Лось не испытывал страха и даже считал, что после смерти Лосихи, смерти, которую он ускорил, ему больше нечего делать на земле» (Скобелев, 2010).

Одной из сильных позиций рассказа, представляющих концепцию автора, его мнение, является описание «священного обряда» у животных – их поведение во время захода солнца: «Момент, когда солнце опускалось, был священным – никто не пил воду, никто не кормился, никто не охотился. Все понимали, что они равно ничтожны перед этой могучей рекою тепла и света, и, если не подтвердят свое восхищение, светило может не явиться, и ночь затянется, и это разрушит все течение жизни» (Скобелев, 2010). Животные ощущают вышестоящую силу, поклоняются ей, трепещут перед ней. Это подтверждает лишь то, что у животного мира, у мира природы есть своя религия, и Бог жизни – это вечное Солнце, которому они поклоняются, чего не скажешь о человеке. Может быть, поэтому Э. Скобелев, сравнивая человека с животным, пытается сказать, насколько животные во всех отношениях благороднее, нежели люди.

Это отчетливо продемонстрировано автором рассказа на отношениях Лося и Лосихи. С каким трепетом и любовью Лось относится к своей любимой, особенно во время ее болезни: как ухаживает за ней, оберегает, пытается накормить: «Ночами Лось располагался на снегу с наветренной стороны, прикрывая собой Лосиху, или вовсе дремал, стоя подле нее... Старый Лось, жалея подругу, иногда лизал ее нос и волосатый подбородок» (Скобелев, 2010). Даже когда Лосиху убили, Лось не убежал, он остался преданно ждать смерти рядом со своей любимой: «Бедная моя любимая Лосиха! Видишь, я не изменил тебе, не побегал прочь...» (Скобелев, 2010). Примечательно также и то, что названия животных автор пишет с большой буквы не случайно, придавая, таким образом, этой паре животных большую значимость, подчеркивая их величие и превосход-

ство над людьми. Заметим, что никому из людей-убийц автор имени не дает. И это не случайно. Имена есть у людей, а убийцы – нелюди. Они хуже животных. Э. Скобелев подчеркивает, что животным неведомо чувство предательства. А человеку?... Экология души – вот что выходит здесь на первый план.

Структурный тип речи, используемый в рассказе, лишь подчеркивает это. Рассказ ведется от разных лиц. Сначала от лица нарратора (рассказчика), затем автора, затем функцию рассказчика писатель передоверяет своему персонажу – Лосю («Мы, животные...», «Нам, зверям...» и др.). Автор будто бы самоустраивается. Лось (персонаж) сам рассказывает о себе, о других животных, о том, что они чувствуют и о чем думают. Такой прием стилизации придает событиям характер достоверности, а рассказу – колорит подлинности. Явной является и фигура адресата в произведении. Автор обращается к читателям с просьбой одуматься и остановиться, понять, наконец, свое неразрывное единство с природой и родной землей. Объективная модальность в рассказе устанавливается через категорию сначала изъявительного наклонения глаголов («любил», «увидел», «вспомнил»), затем повелительного («прильните», «не бойтесь», «думайте») и указывает на повествование – рассуждение о вечных ценностях жизни.

Монолог (Лосю) и диалог (разговор двух мужчин, совершивших убийство Лосю), использование писателем образительно-выразительных средств, таких как: сравнения («плотные, как бревна»), отсутствие имен при описании людей («...завопил голос», «...сказал другой голос») демонстрируют авторскую позицию писателя, его отношение к событиям и персонажам.

Эмоциональное состояние Лосю автор передает в его философских рассуждениях о жизни: «Было ясно <...>, что они убили хворую Лосиху, когда она пришла просить о помощи... Он мог бы расшвырять и даже забить насмерть этих убийц, но он слишком сознавал, как они жалки в своем преступлении и как несчастны, если не понимают и никогда не поймут своего несчастья» (Скобелев, 2010). Нового трусливого выстрела, который оборвал и его жизнь, раненый Лось уже не слышал... Невинную душу отняли люди, стрелявшие, прежде всего, в самих себя. Понимают ли они это?.. Таким вопросом задается и писатель, и читатель.

Э. Скобелев в монологе умирающего Лосю, мудрого философа, продемонстрировал мир глазами животного не случайно. Он лишний раз подчеркнул, как несовершенны взаимоотношения человека и природы: «Как же слабы вы, могущественные люди, умеющие седлать железных драконов! И как беспомощны перед хищной своей глупостью! Как не умеете видеть собственное сердце и собственную душу! Как далеки голосам и

чувствам взлелеявшей вас Матери-природы! Плоды ваши несовершенны, потому что несовершенны вы сами. Вы тянетесь к тому, что бесполезно, восхищаетесь тем, что бессмысленно, служите тому, что преступно. Вы всегда искали и ищите того, кому можно приписать все свои слабости, перед кем можно покаяться в тайных пороках, от кого можно получить согласие на все, что хотите...

Посмотри, сколько вокруг чистого воздуха, сколько зеленых трав и злаков, сколько прекрасной, утоляющей жажду воды! Разве ты ценишь эти блага? Разве не роешь каналы, не осушаешь болота, не загрязняешь реки? Но когда приходит беда, ты мечтаешь о глотке воды больше, чем о куске хлеба, разве не так? Когда приходит беда, ты вспоминаешь о воздухе, который отравляешь пожарами и запахами ядов своей скученной жизни. Ты не ценишь то, что принадлежит всем в равной степени, но это самое бесценное и самое святое. Мы, звери, сознаем это, а ты, быть может, еще только начинаешь толковать об этом, не понимая, что истекает время твоего прозрения и нужны не слова, а новая мораль... Вам кажется, что все мы, животные, на одно лицо, все подобны друг другу – зайцы, лоси, волки, лягушки. Но у каждого из нас свое неповторимое лицо и своя неповторимая судьба. Когда вы осознаете это, вы, конечно же, иначе построите свои связи с землей и с живыми тварями на ней, – они перестанут быть мишенью непоследовательности и невежества, несовершенства и провалов морали. Ради вас, не ради себя хочу понять, отчего так происходит, что безвинную душу лишают жизни, на которую не имеют никакого права» (Скобелев, 2010).

Таким образом, мы видим, что рассказ Э. Скобелева «Невинную душу отнять» – это обращение к читателям-современникам, призыв одуматься, осознать свою ответственность за все, что беспечно разрушается человеком в природе: «Человек! Прильни же скорее к нашей общей Матери!». Таким призывом писатель заканчивает свой рассказ.

Примечание

* Родился в Минске 08.12.1935 г. в семье военного инженера-строителя. В 1959 г. окончил западный факультет МГИМО. Находился на дипломатической службе. С 1966 г. работал в аппарате ЦК КПБ. Член Союза писателей СССР с 1970 г. Главный редактор журнала «Информационный бюллетень администрации Президента Республики Беларусь». Выступает в белорусской прессе с публицистическими статьями. Живет в Минске.

Литература

Скобелев Э. М. Гефсиманский сад: (Блуждание современного духа) / Скобелев Э. М. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. 334 с.

Скобелев Э. М. Катастрофа / Скобелев Э. М. Минск: Мастацкая літаратура, 1994. 349 с.

Скобелев Э. М. Минская тетрадь / Скобелев Э. М. Минск: Звезды гор, 2008. 224 с.

Скобелев Э. М. Пацаны купили остров. Невинную душу отнять. Минск, 2010.

Скобелев Э. М. Пересечение параллельных / Скобелев Э. М. Минск: Мастацкая літаратура, 2005. 509 с.

Шишкан К. Б.

Проблемы сохранения природного наследия в русской литературе Молдовы (На базе творчества Семена Пасько)

Настало время в нынешних условиях глобального расчеловечивания возвращать людям с помощью инструментов литературы, искусства, науки ускользающие из жизни социума мораль, нравственность, чувство ответственности за себя, за других, за мир. Следует «вращивать» в себе «экологическую совесть», чтобы гармонизировать отношения человека с окружающей средой. Диалог с природой, с будущим нужно, несмотря ни на что, продолжать, тянуть нити позитива из прошлого, возрождая историю, традиции, семейные ценности, ибо все это в целом создает толерантную личность и гарантирует партнерские отношения с природой.

Экоэтика, считают исследователи, – путь к коэволюции социума и окружающей среды. Только в тесном взаимодействии сможем мы сохранить баланс сил, гармонию, но для этого сегодня нужно перейти на новый уровень мышления, – энвайронментальное сознание, сочетающее глобальное видение мира с гуманистическими ценностями (Альдо Леопольд). Среди представителей современной натурографии, которые ведут диалог с природой, обладая навыками этого нового мышления, – Питер Матиссен, Рэйчел Карсон, Бэрри Лопез, Лорен Айзли, русские экописатели Молдовы Семен Пасько, Герасим Успенский, Тамара Артемьева.

Художественный опыт Семена Пасько в плане рассматриваемой проблематики весьма показателен. Автор ряда книг для детей о флоре и фауне, среди которых «В лесу и дома» (1953), «В плавнях» (1953), «Смелый» (1953), «Лесными тропами» (1955), «Для детей про птиц и зверей» (1957) и др., он не мыслил высокими категориями, не насыщал свои гневные статьи в защиту кодр специальными терминами, но сознавал, что необходимо пересмотреть старые этические постулаты, прийти к каким-то коренным изменениям в отношениях человека и природы, к тому, что

сегодня мы называем «экологизацией морали», когда отношение человека к природным объектам диктуется не материально-экономическими и иными соображениями, выгодными ему, а нравственными принципами, рождающими, в частности, такое понятие, как «экологическая совесть», о котором мы уже упоминали. О стремлении С. Пасько сохранить гармонию между человеком и животным миром, не прибегая к уничтожению «неудобных», говорит его рассказ «В лесной сторожке» из книги «Для детей про птиц и зверей» (1957). Он повествует о том, как в избушке лесника, в щелях между бревнами поселились бурундуки. Как быть? Они стали вытеснять человека. Как сохранить гармонию между ним и природой? И лесник находит решение: он запускает в щель между бревнами крысу с колокольчиком. Его звон выгоняет бурундуков, и они убегают в лес. Равновесие между двумя средами было восстановлено.

Мысль о необходимости обеспечить дальнейшую жизнь животным, сохранить богатое живое наследие для потомков нередко становится в рассказах определяющей. В этом плане весьма характерен рассказ «Смелый» (Пасько, 1957, 20). Речь в нем идет о людях самой прагматичной профессии – об охотниках, отце и сыне, промысляющих соболя. Дело было в годы войны, у них – строгий план на добычу пушнины. Однажды к их палатке приходит зверь. Он очень красив, добыть такого – выполнить весь план. Но старик не успевает выстрелить, зверь убегает. Забыть его охотник не может. И ставит капкан. Ночью, в пургу соболя вновь приходит к палатке и попадает в капкан. С трудом вырвавшись, бежит на трех лапах в лес. Сын охотника, вспомнив о соболе, просит отца его не убивать – пусть остается на племя. Уж больно красив! Отец не согласен, но в следующий приход соболя, когда тот попадает в капкан, все же прислушивается к сыну. «Вытряхнул бы я из него душу, раз уж попал в руки, – признается он, – да, по правде, жаль. Вроде как знакомый. Почитай, всю зиму в гости приходит. И уж очень бедовый. К тому же таких на племя хорошо оставлять. В самом деле отпустим? – Конечно, отец, – радостно кивает головой Федор и разжимает капкан» (Пасько, 1957, 28).

В словах старика и сострадание к живому, и восхищение красотой природного мира, и уважение, и признание почти равного себе сожителя по Земле, и забота о будущем. В этом непринхотливом рассказе заключена глубокая основополагающая проблема – осознание красоты природы как условия ее сохранения и защиты.

Другая проблема, которую предлагает С. Пасько читателю, – это воспитание толерантности, терпимости по отношению к дикому зверю, который не проявляет явной агрессии голодного существа, одержимого одним лишь желанием – съесть попавшуюся на пути жертву. Животное иногда ищет контакт, вступая с человеком в игру, о чем идет речь в рассказе

«Озорной олень» (Пасько, 1957, 10). Порой оно не прочь просто пободаться. Загнанные в речку шалуном-оленьем охотники пытаются даже шутить, уворачиваясь от озорника. Лай их собаки заставляет оленя прервать игру и уйти в лес. На примере этой непростой ситуации С. Пасько сумел преподать урок доброты, понимания законов окружающей среды. Он не нагнетал страх, не сеял панику в душах своих героев, он нашел возможность с юмором рассказать эту лесную историю и ненавязчиво предложить читателю мысль о том, что не все в этом мире решается выстрелом.

Весьма своеобразно подает С. Пасько проблему любви к природе. Делает он это с помощью образного слова, используя его как элемент связи, обращаясь к названиям, в которые народная мудрость встроила яркий калейдоскоп значений, толкований и даже оберегов. Листая гербарий, писатель предлагает взглянуть в драгоценные россыпи слов – в названия трав, найденных когда-то людьми. Он обращает внимание читателя на то, как уважительно и точно именует народ растения, одухотворяя их и приближая к себе. Пасько предлагает вместе с ним вслушаться в необычные названия трав в рассказе «Родник»: «Львиный зев», «Медвежье ухо», «Лисий хвост», «Бычий глаз», «Козлиная борода», «Собачки», «Зеленое копытце» (Пасько, 1957, 34). В этих названиях люди максимально сближают растительный и животный мир, подчеркивая их нерасторжимую связь в общей цепи природоразвития. Автор ненавязчиво приобщает читателя к чистому роднику народной мудрости, к образному восприятию окружающей его среды, пробуждает любовь к существу. Последовательно и тактично продолжает он проводить свою линию на соучастие и познание. «И коль скоро, – пишет он, – появились в растительном мире птицы и звери, нужно было подумать и о пище для них». Так появились названия: «Мышиный горошек», «Заячья капуста», «Волчьи ягоды», «Медвежий лук», «Конский щавель», «Птичья гречиха», «Куриное просо», «Собачья петрушка» (Пасько, 1957, 34).

Подумал человек и об одежде для птиц и зверей: «Кукушкин лен», «Волчье лыко», «Лебедушкина нитка».

Не забыл человек и о себе. В названиях растения – словно чьи-то судьбы, осколок чьей-то жизни: «Иван-да-Марья», «Мать-и-мачеха», «Венерин башмачок», «Анютины глазки», «Любка», «Вероника седая», «Иван-водокрас», «Иван-чай».

И рядом с этим как бы предупреждение о том, что в мире есть и грозы, и беды: «Бледная немочь», «Разрыв-трава», «Кукушкины слезки», «Петров крест»... (Пасько, 1957, 35).

Но и это еще не все. К разряду предупреждений можно отнести травы с весьма выразительными определениями: «Горец змеиный», «Лютик едкий», «Вех ядовитый», «Куриная слепота», «Сонная одурь», «Болиголов»,

«Дурман», «Белена», «Телорез» (Пасько, 1957, 35). Правда, предупреждая об опасности, наши предки сообщали также и о полезных свойствах этих растений и даже порой не забывали пошутить. Нельзя не улыбнуться, читая такие названия, как «Облениха», «Заразиха», «Обманиха», «Бешеный огурец».

Таким образом, С. Пасько с помощью удачно найденного приема – демонстрации гербария – добивается неожиданно яркого эффекта. Перед нами раскрывается многокрасочный, разнообразный по содержанию мир, который, однако, человек наделяет своими ощущениями благодаря придуманным им названиям, делая его узнаваемым и как бы восстанавливая тем самым утраченную естественную связь с ним. Давая растениям названия-обереги, названия-сигналы об опасности, названия-приглашения к оздоровлению или лечению, человек как бы вступает в диалог с «зеленым разумом» Земли, разгадав назначение его удивительных порождений. Это помогает ему установить, как нам кажется, контакт на эмоциональном или, скорее, импульсивном уровне. Природа предложила свой продукт, мы ответили разгадкой его содержания.

К разряду разгадок предполагаемых предупреждений можно отнести рассказ «Говорящие грибы» (Пасько, 1957, 216). Внук приносит деду лукошко с грибами. И дед спрашивает внука, знает ли он, что грибы разговаривают. Внук, конечно, не верит, но дед предлагает ему залить их водой и мыть. И тогда они заговорят. Внук послушно моет и вдруг гриб под его руками начинает то ли скрипеть, то ли попискивать.

«– Чего это он? – спросил внук деда.

– Возмущается. Дескать, зачем меня сорвали. Был бы я груздем, ладно, груздь на то и груздь, чтобы его брали и солили, а я гриб горький, ядовитый, зовусь горчаком. Меня оставлять в лесу надо. Чтоб я для будущих съедобных грибов место держал» (Пасько, 1957, 217).

Может, конечно, показаться фантастическим заявление деда, но другие-то грибы молчали! Один лишь ядовитый горчак привлекал к себе внимание человека своим то ли писком, то ли скрипом. Что это: случайность, реакция на агрессию или все же предупреждение об опасности, своеобразный выход на контакт?..

В рассказе «Волшебный огонь» (Пасько, 1957, 47) говорится о том, что в общении с природой следует проявлять особый такт, гибкость, осторожность, не вторгаясь грубо в мир, полный для тебя тайн, в мир, живущий по своим законам, не считаться с которыми нельзя. Узнав о том, что в лесу есть кусты, способные загораться «волшебным пламенем», герой рассказа попытался разгадать эту загадку. Он видел, как его гид-охотник, осторожно подкравшись к кусту многолетника, чиркнул спичкой. И куст тут же вспыхнул голубым пламенем, которое оторвалось от куста об-

лачком и растаяло в вышине. Герой рассказа повторил действия своего гида. И чудо повторилось. Он предположил, что это эфирные масла. И действительно: в справке о многолетнике он прочитал: «В тихую, ясную погоду растение может вспыхнуть, если поднести к нему зажженную спичку. Эфирное масло – сильно действующее вещество, вызывает у людей ожоги» (Пасько, 1957, 48). Итак, чему учит этот рассказ? Безусловно, уважению к рядом живущему, к которому нужно относиться бережно, не приписывая ему сверхъестественные свойства, а пытаясь понять его природу, оценить красоту и не топтать сапогом своего невежества душу безгласного «сородича», который, кстати, может и адекватно ответить на твою агрессию.

Итак, рассмотренные нами проблемы, связанные с сохранением природного богатства, на базе творческого наследия русского эколога Семена Пасько, позволили нам сделать следующие выводы:

- в рассказах писателя-натурографа нашли отражение мотивы формирования экологического мышления, элементы экоэтики;
- показан процесс пробуждения экосовести, нравственного отношения человека к природе;
- выявлены примеры заботы о сохранении биологических видов с целью продолжения существования их популяции: стремление гармонизировать отношения человека с природой.

Литература

- Липин С. Человек глазами природы. М., 1983.
 Федоров Ю. Сумма антропологии. Космо-антропо-социо-природогенез человека. Новосибирск, 1995.
 Пасько С. Для детей про птиц и зверей. Кишинев, 1957.
 Шишкан К. Диалог с «зеленым разумом» Земли. Кишинев, 2015.

Шаршов Т. Ф.

Особенности функционирования русского языка в Молдове

Геополитические изменения последних десятилетий двадцатого столетия повлекли за собой целый ряд проблем, связанных с функционированием русского языка. Проблема изучения русского языка, функционирующего в странах СНГ и Балтии, стала подниматься практически сразу после распада Советского Союза и создания независимых государств, в которых используется русский язык. Координирует исследования научный отдел «Русский язык в странах СНГ» Института русского языка

им. Пушкина (Москва, Российская Федерация). Исследования в этом направлении проводят В. М. Алпатов, В. Н. Белоусов, Л. А. Вербицкая, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская, В. Ю. Михальченко, В. П. Нерознак, В. М. Панькин, В. М. Шаклеин и др.

Не осталось в стороне от этих процессов и коммуникативно-языковое пространство Молдовы, в которой, как и в других странах СНГ, происходит перегруппировка языков, изменение их удельного веса в функционировании и изучении. На первый план выходит государственный язык, получающий всемерную поддержку как со стороны государства, так и общества в определенной мере. Произошло смещение акцентов в изучении и использовании английского языка в профессиональной сфере. Очевидные сдвиги произошли и в особенностях функционирования русского языка. Кроме того, в устную и письменную русскую речь сегодня стремительнее, чем прежде, входят румынские (молдавские) слова. При этом данный процесс не ограничивается теми словами, которые принято обозначать как безэквивалентная лексика.

Изменение условий функционирования русского языка в Молдове в постперестроечный период нашло отражение в системе языка на разных уровнях. В последнее время в лингвистике активно обсуждается проблема территориального варьирования русского языка. Для некоторых русистов существование национальных территориальных, региональных вариантов русского языка не подвергается никакому сомнению. Е. А. Журавлева, занимающаяся исследованием особенностей функционирования русского языка в Казахстане, считает факт существования казахстанского варианта русского языка вполне реальным (Журавлева, 2010, 653). По мнению, А. Н. Рудякова, ядро русскоязычного пространства формируется украинским, казахстанским, белорусским национальными вариантами русского языка (Рудяков, 2010, 8).

Однако подобные утверждения, на наш взгляд, не являются бесспорными. Соглашаясь с мыслью об особом положении русского языка на инациональной территории, считаем, что на данном этапе можно говорить лишь об инациональной окраске русского языка, нашедшей отражение в результатах взаимодействия русского и румынского языков в области семантики и стилистики, графики и орфографии. Речь идет, скорее, о национальном колорите, не затрагивающем систему языка в целом.

Не вызывает сомнения тот факт, что русский язык в Молдове, в соответствии с коммуникативной целесообразностью, привлекает в свою лексическую систему ресурсы ближайших коммуникативных партнеров – молдавского, гагаузского и других языков, функционирующих на территории страны. В течение последних десятилетий удельный вес

инонациональных слов в русском языке Молдовы заметно вырос. Если прежде это была в основном неэквивалентная лексика, связанная с традициями и бытом страны, то теперь в лексику вошло множество слов, связанных с политической, экономической, национальной спецификой страны. Практику использования в русской речи лексических единиц других языков, функционирующих на территории Молдовы, можно назвать типичным явлением для настоящего времени, поскольку действительность, окружающая носителя языка, требует употребления адекватных для ее отражения средств. Благодаря регулярному употреблению инонациональная лексика в составе русской речи утрачивает для носителей языка свой «чуждый» характер и воспринимается как естественные компоненты русского языка.

Фиксация данных заимствований и изменений в средствах массовой информации способствует принятию слова широкими массами носителей языка, частотность их употребления способствует их скорейшему освоению в русском языке Молдовы.

Примером тому может служить:

- включение в лексический состав русского языка ряда терминов, отражающих современные реалии жизни молдавского общества (например, бакалавриат, доктор хабилитат, конференциар университетар, профессор университетар, примэрия, претор, претура и др.);
- использование антропонимов в свойственной румынскому языку форме (в прессе встречаются варианты: Валерий Стрелец и Валериу Стрелец, но гораздо чаще только Юрие Лянкэ, Думитру Дьяков, Николае Тимофти и т. д.);
- закрепление в русской речи румыноязычных топонимов – Кишинэу, Тигина, Хыртоп, Бэлць, Орхей и др.

Одним из примеров освоения русским языком молдавской лексики можно считать включение ее в словообразовательные процессы с использованием средств и моделей словообразования в русском языке. Примером могут послужить слова *кумэтризм* и *нанашизм*, появившиеся в последние годы на страницах печати и активно используемые в речи носителей русского языка. Например: «Нанашизм и кумэтризм в столичной примэрии» (<http://www.noi.md/>, 1 декабря, 2015 г.), «Каракатица нанашизма» (АиФ, <http://aif.md/>, 9 декабря, 2015 г.). В ряд с этими словами можно поставить и недавно появившееся слово *гимпизм*, образованное от фамилии председателя Либеральной партии Молдовы г-на Гимпу: «„Гимпизмы“ вместо государственной политики». «В „гимпизмах“ невозможно найти фразы о развитии экономики, социальной системы, борьбе с ухудшением климата, но зато полно предложений, ухудшающих поло-

жение в стране» (<http://www.noi.md/>, 18 ноября 2015).

Слова *кумэтризм*, *нанашизм* образованы от молдавских слов *cumătru*, *nănaș*, которые служат для обозначения лиц, связанных с участием в обряде крещения и свадебных торжествах. Они созданы «по образу и подобию» слов, в которых суффикс *-изм* выражает значение «названия качеств и склонностей, направлений и систем, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным: героизм, патриотизм, артистизм, идиотизм, либерализм, аскетизм, царизм, феодализм» (Русская грамматика, 1980). Следует отметить, что у этих слов явно выражена отрицательная коннотация, что в целом характерно для современного словообразования. «В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления; в язык массовой печати с ярко выраженной эмоциональной оценочностью все более втягиваются прежде периферийные языковые явления, в том числе и специфические словообразовательные модели. Социально ориентировано, например, образование наименований лиц, явлений современной действительности, несущих в себе отрицательное оценочное значение» (Валгина, 2001)

Имеет смысл обратить внимание на графическое оформление сообщений на русском языке. Все активнее используются латинские включения в русскую письменную речь. Нормы русского правописания, согласно которым все заимствованные слова должны передаваться кириллицей и представлять собой транскрипцию или транслитерацию, сегодня не соблюдаются строго, особенно в отношении названий: *Patria* (сеть кинотеатров), *Flux*, *Literatura și Arta* и др. (газеты), *Mesager*, *Curier*, *Vocea poporului* (телепередачи), *Farmacia familiei*, *Felicia* и др. (сети аптек) и т. д.

Очень активным является смешение кириллического и латинского обозначения одного и того же понятия. «Изготовленный в США проект „Unirea-2018“ не предусматривает никаких выборов, ни досрочных, ни очередных. Только тем, что в Госдепе дали отмашку на „унирю“, можно объяснить то совершенно остервенелое упорство, с которым американцы отказывают молдаванам в реализации их права на демократию. Именно на фоне войны и хаоса сто лет назад случилась первая „униря“. Сегодня хаос уже есть, осталось развязать войну (Проект «Unirea-2018» может спровоцировать вооруженный конфликт в Молдове, <http://www.noi.md/> ru, 17 марта 2016). Слово *униря* еще недостаточно освоено русским языком: автор берет его в кавычки, но уже использует кириллицу и пытается склонять. И это происходит при том, что в русском языке существует эк-

вивалент – «объединение, которое используется другим СМИ: «Совет по Объединению вновь ходатайствует перед правительством и парламентом и просит объявить выходным днем 27 марта, когда отмечается День Объединения» (<http://point.md/ru/novosti/>, 18 марта 2016).

Понимая чужеродность молдавских наименований в контексте русской речи, некоторые СМИ прибегают к двойному наименованию понятия, например: «Рассмотреть законность деятельности и заявлений общественной ассоциации „Честь, достоинство и Отечество” (Onoare, Demnitate și Patrie – ODIP) и портала [libertv.md](http://www.libertv.md)» (<http://www.noi.md/ru/>).

Приведенные данные свидетельствуют об особом функционировании русского языка в Молдове, при котором регионализмы осваиваются русским языком с большей или меньшей степенью органичности, принося в общение новые номинации, актуальные для жителей общей территории и единого коммуникативного пространства.

Благодаря регулярности и частотности воспроизведения такие единицы теряют свой «чуждый» характер и воспринимаются как естественные компоненты лексической системы родного языка. Данная лексика не приводит к дискомфорту в понимании текста, происходит процесс приобретения навыков адекватного употребления новой лексической единицы носителями языка в контексте изменившихся геополитических условий.

Литература

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001 г. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru> (дата обращения – 02.01.2016).

Журавлева Е. А. Процессы развития русского языка в странах постсоветского пространства. В: Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный Конгресс исследователей русского языка. М., 2010, с. 653.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/328-379.html> (дата обращения – 04.02.2016).

Рудяков А. Н. Георусистика – русистика XXI века. В: Георусистика. Первое приближение. Симферополь, 2010, с. 8-21.

<http://www.noi.md/ru> (дата обращения – 15.03.2016).

Тудосе В. И.

О микропонимике старообрядческого села Покровка

В работе сделана попытка представить описательно некоторые сведения о микропонимках русского старообрядческого села Покровка Дондюшанского района, расположенного в северо-восточной части Молдовы. Микропонимика – раздел топонимики, изучающий названия мелких географических объектов, их значение, происхождение и распространение на определенной территории (Булыко, 2004). Термин *микропоним* образован от слова *топоним*. Топоним* – это имя собственное, название любых географических объектов: рек, озер, морей, городов, сел, гор, островов и др. Данное слово имеет греческое происхождение, состоит из двух частей: *topos* – место и *онута* – имя, то есть топонимика – это наука об именах, названиях мест. В топонимике выделяется микропонимика – научное направление, которое изучает микропонимы (<http://www.topos-seo.ru>). В свою очередь, микропоним есть вид топонима, название небольшого местного физико-географического объекта или находящегося внутри поселения улицы, колодца, поля, речки, озера, леса, луга и т. п. (Смолицкая, 2002, 16). Микропонимы известны обычно небольшому кругу людей, объединенному либо территориально – в этом случае название известно преимущественно людям, проживающим в одном районе; либо социально – в том случае, когда люди, например, посещают одно и то же место и одинаково его называют.

Микропонимика села Покровка связана с различными историческими событиями и лицами. Так как территория села небольшая, то и топонимика Покровки является не настолько богатой, но очень интересной. Некоторые названия сохранились еще со времен образования села, другие возникли недавно. В беседе с местными жителями удалось выяснить, как называются отдельные части села Покровки: улицы, магазины и другие объекты этого населенного пункта.

«Застройки создавались без генеральных планов, без архитекторов. По грушам Глека, которые были спилены в 90-х гг. XX в. (а они были в два обхвата), можно было определить, что первые жители селились в районе Долины. До середины XIX века село – это две улицы или, как мы называли их, Долина. Со второй его половины заселяется рядом проходящая дорога – шлях. На памяти наших родителей за улицей Победы (нынешнее название), на „граничке” были построены дома. И в них жили: Антощенковы – Артем, Евтей и Парамон; Артемовичи, Рыльский Петр Гаврилович. Улицы были плотно заселены и с той и с другой стороны небольшими, но опрятными хатами с завалинками. Хаты крылись околотом (снопики ржа-

ной соломы, туго связанные перевязлом тоже из ржи). Селились предки наши и возле монастыря. Один или два дома располагались на Вдобном, выше Верхнего пруда. Улица возле кладбища начала застраиваться уже в конце 50-х гг. прошлого века. Улица Камчатка – в 60-х гг.», – свидетельствует житель села А. Ф. Попов.

Село Покровка небольшое, компактно расположенное. Исторически село делится на несколько частей: Центр, Камчатка, Долина. Микротопонимика Покровки представлена наименованиями, которые называют улицы, магазины, леса, озера, поля. Если говорить об улицах, то у них есть официальные наименования, но в разговорной речи используются в основном неофициальные. Их названия закрепились в соответствии с местом расположения участка села, окружающей территории, времени заселения и др. Это так называемые хоронимы. Хороним* (от др.-греч. ὄρος – межевой знак, граница, рубеж + ὄνομα – имя, название) – собственное имя территории, имеющей определенные границы: небольшого пространства (луг, лес, городской район или участок села), исторической области. Хоронимов в Покровке немало, ниже представлены некоторые из них.

База – на этом месте в центре жил богатый фермер, у которого была большая птицеферма. При советской власти его должны были раскулачить и выслать из села, но он успел сбежать в Румынию, бросив хозяйство. Впоследствии на этом месте была обустроена база для заготовки мяса. Базы уже нет, но хороним сохранился.

Болото – пивной бар на выезде из села. Слово «болото» имело экспрессивное значение, когда им называли имеющуюся в этом месте никогда не просыхающую рытвину с водой. Болото – водоем, не имеющий доступа свежей воды, на котором растет большое количество растений. В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» дает следующее определение этому слову: «Болото – не просыхающая грязь, от родников или от натека воды на почве; низкое место, постоянно заливаемое родниками...» (Даль, 1978). В переносном значении слово употребляется для названия мест, где скапливается много застоявшейся воды. В этом значении и бытовало название участка в селе, где была лужа.

Бригада – территория, где была расположена градобойная установка.

Вдобное поле – первый надел в Покровке, который засадили садом. Сад состарился, и его вырубили, превратили в поле, которое стало «вдобным» (удобным) для пастбища.

Вертолётка – в этом месте располагался склад ядохимикатов для опыления садов, где заправлялись вертолеты: «Вертолеты там брали химикаты для крапления садов».

Газосклад – помещение, где хранились газовые баллоны с пропаном, бутаном.

Германово поле – названо по имени бывшего владельца участка пана Германа.

Глинище – участок земли, изначально оставленный для общего пользования (при образовании села), для добычи глины, предназначенной для строительства дома. Глинище – место добычи глины; яма, карьер, из которого добывают глину (<http://tolslovar.ru/g3123.html>).

Горб первый, второй, третий – пронумерованные холмы. По В. И. Далю, одно из значений слова *горб* – «всякая выпуклость на плоскости, особенно округлая и пологая», то есть холм, бугор. Их много в окрестностях Покровки, поэтому их различают по номерам.

Кайнары – участок села вблизи реки Кайнар (приток реки Реут).

Почти у каждого участка села, поля есть собственное народное название: Седьмой гектар – участок поля, имеющий площадь в 7 га. («Я нынче пахал на Седьмом гектаре»). Это поле имеет особое название, потому что оно относительно ровное, удобно для обработки. Ферма – летний навес для коров. Строили недалеко от пастбища. Сейчас там уже коров нет, но хороним существует.

Годоним* – топоним для обозначения названий улиц. В селах, как уже отмечалось выше, чаще бытуют неофициальные названия улиц. Долина – старейшая часть Покровки, расположенная на относительно ровном участке земли между холмами. Это, по свидетельству жителя села А. Ф. Попова, первый заселенный участок в Покровке: «До середины XIX века село – это две улицы, или Долина». Камчатка – отдаленная от центральной части села улица. Названа, очевидно, по аналогии со школьным жаргоном «сидеть на Камчатке», то есть сидеть за самой последней партой. Новый план, Молодежная – это новая улица, новое планирование села. Она так называется, потому что здесь живут только молодые семьи. По старым обычаям молодожены не могут жить с родителями и должны вселяться в новый собственный дом, который строят родственники жениха. Для новых застроек и была выделена земля на новом участке в Покровке. Орешник – улица на месте бывшего орехового сада. Прогон – по этой улице прогоняли скот на пастбище. Шлях – главная улица, покрытая асфальтом. Здесь проходит магистраль, которая соединяет Покровку с городами Атаки, Сороки и др., в том числе с Кишиневом. Шлях – «дорога», южн., зап., «след, санный след на снегу», тоб., укр., блр. шлях «дорога, путь», уже в 1579 г. (Фасмер, 1987). Шлях (укр. шлях, белор. шлях – путь, от польск. Szlach, ср.-в.-нем. Slag – след, колея) на Украине и на юге России XVI–XVII вв. – большая наезженная дорога.

Внутри улиц можно выделить наименования магазинов: Кочегарка – так как магазин находится в бывшем помещении кочегарки. Кочегарка – помещение, где расположены топки паровых котлов и где производится их загрузка топливом (<http://poiskslov.com/word/кочегарка/>). У Гришки, У Аньки, У Светки, У Паши – названы по имени владельцев магазинов, хотя у них есть и официальные названия – Colos-Comert, Ветеран, Bucuria-Saturn, Zmeugamea и др.

Дримоним* – собственное название лесов, кордонов, рощ. В округе села располагаются леса с весьма своеобразными названиями: Белый дом (в лесу) – назван в честь американского Белого дома, так как был построен специально для отдыха местных начальников. Дуброва (дубрава) – дубовый лес, в нем в основном растут дубы. Стенка – лес вдоль берега Днестра, который как бы образует стену из деревьев, растет «стеной», отгораживая реку. Танкер – место в лесу, изрытое танком. Здесь бывает много грибов: «Сбираем грибы коло Танкера». Турецкая чаша – низкое место в лесу, впадина, которая когда-то давно была турецким владением. Флакоссы, лес – хозяином леса в былые времена был пан Флакосс; лес был назван по имени хозяина. Шпирионский лес (Шпирик) – название образовано от фамилии бывшего хозяина леса Шпирия. Это один из антропотопонимов*.

Названия мест и имена людей теснейшим образом взаимосвязаны. Бесчисленное количество географических объектов названо личными именами людей. Данные топонимы возникли на основе имен, фамилий и прозвищ первопоселенцев, землевладельцев и других категорий людей.

Гидронимы* – один из видов топонимов, обозначающих названия водных объектов (рек, озер, морей, заливов). Покровка богата водными ресурсами: здесь протекает небольшая речка и расположено несколько озер и прудов. Доруцын став – хозяйкой пруда была первый председатель колхоза с. Рудь Дарья Ивановна, или по-молдавски Доруца. Зеленая криничка – родник, находящийся в лесу. Криница – родник, колодец, источник. В южнорусских говорах криница – колодец с лежащими близко к поверхности земли ключами. Криничка – родник, родничок, источник; см.: Українсько-російський словник (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/178745/Криничка>). Копанка – небольшой водоем для водоплавающей домашней птицы, который вырывали возле речки и обкладывали камнями. Копанка – что-то вырытое в земле; в укр. яз. – яма с водой, колодец; в рус. – канава, колодец. Лозовское озеро – водоем, обросший лозой кустарниковой ивы (корзиночной). Нижний став – находится в нижней части села, в низине между холмами. Став, обл. Пруд или запруда на реке. «Перед вечером все моются в речке или на ставах». Короленко, Судный день (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/66850/став>). Шипот – ручей вблизи озера, журчание которого напоминает шипение, шепот.

Таким образом, микротопонимы села Покровка можно представить в виде следующей классификации: 1) наименования различных частей селения (хоронимы): названия примечательных мест населенного пункта, отдельных территорий, включая округу села; 2) наименования улиц, дорог, магазинов (годонимы); 3) наименования, связанные с характером растительного покрова (дримонимы): названия лесов, лугов, пастбищ и др.; 4) наименования естественных и искусственных водоемов (гидронимы): названия речек, озер и прудов, болотистых мест, ручьев, родников, колодцев и др.

Примечание

* Все определения микротопонимов даются по: Лингвистический энциклопедический словарь / В. П. Нерознак. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Литература

- Булыко А. Н. Большой словарь иноязычных слов. М., 2004.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1978-1980.
 Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.
<http://www.topos-seo.ru> (дата обращения – 05.01.2016).
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/66850/став> (дата обращения – 18.12.2015).
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/178745/Криничка> (дата обращения – 18.12.2015).
<http://poiskslov.com/word/кочегарка/> (дата обращения – 05.01.2016).
<http://tolkslovar.ru/g3123.html> (дата обращения – 18.12.2015).

Сороцяну Е. С.

Влияние русского языка на разговорную речь гагаузов

В настоящее время для подавляющего большинства гагаузов характерно гагаузско-русское двуязычие. Русский язык для гагаузов является языком межнационального общения как на территории Гагаузской автономии, так и в самой Республике Молдова, а также и за ее пределами.

Для абсолютного большинства гагаузского населения характерно знание русского языка. Хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенции позволяют сельской интеллигенции среднего и старшего возраста переходить с одного языка на другой достаточно легко.

Молодежь хуже знает родной язык, поэтому в процессе речевого общения молодые люди без особой мотивации переходят от родного языка к русскому. «Смешение языковых кодов» происходит и ввиду слабой лексической базы гагаузского языка. Особенно сложно людям, для которых русский язык является «вторым родным языком», они сложнее переходят на гагаузский язык, так как практически им не пользуются. Несмотря на то что с образованием автономии общественные функции гагаузского языка расширились, сферы его применения все же значительно уже, чем русского языка. Русский язык остается языком межнационального общения на территории АТО, официальным языком административного управления, языком школьного и дошкольного обучения, языком общения гагаузов между собой в сфере общественно-политической жизни, в массовой коммуникации, в сфере трудовой деятельности, в быту и нередко в семье. В силу недостаточной внутривидовой и функциональной развитости гагаузского языка для его носителей основным лингвистическим средством социализации в большинстве случаев выступает русский язык, который дает им возможность получения образования и трудоустройства в России.

Особенность гагаузско-русского двуязычия состоит в том, что оно является односторонним, поэтому и языковое влияние тоже одностороннее (то есть русского языка на гагаузский). Русский язык, действительно, оказывает огромное влияние на разговорную речь гагаузов. Редко услышишь гагаузскую речь без русских слов и выражений. Порой граница переключения кодов проходит внутри устойчивого словосочетания, и тогда просто смешиваются слова гагаузского и русского языков: «*Ben opa ruşkaı uje kupit ettim* (Я ему уже купил ручку)».

В 80-е гг. прошлого века Н. Т. Жековой было проведено социолингвистическое исследование функционирования и развития гагаузско-русского двуязычия. Ею были выявлены и исследованы разновидности гагаузско-русского двуязычия: 1) двуязычие с компонентами, выраженными разговорными формами гагаузского и русского языков. В те годы это была самая распространенная разновидность гагаузско-русского двуязычия, ею владели около 70% билингов; 2) двуязычие с компонентами, выраженными разговорной формой гагаузского языка и литературной формой русского языка (около 25% гагаузов – представители национальной интеллигенции, рабочие и служащие, имеющие среднее, среднее специальное или высшее образование); 3) двуязычие с компонентами, выраженными литературными формами гагаузского и русского языков (около 5% билингов – преподаватели гагаузского языка, национальные писатели и поэты, научные работники) (Жекова, 1990, 16).

В настоящее время процентное соотношение несколько изменилось. Ввиду расширения функций гагаузского языка в обществе, его преподавание в школах и детских садах, выпуски газет и журналов, функционирование радио и телевидения на гагаузском языке способствовали тому, что, с одной стороны, увеличилось количество гагаузов, говорящих на гагаузском литературном языке, с другой стороны, большее количество билингов говорят на литературном русском языке. Одним словом, изменилась социолингвистическая ситуация, а вместе с ней и интерферентные явления в речи гагаузов-билингов.

Характер взаимодействия компонентов гагаузско-русского двуязычия определяется разной степенью функциональной и внутривидовой развитости гагаузского и русского языков, относительной малочисленностью носителей гагаузского языка, условиями их проживания вдали от основных ареалов распространения тюркских языков. Если влияние гагаузского языка на второй компонент двуязычия проявляется в основном на уровне русской речи билингов в форме интерферентных отклонений от норм русского литературного языка, то воздействие русского языка на гагаузский компонент двуязычия отражено на уровне не только речи, но и языковой системы.

Какие же внутривидовые изменения произошли в гагаузском языке в результате его взаимодействия с русским языком?

В первую очередь, эти изменения касаются синтаксического строя гагаузского языка. В речи гагаузов под влиянием русского языка наблюдается нетюркское построение предложений: а) свободный порядок слов (в то время как в тюркских языках сказуемое находится в конце предложения); б) замена тюркских причастных форм сложноподчиненными предложениями; в) широкое использование русских по форме составных глагольных сказуемых (*kupit etmää* – «купить»); г) замена агглютинативных синтетических грамматических форм аналитическими (форма должностовательного наклонения на *-mah/-meli* заменяется аналитическими формами со словом *lääzim* («нужно, должно»)); д) глагольные формы возможности и невозможности вытесняются аналитическими конструкциями со словами *var nicä* «можно» и *uok nicä* «невозможно» и др.

Влияние русского языка на гагаузскую речь заметно и в области морфологии: появление аффикса, образующего существительные женского пола, *-ka/-yka*, известного еще только одному тюркскому языку – караимскому; изменения в падежной системе гагаузского языка (употребление В.п. вместо Д.п.; Д.п. вместо Р.п., В.п. и Т.п.; М.п. вместо В.п. и Т.п.) (Кирли, 2012, 20). Самые различные по структуре и содержанию русские слова, «подчиняясь» грамматике гагаузского языка, спрягаются и видоизменяются очень легко и естественно для носителя гагаузского языка (*bulockaya*,

bulocăda и т. д.). Однако достаточно много слов и словоформ, в которых сливаются русские слова во множественном числе и гагаузские морфемы множественности, например: *uhilär, açkilär, nojnițalar* (адаптация к гагаузскому произношению), *skatinalar* (русское слово в *singularia tantum* получает гагаузский аффикс множественности) и др.

В силу наличия большого числа лексических заимствований из русского языка, где ударение разноместное и подвижное, заметны некоторые изменения и в фонологии гагаузского языка, в частности в интонации, в мелодике языка. Однако следует отметить, что гагаузы, говоря по-русски, используют гагаузскую мелодику речи, то есть в сознании билингва закреплена ритмика, мелодика родной речи.

Конечно же, наибольшее влияние русского языка наблюдается на лексическом уровне. Чаще всего русские слова входят в гагаузский контекст, совсем не изменяясь, их можно разделить на две группы: а) слова, значения которых не имеют аналога в гагаузском языке; б) слова, значения которых существуют в родном языке, но вместо них или параллельно с ними употребляются русские эквиваленты. При этом происходит вытеснение некоторых гагаузских слов с последующей заменой их русскими эквивалентами. Необходимо также выделить случаи, когда слова и словоформы из русского языка внедряются в поток гагаузской речи без особой надобности: *привет, пока, давай, спасибо, хорошо* и др. Русские союзы и частицы, вводные слова и ряд наречий так смело внедряются в гагаузскую речь, что без их употребления не представляется возможным вести разговор, например: *ну, а, зато, хотя, же, лишь бы, уже, наоборот, кажется, кстати, причем* («*Ben phiçotim birda?*») и др. Они настолько органично «слышатся» в гагаузской речи, что не воспринимаются как русские слова. Объяснение такому явлению мы находим, во-первых, в отсутствии абстрактной, понятийной и терминологической лексики в младописьменном языке, а во-вторых, в недостаточно глубоком знании родного языка.

Многие русские слова искажаются, адаптируясь к артикуляции гагаузского языка, например: *сфатарение* (стихотворение), *низанна, драсти* (*зрасти, здрасти*), *тroyдник, куфни, катлети, салбут* (стало быть) и др. Однако подавляющее большинство русских заимствований сохраняют русское звучание (а на письме и русское правописание), например: *солдат, самосвал, холодильник, подушка* и др. Факт огромного влияния русского языка на гагаузскую речь является бесспорным, и влияние это абсолютно естественно, поскольку большинство гагаузов владеют литературным русским языком. Для гагаузов сейчас важно сохранить родной язык, расширить сферы его употребления, вводить в разговорную речь нормы литературного языка. При функционировании одностороннего двуязычия очень важно грамотно строить языковую политику, чтобы язык межнаци-

онального общения или язык титульной нации не стал «вторым родным языком», так как это отчуждает от родного языка его носителей.

Литература

Жекова Н. Т. Функционирование и развитие гагаузско-русского двуязычия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Кирли Н. Употребление одного падежа в значении другого в гагаузском языке. В: *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*, 30, 2010, Ankara, 2012, с. 7-21.

Квилинкова Е. Н.

О влиянии русского языка на гагаузскую религиозную литературу

Гагаузы, происхождение которых до настоящего времени остается загадкой, являются тюркоязычными и православными. Это младописьменный народ, который обрел свою письменность лишь в 1957 г. Однако первые гагаузские рукописные тексты появились у них примерно на полвека раньше. Начав собирать полевой материал по народной медицине у населения гагаузских сел юга Республики Молдова, мы обнаружили, что в домах многих православных гагаузов хранятся тетради с записями различных религиозных рукописных текстов, главным образом апокрифического содержания, а также духовных стихов, на гагаузском, русском и молдавском языках (Квилинкова, 2012). Данная находка потребовала, в свою очередь, ответа на два основных вопроса: время зарождения гагаузской рукописной традиции и источник перевода религиозной литературы на гагаузский язык. Сравнительное изучение сюжетов и анализ иноязычной лексики в текстах позволил заключить, что они представляют собой переводы наиболее известных апокрифических молитв с молдавского и русского языков (не с болгарского, с носителями которого они веками проживали вместе!).

Актуальность изучения данной темы заключается в том, что она позволяет исследовать процесс освоения гагаузами христианской письменной культуры, интенсивно происходивший у них в конце XIX – начале XX вв., и роль русского языка в этом культурном процессе.

Прежде всего, отметим, что по ряду признаков гагаузскую религиозную рукописную традицию можно выделить как особое явление, уникальность которого состоит в его массовости, в то время как рукописанием занимался обычно узкий круг полуграмотных людей. Рукописные сборники обычно представляют собой ученические тетради объемом 12,

48 и 96 листов или сделанные из общей тетради блокноты. Их составлением занимались в основном женщины, которым сейчас свыше 60–75 лет, более-менее грамотные и активно включенные в религиозную традицию. Тексты переписывались механически зачастую с соблюдением имеющихся в них ошибок. Более того, прямо по тексту проставлялись и переписываемые страницы, так что можно видеть в середине текста страницу 308, 405 и др., а листов в общей тетради максимум 96.

У гагаузов встречаются три типа рукописных сборников: с епистолиями, духовными стихами, религиозными церковными текстами. Нередко в них одновременно были представлены все эти тексты. Тетради с епистолиями передавались «избранным» – наиболее религиозным людям, как святыня, из рук в руки. Апокрифические тексты из гагаузских рукописных «сборников» являются различными по жанру и сюжетам («святые письма», сказания, видения, поучения), а также по времени и способу переписывания. Очевидно, что большая их часть распространилась в советский и постсоветский период – в конце 60-х гг. XX в., когда на юге Молдавии были закрыты практически все церкви, а часть из них была разрушена, многие прихожане, чувствуя «религиозный голод», занялись их составлением. Содержание тетрадей пополнялось, как правило, после посещения паломниками ближних и среднеудаленных монастырей. Происхождение некоторых обнаруженных нами у гагаузов рукописных сборников можно датировать началом XX в., они очень ветхие, а в самой старой тетради применена дореволюционная орфография (дореформенная русская орфография) – ь на конце (реже ь), в начале каждой страницы – заглавные расписные буквы и т. д.

Сборники с епистолиями представляют собой своего рода рукописные книги, собственная нумерация страниц велась до тех пор, пока в них записывали апокрифические тексты. Тексты епистолий следовали строго один за другим – «Епистолия Господа нашего Иисуса Христа, посланная Богом с Неба» (ЕИХ) и «Епистолия Божьей Матери» (ЕБМ) – это вариант «Епистолии о воскресном дне», «Хождение Богородицы по мукам» (ХБМ). Они воспринимались как одно целое, как единая епистолия. Одним из наиболее распространенных среди гагаузов апокрифов является «Сон Богородицы». Он довольно редко фигурирует в сборниках, чаще всего встречаясь на отдельных листах бумаги, сложенных вчетверо. Значительно более редки следующие тексты, содержащиеся лишь в некоторых сборниках: «Сказание о 12 пятницах», «Встреча Архангела Михаила с Авизухой, крылом сатаны», «Молитва больного» / «Заклинание Архангелом Михаилом сатаны». Сборники с апокрифическими текстами выполняли у гагаузов две функции: религиозную – их читали и одновременно молились, а также магическую – функцию оберега (от нечистой силы).

Некоторые апокрифы на гагаузском языке обнаружены лишь в единичных вариантах. Например, в тексте «Святой Гарищенных рассказал» представлена полная картина жизни души после смерти. В единичном экземпляре найден так называемый Римский вариант епистолии, представляющий собой сокращенную версию «Епистолии о воскресном дне», в том числе небезызвестные «письма счастья», или «круговые письма» (некоторые из них на русском языке), и другие апокрифические тексты, например: «О тайной жизни». В одном из сборников содержится молитва на гагаузском языке в честь императора Николая Александровича (Дува Аллахын хемь Бобан[ын]ь). Перевод части церковных текстов на гагаузский язык осуществлялся силами некоторых прихожан в советский период. Это еще раз подчеркивает, что одним из главных устремлений гагаузов было совершение богослужения и получение религиозных знаний на родном языке. В этой связи отметим, что первые переводы богослужебной литературы на гагаузский язык были осуществлены группой гагаузских священников во главе с М. Чакиром (Çakir, 2007). Эти книги, с разрешения Святейшего Синода, начали издаваться с 1908 г. с параллельным переводом на русский язык (Квилинкова, 2007).

Обнаруженные нами рукописные сборники различаются содержанием, стилем, полнотой и точностью перевода, локальными особенностями использованной лексики и орфографии (спецификой отражения некоторых гагаузских звуков на письме) и т. д. Духовные стихи, являющиеся составной частью практически всех сборников, получили более широкое распространение в гагаузской православной устной традиции. Основное число произведений этого жанра, главным образом на новозаветные сюжеты, составляет более поздний пласт фольклорного наследия гагаузов. Часть из них являются переводами с русского и молдавского, но большое их число представлено на языке оригинала – русском.

При сравнении разных вариантов епистолий на гагаузском языке видно, что значительную сложность для переводчика более раннего варианта представлял перевод церковных терминов, например, таких как: Святая Троица, Святое писание, Господь, Предтеча, Иоанн Креститель, во веки веков, временный суд и др. Так, во многих текстах для обозначения этих терминов используются не вполне ясные и четкие выражения. В одних апокрифах для обозначения понятия «Господь» употребляется слово *Сааби* (букв. 'хозяин'), в других – *Аллах* в значении 'Бог' – «Сын Бога / Господа нашего» – Епистолия бизим Ал[л]ахын о[о]лу Иисус Христос, в третьих – Падишах ('царь'), более распространенное в фольклорных текстах. Говоря в целом, можно отметить, что в апокрифических текстах на гагаузском языке нередко встречаются русские слова и выражения. Это имело место иногда и в тех случаях, когда у переводчика не могло

возникнуть сложностей с заменой иноязычных лексем гагаузским синонимом, например: *Святой* вместо *Айоз*, *народ* вместо *инсан*, *смиранный* вместо *услу*, *монах* вместо *калугер*, *батюшка* вместо *попаз*, *милостыни* вместо *илик*, *уражаи* вместо *берекет*, *суб[б]ота* вместо *жумаертеси* и др. Наличие многочисленных русизмов в отдельных текстах в ряде случаев объясняется русификацией гагаузского разговорного языка, характерной для 70–80-х гг. XX в., но при этом сами переводы делались с аналогичных молдавских/румынских вариантов. Некоторые апокрифические тексты представляют собой переводы с русского языка, и в них встречается довольно много русских слов и образований от них, например: *крест*, *город*, *разбойник*, *пророк*, *Дух Святых*, *ангел(ь)*, *монах*, *батюшка*, *милостыня*, *суббота*, *алтарь*, *момент*, *престол*, *Рай/Рай(дакы)*, *преподобный*, *служба*, *вопрос*, *мученик*, *собор*, *псалтирь*, *псалма*, *молитва*, *благословит*, *тайная*, *духовный*, *жрец*, *мерзски идол(ларын)*, *план(нары)*, *семья*, *жертва* и др. Многие из этих слов используются наряду с гагаузскими лексемами, что указывает на первоисточник перевода таких текстов.

Изучение содержания большого числа гагаузских рукописных сборников позволяет говорить о значительном влиянии русского языка на форму и содержание гагаузской религиозной литературы как на уровне представленности текстовых вариантов, так и на уровне использованной в них лексики. Некоторые произведения апокрифического содержания на русском языке записаны в тетрадях вперемежку с гагаузскими текстами. Кроме того, в этих рукописных сборниках немало переводных церковных текстов и на русском языке. Некоторые из них встречаются в виде отдельной тетради или самодельной книжки (например, «Акафист Божьей Матери»). То, что у гагаузов многие апокрифические тексты и духовные стихи не переведены, а представлены на языке оригинала, объясняется тем, что в советский период гагаузы разного возраста в той или иной степени овладели русским языком, и потому не было особой необходимости в переводе.

Обнаруженные нами тексты на русском языке являются различными по жанру и сюжетам (письма, сказания, видения, поучения, духовные стихи), а также по времени и способу переписывания: «Святое письмо найдено в пещере Святой Лаврентий», «Молитва, присланная с Афона 1918-го году 6-го Августа», «Сон Богородицы», «Чудно Ведение у Гроба Господня в Иерусалиме. Откровение о Святой Литургии. Которое записано Манахом Гомамитом», «Любовь и Правда» и др. Из духовных стихов наиболее распространенными являются «Псалом Алексея» и «Сама-рянка» (Квилинкова, 2013).

Особый интерес представляет так называемое «Святое письмо» на русском языке, содержащееся в тетради одного из информаторов из с. Бешги-

оз. В легенде об обретении письма говорится о том, где оно было найдено: «Святое письмо найдено в пещере Святой Лаврентий написано золотыми буквами Исусом Христа во времени заря. Помещалось в пещере Святого Михаила Пещерского». Первая его часть отражает сокращенный вариант «Епистолии о воскресном дне» с характерными для нее элементами: проповедью, языческими проклятиями и т. д.

Вторая часть этого текста представляет собой так называемое спасительное письмо «от пули и сабли». В ней подчеркивается значимость письма-оберега для солдат. В тексте используется буквенный код с угрозой наказания, призванной воздействовать на человека путем не убеждения, а страха. Согласно исследованиям российских ученых, подобного рода памятниками богата немецкая традиция: в Германии XIX – начала XX вв. имели хождение различные версии «небесных писем» (*Himmelsbriefen*), «охранительных писем» (*Schutzbriefen*) и др. Случаи проникновения подобных текстов в Россию зафиксированы документально. Одним из примеров является так называемое «Бракское небесное письмо» (*der Braker Himmelsbrief*), которое А. Н. Веселовский считал «крайней степенью разложения Епистолии о неделе». В конце XIX в. русский перевод Бракского письма, обнаруженный на Кубани (в рукописном сборнике, принадлежавшем казаку из старообрядческой станицы Прочноокопской) и довольно близкий к немецкому оригиналу, был опубликован М. А. Дикаревым (Дикарев, 1900, 89-90; цит. по: Панченко, <http://dejavu4.narod.ru/>). В 1915 г. сходный текст (использовавшийся как заговор на оружие и взятый у солдата Первой мировой войны, считавшего его «очень пользительным») был обнаружен в г. Оренбурге. По предположению Е. Н. Елеонской, «появление такого заговора от оружия в русском народе может быть объяснено тем, что печатные произведения из Западной Европы свободно проникают в русские пограничные местности и что появившийся печатный текст мог быть переведен и распространен; да и при личных сношениях с иноземцами русские могли воспользоваться их знанием заговора» (Елеонская, 1994, 140).

Следовательно, зафиксированный у гагаузов русскоязычный текст «Святого письма» (в основном, вторая его часть) по форме и содержанию представляет собой один из архаичных вариантов русского перевода так называемого «Бракского письма». Установить точное время проникновения этого текста в гагаузскую среду не представляется возможным, но, в частности, оно могло в нее попасть через гагаузов-солдат, участвовавших в Первой мировой войне.

Другим произведением, вызывающим особый интерес, является текст под названием «Чудно Ведение у Гроба Господня в Иерусалиме...». Обнаруженный у гагаузов текст представляет собой вариант известного

апокрифа «Сказание Анфилога царя о святой литургии», так называемую «Легенду о евхаристическом чуде».

Таким образом, наличие у гагаузов немалого числа религиозных текстов на русском языке (духовные стихи, апокрифы и др.) не только демонстрирует функциональную значимость русского языка в духовной культуре гагаузов, но и свидетельствует о том, что гагаузская среда оказалась благоприятной почвой, которая впитывала и бережно сохраняла частицу русского духовного наследия. Гагаузская религиозная рукописная традиция является одной из областей, в которой запечатлен имевший место процесс этнокультурного взаимодействия гагаузов с соседними народами на территории Бессарабии (Квилинкова, 2016), а также путь их интеграции в восточноевропейское культурное пространство посредством русского языка.

Литература

Дикарев М. А. Апокрифы, записанные в Кубанской области. В: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900, с. 73–92.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994.

Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев–Благовград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.

Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София: Tip. Centrală, 2013. 872 с.

Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.

Панченко А. А. Ускользающий текст: пророчество и магическое письмо. Режим доступа: <http://deja-vu4.narod.ru/> (дата обращения – 11.10.2011).

Çakir M. Gagauzlar: istoria, adetlär, dil hem din. Chişinău: Pontos, 2007. 218 p.

Никогло Д. Е., Сырф В. И.

Сочинения поэтов гагаузского происхождения, пишущих на русском языке (К вопросу о тематическом разнообразии)

С обретением письменности в 1957 г. у гагаузов началась настоящая культурная революция, результатом которой явилось рождение самобытной художественной литературы на гагаузском языке. Д. Танасоглу,

Н. Бабоглу, Д. Кара Чобан С. Куроглу, М. Кёся, Г. Гайдаржи, К. Василиоглу составили первую плеяду писателей гагаузского происхождения, пишущих на родном языке. Вслед за ними проявили себя на творческом поприще С. Булгар, П. Чеботарь, Т. Занет, Т. Мариноглу, В. Филиоглу, П. Мойсе, чуть позже – В. Бошков, Т. Арнаут и др. Самую молодую группу писателей составляют такие имена, как А. Ергогло, Е. Ганева и др.

Новизна заявленной темы состоит в том, что в научных публикациях по гагаузоведческой проблематике она не нашла своего освещения. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать тематическое разнообразие произведений поэтов гагаузского происхождения, пишущих на русском языке. При этом следует оговориться, что в центре нашего внимания не художественно-эстетическая ценность поэзии, а именно ее тематическое разнообразие. В связи с этим мы будем рассматривать творчество не только именитых писателей гагаузского происхождения, но и малоизвестных авторов, среди которых встречаются и любители. Следует также подчеркнуть, что, как правило, авторы-гагаузы двуязычны, то есть пишут на двух языках – гагаузском и русском (П. Чеботарь, П. Мойсе, В. Бошков, Д. Попозогло, Е. Ганева, А. Ергогло) или только на одном – русском (В. Кириогло, И. Кильчик, Г. Недов).

Представители молодого поколения поэтов гагаузского происхождения нередко обращаются к теме религии. Именно это отличает их от предшественников, в произведениях которых данная тема практически не освещалась. Причина обращения к религиозным мотивам у каждого из них своя. Е. Ганева и А. Ергогло апеллируют к теме Бога и веры в связи с переосмыслением своего жизненного пути, своих мыслей и поступков. В этом отношении имеет место общий образ дороги и связанный с ним мотив поиска себя, своего места в жизни, самосовершенствования, что невозможно без покаяния (Ганева, 2006, 69):

Но не мудрено, гениальное – просто
И выход всегда неминуемо тут:
Нет Божьей любви без духовного роста,
Прозренья и вера к нему приведут.

Святая Троица
И Боже мой, спаси!
<...>
А ты, веди меня
Дорогой вверх
Через мой грех,
Через мои стихи,
Мои грехи! (Ergoglo, 2013, 258)

Ряд стихотворений А. Ергогло посвящен православным праздникам – Вербному воскресенью, Пасхе, Покрову Пресвятой Богородицы (Ergoglo, 2013, 267; 265).

У В. Кириогло стихотворений на эту тему значительно больше, чем у других. Отличие его лирики на религиозную тему состоит в том, что каждое его поэтическое произведение написано на библейские сюжеты: «Гефсимания», «Любовь Христа», «Чаша» и др. Целый цикл стихотворений посвящен библейским заповедям: «Вторая заповедь. Не создавай себе кумира», «Пятая заповедь. Почитай отца и мать», «Шестая заповедь. Не убий» (см.: Кириогло, 1998; Кириогло, 2001). Все стихи В. Кириогло на тему веры и Бога в большей степени напоминают проповеди, изложенные в стихотворной форме, и свидетельствуют о принадлежности автора к одному из протестантских течений.

Анализ вышеперечисленных поэтических произведений позволил установить, что, как правило, посредством обращения к религии и к Богу авторы транслируют такие общечеловеческие ценности, как доброта, честность, нравственная чистота, отзывчивость и т. п. Кроме того, в этих стихотворениях прослеживается неприятие пороков, среди которых лицемерие, пошлость, безнравственность, стяжательство, жадность, беспринципность.

Обращаются авторы стихотворений к теме Родины, народа, родного языка:

Пусть в мирное небо, как птица, все выше
Взметнется родной Гагаузии флаг.
Он соткан из воли, труда, и в нем дышит
Свобода, как ветер в буджакских степях (Кириогло, Б. г., 21)

Родная речь живой рекою
Течет, бурля из года в год,
Слова, что в золото одеты,
Отвергнуть может ли народ? (Ганева, 2006, 49)

Тема гастарбайтерства тесно связана с темой ностальгии по родине. Как правило, отношение к вынужденной трудовой миграции у всех авторов отрицательное. Уроженец Кириет-Лунги, а ныне житель Кишинева Василий Кюркчи издал сборник стихов на русском языке под названием «Травы-ковыли», посвятив его такому явлению современной истории, как гастарбайтерство. География дальнобойщика В. Кюркчи довольно обширна и охватывает многие европейские страны: Италия, Чехия, Германия, Великобритания... (Кюркчи, 2012, 51):

Уезжаю на месяц, на два и на три,
На полгода бывает порой,
Для других свое сердце ты не отвори,
Ведь я снова приеду домой.

Эта же тема звучит и в творчестве А. Ергогло. Место ее трудовой миграции – Россия (Ergoglo, 2013, 230):

Полуголодная Молдова,
Доев последний свой кусок,
Уж 20 лет сейчас и снова
Бежит всем миром на восток.
Встречай, Россия, ты – чужбина,
Но станешь Родиной для тех,
Кто не готов тонуть в глубинах
Бесплатной нищеты для всех.

Глубокое разочарование испытывает Иван Дудогло (псевдоним Самсон) от осознания того, что его землякам приходится искать заработок в Турции (Дудогло, 2010, 50):

Я вижу толпы гагаузов,
Бегущих в дальние края.
Сыны воинственных огузов
В Босфор кидают якоря.

Тема родины – Буджака и Гагаузии – звучит в произведениях Ивана Кильчика, гагаузского автора, уроженца Комрата, проживающего в настоящее время в Тирасполе. И. Кильчик посвятил данной теме целый цикл под названием «О, степь Буджакская» (Кильчик, 2004, 8-10):

Люблю я, степь, широкий твой простор...
<...>
Гляжу на небо голубое,
И радости полна душа,
Сияет солнце золотое,
О, степь Буджакская!
Ну, до чего ж ты хороша!

Г. Недов посвящает проникновенные строки Гагаузии (Недов-Топал, 1999, 4):

Гагаузия древняя, бытийная...
<...>
Гагаузия, мало кому известная –

Скатерть хлебосольная – гостеприимная.
Из души струится нежность –
Сыновья заблудшие возвращаются.

Великую трагедию Второй мировой войны А. Ергогло показывает через страдания матери, сын которой погиб на поле боя (Ergoglo, 2013, 313):

Через полгода мама не забудет,
Как, кровью окропляя землю ту,
Ценою жизни сын ее добудет
Последнюю и первую звезду.
Еще мальчишка он, совсем безусый
И с парты школьной, на плече рюкзак
Он добровольцем, парень русский
В бессмертие свой первый сделал шаг.

Тема Второй мировой войны звучит также в стихотворении молодого автора Николая Есира «Ненавистное число» (Есир, 2009, 14):

Черный день, ужасный день,
Мир накрыла горя тень...
<...>
Гибнут сотнями солдаты –
Жизнь ворует эта дата.
22 – войны начало,
Скорби день и день печали.
22 – мирское зло.

В. Бошков посвящает стихи Одессе – городу, ставшему для поэта родным (цитируемые стихотворения В. Бошкова были высланы самим автором электронной почтой без указания названия сборника):

Город-гурман!
Ты не гуманен,
Скорей кровожаден,
Ты жаден,
Ты аден,
Но ты один,
За что и люблю ...

Автора волнует также тема чернобыльской трагедии. Об этой техногенной катастрофе он говорит в своих стихах, напоминающих по стилю японские хокку:

Чернобыль в хокку,
Словно в родной стихии,

Стих – ядерный взрыв.
<...>
Током летит вперёд приток,
Радиации непрерывный поток.

Особое место в перечне поэтических произведений занимают миниатюры юмористического содержания. В этом отношении показательным является творчество П. Чеботаря. Тематика его сочинений самая разнообразная: от истории гагаузов, их идентичности до социальных проблем и миниатюр пикантного содержания. Являясь почитателем творчества И. Губермана, автора знаменитых «гариков», и в каком-то смысле подражая ему, П. Чеботарь мастерски изображает гагаузскую действительность и историческое прошлое (см.: Чеботарь, 2007, 27):

Еще во времена паши
Нас приютил Буджак.
Мы отдыхаем от души
И пашем точно так.
Всегда готовы выполнять
Команды бей! и пей!
Нам просто нечего терять,
Кроме своих степей.

Социальные проблемы остро звучат, несмотря на шутивную форму, в четверостишии «SOS из Академии наук» (Чеботарь, 2007, 32):

Корова даже в день рожденья
Не торта просит, а травы,
Рулетка требует везенья,
Наука требует жратвы.

И. Топал, журналист, редактор газеты «Ачык гёз» (Третий глаз), является автором ряда дружеских эпиграмм. Одна из них посвящена известному художнику-графику гагаузского происхождения – П. Влаху – создателю сусаков (расписные декоративные тыквы), которые обрели статус гагаузского бренда и стали востребованным сувениром еще в советскую эпоху. Об этом – стихотворение «Петру Влаху, художнику-декоратору» (Антология, 2009, 84):

Гагаузы-чудаки
Выжигали сусаки,
Очень дорог стал сусак.
<...>
И решил направить он
Бизнесменам их – в Лондон.

Вот читают на дверях
По-английски – «Питер Влах».
И купить желает сэр
Сувенир из эС-эС-эС-эР .
Закрывай вопрос, Шекспир!
Хватит Влаху на кефир.

Таким образом, произведения гагаузских поэтов, пишущих на русском языке, отличаются богатым тематическим разнообразием. Наиболее часто встречаются стихотворения, в которых отражается тема любви, религии, веры, тема Второй мировой войны, раскрывается такое явление современной жизни, как гастарбайтерство. Реже поэты обращаются к теме, связанной с историей гагаузов, их предков – огузов, к теме родного языка. Настоящая работа является первой попыткой изложения материала в данном аспекте и не претендует на исчерпывающее исследование.

Литература

- Антология гагаузской поэзии. Комрат: 2009.
Ганева Е. Журавли. Стихи. Chişinev, 2006.
Дудогло И. (Самсон) Откровения. Комрат: 2010.
Есир Н. Отражения. Комрат: 2009.
Кириогло В. Г. Шипы и Розы: Поэтический сб. Комрат: SAYFA-PRINT, 1998.
Кириогло В. Г. В ожидании Христа: [Стихи]. Комрат: 2001.
Эхо души: Стихи. Комрат: 154 с. Стихи о любви к Родине, малой родине, человеку, Богу и басни.
Кыльчик И. Я – колосок земли Буджакской. Комрат: 2004.
Недов-Топал Г. Белые голуби над степью. Стихи. Рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Muzeum, 1999.
Чеботарь П. Каламбура в стакане. Кишинев: 2007.
Ergoglo A. Okuacam seni gözlerindän. Chişinău: S. n., 2013.

Дамьян Н. А.

Возлюбить ближнего – основное кредо Светланы Бахрушиной

Школа, Институт искусств, сцена, писательский цех – таков путь С. Бахрушиной в литературу. Родившись в России, в Подмосковье, она получила образование в Кишиневе. В течение многих лет театральные подмостки для нее были всем: сыграно около 40 ролей.

Произведения С. Бахрушиной печатались в альманахе «Как слово наше отзовется», в журналах «Кодры» и «Техника молодежи», выходили в отдельных изданиях. Она является членом Союза театральных деятелей Молдовы, Ассоциации русских писателей в Молдове, Союза писателей Молдовы им. А. С. Пушкина.

Эмоционально одаренная, влюбленная в окружающий мир, она постоянно стремится передать свою любовь через строки своих сочинений. Из-под ее пера вышли стихи, проза и драматические произведения, характерными чертами которых стали искренность, правдивость, стремление изменить жизнь к лучшему, повернув ее к истокам нравственной христианской чистоты, милосердию. Изданные книги не случайно были названы «Желание любви» (сборник стихов), «Возлюби ближнего» (сборник пьес), «Надеждой живы» (повесть) и др.

Она впускает нас в свой необычный мир. Если обратиться к сборнику стихотворений «Желание любви», который посвящен любимой бабушке, Ольге Федоровне Михутовой, то можно убедиться в том, что поэтесса – человек благородный, помнящий о своем долге – любить и не забывать. Она небезразлична к тому, что происходит в нашей повседневной жизни и призывает быть милосерднее:

На углу у базара старушка,
Вам протянет молча ладонь,
Не пройдите мимо, взгляните,
Помогите ей, помогите!
(Бахрушина, 2007, 16-17)

Ученые-экологи бьют тревогу природа – в опасности. Поэтесса напоминает нам:

Всё по любви в природе света,
Всё мило в ней и нам ответы
У ней искать, у ней просить
И Бога нам благодарить,
За наш союз со всей природой.
Служить мы ей должны.
(Бахрушина, 2007, 20)

Не обходит стороной Светлана Бахрушина и братьев наших меньших, которым в окружающем огромном мире плохо:

Страшно им малюткам,
Мир такой огромный,
Только в этом мире,
Плохо им, бездомным...

Вымокнут голодные,
И проснутся в луже...
(Бахрушина, 2007, 39)

Александра Юнко во вступительной статье к сборнику стихов «Желание любви» говорит о главной творческой манере поэтессы – песенности, идущей от фольклора, о стремлении к органичности и гармонии, любовном внимании к подробностям жизни и понимании ценности каждой ее минуты (Юнко, 2007, 3-4). Она подчеркивает, что мир Светланы живописен, насыщен цветом и светом, ощутим, как нечто вещественное. Поэтесса – необыкновенный живописец поэзии, упорно настаивающий, чтобы ее называли обыкновенной.

С точки зрения исследователя С. Прокоп, поэтический сборник «Желание любви» все же «...можно смело отнести к образцам женской лирики. Она у нее чувственная, порой дерзкая, вызывающая настолько, что ее лирическая героиня может в ожидании любви буквально „играть“, словно в театре, роль лирического героя» (Прокоп, 2014, 205-206).

Особый интерес представляют стихи, написанные С. Бахрушиной для самых маленьких, – «Игрушки и зверюшки». Они наполнены светом и беззаботной радостью:

Нарисую мелом солнце,
Пусть смеется и лучится.
Пусть веселое, цветное,
Зимней ночью детям снится.
(Бахрушина, 2012, 7)

Достижением поэтессы стали неповторимые описания природы Молдовы. Природа в ее произведениях – спасительный источник, в ее памяти зафиксированы поступки человека, поэтому она на стороне тех, кто ее защищает.

Строки повести «Надеждой живы» трогательны своей жизненной полнотой, верностью чувств и главным качеством – обнаружением внутренней связи между жизнью человеческой души и жизнью природы (Дамьян, 2014, 3-4): «...С восторгом, зачарованно, они наблюдали за рассветом. Солнце медленно воцарялось на небосводе. Вместе с окружающей природой светлели и теплели их души, сердца. Они наполнялись верой и надеждой в неиссякаемую, неистребимую силу добра и красоты. Верой в свое будущее, такое же прекрасное, как и восход солнца...» (Бахрушина, 2014, 130).

Светлана Бахрушина, отнюдь не чуждая театру, хорошо понимает, чем драматургическая литература отличается от стихов и прозы. Ее пье-

сы написаны на современном материале, время действия – наши дни. Точнее, последние годы двадцатого века. По убеждению А. Юнко, драма «Возлюби ближнего» (она ее посвящает своим родителям) в концентрированном виде рассматривает все социальные язвы современного общества. Правдиво изображая мир людей постсоветского пространства, где царили хаос и неразбериха, где все сместилось и перемешалось, автор подводит читателя к мысли, что живую душу, любовь, верность, дружбу, семейные ценности никакими рублями, леями и долларами не измерить. В пьесе можно уловить некоторые мотивы классической драмы «На дне». Однако у М. Горького «бывшие люди» лишь на словах и в мечтаниях желают лучшей жизни, но к делу переходить не стремятся и будущего не имеют, в драме же Бахрушиной есть место для надежды. Ее персонажи не растеряли то, что накопили за долгую жизнь. Они не изолированы друг от друга, разделяют радости и горести. Общая беда объединяет их и высвечивает все лучшее в характерах героев. И в других пьесах перед читателем предстают персонажи, словно подсмотренные в жизни. Это реальные, а не выдуманные герои нашего времени (Юнко, 2008, 4-6).

И все же, для актрисы, поэтессы, драматурга, прозаика С. Бахрушиной основное кредо – это возлюбить ближнего. Всем своим творчеством она постоянно доказывает, что неурядицы и недопонимание не могут перевесить веру, надежду, любовь, которые помогают человеку выжить, найти выход из сложившихся трудных жизненных ситуаций и поверить в лучшее Завтра.

Литература

- Бахрушина С. Желание любви. Кишинев, 2007.
 Бахрушина С. Возлюби ближнего... Пьесы. Кишинев, 2008.
 Бахрушина С. Игрушки и зверюшки. Кишинев, 2012.
 Бахрушина С. Надеждой живы. Повесть. Кишинев, 2014.
 Дамьян Н. Рецензия на повесть Светланы Бахрушиной «Надеждой живы». В: Надеждой живы. Повесть. Кишинев, 2014.
 Прокоп С. Ковчег обетованный. Русская поэзия Молдовы начала XXI века. Литературные хроники. Кишинев, 2014.
 Юнко А. Я назову тебя обыкновенной. В: Желание любви. Кишинев, 2007.
 Юнко А. Пьесы Светланы Бахрушиной. В: Возлюби ближнего... Пьесы. Кишинев, 2008.

Оразбаева Н. С.

Функционирование казахоязычных топонимов в русском поэтическом тексте

Процесс взаимодействия двух языков и особенности поликультурного пространства в литературоведении наиболее ярко проявляются в творчестве поэтов, выросших в атмосфере взаимосвязанности культур данного пространства. Одним из элементов, характеризующих стремление автора к комбинированию лингвокультурологических особенностей разных народов, являются топонимы, которые не только несут «страноведческую информацию, но и приобретают контекстуально обусловленную художественно-эстетическую информацию» (Гасанова, 2003).

Тема представляет интерес при анализе казахоязычных топонимов в творчестве русских поэтов XX в. Леонида Мартынова и Павла Васильева. Биментальное мышление, свойственное поэтам, диктует особое отношение к иноязычным топонимам, и данные особенности зависят от степени близости мировоззрения автора мировосприятию описываемого культурного пространства. Функционирование казахоязычных топонимов в русском поэтическом тексте актуально в свете раскрытия межнациональных связей и является одним из этапов в изучении темы генезиса взаимодействия русского и казахского народов. Также выявление лингвокультурологических особенностей в художественном тексте на основе использования лексических единиц и грамматики двух языков отражает культурное и географическое пространства, осваиваемые русской литературой.

Леонид Мартынов, родившийся в Омске, городе на границе Казахстана и России, неизменно проявлял этнокультурологический интерес к Казахстану, и стремление переводить топонимы разворачивали перед поэтом их дополнительные значения. В строках из стихотворения «Маркиз и матрос» «Будто тайны степи хоронила/ Белая могила Акмола» (Мартынов, 1990, 203) топоним сопровождается переводом («белая могила») и сравнительной характеристикой, соответствующей переводу.

Приведем другие примеры из прозаических и поэтических текстов автора: из новеллы «Моя ладья»: «...пристань Ермак на подступах к Двум Соленым Головам, как в переводе на русский звучит название „Экибагстуз”» (Мартынов, 1977, т. 3, 62); из новеллы «Аксакал с Кокчетау»: «...на горе Бектаута – Дед-князь гор – в Прибалхашье» (перевод автором с казахского языка дан дословно); там же: «Окжетпес, что в переводе с казахского значит: „Стрела не достанет”» (Мартынов, 1977, т. 3, 248) (перевод также дан дословно).

Этнолингвистическое описание в художественном тексте топонимов, объединенных по признаку отношения к рельефу и называемых оронимами, было важно для Мартынова в свете соотношения перевода и знакомства с мировосприятием другого народа. Большой интерес для автора представляют, в частности, оронимы, возникшие из общих представлений казахского народа и соответствующие реалиям казахского быта: «стрела» как измерение высоты; слова «бек» (титул главы рода у тюркских народов) и «ата» («дедушка», «предок») указывают на величие горы. Топоним, заканчивающийся на слово «ата», в казахском языке переводится не буквально, а означает уважительное отношение к древности места.

В поэме «Поэзия как волшебство» Мартынова название города Омск заменено на казахоязычный аналог – Омбы: «Тот город Омб тонул в пыли...» (Мартынов, 1990, т. 2, 647). Ритм требовал слова из одного слога, которым могло быть русскоязычное название. Но автор использовал казахоязычное, грамматически подчинив его мужскому роду слова «город», и в соответствии с данным звучанием переделал упоминаемые в произведении названия газет «Омбский телеграф» и «Омбский вестник». В подобном написании названия изданий «Омский телеграф» и «Омский вестник» больше нигде, кроме прозы Мартынова, не встречаются.

В новелле «Зеркальщикъ»: «Однажды, рассматривая в библиотеке краевого музея книгу Седельникова об Акмолинской области, центром которой до революции был Омск, я обратил внимание на роскошные названия озер, помеченных на карте километрах в восьмидесяти к юго-западу от Омска: Теке, Улькен-Карой, Селеты-Тенгиз. По новому районированию они находились уже не в Сибири, а в Казахстане. Я предложил Виктору:

– Поедем на киргизские моря! Тенис, Тенгис, по-казахски, по-тюркски значит «Море». Кара-Тенис по-турецки – Черное море. Надо посмотреть, что такое Селеты-Тенгиз.

– А что там может быть?

– Я думаю, зеленые волны...» (Мартынов, 1977, т. 3, 272).

«Селеу» с казахского языка переводится как «ковыль», следовательно, «селеты тенгиз» – «ковыльное море». Ковыль зеленого цвета, поэтому фразу «зеленые волны» можно интерпретировать как волны озера, зеленые от растений, и зеленый ковыль, волнообразно движущийся от ветра. Так что Мартынов, вполне оправданно опирающийся на свое знание тюркских языков и верное представление о визуальном мировосприятии казахов, отражающемся в топонимах, «угадал» перевод топонима и еще раз продемонстрировал этнографический и лингвокультурологический интерес к казахской земле.

Павел Васильев, родившийся в Семипалатинской губернии (ныне Павлодарская область в Северо-Восточном Казахстане) и понимавший

казахский язык, не переводил топонимы, что не было для него необходимым, а использовал их, прежде всего, для обозначения локации и создания динамичности внутри пространства казахских степей. Из стихотворения «Ярмарка в Куяндах»: «Над степями плывут орлы/ От Тобола на Каркаралы,/ И баранов пышны отары/ Поворачивают к Атбасару» (Васильев, 2000). Название статьи относит нас и к лингвистическому аспекту, так как топоним Куянды автор просклонял по правилам русской грамматики. Окончание «ды» в казахском языке является показателем имени прилагательного («алма» – «яблоко», «Алматы» – «яблоневый» или «яблочный»), а в русском языке грамматически воспринято как множественное. Соответственно, слово в целом с окончанием множественного числа предложного падежа имени существительного принимает форму «Куяндах».

Аналогичны примеры из стихотворения «Поднявшееся Солнце»: «Только в Баян-Ауле, только в Кара-Джайтаках, только в Каркаралах» (Васильев, 2000). Кара-Джайтаки – название аула. Каркаралы – название города, с XIX в. имеющее русскоязычный аналог Каркаралинск. Васильев использует казахскоязычный вариант и снова меняет их в соответствии с грамматикой русского языка. Подобные метаморфозы в употреблении казахских топонимов регулярно подмечаются и исследуются казахстанскими лингвистами (Диарова, 1999; Акшолокова, 2012).

Между тем, вполне распространены в поэзии Васильева и варианты топонимов с нарочитым придерживанием казахской грамматики: «Загудевшие рельсы летят в Алма-Ата» (стихотворение «Турксиб»); «Дуреет от яблонь весна в Алма-Ата» («Киргизия»); «Шел с верблюдом я в Караганды», («Пыль») (Васильев, 2000).

Здесь в косвенных падежах сохранены казахскоязычные формы топонимов, которые наоборот обычно склонялись по правилам русского языка в силу частотности употребления («в Алма-Ате, в Караганду»). Но полное оформление по правилам казахского языка с присоединением необходимых окончаний также не наблюдается, сохраняются лишь изначальные формы топонимов, что соответствует грамматике казахского языка, так как окончания присоединяются к полным формам слов, без замены последних букв.

В данных примерах отражена одна из характерных особенностей поэтического текста Васильева: художественное переосмысление мировосприятия казахского и русского народов в русскоязычном тексте, которое выражается в выборе художественно-языковых средств, мифологических установках поэта и комбинировании лингвистических и лексических средств двух языков, как видно при анализе топонимов. Данные черты поэтики Васильева позволили его исследователю, русскому поэту

и публицисту Станиславу Куняеву, охарактеризовать сущность его творчества как отражение «евроазиатского мира» (Васильев, 2000).

В целом, рассмотренный нами практический материал показывает, что казахскоязычные топонимы в тексте русских поэтов, становление мышления и творчества которых происходило в двух культурных пластах, функционируют в качестве этнокультурологических ориентиров, демонстрирующих степень близости мышления автора мировосприятию казахского народа.

Литература

Акшолокова А. Ж. О грамматической адаптации казахских топонимов. В: Вестник КазНУ. Серия филологическая, № 2 (136), 2012, с. 165-168.

Васильев П. Н. Сочинения. Письма. Сост. С. Ю. Куняев. М.: Эллис Лак, 2000. В: Электронная библиотека RoyalLib.com. Режим доступа: http://royallib.com/book/vasilev_pavel/sochineniya_pisma.html. (дата обращения – 14.12.2015).

Гасанова С. Х. Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. В: disserCat – электронная библиотека диссертаций. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/toponimiya-v-dagestanskoi-russkoyazychnoi-originalnoi-i-perevodnoi-khudozhestvennoi-literatu>. (дата обращения – 03.01.2016).

Диарова М. А. Взаимная адаптация топонимов в условиях двуязычия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 1999. 28 с.

Мартынов Л. Н. Избранные произведения. В 2-х тт. М.: Художественная литература, 1990.

Мартынов Л. Н. Собрание сочинений. В 3-х тт. М.: Художественная литература, 1977.

Юзифович В. А.

Стилистическое своеобразие очерка Б. Д. Чельшева «Л. Н. Толстой в Молдавии»

В газете «Днестровский курьер» (2003 г.) был опубликован очерк Б. Д. Чельшева о пребывании на молдавской земле известного русского писателя Л. Н. Толстого. Б. Д. Чельшев выбрал своеобразный ракурс в изображении героя. В исследуемом очерке выявляется не только характер всем известного писателя, но и философия его жизни, его жизненные устремления, отношение к себе и к миру, наконец, к собственному писательскому творчеству. В центре внимания оказывается внутренняя

жизнь личности, богатство и интенсивность переживаний которой раскрывается при помощи различных стилистических средств.

Проанализировав очерк Б. Д. Чельшева «Л. Н. Толстой в Молдавии», мы пришли к выводу, что метафора в исследуемых материалах выполняет многие свойственные ей функции: представляет индивидуально-авторскую модель мира (моделирующая), делает образ более ярким и наглядным (изобразительная), воздействует на воображение читателя (функция воздействия): *Угнетали сомнения: получится ли рассказ, над которым работал уже несколько дней – «Записки фейерверка». Он вынес уже и приговор этому рассказу – слабо! Мучила мысль: а есть ли у него вообще талант?* (Чельшев, 2003, 13; далее – там же).

В очерке Б. Д. Чельшева при портретной характеристике встречается и синекдоха как один из способов достижения образности: *Так Молдавия присоединила свой голос к голосу всенародной скорби о потере величайшего писателя.* В исследуемых очерках Б. Д. Чельшева встречаются практически все фигуры речи, однако преобладают следующие:

Градация: *Горькие строки о тяжести солдатской службы: мордобитие, издевательства офицеров.*

Среди синтаксических фигур обнаруживаем параллелизм: *Его выгнали на ученье, – он шёл, давали в руки тесак и приказывали делать рукой так, – он делал, как мог, его били – он терпел. Его били не за тем, чтобы он делал лучше, но затем, что он солдат, а солдата нужно бить.*

Данная фигура речи усиливает энергию, силу утверждения мысли, придавая речи ритмичность. Асиндетон придает высказыванию стремительность: *И вообще, последние дни мелькали у него, как в калейдоскопе, – пестротой впечатлений, новыми знакомствами, переездами с места на место.* Чаще всего из стилистических фигур в анализируемом очерке находим полисиндетон, который, замедляя речь вынужденными паузами, подчеркивает роль каждого из слов, создавая единство перечисления и усиливая выразительность речи: *И тем был он им дорог, и потому находил такой отзвук в их сердцах, и за то имя его стало дорого последнему изголодавшемуся крестьянину, что в словах и поучениях Толстого звучала в образной форме душевная тоска, вечная жажда, неосознанное стремление забитой, загнанной массы.*

Риторическое восклицание усиливает выражение чувства, эмоционального восприятия; это способ привлечь внимание читателя и побудить его разделить авторское негодование, изумление, восхищение: *Велики судьбы славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы!* Инверсия помогает выделить главное слово или понятие, наиболее значимое для автора; это средство создания эмоциональности речи: *Из Кишинева ездил к нему*

редактор бессарабского журнала «Вегетарианское обозрение», и Лев Николаевич дал согласие сотрудничать в этом журнале.

Повтор акцентирует наше внимание на наиболее значимых для автора словах и понятиях. Повторяющиеся сегменты фиксируются памятью и влияют на формирование отношения к персонажу очерка, к соответствующей проблеме: *И он терпел не только безропотно, но с убеждением, что одна обязанность его терпеть и терпеть.*

Очерк Б. Д. Чельшева «Л. Н. Толстой в Молдавии» характеризуется высокой степенью концентрации образных средств различных типов на сравнительно небольшом пространстве текста. Использование образного слова, разнообразие тропов и стилистических фигур, зафиксированных в исследуемом материале, тесно связанных друг с другом и во взаимодействии создающих сложный мир героя очерка, позволяет говорить о высоком уровне владения Б. Д. Чельшева словесными средствами художественной изобразительности.

Б. Д. Чельшев – один из немногих публицистов, которому удалось увлекательно рассказать о пребывании на молдавской земле российских литераторов, и это, несомненно, представляет интерес как для стилистов русского языка, текстологов, историков (в плане дальнейшего изучения), так и для неравнодушных к своему краю, к его истории читателей.

Литература

Чельшев Б. Д. Л. Н. Толстой в Молдавии. В: Днестровский курьер, 2003, 3 декабря, с. 13.

Ковалов А. И.

Ходьба по многоточиям (О некоторых особенностях графики и пунктуации в стихах Олеси Рудягиной)

Функции многоточия в пунктуации общеизвестны, и в поэзии оно встречается довольно часто. В стихах О. Рудягиной этот знак также используется очень широко, при этом он играет особую роль и иногда приобретает, на наш взгляд, свойства художественного приема.

«О чем молчит многоточие? Три точки, поставленные автором в любом отрезке письменной речи, это, прежде всего, символ. Во-вторых, это – синтетический знак, который реализуется в тексте в двух ипостасях: как способ передачи мысли (модус текста) и как и сам факт повествования (диктум). И это многоточие, несомненно, уже не графический знак, но троп» (Вардзелашвили, 2009).

Примечательно, что многоточие – не только сам пунктуационный знак, но и слово, его называющее, – как художественный образ, как яркая метафора появляется уже в первом стихотворении дебютного сборника О. Рудягиной «Вознесение на землю»:

Снова навстречу задумчивым лицам
Я уходила по многоточьям –
тем, что на серых асфальта страницах...
Пробует Осень свой вычурный почерк...
(«Улицы плакали медью и золотом...»)

Постановка многоточия в конце предложения – явление в поэзии достаточно распространенное. Стихи О. Рудягиной в этом смысле не являются исключением, однако в них часто можно встретить примеры иного, довольно необычного использования этого знака. Многоточие нередко встречается в начале предложений, а иногда стоит даже в начале того или иного произведения. В случае, когда стихотворение начинается с многоточия, этот знак перед ним означает некую предысторию, экспозицию или завязку конфликта, который раскрывается в самом стихотворении. Зачастую это подчеркивается употреблением союзов («а», «но», «и»), открывающих поэтический текст; при этом создается такое впечатление, как будто продолжается прерванный разговор или звучат аргументы в неоконченном споре:

...А я по осени считаю корабли,
которые мучительно сторают...
(«Призвание»)

...А дождь все льет. Он сам себе наскучил
истерикой поверженных небес.
(«... А дождь все льет...»)

...А барды устали,
и поуждали из этой страны.
(«... А барды устали...»)

...И принимали меня
то за посох, а то – за плащ...
(«Надежда»)

...Но однажды я, все же, солгу,
и на твой невозможный вопрос:
«Мама, правда ведь, мы не умрем?» –
улыбнусь и спокойно кивну.
(«... Но однажды я, все же, солгу...»)

Если предложение с начальным многоточием расположено в глубине текста, то возникает пауза, открывающая другую тему, мотив или предваряющая поворот лирического сюжета. Например, в стихотворении «После карнавала» переплетаются два мотива: осознание того, что неминуемо «утром умирает карнавал», и почти блоковское предчувствие, напряженное ожидание встречи с **ним**, с тем, кто должен вернуть «весну и жизнь». Последнее четверостишие этого стихотворения начинается и заканчивается многоточиями. Два раза происходит и перелом в состоянии героини стихотворения. Первое многоточие – это пауза, за которой финал карнавала и наступление буден, а второе скрывает смятение чувств после неожиданного появления героя.

...Вот площадь, и поземка конфетти,
И шаг по именам уныл и горек.
Я подберу оброненную «Сольвейг»,
Но, боже мой, в руках твоих – «Пер Гюнт»...
(«После карнавала»)

Нередко употребление многоточия связано с мотивом падения или бездны, с представлением о разрыве или разрушении:

Качает Землю на ветру
и тянет на ходу **сорваться**...
(«Вот ты на облачке сидишь...»)

Любить! Еще! Ведь остается миг
Свободного (до дна) **паденья** тела...
(«Завещание»)

Надо бы вместе...
да невозможно!
Дело не в мести:
жизнь неотложна –
разве посмею тебя не простить?
...только прощенного
скучно любить.
(«Разрыв»)

В стихотворении «Маленькая разлука» есть пример использования двух многоточий рядом:

Две бездны. Два зыбучих полюса
Ничьей вины...

...Он приложил ладонь
 К окну автобуса
 с той стороны.
 («Маленькая разлука»)

И действительно, два многоточия здесь словно две бездны, каждая из которых – самостоятельное, чуждое другому пространство, а разделяет их пусть прозрачная, невидимая и хрупкая, но все-таки преграда.

В другом случае два многоточия, наоборот, расположены в начале и в конце стихотворения. В результате такая «рамочная» композиция подчеркивает чувство безысходности, пронизывающее все это короткое произведение: «...А барды устали,/ и поуждали/ из этой страны. <...> дороги – исхожены,/ песни – испеты,/ счастье – нигде...» («...А барды устали...»).

Но наиболее интересный пример необычного использования этого знака (здесь уже сложно назвать его пунктуационным) находим в названии одного из стихотворений: «На обломках Импе...». Взгляд натывается на непонятный обломок слова, которое, впрочем, легко восстанавливается по смыслу. Первая мысль, которая возникает у читателя: ошибка, опечатка? Может быть, где-то дальше есть объяснение, исправление... Когда понимаешь, что это не случайность, а авторский прием, возникает ощущение падения в никуда, в пропасть. Оставшиеся вместо трех рассыпавшихся букв три точки – словно обломки разрушенного здания, лежащие на земле. Далее, в самом стихотворении, открывается авторский взгляд на происходящее: поэта волнует не только крах огромной страны, которая некогда была родиной. Разрушается не только и не столько империя, сколько человек; границы проходят не по земле, а по людям. Разлом приобретает вселенские масштабы: рушится связь не только с землей, но и с небом («...и там, говорят, таможня...»). И как отражение этого всепоглощающего распада – разрушение в конце концов и того, что было «В НАЧАЛЕ» и что держало вавилонскую башню – разрушение СЛОВА.

Граница из трещины превращается в пропасть, которая проходит через самое важное для поэта – через слово. Разрушение становится и духовным, и нравственным. А в итоге оно отражается, причем в буквальном смысле – визуальном, графически, – и в слове.

И если в стихотворении Анны Ахматовой «Мужество» призыв сохранить «русскую речь», «великое русское слово» равнозначен призыву сохранить родину и народ, то у Олеси Рудягиной мы видим обратную сторону этой взаимосвязи: «обломки» страны проецируются в «обломки» слова.

Многоточие в такой же функции – как завершение незаконченного слова, как замена его последних букв – может нести и другую семантическую нагрузку. В стихотворении «Письмо в Нью-Йорк» описывается предполагаемая неожиданная встреча: «...и тени прохожих/ оглянутся, может:/ „Глядите, ну надо ж, – Рудя...“/ „И, правда, – Рудягин!“ – подхватится эхо...». Здесь разорванное слово – это прерванный возглас, это горло, перехваченное спазмом от сплетения противоречивых чувств: от удивления и невероятной радости до хрупкой и бережно хранимой надежды на то, что такая встреча, может быть, произойдет и в реальности.

Еще один пример необычного применения графических средств – использование прописных букв. То, что было привычным для модернистов начала XX в., увлеченных поиском новых художественных форм, в наше время воспринимается совершенно иначе. Слова, набранные прописными буквами, выглядят не как поэтическое упражнение, в современном культурном контексте они бросаются в глаза как некий крик в интернет-пространстве. Кстати, в одном из стихотворений прописными буквами выделено именно упомянутое выше словосочетание «РУССКАЯ РЕЧЬ» («Родина! холмы, виноградники...»).

Еще один знак находит себе необычное применение: это дефис, который используется для разделения слов на слоги. «Раз-лю-би-ла!» – за этой разбивкой, произнесением слова по частям стремление героини стихотворения («Август») еще раз утвердить необратимость произошедшего, а может быть, наоборот, желание убедить саму себя в том, что это произошло. Или же осознание (еще с определенным недоверием) свободы от былого чувства.

Подобные «графические» выделения ключевых моментов стихотворения, будь они сознательными либо интуитивными, безусловно, являются средствами художественной выразительности, способствующими воплощению авторской идеи.

Литература

Вардзелашвили Ж. Семантизация знака. Многоточие как символика молчания. В: Славистика в Грузии. Вып. 10. Тбилиси: ТГУ, 2009). Режим доступа: http://vjanetta.narod.ru/page_1.htm (дата обращения – 01.07.2016).

Рудягина О. Вознесение на землю. Кишинев: Типография Академии наук Молдовы, 1995.

Рудягина О. Год дракона. Кишинев: Ruxanda, 2000.

Рудягина О. Дуэт в подземном переходе. Кишинев: Ruxanda, 1998.

Захарова Л. М.

Взаимосвязь и противостояние человека и природы в русскоязычной прозе Молдовы (II половина XX в.)

На протяжении веков человек по-разному выстраивал свои отношения с природой, то обожествляя ее, то считая только своей мастерской, а порой и хозяином всех ее богатств. Эти отношения находили свое отражение в общественном сознании, а затем и в литературном творчестве писателей, чутко реагирующих на малейшие изменения в обществе. От античности и до наших дней человек задумывался о своем месте во Вселенной. Уже в эпоху Возрождения в умах людей появилась мысль о гармонии человека и природы. В эпоху Просвещения человечество стремилось найти путем деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни. Просветители верили, что кроме Библии Бог даровал человеку и книгу Природы, законы которой так же непреложны для человека, как и библейские заповеди. К сожалению, человек обычно игнорирует законы из книги Природы, относясь к недрам, полям, лесам и населяющей их живности как потребитель. Такое отношение к природе чревато опасными последствиями. Тревога о возникшей на Земле экоопасности весьма убедительно звучала в произведениях для детей и подростков молдавских писателей Иона Друцэ, Анны Лупан, Виктора Прохина, а также писавших на русском языке Семена Пасько и Герасима Успенского. Они понимали, что без осознания красоты природы, ее уникальности, без воспитания нравственного отношения к ней ее не сохранить и не защитить.

Предупреждением нам, живущим, звучат слова героя из рассказа Герасима Успенского «Загадка»: «Я думаю о том, что, в сущности, не так уж давно по нашим девственным лесам носились табуны диких лошадей и носились могучие быки-туры. Человек не сберег этих животных, и теперь мы пытаемся восстановить их навсегда утраченный облик по отдельным, случайно сохранившимся костям да по средневековым рисункам» (Успенский, 1982, 22).

Объектом исследования послужила русскоязычная проза Молдовы II половины XX в., а именно – произведения Герасима Успенского и Семена Пасько, рассмотренные сквозь призму категории художественного конфликта. Цель работы – показать пути преодоления, сглаживания противостояния человека и природы, возможность гармонизации их отношений, отраженных в художественной литературе. Во многих произведениях о природе можно увидеть, что человеку противостоят метели

и бураны, дикие звери и опасные земноводные. Однако природа может не только выступать противником человека, но и быть злой мачехой своим детям, животным и птицам, которые могут найти свою погибель в ее суровых условиях. Тогда им на помощь приходит человек. Именно чтобы сохранить и приумножить растительный и животный мир Природы, человек протягивает руку помощи зверям и птицам, попавшим в беду в произведениях Герасима Успенского и Семена Пасько.

Подобная ситуация нашла отображение в рассказе Г. Успенского «Белая погибель». Заповедник на Каспийском море с островами Бакланий и Рыбацкий – излюбленное место зимовья птиц. Однако неожиданно сюда пришли такие сильные морозы, каких не бывало более ста лет: «Арктический воздух, прорвавшись за тысячи километров, достиг и нашего уголка „зеленой зимы“. Надвигалась беда, и никто здесь не был готов встретить ее» (Успенский, 1982, 257) Перелетные птицы вынуждены лететь дальше в поисках лучших условий зимовки. Не улетают только прекрасные, диковинные даже для этих мест, фламинго, эти южные птицы не знают, что такое мороз, у них не выработался инстинкт самозащиты, как у гусей и уток. Операция по спасению птиц длилась несколько дней и ночей, несмотря на холод и шквальный ветер: «Мы наловчились быстро и бесшумно окружать птиц сетью со всех сторон. Очутившись в кольце, даже сильные особи не могли разбежаться для взлета и становились нашими пленниками. С той стороны пролива мы приспособились „транспортировать“ весь улов сразу, волоча его по льду прямо в сетке. Фламинго бились, смотрели на нас глазами испуганного ребенка, разевали клювы в тяжелой одышке, некоторые... вывихивали ноги» (Успенский, 1982, 260). Мучительные переживания терзают героя из-за произошедшей беды, много птиц погибло от морозов, от зубов шакалов и камышовых котов: «На снег и лед я смотрел с ненавистью и мысленно повторял: „Зачем ты пришла к нам, Белая Погибель? Зачем ворвалась в наш зеленый мир, незваная, непрошенная, злая гостья?!“» (Успенский, 1982, 262). Эта страшная беда объединила людей в стремлении спасти птиц, но она же проверила всех на гуманность, умение любить и защищать окружающий мир, частью которого мы сами являемся.

В рассказе «Косуленок» Семен Пасько рассказывает, как опасна ранняя весна в лесу для зверей: «Когда в лесу появляются проталины и начинают все смелее и смелее журчать ручьи талых вод, тут уж ног не жалей, с утра до вечера колеси по рошам и дубравам» (Пасько, 1970, 54). Именно в это время лесные звери и птицы больше всего нуждаются в помощи человека. «Смотрю, в снежной каше бьется молодой олень. Закинул на рога аркан, вытащил... А появившись часом позже, и следа не было бы трагедии» (Пасько, 1970, 54). В этом же рассказе повествуется, как лесник подобрал

и вырастил косуленка, оставшегося без мамы: «Здесь, почти у самой насыпи, наткнулся я на косуленка. Под откосом валяется искалеченный труп старой косули. Под паровоз угодила. <...> Взял я косуленка на руки, пошагал домой» (Пасько, 1970, 56).

Иногда животные сами обращаются к человеку за помощью. Например, в рассказе С. Пасько «Признательность» лосиха преследовала героя произведения, преграждая ему путь: «И понял биолог по выражению глаз лосихи, что она не выпустит его из леса. Что-то ей нужно от него» (Пасько, 1977, 270). «И тут он увидел лосенка, увязшего в темном окне. <...> Минут тридцать возился Сидор Сидорыч, пока выволок лосенка из засосавшей его трясины» (Пасько, 1977, 271).

В рассказах Семена Пасько можно встретить истории, когда домашние животные в минуты опасности или беды обращаются за помощью к человеку, даже если ранее враждовали с ним. В рассказе «Метель» героиней является бесхвостая кошка, лишившаяся хвоста за то, что бедокурила. Сбежав в лес, кошка со временем одичала, но непогода заставила ее снова прийти к человеку. Герой этого рассказа подводит итог увиденному: «Так что, когда говорят „зверь человека боится“, – не верьте. Он побаивается, но если туго приходится – сразу доверяется человеку» (Пасько, 1977, 241). Подтверждением этих слов может служить случай, описанный Семеном Пасько в рассказе «Фиалка». Хозяйская овчарка невзлюбила гостя: «Началась вражда между нами месяца два назад. Вышел я на крыльцо – вдруг Фиалка на меня набросилась. У меня в руках был кнут, я и вытянул ее вдоль спины. С той поры затаила она на меня обиду» (Пасько, 1977, 258). Но ради спасения детеныша, забыв обиду и вражду, овчарка обращается за помощью к человеку: «Смотрю, мечется Фиалка вокруг ямы, вырытой для подвала. Заглянул я туда и все понял: на дне ямы ползал щенок, ее детеныш. <...> Я опустил в яму лестницу, взял щенка на руки, полез обратно» (Пасько, 1977, 258).

Много историй посвящено спасению птиц и их птенцов. Например, история спасения скворца Чугая представлена в рассказе С. Пасько «Благодарность»: «Случилась беда: лапки Чугая примерзли к ветке. <...> Петро взобрался товарищу на плечи, дотянулся до Чугая, взял его, сунул в рукавицу. <...> Чугай уже не помнил о приключившейся с ним беде, а вот людей, что спасли его, узнавал всегда» (Пасько, 1970, 65).

В заключение необходимо отметить, что писатели, используя силу художественного слова и свой талант, в своем творчестве пытаются «достучаться» до читателя, не напрямую, а исподволь, через эмоциональный фон, подвести его к мысли о бесценной значимости природы для человека. К. Шишкан в монографии «Диалог с „зеленым разумом“ Земли» от-

мечает следующее: «Настало время в нынешних условиях глобального расчеловечивания возвращать людям с помощью инструментов науки, литературы и искусства ускользающие на наших глазах из жизни социума мораль, нравственность, чувство ответственности за себя, за других, за мир. Следует „вращивать“ в себе „экологическую совесть“, чтобы гармонизировать отношения человека с окружающей средой» (Шишкан, 2015, 35). Произведения о природе могут помочь социуму возратить мораль, нравственность и ответственность за происходящее вокруг, помогая воспитывать на этих книгах новое поколение. В своих произведениях Семен Пасько и Герасим Успенский моделируют именно такое поколение, любящее природу, заботящееся о ней. Авторы показывают пути преодоления, сглаживания противостояния человека и природы, возможность гармонизации их отношений.

Литература

- Гинзбург Л. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.
- Пасько С. Для детей про птиц и зверей. Кишинев: Литература артистикэ, 1977. 287 с.
- Пасько С. Рассказы. Кишинев: Лумина, 1970. 144 с.
- Успенский Г. Загадка остается. Повести и рассказы. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1982. 279 с.
- Шишкан К. Диалог с «зеленым разумом» Земли. Кишинев, 2015. 218 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Цвик И. И.

Русская литература как ведущий фактор формирования межкультурной личности в Молдове

Для формирования личности, готовой стать полноценным субъектом диалога культур в Молдове, необходимо использовать возможности и средства русской/русскоязычной литературы. Светлана Прокоп, углубляя в своих книгах разработку темы современного русского литературного процесса в нашей республике, приходит к обоснованному выводу о том, что русская составляющая литературного процесса Молдовы второй половины XX в. сыграла немаловажную роль в распространении литературы местных авторов за пределами нашей страны. Русская литература Молдовы, с одной стороны, «лучше любого учебника по гражданскому воспитанию успешно справляется с возложенной на нее задачей формирования этнического самосознания, этнической и гражданской идентичности, воспитания чувства любви к родному краю» (Прокоп, 2014, 52-53). А с другой, добавим, вносит свой огромный вклад в укрепление межкультурного диалога между литературами страны и ее читателями. Поэтому на факультативных занятиях следует знакомить учащихся с творчеством писателей и поэтов Молдовы, пишущих на русском языке и, тем самым, продвигающих духовные идеи русского мира в республике, ведь «литература каждого народа – это, по сути, культурологическая и концептологическая энциклопедия. В ней закономерно отражаются реалии окружающего мира в национально-специфическом восприятии и дается их субъективная оценка» (Ионова, 2014, 13). Литература исследует события и явления национально-культурной жизни, способствует их социально-эстетическим трактовкам на основе национальных и общечеловеческих ценностей.

Русские поэты и прозаики Молдовы в своем творчестве неизменно признавали своим отечеством Молдову и признавались в любви к ней. «Образ родины, рассмотренный как одно из проявлений феномена гражданской идентичности русских Молдовы в литературе, может служить одним из (выделено нами – И. Ц.) индикаторов <...> национального самоопределения гражданской идентичности» (Прокоп, 2014, 52). Это ли не является мощным доказательством проявления черт истинной межкультурной личности?! Творчество русских писателей Молдовы способ-

но прививать «чувства добрые» и «любовь к отеческим гробам» (А. Пушкин) молодому читателю.

Именно в литературном произведении язык имеет возможность реализоваться во всей своей полноте, он – главный носитель и выразитель национальной ментальности. Но язык и, следовательно, языковая личность в ареале существования своей лингвокультуры и в отдалении от нее – различны. «Русские литераторы в Молдове представляют собой полиэтничное сообщество, для которого русский язык является не только средством общения, но и средством художественного самовыражения. <...> Определение „русский“ имеет здесь не этнический, а культурный, и в связи с этим, лингвистический смысл. <...> Русская культура, в значительной степени формирующая мировидение, познавалась и познается через художественную литературу» (Ионова, 2014, 44).

Полагаем, что цель литературного образования состоит не только в интеллектуальном, эстетическом и эмоциональном освоении гуманистического потенциала искусства, но и в умении и готовности успешно и адекватно воспринимать и понимать людей иных культур, общаться с ними. Именно литература, как художественная коммуникация, может и должна этому способствовать, тем более что произведения писателей, объединяющих в своем творчестве разные, но, что особенно для нас важно, дружественно сосуществующие культуры, содействуют развитию каждой из культур.

Итак, исходя из всего вышесказанного, полагаем, что преподавание русской литературы в контексте межкультурного подхода в Молдове предполагает определенное переосмысление содержания литературного образования. В контексте такого подхода должно явственно присутствовать соизучение русской классической литературы и литературы русскоязычных/русских авторов страны, при этом будет присутствовать неразрывность двух компонентов – регионально-национального (национальная культура) и мирового (русская литература – неотъемлемая часть всемирной литературы). Национальный компонент удовлетворяет потребности всех этносов в сохранении, развитии и передаче своей культуры. Мировой компонент помогает человеку интегрироваться в общемировое культурное пространство. Такой подход будет особенно плодотворным в учебных заведениях с государственным языком обучения, так как будет прививать ту необходимую степень толерантности, к которой призывает Европейский Союз.

Межкультурное пространство литературного образования в Молдове целесообразно выстраивать как взаимодействие следующих типов культурных пространств:

- национально-культурное пространство – своеобразие социальной среды Молдовы, в которой рождается текст: ее поликультурность и билингвальность;

- особенности текстового пространства – художественное произведение как модель-образ национального мира русских Молдовы;

- пространство диалога культур: восприятие, интерпретация произведения и его судьба в межкультурном пространстве Республики Молдова.

Такое видение обуславливается и тем, что литературные произведения русских писателей Молдовы «обнаруживают, с одной стороны, приверженность русской литературной традиции, русской культуре, с другой, демонстрируют восприимчивость к лингвокультурному влиянию среды, <...> что отражает <...> поиск гармоничного сочетания черт русской самобытности и черт принадлежности местному сообществу, которые оправданы потребностями пребывания в инонациональном социуме и условиями межкультурной коммуникации» (Млечко, 2014, 30).

Межкультурный подход базируется на таких ведущих терминах и понятиях, как «культура» и «национальная культура», «диалог культур» и «межкультурная коммуникация», «стереотип» и «прототип», концепты «другой» и «свой-чужой». В условиях Молдовы межкультурный подход опирается на следующую методическую формулу: развитие личности в процессе освоения русскоязычной региональной (для коренного населения – иноязычной) словесной культуры и осмысления родной культуры (если речь идет о других этносах, живущих в Молдове). Для этого следует выработать положительный образ иной культуры посредством знакомства с ней через культурную традицию, запечатленную в литературе; сформировать понимание мотивированного поведения представителя иной культуры, отталкиваясь от его национального стереотипа, кодекса поведения, отраженного в литературном произведении.

Обучение литературе в контексте межкультурного подхода предполагает выявление национального своеобразия художественного текста для понимания национального характера и ментальности народа.

Цель данного подхода – способствовать формированию качеств межкультурной личности при изучении/обучении русской литературе в республике, как в учебных заведениях с русским языком обучения, так и с государственным. Особенности такой личности в том, что она способна к трансформации (см.: Леонтович, 2003, 102-115). Межкультурная личность умеет встраиваться в межкультурную (поликультурную) среду, ориентироваться на окружающих и готова к успешному межкультурному общению. Межкультурная личность – это наиболее приемлемая мо-

дель развития индивидуума в современном поликультурном глобальном мире. Качества межкультурной личности предполагают, во-первых, наличие необходимых установок, таких как: любознательность и эмпатия, открытость к восприятию инокультурных ценностей, готовность отбросить предрассудки в отношении иной культуры, а во-вторых, – совершенствование и углубление приобретенных знаний: фактов и ценностных установок родной и иной культур; культурных кодов и ментальных особенностей восприятия Другого на основе художественного текста; специфики литературного художественного произведения в аспекте межкультурной проблематики; содержания литературных произведений в соответствии с национально-общегуманистическим комплексом проблем, тем и идей и др.

Именно межкультурный подход способствует как сохранению национально-культурных ценностей каждого из народов, так и взаимопониманию, а значит – налаживанию межнационального общения и диалога культур внутри социума.

Таким образом, для формирования межкультурной личности в условиях нашей республики необходима определенная реорганизация содержания литературного образования в рамках межкультурного подхода, что предполагает неразрывность двух компонентов – регионально-национального и мирового. Национальный компонент удовлетворяет потребностям этносов в сохранении, развитии и передаче своей культуры. Мировой компонент помогает человеку интегрироваться в общемировое культурное пространство.

Литература

Ионова И. А. Эскизы языковой картины мира русских жителей Молдовы. Кишинев, 2014. 371 с.

Леонтович О. А. Межкультурная трансформация личности В: Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: Мат-лы Международной научно-практ. конф. Красноярск, 2003.

Млечко Т. П. Русская языковая личность в поликультурном пространстве ближнего зарубежья. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2014.

Прокоп С. П. Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX века. Кишинев, 2014. 208 с.

Горбачева Н. А.

К проблеме формирования культуроведческой компетенции школьников в условиях полиэтнической Молдовы

Социальное развитие личности связано с приобретением собственного социального опыта, индивидуальных качеств и свойств, которые позволяют самостоятельно осуществлять коммуникативную деятельность, бесконфликтно взаимодействовать в различных ситуациях в поликультурном пространстве, решая разнообразные коммуникативные задачи. Поэтому одной из важнейших задач современной школы является формирование общекультурного багажа учащихся, особенно в ходе изучения предметов гуманитарного цикла, к которым, в первую очередь, относятся языки обучения, история, литература.

Целью обучения языкам на современном этапе школьного образования не должно быть формирование исключительно лингвистических знаний, умений и навыков. Основное внимание при изучении лингвистических дисциплин и литературы должно уделяться развитию социокультурной и культуроведческой компетенций, которые предполагают осознание того, что язык является не только средством познания и средством общения, но и формой социальной памяти, «культурным кодом нации», и включают в себя развитое умение сопоставлять факты языка и факты действительности; умение видеть культурный фон, стоящий за каждой языковой единицей; знание культуры, истории, традиций, обычаев своего народа и других народов, особенно в таком полиэтническом государстве, каким является Республика Молдова.

Культуроведческая компетенция предполагает также осознание ценности общения для установления взаимопонимания, в том числе между людьми (народами) – носителями различных языков и культур; осознание причастности к происходящему в семье, классе, школе, городе, стране, мире; умение принимать приемлемый в социокультурном плане способ вербального и невербального речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации.

С этих позиций в выпускных классах школ с русским языком обучения было проведено анкетирование с целью выявить, насколько учащиеся-выпускники владеют тем компонентом культуроведческой компетенции, который относится к истории, культуре, традициям, национальным феноменам, литературе молдавского народа. Это представляется особенно важным, поскольку выпускники русских школ являются гражданами Молдовы, должны активно вливаться в социум нашей страны, знать

ее культуру, историю и современность. И от того, насколько они будут владеть данными сведениями, во многом зависит их успех в обществе и достижения в профессиональной карьере. Следует отметить, что это поколение, выросшее и получившее образование в условиях независимой Молдовы.

В проведении анкетирования принимали участие около 100 учащихся: каждый участник должен был записать 8–10 имен, слов, словосочетаний, фраз в соответствии с требованиями каждого задания анкеты (всего 11 заданий): 1) Назовите имена исторических лиц Молдовы (национальные герои, общественные деятели, полководцы, представители различных профессий и занятий (кроме науки и культуры); 2) Назовите имена исторических и современных деятелей науки и культуры Молдовы (искусства, литературы и т. д.); 3) Назовите имена исторических и современных политических деятелей Молдовы; 4) Назовите исторические даты Молдовы (дата и название события); 5) Перечислите названия географических объектов Молдовы (города, реки, озера, горы и т. д.); 6) Перечислите этнокультурные наименования (из сферы молдавских праздников, быта, молдавской кухни, обрядов, обычаев и т. д.); 7) Назовите имена молдавских фольклорных и сказочных персонажей; 8) Запишите молдавские пословицы, поговорки, крылатые выражения, в которых заключен человеческий опыт; 9) Запишите названия произведений искусства (молдавская литература, живопись, кино, архитектура, музыка, балет); 10) и 11) Назовите лингвистические и литературоведческие термины.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что выпускники школ Республики Молдова с русским языком обучения знают широко известные имена исторических и современных политических деятелей Республики Молдова, имена деятелей науки и культуры, географические названия, более или менее ориентируются в этнокультурной принадлежности тех или иных лексических единиц, определении видов искусства. Содержательный состав ответов позволяет нам сделать вывод о том, что источниками фоновых знаний учащихся являются: уроки румынского языка и литературы, курс «История румын», СМИ на румынском языке, электронные источники информации, просмотр спектаклей на румынском языке, прослушивание музыкальных программ на румынском языке, а также общение в семье и со сверстниками. Общее количество учащихся, выполнивших все задания анкеты, составляло 90%. 5% учащихся не выполнили 8–11 задания, 5% – задания 4, 8. Среднее количество лексических единиц на одну анкету составляло 85, что свидетельствует о значительном уровне владения учащимися фоновыми знаниями. Наиболее полно были представлены лексические единицы в заданиях 1, 2, 5, 7, 8, 11.

Содержание ответов в заданиях 1 и 3 свидетельствует о том, что русскоязычным учащимся хорошо знакомы имена исторических и современных общественных и политических деятелей Молдовы. Среднее количество персоналий в каждой анкете – 7–8. Среди них чаще всего встречаются такие исторические имена, как Штефан чел Маре, Д. Кантемир, Александру чел Бун, М. Витязул, Т. Майореску, В. Пыркэлаб, П. Халиппа, Г. Бэнулеску-Бодони, а также имена широко известных политических деятелей современной Молдовы: В. Филата, М. Гимпу, Ю. Лянкэ, Д. Киртоакэ, В. Воронина, И. Додона. Реже представлены имена А. Матеевича, митрополита Дософтея, А. Маринеско, С. Лазо, К. Шмидта, из современных деятелей – М. Санду, З. Гречаный, В. Плахотнюка, И. Хадыркэ, И. Стурза. Наиболее частотные ошибки: смешение молдавских деятелей с деятелями других стран (Л. Брежнев, Н. Чаушеску, Петр I).

Анализ содержания также выявил, что в ответах к заданию 2 было указано самое значительное количество лексических единиц (около 140). В большинстве случаев это имена писателей, известных учащимся из школьного курса румынской литературы. Из художников чаще всего встречались имена К. Брынкуша, Н. Григорашенко, из композиторов – Н. Йорга, Е. Кока, Е. Дога, И. Алдя-Теодоровича. Много было названо имен представителей современного музыкального искусства Молдовы, что, безусловно, свидетельствует о вкусах и предпочтениях учащихся. Что же касается представителей науки, то в списках они оказались в абсолютном меньшинстве (85% опрошенных не назвали ни одного деятеля молдавской науки). Среди названных имен присутствовали имена Н. Тестемицану, Г. Дука, Н. Зелинского.

Содержательный анализ ответов к заданию 4 позволяет сделать вывод о том, что учащиеся чаще всего называют исторические даты, связанные с обретением Республикой Молдова независимости и суверенности (общее количество названных дат – 50), а также с периодом истории Молдовы 1918–1924, 1940–1992 гг. Из «дальних» исторических дат чаще всего встречается дата образования Молдавского княжества, аннексия Бессарабии Россией, Аккерманская конвенция. Однако встречается ошибочное отнесение к историческим датам Дня вина, Дня города, Мэрцишора. В анкетах встречались ошибки следующего характера: неверное название дат одного и того же события (образование Молдовы – 1353, 1359; упоминание о Кишиневе – 1436, 1446; Депортация в Молдове – 1945, 1949); указание дат, не относящихся к Молдове (1848 – буржуазная революция в Молдове; 1940 – мировая война).

Среди географических объектов Молдовы (названо 80 объектов) часто встречаются названия крупных городов, райцентров и рек, реже – названия озер. В некоторых случаях были названы малоизвестные гео-

графические объекты, связанные, скорее всего, с индивидуальным к ним отношением. Встречается ошибочное отнесение к географическим объектам Молдовы объектов других стран (Львов, Сучава). Также ошибочно относятся к географическим наименованиям историко-культурные объекты: Сорокская крепость, аллея классиков, парк Долина роз).

В ответах к заданию 6 было представлено значительное количество этнокультурных наименований (около 70) из различных сфер жизни и быта молдавского народа (праздники, обряды, кухня, обычаи, народные промыслы), из чего можно сделать вывод о значительной роли школьного курса румынского языка и литературы в формировании фоновых знаний учащихся, широком межкультурном общении учащихся, участии в различных этнокультурных мероприятиях. Чаще всего встречались такие названия, как хора, пеленица, сырба, жок, чимпой, флуер, чуляндра, вертута, кырнэцей, сэрамале, токмаж, мититей, фриптура, тулбурел, муст, кумэтра, поманэ, колинда и др. Однако в этом ответе был допущен и большой процент ошибок (отнесение к молдавским этнокультурным наименованиям таких лексических единиц, как вино, яблоки, голубцы, крестины, тефтели, плов, онучи и др.) Кроме того, в 30% анкет встречаются орфографические ошибки.

Участники опроса продемонстрировали хороший уровень знаний фольклорных и сказочных персонажей (задание 7). Во всех анкетах представлены имена героев молдавских сказок (всего около 30). Наиболее частотны имена Фэт-Фрумаса, Иляны Косынзяны, Пэкалэ и Тындалэ, Кэлина, Черного Арапа, бабы Клоанцы и др. Наряду с популярными фольклорными и сказочными персонажами в ряде анкет встречались такие имена, как Данилэ Препеляк, Балаур, Сатилэ, Бусуйок, Мумэ Пэдурий, Негру Водэ. Основная ошибка в ответах на это задание – включение в список персонажей авторских литературных сказок (Гугуцэ, Лучафэр). Возможно, это связано с широкой популярностью данных персонажей и постепенным стиранием из памяти литературного источника их происхождения. В 25% анкет встречались ошибки в написании имен собственных.

Следует отметить тематическое разнообразие пословиц и поговорок (около 90), представленных в ответах к заданию 8. Есть анкеты, в которых встречается до 12 пословиц. В большинстве своем это пословицы, отражающие различные стороны быта, характера молдавского народа. Значительная часть в смысловом отношении коррелирует с пословицами русского народа. Следует сказать, что большинство пословиц в анкетах представлено на румынском языке (только 5% респондентов переводили их на русский язык). В ряде анкет (38%) встречались орфографические и пунктуационные ошибки.

В ответах к заданию 9 также нашли отражение вкусы и предпочтения участников опроса. Было названо достаточно большое количество произведений искусства (около 150), однако 2/3 из них относилось к сфере художественной литературы и кино и лишь 1/3 – к другим видам искусства. В редких случаях встречались наименования памятников архитектуры. Что касается названий литературных и музыкальных произведений, то в ответах были представлены только самые известные классические произведения (писатели и поэты И. Крянгэ, М. Эминеску, Г. Виеру, И. Друцэ, Д. Матковски), реже назывались произведения таких авторов, как Л. Лари, М. Чимпой, Н. Дабижа, Е. Дога). Значительная же часть названий относилась к сфере современной музыки и кино, что опять-таки говорит о вкусах и интересах современных подростков.

Анкетирование показало, что учащиеся владеют лингвистической и литературоведческой терминологией (задания 10, 11) в рамках школьного курса румынского языка и литературы (всего было названо 80 лексических единиц). Только 5% респондентов не выполнили данные задания. Прежде всего встречались термины иноязычного происхождения (*metafora, epitet, poezie* и др.), но были включены понятия, характерные для терминологии румынского языка. К сожалению, в ряде работ (35%) встречались ошибки в написании имен собственных (Дадон, Киртока), названиях этнокультурных реалий (сармали, тумбурел, мартишор и т. д.), что свидетельствует о недостаточном владении орфографией румынского языка русскоязычными учащимися.

Таким образом, анкетирование продемонстрировало неравномерность владения фоновыми знаниями, представленными в различных тематических группах. Разумеется, приведенные статистические данные не дают основания делать вывод об общем уровне культуроведческой компетенции учащихся – выпускников школ с русским языком обучения (анкетирование касалось только определенного компонента этой компетенции). Однако совершенно очевидно, что уровень фоновых знаний о культуре молдавского народа (следовательно, и уровень культуроведческой компетенции) учащихся русских школ нуждается в совершенствовании: школьники должны знать и понимать значение национально-культурных феноменов и корректно их использовать в процессе общения. С этих позиций в системе современного языкового образования в русскоязычных школах Республики Молдова необходимо максимально внедрять и расширять следующие компоненты культуроведческой компетенции:

- знание и понимание собственной культуры, обуславливающей восприятие мира и поведение личности;

- осмысление картины мира иной социокультуры;
- позитивное отношение к изучаемому языку и его носителям, а также представителям других языков и культур;
- проведение в процессе обучения языку и на факультативных занятиях межъязыковых культурологических сопоставлений;
- умение видеть сходство и различие между общающимися культурами и использовать это знание в общении;
- готовность к решению конфликтов, отказ от предрассудков, умение справляться с неясными моментами в речи носителей языка;
- наличие умений и навыков межкультурного диалога.

Литература

Гончарук Е. Ю., Калачинская Е. В., Коновалова Ю. О. Лингвокультурная компетенция студентов в рамках проектирования учебного курса культурной грамотности. В: Педагогика, 2014, № 1.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Науч. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987.

Ионова И. А.

Макротопонимические концепты в картине мира жителей Республики Молдова

Вовлечение топонимики в сферу интересов концептологии является вполне закономерным, ибо собственные названия географических объектов в языковом сознании человека конкретизируют пространственные координаты его бытия, характеризуют его мировидение. В специальной литературе широко употребляются понятия «топонимическая картина мира», «топонимический концепт».

Концептуально значимым для человека может быть любой географический объект – мегаполис, переулок в нем, гора или родник за околицей села. Концептами в картине мира как отдельных индивидуумов, так и целых народов становятся и макротопонимы – имена собственные крупных географических объектов, природного происхождения либо созданных в результате деятельности человека. Это названия континентов, стран, регионов, исторических областей, провинций и т. п. (Азия, Сибирь, Бразилия, Прованс).

Признаки и структура топонимического концепта могут изменяться как под влиянием внешних обстоятельств, в связи с объективными изменениями самого концепта, так и в результате обогащения жизненного

опыта индивида. «В геоконцепте территория не присутствует исходно, а „появляется“ в процессе локализации топонима. <...> ретерриториализацию (смену территориального прикрепления) геоконцепта можно рассматривать как механизм его новой концептуализации» (В. Н. Калущков).

История распорядилась так, что локализация и ретерриториализация основных макротопонимов, концептуальных для жителей Республики Молдова, содержание и структура концептов обусловлены политической значимостью соответствующих территорий. Ретерриториализацию претерпело само имя страны, поэтому названия *Молдова* и *Республика Молдова* даже в официальных сферах употребляются как синонимичные, что, конечно, не вполне корректно. Историческая территория с этим названием в настоящее время (с 1859 г.) разделена на две части: государство РМ и Молдова – область Румынии между Восточными Карпатами на западе и рекой Прут на востоке. Фактором ретерриториализации топонима *Молдова* стало и образование непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, которая в обиходе называется Приднестровьем.

Ярким примером «новой концептуализации» является история макротопонима *Бессарабия*, который иногда также употребляется как синоним названия *Молдова* (территория). В XIX и первой половине XX вв. так называли географическую область в треугольнике между реками Днестр, Прут и Черным морем. На сегодняшний день исторический район Бессарабии большей частью занимает Республика Молдова, включая АТО Гагаузия. Южная часть Бессарабии входит в состав Одесской области Украины. До последнего времени в России название *Бессарабия* упоминалось преимущественно в исторических исследованиях. Но сегодня описывать этнические и социокультурные процессы в регионе, не обращая к этому, по сути, географическому историзму, вряд ли возможно. В Республике Молдова понятие является чуть ли не запретным для некоторых политических сил страны. Для граждан, которые колеблются с определением своей этнической идентичности как молдавской или румынской, этноним *бессарабец* оказался своего рода компромиссным решением.

Указанный макротопоним стал актуальным для населения всей территории исторической Бессарабии. 6 апреля 2015 г. в Одессе была учреждена Народная Рада Бессарабии, как представительный орган с целью защиты интересов национальных меньшинств региона. Свою миссию Рада видит в том, чтобы Бессарабия получила статус национально-культурной автономии, а входящие в нее общины (болгарская, гагаузская, русская, украинская, цыганская, молдавская, польская) были достойно представлены в политической и экономической жизни Украины.

Поскольку сформировавшаяся в течение столетий поликультурность включена в картину мира населения молдавской части Бессарабии, идея

этнической консолидации оказалась привлекательной и для жителей Республики Молдова, представители которой присутствовали на учредительной конференции Рады в качестве гостей.

Батаева О. И.

О проблемах сохранения духовного и историко-культурного наследия А. С. Пушкина в Молдове (Из истории музеефикации пушкинских мест)

Творчество А. С. Пушкина является объектом всемирного наследия, поэтому все, что связано с его именем, может рассматриваться не только в европейском, но и во всемирном контексте.

Основные этапы увековечения памяти о пребывании А. С. Пушкина на молдавской земле в 1820–1823 гг. связаны в основном с его юбилейными датами. В Бессарабии в XIX – начале XX вв. это следующие события: открытие памятника А. С. Пушкину в Кишиневе 26 мая 1885 г., переименование улицы Губернской в Пушкинскую к 100-летию юбилею поэта, создание Пушкинских аудиторий в Кишиневе (1900) и Бендерах (1902). В 1937 г., в связи со 100-летием со дня смерти поэта, на левой стороне пьедестала памятника в Кишиневе, в дополнение надписи на русском языке, были выгравированы строки из стихотворения «К Овидию» на молдавском языке (на кириллице) в переводе писателя Н. Костенко: «Ку лира нордикэ дынд глас пустиетэций, ам рэтэчит аичь» («Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я»).

Новый этап в сохранении духовного и историко-культурного наследия А. С. Пушкина на молдавской земле начался после окончания Великой Отечественной войны: в 1945 г. Молдавскому государственному театру в Кишиневе было присвоено имя А. С. Пушкина, в 1946 г. Правительство Молдавской ССР приняло постановление об открытии Дома-музея А. С. Пушкина в Кишиневе, в 1949 г. имя поэта было присвоено столичной школе № 2 (ныне лицей им. А. С. Пушкина). Особое значение в сохранении духовного и историко-культурного наследия А. С. Пушкина и в истории пушкиноведения получил 1949 г. – год широкого празднования 150-летия со дня рождения поэта. В 1949 г. в ознаменование юбилея А. С. Пушкина Президиум Академии наук СССР постановил проводить ежегодные всесоюзные Пушкинские конференции для подведения итогов изучения жизни и творчества великого русского поэта. С 1954 по 1960 гг. в Кишиневе и Одессе ежегодно проводились конференции пушкиноведов юга. Наряду со всесоюзными, эти конференции должны были

также служить делу координации работ советских пушкинovedов, ставить проблемы дальнейших исследований в области пушкиноведения и содействовать популяризации творчества Пушкина. Их работа придала мощный импульс научно-исследовательской деятельности целого поколения литераторов, критиков и музейщиков. Доклады были опубликованы в двух сборниках «Пушкин на Юге: Труды Пушкинских конференций Кишинева и Одессы», выпущенных в Кишиневе в 1958 и 1961 гг. Один только перечень имен ученых, принимавших в них участие, говорит о высоком уровне проводимых конференций: Г. Ф. Богач, И. Т. Борщ, И. К. Вартичан, Л. Н. Оганян, Н. А. Пауков, К. Ф. Попович, Б. А. Трубецкой, Т. Г. Цявловская и многие другие известные исследователи.

Нами будет рассматриваться период с 1946 г. по настоящее время. Самым оптимальным вариантом сохранения мемориального наследия является музеефикация – направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру.

Своим появлением кишиневский Дом-музей А. С. Пушкина обязан пушкинисту Борису Алексеевичу Трубецкому, который стал и его первым директором. Бывший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома), попав после освобождения Молдавии в Кишинев, отыскал первое место жительства поэта, чудом уцелевшее среди руин. Это был бывший заезжий дом русского купца И. Н. Наумова по улице Антоновской, 19, где опальный стихотворец жил с 21 сентября до середины ноября 1820 г. Всего лишь через год после окончания Второй мировой войны, 31 мая 1946 г. Правительство Молдавской ССР приняло постановление № 498 об открытии Дома-музея А. С. Пушкина «в целях увековечения пребывания великого русского поэта А. С. Пушкина в Кишиневе (1821–1823 гг.) и развертывания научно-исследовательской работы по изучению этого периода» (Трубецкой, 1990, 95). В своей знаменитой монографии «Пушкин в Молдавии» Б. А. Трубецкой писал, что музей был создан при поддержке писателей Андрея Лупана, Емелиана Букова и молдавского комсомола. Из архива ученого, переданного в музей, стало понятно то, о чем он умолчал: ключевую роль сыграл К. У. Черненко, возглавлявший в послевоенные годы отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Он боготворил Пушкина и использовал свое влияние для скорейшего открытия кишиневского музея.

Мемориальное здание было в плачевном состоянии – обветшали стены, провалилась крыша, кругом были одни развалины. После воскресни-

ков, проведенных членами Союза писателей Молдавии, и реставрации, которую возглавил архитектор Федор Петрович Наумов, домик Пушкина был готов принять посетителей. Своих экспонатов у нового музея не было. На помощь пришли коллеги из Пушкинского Дома – они подготовили первую экспозицию и подарили экспонаты, среди которых превосходные копии знаменитых портретов Пушкина кисти В. А. Тропинина и О. А. Кипренского, копия бюста работы И. П. Витали, посмертная маска поэта. Кроме того, были подарены почти 700 единиц вспомогательного фонда, на которых была построена экспозиция о жизни и творчестве великого русского поэта. В День памяти А. С. Пушкина, 10 февраля 1948 г., музей был торжественно открыт для посетителей, сразу став любимым и притягательным местом для кишиневцев и гостей города.

Основные вехи истории музея: в 1964 г., когда директором был А. В. Сухомлинов, с помощью ленинградских коллег из Всесоюзного музея А. С. Пушкина, состоялось открытие филиала в селе Долна (в советское время село было переименовано в Пушкино). В 1970 г. скульптурный портрет молодого Пушкина, выполненный известным ленинградским скульптором М. К. Аникушиным, украсил сквер кишиневского музея. В 1972 на территории усадьбы в селе Долна был торжественно открыт памятник Пушкину работы О. К. Комова (копия этого монумента украшает одну из площадей Мадрида). В 1987 г., под руководством директора Е. Г. Сугак и при поддержке председателя Совета Министров республики, видного политика и экономиста И. Г. Устиана, был создан музейный комплекс. В центре его находятся мемориальный домик и сквер, а ограждают его строение второй половины XIX в., в котором располагается литературная экспозиция, и здание, где должны были разместиться научная библиотека и фондохранилище. Тогда же была открыта фондовая выставка «Пушкин и его эпоха», подготовленная при участии московских коллег. В 1993 г. музей с большим успехом экспонировал международную выставку «Puşkin în oglinda Basarabiei» в музее румынской литературы «Casa Pogor» в Яссах. С 1993 по 2005 гг. в Доме-музее проводились международные научные конференции, в которых принимали участие не только молдавские исследователи, но и видные пушкинисты России, Украины и Румынии. В 1999 г., к 200-му юбилею А. С. Пушкина, в музее была открыта основанная на подлинных материалах экспозиция, посвященная трехлетнему пребыванию А. С. Пушкина в Молдавии, – «Твоей молвой наполнен сей предел...». Осуществить это удалось только благодаря помощи Российского Посольства и личному участию Посла России А. В. Папкина. В 2014 г., к 50-летию долнинского музея, в филиале была открыта новая экспозиция, знакомящая с хозяевами усадьбы и их знаменитыми потомками, с пребыванием в этих краях в 1821 г. А. С. Пушкина

и историей создания поэмы «Цыганы». Тогда же с помощью Посольства России были проведены работы по благоустройству усадьбы и территории музея в Кишиневе.

В планах по увековечению памяти А. С. Пушкина на молдавской земле было также создание заповедной зоны «Пушкинский Кишинев», включающей музей с прилегающими улицами общей площадью 44 гектара (постановление Совета Министров от 10.02.1984 г. и решение Кишиневского горсовета от 24.06.1984). Более десяти лет на балансе Дома-музея находился бывший дом вице-губернатора Тудора Крупенского (ныне новодел на улице Колумна, 100), где предполагалось воссоздать «театральную залу» и разместить монографическую экспозицию о жизни и творчестве А. С. Пушкина. Планировалась также музеефикация здания бывшей мадонской ложи с целью создания музея южных декабристов (ул. Б. П. Хашдеу, 2). Планы эти не удалось осуществить в силу всем известных причин: развала Советского Союза, экономического кризиса и нового курса национальной политики независимой Молдовы. Более того, в 1995 г. усадьба в селе Долна была передана на баланс местных властей, в результате чего здание пришло в полное обветшание. Только через семь лет, в 2002 г., благодаря помощи российской компании, удалось его отреставрировать и вновь открыть музей. С 2010 г. идет стройка многоэтажного жилого комплекса вблизи комплекса кишиневского музея. Сегодня те, от кого зависит его будущее, заявляют: «Музей надо реформатировать! Надо еще разобраться, жил ли там Пушкин!»

Подробные доказательства того, что именно бывший дом Наумова был первым местом жительства поэта в Кишиневе, привел в своей монографии, в главе «Домик Пушкина», профессор Б. А. Трубецкой. Его исследования успешно продолжил кишиневский историк П. Старостенко. Спустя 70 лет после создания музея находятся новые подтверждения тому, что Пушкин жил в наумовском флигеле. Они содержатся и в книге бывшего контрразведчика Леонида Иванова, освобождавшего Кишинев: «В августе 1944 года началось успешное наступление на Кишинев. Наши войска быстро продвигались вперед, и вскоре Кишинев был освобожден. <...> Мне запомнилось посещение домика, где когда-то останавливался наш великий и гениальный предок – А. С. Пушкин» (Иванов, 2009, 78).

Необходимо внести ясность в одну цитату из монографии Б. А. Трубецкого, которая стала аксиомой: «Сохранились только два дома, в которых жил Пушкин: последняя квартира в Ленинграде, Мойка, 12 и дом в Кишиневе» (Трубецкой, 1999, 95). Монография Трубецкого выдержала шесть изданий (последнее – 1999 г.), и эта фраза успешно перекочевывала из одного в другое, прочно укоренившись в сознании нескольких поколений. Это утверждение было верно в 1949 г., когда впервые вышла книга

«Пушкин в Молдавии», да и то лишь отчасти – в 1938 г. по инициативе известного пушкиниста Б. В. Томашевского был создан музей Пушкина в Гурзуфе, в доме, где поэт жил с семьей генерала Н. Н. Раевского. Это здание было сооружено в 1811 г. герцогом де Ришелье и является самой старой европейской постройкой на Южном берегу Крыма. К счастью, здания, в которых жил поэт, сохранились и в других местах, но были музеефицированы позже. Перечислим их названия и даты открытия: Литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина в Одессе – 1961 г., «Мемориальная квартира А. С. Пушкина на Арбате» в Москве – 1986 г., Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас» – 1988 г., Музей-усадьба «Полотняный Завод» – 1999 г. В Петербурге сохранились здания, связанные с именем Пушкина, и по другим адресам, на девяти установлены мемориальные доски. Эту тему подробно и доказательно осветил в своей статье «Новые пушкинские адреса в Петербурге» известный российский литературовед, исследователь творчества А. С. Пушкина Вадим Старк (Старк, 1995).

Надо понимать, что наличие других подлинных домов, в которых жил великий поэт, никак не умаляет значение кишиневского домика – о его неповторимом своеобразии и особой ауре, царящей в нем, говорят все, кто посещает его впервые.

В 2006 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между пушкинскими музеями и создано Сообщество пушкинских музеев – объединение литературно-мемориальных и историко-краеведческих музеев, рассказывающих о жизни и творчестве А. С. Пушкина, местах, где жил или бывал поэт, предках и потомках, а также литературных героях его произведений. В настоящее время в Сообщество входят 22 организации со множеством филиалов и отделов. В 2012 г. его членом стал Дом-музей А. С. Пушкина в Кишиневе. В прошлом году музей принял участие в подготовке совместной экспозиции пушкинских музеев в Москве (ул. Пречистенка, 12/2). Теперь там есть материалы, посвященные кишиневскому музею. Координатором межмузейной работы выступает Государственный музей А. С. Пушкина. Стратегическое направление деятельности Сообщества пушкинских музеев состоит в координации и поиске новых форм работы по популяризации творчества А. С. Пушкина. Главной задачей является развитие взаимного сотрудничества в области научной, методической, просветительской, выставочной, издательской и культурной деятельности.

Учитывая натиск в республике на все русское: язык, культуру, образование, пока неизвестно, как будет впредь осуществляться взаимное сотрудничество. Проблем много. Они касаются и Дома-музея А. С. Пуш-

кина, и туристической отрасли. В частности, ни одна из многочисленных туристических фирм республики не предлагает некогда очень популярный маршрут по пушкинским местам Молдовы.

Однако работа по сохранению духовного и историко-культурного наследия А. С. Пушкина в Молдове успешно продолжается. 21 сентября 2015 г., к 195-й годовщине приезда Пушкина в Молдавию и 115-й годовщине создания Пушкинской аудитории в Кишиневе, в Российском центре науки и культуры в Республике Молдова была открыта Пушкинская аудитория – культурно-образовательный центр, уже ставший известным в среде Международного содружества пушкинских музеев. Пушкинская аудитория включает зал с фотовыставкой «Пушкинские места Молдавии», Пушкинский лекторий и раздел «Пушкиниана» в библиотеке РЦНК. Деятельность центра направлена на популяризацию творчества А. С. Пушкина; приобщение детей, молодежи и старшего поколения к пушкинскому наследию; сохранение русского языка и русской культуры; духовного и историко-культурного наследия русских на молдавской земле; осуществление научно-практической помощи школьным пушкинским музеям и создание новых музеев в учебных заведениях республики, носящих имя А. С. Пушкина; поддержание творческих и деловых контактов со специалистами пушкинских музеев России. В рамках работы Пушкинской аудитории ежемесячно проводятся различные мероприятия: фестивали, выставки, конкурсы, музыкально-литературные вечера и встречи с представителями творческой интеллигенции, посвящение в лицеисты и гимназисты.

К сожалению, ни самые интересные лекции, ни виртуальные экскурсии не могут заменить той неповторимой атмосферы, которую создают подлинные вещи прошлых столетий, стены мемориальных домов, хранящие память о великих людях. Поэтому сохранение исторических мест – наш общий долг перед будущими поколениями. «Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культурного прошлого без разбора и „суда“. Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры. Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении» (Д. С. Лихачев).

Литература

Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев: Литература артистикэ, 1999.

Иванов Л. Г. Правда о «СМЕРШ». М.: Яуза, Эксмо, 2009.

Старк В. П. Новые пушкинские адреса в Петербурге. В: Временник Пушкинской комиссии. АН СССР, ОЛЯ, Пушкинская комиссия. Вып. 26. СПб.: Наука, 1995.

Кушниренко В. Ф.

Сиявший в славе, позабытый и воссиявший в наши дни

Так можно сказать о князе Павле Ивановиче Долгорукове (Долгоруком), который был известен в Кишиневе как глуховатый, малообщительный коллежский советник, чиновник Попечительного комитета о колонистах южного края России, который возглавлял наместник Бессарабской области генерал-лейтенант И. Н. Инзов.

Павел Иванович был старшим сыном известного в свое время поэта, князя Ивана Михайловича Долгорукова. У него было два брата – Александр и Дмитрий. С детства он развивался медленно. Но все это было незаметно, ибо ребенком, как было принято в те времена, Павлуша автоматически получал чины в лейб-гвардии Конном полку. Однако в восемь лет ему стали искать «школу», «хорошего иноземца» для обучения. И тут выяснилось, что мальчик слишком «прост». Павел стал служить. 12 лет службы были скучными и малозначимыми. 1 августа 1821 г. князь оказался в провинции, в Кишиневе, в Попечительном комитете о колонистах южного края России. Но при Инзове служба у князя, бывшего старшим членом Комитета, тоже не задалась. О Павле Ивановиче никто бы не вспомнил, если бы в его жизни не произошло двух значимых событий.

Дело в том, что во время службы в Кишиневе с 1 августа 1821 г. по 31 августа 1822 г. князь, живя неподалеку от Инзова, от Комитета, от Благовещенской церкви, вел дневник, и все подробно записывал в него: каким был Кишинев, что в нем примечательного, каковы тут традиции, обычаи, нравы, кто бывал у Инзова, о чем беседовали за столом, как в этих обедах и беседах участвовал А. С. Пушкин, живший в доме Инзова. И еще многое, многое другое. Старая тетрадь с названием «35-ый год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья» была найдена случайно и частично опубликована В. Д. Бонч-Бруевичем в «Правде» лишь в 1936 г.! Дневник был изучен пушкинистами и опубликован с комментариями в журнале «Звенья» (т. IX, 5-20) только в 1951 г., то есть спустя 130 лет. И эта публикация стала не просто сенсацией, она навсегда обессмертила имя скромного чиновника из кишиневского окружения Пушкина как замечательного мемуариста.

Публикуя в 1999 г. дневник Долгорукова в своей двухтомной Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина «В стране сей отдаленной...», я нередко задумывался над теми текстами, которые привели меня, в конце концов, ко второму поступку, не менее значимому и яркому в судьбе князя. Вот эти тексты в Летописи 1822 г. (Кушниренко, том 2, 32-101).

«21. 22. 23 (генваря). Навещали меня правитель канцелярии и Литке <...>. Литке играл со мною на клавикордах». «2 (февраля). Какой-то проезжий по здешнему краю виртуоз давал концерт на скрипке, а жена его танцевала персидскую пляску. – В печатной афише поставлены имена Бальо, Ромберга и Боальдьё, но все это меня не взманило. Можно ли ожидать чего-нибудь порядочного в роде искусств среди молдаван, в Кишиневе? – всего было 8 человек в концерте, как я узнал после» «2 (марта). Провел весь день дома и разбирал полученные от дяди бумаги. Вечеру приходили ко мне Литке и экзекутор наместничьей канцелярии Архангельский – два знаменитейшие здешние виртуозы». «18 (июня). Был без обеда, ибо опоздал к наместнику, а у себя дома ничего не приготовил. Вечеру занимался музыкою. Архангельский на скрипке, а Гауталь на виолончели драли мои уши. Несмотря на то, мне было веселее многих других часов. В глуши надобно уметь пользоваться тем, что есть». «29 (июня). <...> остался дома и благодаря музыке провел несколько часов приятных. Архангельский, Гауталь, Вернер и Газе составили у меня вечером квартет, который сыгран довольно удачно» «16 (июля). Давал музыкальную вечеринку для Фадеева». «25 (июля). Приезжая труппа актеров являлась сегодня к наместнику <...>. Французы эти, потешавшие его сиятельство (Ланжерона – В. К.) в Одессе, на обратном пути думали остановиться в Кишиневе и выручить сколь-нибудь денег, не ведая того, что бывшая зимою ясская труппа немецких актеров с трудом рассчиталась в долгах и кое-как убралась отсюда к австрийской границе. Молдаване, кроме барабана турецкого и жидовских цимбалов, ничего ценить не умеют в роде искусств, а денег и за то, что им нравится, дают весьма неохотно <...>. Инзов, конечно, мог бы как начальник поддержать хороших художников и тем дать пример всему городу, но он, не будучи охотник до собраний и сходок людских, насмехаясь над музыкою и театром, все блаженство будущих дней своих поставил в саду и кабинете» «26 (августа). Я во всю мою жизнь не покупал вдруг столько листов гербовой бумаги, сколько пошло ее на днях для выдачи мне свидетельства о беспрепятственном пропуске через Дубоссарскую таможенную купленного мною фортепиано». Чтобы правильно понять и прокомментировать эти тексты, вспомним один момент из детства Павла. Его отец считал, что успешнее всего дела у Павла и его братьев пошли на занятиях музыкой, у «клавикордного мастера» Пуло. Уникальные способности молодой князь

П. И. Долгоруков серьезно развил на занятиях Д. Шпревица, преподававшего музыку в Московском университетском благородном пансионе. И это следует иметь в виду, чтобы понять причины, настроения и характер музыкальных увлечений князя в Кишиневе.

Князь был очень рад, найдя в нашем городе, принимая на квартире, устраивая тут музыкальные вечера с такими прекрасными виртуозами, какими были чиновник инзовской канцелярии Константин Петрович Литке, 30-летний учитель музыки в доме боярина Замфираки Ралли (фортепиано); экзекутор инзовской канцелярии Архангельский (скрипка); Гауталь (виолончель), Вернер и Газе. Завидую судьбе Фадеева, старшего члена Екатеринославской конторы Комитета, награжденного в Петербурге орденом св. Владимира 4 ст., Долгоруков не удержался и устроил в его честь, по-родственному (Фадеев был по отцу дальним родственником), целую музыкальную вечеринку. Но почему он с таким раздражением пишет о «каком-то» виртуозе, давшем в Кишиневе «концерт на скрипке»? Ведь в концерте звучали не простые имена: Пьер Мари Франсуа де Саль Бальо (1771–1842) – известный французский виртуоз, скрипач и композитор, Бернхарт Генрих Ромберг (1763–1841) – немецкий виолончелист-виртуоз, композитор, Франсуа Буальдьё (1775–1834) – популярнейший французский композитор, автор многих пьес.

Вот здесь надо подробно остановиться на том, чего мы не знали, или что знали, но не придавали этому особого значения. В поисках ответов на многие вопросы я вышел недавно на статью Н. А. Рыжковой (2012, № 5). По ее признанию, «своеобразным летописцем военных событий стал князь Павел Иванович Долгорукий (Долгоруков), написавший целый ряд маршей для фортепиано (они были изданы в годы войны)».

Даже одно перечисление того, что написал князь П. И. Долгоруков в период Отечественной войны 1812 г., впечатляет так, что дух захватывает. Но все это было не только написано! Оно звучало в те дни, оно вдохновляло и воинов, и общество. И, конечно, князь имел право и гордиться сделанным, и с обидой смотреть на тех, кто так быстро забыл, или не помнил, не знал его сочинений здесь, в Кишиневе.

«Марш на смерть Генерал Майора Кульнева, павшего со славою за отечество в сражении против французов 20-го июля 1812 года. Сочинен к(нязем) Павлом Долгоруким»; «Марш на смерть генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона, посвященный большой действующей армии к(нязем) Павлом Долгоруким»; «Марш на смерть генерала Моро=Marche funèbre sur la mort du général Moreau. Сочинен к(нязем) П. Долгоруким»; «Марш на вшествие российской армии в Вильну 1812 года 5 декабря. Посвященный его светлости господину генерал-фельдмаршалу главнокомандующему всеми армиями и всех российских

орденов кавалеру князю Михаилу Ларионовичу Кутузову-Смоленскому к(нязем) Павлом Долгоруким»; «Марш на взятие российскими войсками Полоцка, посвященный господину генералу от кавалерии графу Петру Христиановичу Витгенштейну и всем храбрым сподвижникам его князем Павлом Долгоруким»; «Марш на победу при Кацбахе, сочиненный и посвященный королевско-прусскому генерал-фельдмаршалу князю Блюхеру-Вальштатскому к(нязем) П. Долгоруким»; «Марш на взятие Варшавы, сочиненный и посвященный господину генералу от инфантерии Милорадовичу к(нязем) Павлом Долгоруким».

Под названием «Траурный марш на смерть Багратиона» марш Долгорукова, в исполнении Константина Никитина на фортепиано, издан в Петербурге в 2002 г. Этот марш имеет связь с князем Петром Петровичем Долгоруким (1777–1806), родственником П. И. Долгорукого, сверстником и приближенным Александра I. Перед началом войны с Наполеоном П. П. Долгоруков ездил в Берлин, чтобы закрепить дружественные отношения с Пруссией и подготовить союз против Франции. Перед Аустерлицким сражением русский император отказался от встречи с Наполеоном и послал к нему Долгорукова. В этой битве князь вел себя достойно, командуя пехотой корпуса П. И. Багратиона. В 1806 г. он осматривал на нашем юге армию, готовившуюся к действиям против турок.

Пушкин знал многих из самых близких П. И. Долгорукова – его отца, Ивана Михайловича (1764–1823), тайного советника, бригадира, губернатора Пензы, Владимира, почетного члена Московского университета, автора стихотворений, пьес и опер; жену с 1823 г. Павла Ивановича – Елизавету Петровну Голицыну (1800–1863); его братьев – Александра и Дмитрия. Дмитрий с июня 1819 г. был чиновником Коллегии иностранных дел, с апреля 1820 г. – сотрудником русского посольства в Константинополе, дослужился до сенатора. 2 августа 1821 г. российское посольство покинуло Константинополь, прибыло в Одессу, включая второго советника С. И. Тургенева и помощника секретаря князя Д. И. Долгорукова. Узнав, что брат в Одессе, Павел Иванович отпросился у Инзова в отпуск и несколько дней провел там с братом. Между тем, 17 августа из Одессы С. И. Тургенев отправил Пушкину письмо. Но поэт прочитал его только 19-го, по возвращении из Долны. 21 августа он ответил Тургеневу словами «Перед вами я виноват...». Тут же сообщил, что с радостью приехал бы в Одессу, да в карантине – «Инзов не выпустит меня». И вздохнув, с грустью заключил: «...а Долгоруков меня забыл». Речь шла о Дмитрии (Кушниренко, 1999, т. 1, с. 329).

Павел Иванович Долгоруков, как видим, заслуживает более достойной памяти на молдавской земле.

Литература

Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья. В: Звенья. Т. IX. М., 1951.

Долгоруков П. И. Траурный марш на смерть Багратиона. В: «Гром победы, раздавайся!»: песни и марши Российской Императорской Армии. Спб., 2002.

Кушниренко В. Ф. «В стране сей отдаленной...» Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Киеве и Одессе и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 года по 1 августа 1824 года. Новое издание в 2-х тт. Т. 1 – 1820, 1821 гг. Т. 2 – 1822, 1823, 1824 гг. Кишинев, 1999.

Рыжкова Н. А. Музыкальная летопись Отечественной войны 1812 года. В: Искусство музыки: теория и история, 2012, № 5.

Рацеева Е. В., Ткачук Е. М.

Ценностно-смысловое содержание концепта Родина у студенческой молодежи Республики Молдова

На сегодняшний день существует много работ, посвященных как теоретическим исследованиям в области концептологии, так и детальному изучению отдельных концептов. Не углубляясь в детальное представление теоретических выводов, перечислим некоторые, актуальные для нашей статьи.

1. Концепты – это единицы, с помощью которых моделируется картина мира. Это ментальные образования, составляющие категориальную сетку ценностно-смыслового пространства языка (Алефиренко, 2004); «концепты – как бы ступки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 1997, 40).

2. Это категория антропоцентричная и операциональная, отражающая действительность отчасти субъективно, а до большой степени социально и этнокультурно обусловленно (Степанов, 1997, 40).

3. Концепты, в отличие от понятий, не только мыслятся, как понятия, но и переживаются, отражая человеческие эмоции, симпатии и антипатии, а иногда и столкновения (Степанов, 1997, 41).

4. Согласно теории многоярусной организации концепта, в нем выделяют три основных слоя: а) «активный» (актуальный) – своего рода верхушка айсберга – основной, очевидный для всех ныне живущих людей признак концепта, позволяющий апеллировать к нему и оперировать им даже обыденному сознанию; б) «пассивный» (исторический, фоновый), включающий его дополнительные признаки, – «кристаллизация» его

важнейших осмыслений и толкований в различные культурные эпохи (Алефиренко, 2004, 127); в) внутренняя форма, или этимологический признак концепта, – его смысловое первоначало (Алефиренко, 2004, 127).

5. По мнению ученых, концепт имеет многослойную ядерно-периферийную структуру, которая ясно проявляется через три абстрактных слоя: понятийный (фактуальный), образный и ценностно-смысловой (Воркачев, 2001, 48). Понятийный контур содержится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться непосредственно, так как есть. Образный и ценностно-смысловой слои являются невербальными и зачастую больше затрагивают бессознательное, поэтому их возможно лишь описывать. Понятийный слой лежит на поверхности, для его определения можно воспользоваться, к примеру, «толковым словарем», но ядерную часть концепта составляют именно образный и ценностно-смысловой слои, для их определения необходимо прибегать к тем или иным методам исследований (Карасик, Слышкин, 2001, 76).

6. На данный момент ассоциативный эксперимент считается максимально точной технологией анализа особенностей языкового сознания того или иного народа или группы, а данные, полученные в результате проведенного эксперимента, могут быть интерпретированы как отражение сознания представителей различных культур – этнических или социальных (Джамбаева, 2013). Наиболее частотные реакции определяют ядро концепта. Реакции на стимул, которые встречаются 2 и более раз, определяются как стереотипные. Одиночные квалифицируются как нестандартные, представляющие периферию концепта и, одновременно, поле потенциального развития концепта. Взаимовстречаемость реакций обозначает устойчивость связей между компонентами концепта, когда 1 реакция влечет за собой другую (Джамбаева, 2013).

7. Прекрасным дополнением инструментария является классификация данных ассоциативного эксперимента по Залевской (Джамбаева, 2013), которая позволяет выявить: А) *Понятийный слой концепта* (1-я группа реакций, представляющая реализацию денотативного значения слова-стимула; 2-я группа реакций, представляющая актуализацию референта). Б) *Образный слой* концепта, соответственно, получим в результате описания и интерпретации реакций 3-й группы, которые представляют актуализацию наглядных образов или представлений, отражающих типичные ситуации функционирования исследуемого нами концепта, выражающие актуальное его действие или состояние. В) *Ценностно-смысловое содержание* концепта выявляет 5-я группа реакций, которая своеобразно сопрягается с 4-й группой (эмоциональный компонент значения) и со всеми остальными группами.

О специфике концепта *Родина* в сознании человека упоминают многие авторы. С. Г. Воркачев отмечает: «Нет чувства работы/природы/искусства, но есть чувство родины, „святей и чище” которого „людям никогда не обрести” <...>; как с близким и любимым существом с РОДИНОЙ различаются, по ней тоскуют, ей изменяют <...>» (Воркачев, 2006, 27). Специально и сущностно концепт *Родина* рассматривается в работах И. Сандомирской «Книга о Родине» (2001) и С. Воркачева «Слово „Родина”: значимостная составляющая лингвоконцепта» (2006). Именно на примере концепта *Родина* И. Сандомирская дает свое объяснение, что есть концепт вообще (все тексты о Родине – существующие, существовавшие и потенциально возможные; все, что об этом может быть сказано и понято в определенной культуре, вплоть до границы такого понимания: «Так по-русски не говорят») и иллюстрирует содержание этого концепта через известную песню В. Баснера на слова М. Матусовского «С чего начинается Родина» (Картинка в букваре, хороший и верный товарищ, живущий в соседнем дворе, песня матери и т. п., в том числе актуализируется РОДИНА как коллективная духовная ценность, как то, что «в любых испытаниях у нас никому не отнять»).

В указанной работе С. Г. Воркачева (2006) рассматривается история изучения русского концепта *Родина*, его содержание «тогда и сейчас» и аргументированно представляется современное состояние концепта. По мнению исследователя, лингвокультурный концепт *Родина* – это **сущность идеологическая** в том смысле, что в нем отражаются представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве. Воркачев подчеркивает, что концепт *Родина* латентно этнонимичен: в нем в «свернутом» виде присутствуют взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культуры и оценка собственно «национального характера» (Воркачев, 2006).

Говоря об эволюции концепта *Родина*, С. Воркачев аргументированно показывает серьезные изменения концепта со времен распада СССР в российском социокультурном контексте, в частности изучение контекстов употребления со всей очевидностью проявляет процесс десакрализации концепта *Родина*: от культового, исполненного патриотического пафоса контекста во времена СССР до преимущественно иронических, подчас «стёбовых» контекстов в российском дискурсе начала XXI века (Воркачев, 2006, 28).

В данном исследовании представлены в общем виде результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в русскоязычных группах 5 университетов РМ – Госуниверситета, Славянского, Тараклийского, Тираспольского и университета ВАШ. Всего было обработано 50 анкет, общее количество реакций на стимул *Родина* – 500. Актуальность такого

исследования определяется прежде всего тем, что речь идет о поколении, сформировавшемся в сложных и противоречивых условиях постсоветской Республики Молдова. Гипотетически предполагалось, что ценностно-смысловое содержание концепта *Родина* у студенческой молодежи отразит неоднозначность и противоречивость на дискурсивном и содержательном уровнях, с характерным обострением оппозиции свой–чужой.

Исследование концепта *Родина* посредством цепочного ассоциативного эксперимента и последующего количественного, качественного и корреляционного анализа полученных данных позволило выявить многослойную ядерно-периферийную структуру, описать особенности его понятийного, образного и ценностно-смыслового контуров.

На понятийном уровне ассоциативное поле концепта *Родина* у русскоязычной молодежи содержит гораздо более богатый спектр значений, чем словарный контур этого концепта (все толковые словари дают 2 значения и оба связаны с местом: а) родная страна (сторона), отечество; б) место рождения чего-либо или кого-либо.) По материалам ассоциативного эксперимента *Родина* – это не только место, но и семья, дом, люди, государство, природа, еда, и др.

Образный слой концепта представлен 199 ассоциациями, которые тематически заполнили группы, объявленные на понятийном уровне (место: Кишинев, Штефан чел Маре, Боюканы, переулок, базар; люди: семья, молдаване, знакомые, соседи, учитель...; природа: холмы, поля, Днестр, солнце... и т. п.

Ценностно-смысловое содержание концепта непосредственно представлено в 134 реакциях (наиболее частотные – *мир, мирная жизнь, свобода, работа, память предков, язык, правда, история, христианство, равноправие, многонациональность, обычаи, праздники, защищенность, здоровье* и др.). Кроме того ценностно маркированы также многие из реакций образного слоя. Причем отрицательная коннотация встречается всего 9 раз – *нестабильность, коррупция, безработица, жулики, ограниченность* и др.

Очевидной доминантой, ядром концепта *Родина* у русскоязычных студентов Молдовы проявлена **семья: 90 ассоциаций** связаны с ней напрямую (*мать, родители, бабушка, родственники* и т. п.), **61 ассоциация**, – очевидное пересечение концепта *семья* с другими концептами: *любовь, родительский дом, еда, уют, детство, радость...* Причем, эмоционально ценностное отношение является подчеркнuto положительным, теплым.

Вторая по важности ценностно-смысловая компонента концепта *Родина* проявлена через ключевые слова *место, край, дом, страна, Молдова* – совокупно 74 реакции, где информация о ценностно-смысловом содержании эксплицируется через частотное употребление в реакциях

прилагательных (*родной – 22, любимый – 3, замечательный, незабываемый, незаменимый; святой, лучший* и др.), а также через некоторые реакции, прямо раскрывающие смыслы. Так, наряду с относительно нейтральными реакциями (*место рождения, место жительства, место проживания*), находим гораздо более содержательные в ценностно-смысловом плане: *родное место предков; место проживания родителей; место, которое вскормило; где хочется прожить всю жизнь; место для следующего поколения; место, где ждут; место, где любят; место, куда тянет, куда хочется вернуться*).

Отрицательно коннотированных реакций всего 9: *коррупция, безработица, жулики, нестабильность, непризнанность, дураки, власть псов, нулевая перспектива*.

Ценностно-смысловое содержание концепта *Родина* проявляют такие прямо задекларированные ценности, как *мир, мирная жизнь* (14), *многонациональность* (13) *свобода* (10), *работа* (10), *защита* (8), *радость* (8), *спокойствие* (7), *традиции* (5), *праздники* (5), *родной язык* (4), *история* (4), *культура* (3), *обычаи* (3).

Практически отсутствует какое-либо явное проявление оппозиции свой–чужой, наоборот демонстрируется вектор дружелюбия и позитива. Показательны своей положительной коннотацией реакции, называющие жителей Молдовы: *люди, много людей, гостеприимные люди, почтимые люди* (так в анкете), *население, красивые девушки, старики, дети, народ, дружный народ, русские, молдаване*.

Особенно красноречивы результаты корреляционного анализа, выявившего 12 групп взаимодействующих реакций на стимул *Родина*, в частности следующие: *молдаване, все знакомо, много знакомых; обычаи, традиции, культура, общение, взаимопонимание; любовь, родители, родственники; успех, предки; работа, семья, улицы, учеба, родные*.

Таким образом, исследование концепта *Родина* в русскоязычной среде студенческой молодежи Молдовы посредством ассоциативного эксперимента и последующим количественным, качественным и корреляционным анализом полученных данных выявило его существенное отличие от современного состояния этого концепта в российском дискурсе, прежде всего из-за абсолютного отсутствия иронической коннотации, и показало очевидное доминирование в ядре многослойной структуры концепта *Родина* компоненты *семья*.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2004.

Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. В: Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 60. М., 2001, с. 47-58.

Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта. В: Язык, коммуникация, социальная среда, 2006, № 4, с. 26-36. Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2006pdf/LSE2006Vorkachev.pdf> (дата обращения – 29.03.2014).

Джамбаева Ж. А. Ассоциативный эксперимент: методологические основы. Режим доступа: <http://enu.kz/repository/repository2014/Associativnyi-experiment.pdf> (дата обращения – 29.03.2014).

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. В: Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 2001, с. 75-80.

Сандомирская И. Книга о Родине (опыт дискурсивных практик). Wien, 2001.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

Гарусова О. А.

Русская культура межвоенной Бессарабии и русское зарубежье

Существование русского языка и культуры в румынской Бессарабии обычно аргументируется широким ареалом их распространения в предыдущий период (Скворцова, 2002). Взаимосвязи с центрами русской эмиграции, являвшиеся важной частью культурной жизни бессарабцев, в молдавской историографии в полной мере не учтены. Между тем, специфику русской культуры межвоенных лет вообще сложно определить вне социокультурного пространства зарубежной России.

Возникшая в результате послереволюционной эмиграции, не имевшая государственности и территориальных границ «вторая Россия» включала не только беженцев, но и русскоязычное население лимитрофных государств. Эмиграция, полагавшая главной своей задачей сохранение памяти о прошлом, была убеждена в том, что «культура является более точным и постоянным национальным определителем, чем какие-либо государственные границы или государственные образования» (Долгоруков, 1926, 598). Как и в других лимитрофах, в Бессарабии проживало большое число людей, «говоривших по-русски, считавших себя русскими и тяготевших к тем культурным центрам, в которых сосредоточилось рассеяние 1920–1925 гг.» (Ковалевский, 1971, 12).

В межвоенные годы в Бессарабии сложилось особое русскоязычное сообщество. С притоком беженцев, большинство которых составляли уроженцы края, возросла численность русского населения, изменился его социальный состав. Среди приехавших было много лиц с высшим и средним образованием, свободно владевших иностранными языками. Журналисты, актеры, художники, музыканты, инженеры, педагоги, врачи пытались продолжить в новых условиях свою профессиональную деятельность. Процесс вхождения в местную жизнь протекал достаточно безболезненно. В романе Е. Черкез «Жемчуг слез», отразившем реалии кишиневского общества начала 1920-х гг., главный герой, бывший петербургский художник Николай Истомина «совершенно вошел в местную жизнь. Познакомился и стал бывать во многих русских домах. Его принимали радушно, хлопотали за него перед местными властями, подыскали ему временную службу» (Черкез, 1925, 18). География романа – Кишинев, Бухарест, Мюнхен, Париж, в сущности, представляет одно место действия. Это русская среда с ее нескончаемыми традиционными спорами о судьбе России, монархии, белом движении, эмиграции, выборе жизненного пути.

С эмигрантами связаны наиболее серьезные и интересные культурные инициативы: создание по образцу крупных российских городов музыкальных и театральных предприятий, устройство вечеров с чтением лекций, организация художественных выставок... Ведущими сотрудниками новых периодических изданий («Бессарабия», «Наше слово», «Бессарабское слово», «Бессарабская мысль», «Молва» и др.) стали приехавшие из Петербурга, Одессы, Москвы журналисты и литераторы: Ю. Калугин, В. Благов, М. Бялковский, Н. Бенони, Г. Блок, В. Недзельский, П. Пильский, П. Потемкин, И. Хейфиц...

Беженская интеллигенция играла значительную роль в установлении контактов с зарубежными культурными центрами, чему способствовали личные отношения с друзьями и коллегами, осевшими в различных европейских странах. Связи с эмигрантскими культурными центрами – Парижем, Прагой, Софией и, в особенности, с Ригой, в некоторые годы были очень интенсивными.

В условиях военного положения бессарабские газеты не могли открыто выражать «русофильские» взгляды. Подцензурная пресса сохраняла в сознании читателя память о бывшей родине, ценности национальной культуры во многом благодаря публикациям эмигрантов, литераторов, журналистов, общественных и политических деятелей. Особенно насыщенным был литературно-публицистический отдел газеты «Бессарабия», в которой сотрудничал известный писатель Л. Добронравов (Донич), в многочисленных своих статьях осмыслявший темы русской

культуры, литературы и искусства Серебряного века. Внушительно была представлена литературная эмиграция на страницах бухарестской газеты «Наша речь», адресованной, в первую очередь, бессарабскому читателю. На ее страницах часто печатались материалы спецкоров о жизни соотечественников в других странах. Рождественские и пасхальные номера кишиневских газет часто почти полностью состояли из эмигрантских произведений. Русские «зарубежники» в целом количественно превосходили местных авторов.

«Русская тема», интерпретировавшаяся ввиду цензуры как сохранение исторически сложившейся культурной самобытности Бессарабии, не позволяла «бессарабскому читателю забыть Россию» (НАРМ¹, 351). С изменением политического климата после прихода в 1928 г. к власти национал-царанистской партии, когда ряд цензурных ограничений был снят, проблемы русской культуры и русского языка открыто обсуждались на страницах периодической печати. В отчетах сигуранцы русскоязычная пресса расценивалась как «зеркало настроений и чаяний местного бессарабского населения» (НАРМ¹, 353). Уехав на Запад, литераторы не теряли связи с Бессарабией. Долгое время писал для различных кишиневских изданий А. Вершковский. Сотрудничал в «Нашей речи» П. Пильский, напечатавший в различных рижских изданиях воспоминания о своем пребывании в Кишиневе. Издававшийся при активном участии Л. Добронравова парижский еженедельник «Родная земля» немало внимания уделял бессарабским проблемам. Существовала и обратная связь. Г. Блок был корреспондентом русских газет, выходивших за рубежом. В. Благов посылал материалы в рижскую газету «Сегодня». Рижская же газета «Эхо» перепечатывала фельетоны Н. Бенони.

Приезд известных писателей-эмигрантов всегда оставлял заметный след в местной литературной жизни. Турне А. Аверченко в 1923 г., которое сопровождалось множеством статей о творчестве популярнейшего писателя, привело к сотрудничеству с газетой «Бессарабия». Игорь Северянин во время своего пребывания в Кишиневе помог изданию литературно-художественного журнала «Золотой петушок», привлек к участию зарубежных русских авторов.

Русские бессарабцы были включены, как мы бы сказали сегодня, в общее информационное пространство русского зарубежья. Частные лица и кишиневские редакции получали по почте газеты и журналы различных направлений: «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия» (Париж), «Сегодня» и «Перезвон» (Рига), «Руль» (Берлин), «Голос России» (София) и другие. Владельцы книжных магазинов и библиотек выписывали книги русских писателей-эмигрантов. Особый феномен художественной литературы, восполняв-

шей психологическую потребность в «своей» культурной среде, отмечен хорошо знакомым бессарабскому читателю писателем А. Федоровым. «Открываешь новую книгу большого, ничем не уступающего прежним, журнала и сразу, при виде этих имен (Бунин, Шмелев, Мережковский, Чириков) чувствуешь себя так, как будто попал в светлый дружеский дом прошлого и встретил близких людей, талантливых, честных, искренних, с которыми можно забыть о всех трагических событиях и диких неурядицах жизни» (Федоров, 1927, 2).

Многие, воспитанные на русской культуре бессарабцы не отделяли свою жизнь от общей беженской доли, мыслили и ощущали себя в одном пространстве с «Россией в рассеянии». Праздновались общие памятные даты. Посвященная 175-летию Московского университета «неделя русского студента» стала поводом для размышлений на страницах различных бессарабских газет о судьбе его бывших воспитанников-изгнанников. Вместе с зарубежьем широко отметила бессарабская общественность столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Присуждение И. Бунину Нобелевской премии было воспринято как «праздник всех сохранивших на чужбине заветы Пушкина». В статьях о Тургеневе, Немировиче-Данченко, Чирикове, в откликах на гастрольные спектакли и концерты неизбежно затрагивалась тема эмигрантских судеб.

В репертуаре кинотеатров большое место занимали картины «из русской жизни», дореволюционные и снятые в эмиграции на берлинских и парижских киностудиях. После отмены цензуры, как утверждала сигуранца, все кинематографы демонстрировали лишь фильмы о русской жизни и революции – «фильмы, которые хочет русофильская публика, чтобы поддержать русский дух» (НАРМ², 5).

Пожалуй, ни в какой иной области, нежели театр и музыка, не выражалась столь очевидно причастность к зарубежной России. Течение театральной жизни в межвоенной Бессарабии определяли эмигранты. Благодаря осевшим в Кишиневе на более или менее длительный срок актерам и антрепренерам – В. Вронскому, Т. Дуван, М. Недолину, М. Муратову, Е. Маршевой и другим, действовали различные русские антрепризы. Гастроли русских артистов, объединявшие соотечественников, где бы они ни находились, были важной составляющей театрально-музыкальной жизни Бессарабии, в особенности с конца 1920-х гг. Русские драматические труппы, музыкальные коллективы, оперные и эстрадные исполнители находили здесь самых благодарных зрителей, стремившихся «почувствовать настоящее искусство». Исключительным интересом публики сопровождалось выступление Пражской группы МХТ, Рижского театра драмы, Ф. Шаляпина, вокального квартета Н. Кедрова, казачьих хоров под руководством Н. Кострюкова и С. Жарова, Н. Плевицкой.

Оживление кишиневской русской драматической сцены также было связано с приездом актеров-эмигрантов. С местными исполнителями выступали О. Рунич, Л. Потоцкая, В. Орлов, А. Вырубов, Г. Хмара. Ряд сезонов в труппе В. Вронского играл его бывший партнер по одесской сцене М. Чернов. Мировая знаменитость Л. Липковская не только часто гастролировала с концертными программами, но и участвовала в драматических и опереточных постановках, а в начале 1930-х гг. создала театр миниатюр «Улыбка». На два года «прописался» в Кишиневе рижский театр-ревю «Бонзо» под руководством А. Вернера.

Бессарабцы учились в русских учебных заведениях Чехии и Югославии. С пражским Русским зарубежным историческим архивом сотрудничали В. Шимановский, Н. и А. Никулины, генерал Е. Леонтович. Последний возглавлял и местное отделение Российского общеоинского союза (РОВС). Бывшие российские подданные приезжали в Бессарабию по личным и коммерческим делам. По сведениям полиции, в иные месяцы в Кишиневе находилось сотни «временных иностранцев» с нансеновскими паспортами.

В культурном пространстве зарубежья русская Бессарабия занимала периферийное положение. Межвоенный Кишинев считался по духовным интересам, менталитету, повседневной культуре городом сугубо провинциальным. С пристрастным критицизмом современники-беженцы относились к неизменчивому городскому быту, ритуалу времяпрепровождения, привычкам повседневной жизни. А у посетивших Бессарабию эмигрантов острый ностальгический интерес вызывала не только географическая близость к утраченной родине, означенная в известных строках А. Вертинского: «И российскую горькую землю / Узнаю я на том берегу». Здесь многое напоминало о прошлом, не потревоженные временем быт и нравы воспринимались как отзвук старого мира. Приезжие, по словам кн. П. Долгорукова, чувствовали себя «как бы в России. И радостно, и тяжело» (Долгоруков, 1964, 403). «Минувший век до самых мелочей» запечатлен в поэтическом цикле А. Штейгера «Бессарабия». Избирательная эмигрантская оптика фиксировала то, что напоминало о прошлом.

Для тех, кто не вкладывал в понятие «провинция» негативно-оценочный смысл, «русская Бессарабия» была самобытной окраиной зарубежной России. Предложенный эмигрантами, современниками межвоенной эпохи ракурс, думается, перспективен в изучении «бессарабской» русской культуры.

Литература

- Долгоруков П. День русской культуры. Перезвонь. Рига, 1926, № 20.
Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.

Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.

НАРМ¹, ф. 680, оп. 1, д. 3428.

НАРМ², ф. 680, оп. 1, д. 3486.

Федоров А. Современные записки. В: Наша речь, 1927, 28 сент.

Черкез Е. Жемчуг слез. Берлин, 1925.

Кара Н. В.

Болгарские и русские паремии о женщине

Концептуальная картина мира, отраженная в языке и существующая в сознании определенного языкового коллектива, отличается национально-культурной спецификой, что связано с конкретным историческим опытом данного народа, его особыми культурными традициями и условиями жизни. Осознаваемое в контексте культурных традиций мировидение народа опредмечено в языке, в системе характерных для него образов, эталонов, стереотипов и символов (Телия, 1996, 231). Особую роль в передаче культурно-национального самосознания языкового сообщества играет паремиологический состав языка.

Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях (Савенкова, 2002, цит. по: Полиниченко, 2004, 84). Как правило, к паремиям относят пословицы и поговорки. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений, дает им оценку и предписывает, как надо действовать (Мамонтов, 2002, 88).

Паремии отражают когнитивную деятельность членов языкового коллектива, их наивные представления о мире, мировоззренческие и поведенческие стереотипы. По мнению Б. А. Серебренникова, национальная специфика пословиц выражается в присущем каждому народу особом взгляде на действительность, в характере социальных обобщений (Серебренников, 1988, 159). В пословицах вычленяются и фиксируются в форме устойчивых и воспроизводимых знаков языка те признаки обозначаемых ими фрагментов внеязыкового мира, которые представляются носителям данного языка наиболее характерными и значимыми. При употреблении в речи пословицы, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, воспроизводят характерный для лингвокультурной общности менталитет (Телия, 1996, 231).

Паремии (пословицы и поговорки) как сложные единицы языка и разновидность фольклорного жанра сегодня являются объектом меж-

дисциплинарных исследований (лингвистики, фольклористики, психологии, этнографии, лингвокультурологии и пр.). Паремия – суждение, в котором в свернутом виде присутствует многовековой опыт народа, представления о добре и зле, о здравом смысле и «нравственных интересах». Выявить специфику восприятия мира, ценностную систему и определить некоторые ее особенности, присущие разным народам, помогает сравнение культурных концептов, представленных в паремиях. К наиболее древним, базисным в ментальности народа, относятся макроконцепты «дом» и «семья», куда входит ряд концептов, раскрывающих их как сложные фрагменты картины мира. В центре внутрисемейных отношений, отраженных в пословицах и поговорках разных народов, как показывают наблюдения, чаще всего находится женщина.

Представляет интерес отражение концепта «женщина» в болгарских и русских паремиях в сопоставительном аспекте. Оба народа принадлежат к славянскому этносу, к православной традиции, что должно было отразиться в аксиологических установках, выраженных в паремиях. В то же время каждый народ индивидуален в своих этнокультурных проявлениях.

Цель нашего исследования – представить видение системы ценностей, содержащихся в паремиях о женщинах в русском и болгарском языках, показать универсальное и культурно-национальное – сходства и различия в данном тематическом фрагменте культурных знаков двух народов. В результате работы с соответствующими источниками (Даль В. И., Минков Цв.) было выделено 523 русских и 384 болгарских паремии, содержащих лексику, называющую женщину. Все исследуемые единицы объединены в группы в соответствии с типом номинации женщины. Наибольшую группу в обоих языках составили паремии, где она обозначается по семейному положению, типу родственных отношений и возрастной характеристике. Мало паремий, указывающих на социальное положение женщины. В группе номинации по типу родственных отношений у русского и у болгарского народа наиболее многочисленны те, которые называют ее как жену (супругу) (болг. – 112, рус. – 219). В обоих языках на втором месте паремии, где женщина упоминается как мать (болг. – 30, рус. – 40). На третьем – невеста и невестка (болг. – 25, рус. – 20), затем – бабушка (болг. – 10, рус. – 16), наконец – свекровь (болг. – 5, рус. – 7). Редко встречаются, в равной степени у болгар и у русских, паремии о сестре и дочери. Обнаружились и несовпадения по степени актуальности ролевой функции женщины в семейных отношениях с точки зрения ее оценки: теща (болг. – 1, рус. – 15); вдова (болг. – 2, рус. – 10); кума (болг. – нет, рус. – 15); мачеха (болг. – нет, рус. – 10).

Как наиболее частотная, именно номинация жена (супруга) в болгарских и русских паремиях – объект сопоставительного анализа в нашей работе. Особое значение имеет культурологический анализ настоящих паремий, дающий возможность выявить сходства и различия на основе сравнения, что должно сыграть определенную роль в дальнейшей практике исследования этих двух близкородственных языков, в составлении словарей паремий, в использовании результатов данного исследования в процессе преподавания как русского, так и болгарского языка в лингвокультурологическом аспекте.

Содержательно-аксиологический анализ паремий с лексемой *жена* в обоих языках позволил выделить несколько групп с точки зрения их семантики и прагматики: 1) ведущим значением в паремиях является предписание аксиологического характера, то есть представление и оценка особенностей поведения женщины, как положительных, так и отрицательных; 2) дается характеристика отношений между мужем и женой; 3) выражено мнение мужа о жене, оценка им особенностей жены; 4) даются советы жене или мужу в отношении жены.

Наиболее многочисленной в обоих языках является первая группа – представление и оценка особенностей поведения женщины, как положительных, так и отрицательных. Именно в этой группе в результате сопоставительного анализа мы обнаруживаем как сходное, так и различное в аксиологической отнесенности конкретных свойств жены (супруги). Рассмотрим это на конкретных языковых примерах.

Представим паремии, совпадающие по аксиологической отнесенности определенных качеств жены.

1) Совпадающие в русских и болгарских паремиях качества жены:

1) Отрицательные

Злость: Рус. Злая жена сведет мужа с ума. Из дому – жена, из лесу – змея. Болг.: Жена без злина не бива (Жены без зла не бывает). Шипка без тръни и жена без тръни не бива (Шиповник без шипов и жена без шипов не бывает). Зла жена повече от зъмя (Злая жена хуже змеи).

Хитрость: Рус. Жена ублажает – лихо замышляет. Болг. От дьявола по-голям дявол е само жената (Большой дьявол, чем сам дьявол, только женщина). Жена и лисица, една ги е майка родила (Женщину и лису одна мать родила).

Верховодство: Рус. Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет. Жена верховодит, так муж по соседям бродит. Болг. Женска воля мъжа оголя (Женская воля оголяет мужа). Жена мъж не бие, а лесно му навива (Жена мужа не бьет, но легко верх над ним берет).

Лживость: Рус. И дура жена мужу правды не скажет. Болг. Вярвай кучката, жена си не вярвай (Верь собаке, а жене не верь).

Злословие: Рус. Муж палкой, жена язычком. Болг. Женски език от турска сабя по-остър (Женский язык острее турецкой сабли).

Бездушие: Рус. Фрол плачет, жена скачет. Болг. Свиня децата си не познава (Свинья своих детей не знает).

Болтливость: Рус. Умную взять – не даст слова сказать. Болг. За жената е скришно, което не знае (Для женщины тайна только то, чего она не знает).

2) Положительные

Умная: Рус. На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо. Умная жена – как нищему сума. Без мужа что без головы, а без жены что без ума. Мужа чтут за разум, а жену по уму. Болг. Умната жена чини повеч от елмаз (Умная жена дороже алмаза стоит).

Добрая (хорошая): Рус. Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не зная. Муж голова – жена душа. От плохой жены состаришься, от хорошей – помолодеешь. Хороша пава пером, а жена нравом. Добрая жена дом бережет, а плохая рукавом разнесет. Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье. Болг. Добра жена е от имане по-добра (Хорошая жена лучше богатства). У кого е добра жена, не му трябва рай (У кого хорошая жена, тому рай не нужен). Добра жена – мъжу рай, зла жена – мъжу ад. Добра жена пълни къщата, а лошата я изпразня (Хорошая жена дом наполняет, а плохая – опустошает).

Работящая: Рус. Не наряд жену красит – домостройство. Болг. Де няма жена, няма и къща (Где нет жены, там нет и дома). Не хвали хубавица, а работница (Не хвали красавицу, а работящую). Жена работница ноше ѝ свети къщата (У работающей жены ночью дом светится).

II. Не совпадающие в русских и болгарских паремиях качества жены:

1) Отрицательные

В русских паремиях:

Блудливость: Не бери жену богатую, бери непочатую. Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет.

Склонность тратить деньги: Продай, муж, лошадь да корову да купи жене обнову. Муж в голях, жена в бусовых серьгах.

Лень: Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет.

Упрямство: Жена упорна – ни мякиш, ни корка. Чего жена не хочет, мужу век не видать.

Сварливость: Сварливая жена – в доме пожар.

Скандальность: Жена взбесилась – мужа не спросилась.

Худоба: Худую взять – стыдно людям показать.

Красота: Глупому мужу красная жена дороже красного яйца.

В болгарских паремиях:

Бесчувствие: Жената ѝ е яка душата (У жены душа черствая).

Болезни: Болна жена – голяма неволя (Больная жена – большая неволя).

Самоволие: На жена да са къси пътеките (У жены дорожки должны быть короткими).

Независимость: Ако съм му жена, не съм му робиня (Если я ему жена, то не рабыня). Коня иска зоб, а жената роб (Конь нуждается в пище, а женщина – в рабе).

Любовь к деньгам: На жената дяволът е парата, а на мъжа жената (У женщины дьявол деньги, у мужа – жена). Жената знае «дай мъжо», а не «дай Боже» (Жена знает «дай, муж», а не знает «дай, Господи»).

Полнота: Жената като затлъстее, не ражда (Женщина, если становится толстой, не рождает).

2) Положительные

В русских паремиях:

Честная: Жена честнее, мужу милее.

Верная: Три друга: отец да мать, да верная жена.

Богатая (амбивалентность): Богатую взять – станет попрекать. Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога. Женино добро колом в глотке стоит. Знатную взять – не сумеет к работе пристать.

Здоровая: На что корова, была бы жена здорова.

Рождает детей: Жена что лебедь-птица, вывела детей станицу.

Белолицая: Всего милее, у кого жена белее.

В болгарских паремиях:

Отходчивость: Женска сръдня, дор изсъхне мокра пола, трае (Жена сердится, пока юбка не высохнет).

Послушание (амбивалентность): Вода и жена, накъдето ги поведеш (Вода и жена – куда их поведешь). Волята разваля добрата жена (Свобода портит хорошую жену). Жената е като върба – дето я насадиш, там расте (Женщина что верба – где ее посадишь, там и растет).

Красота: Кой що има лична жена, не му трябва в дома икона (У кого красивая жена, тому в доме не нужна икона).

Сравнительный анализ болгарских и русских паремий показал, что болгарская лексика со значением «женщина» не содержит коннотативного компонента, а в русском варианте он частотен (тетка, бабенка, сестрица и т. д.). Аксиологический и семантический анализ показал значительное сходство в актуализации положительных и отрицательных качеств женщины как жены. Различие проявляется в том, что в болгарских паремиях как ценность выявляется сдержанность, внутренняя сила женщины как жены при ее внешней подчиненности мужу. В русских па-

ремьях – большая свобода женщины в семейных отношениях и большая личностная проявленность.

Литература

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1987.

Мамонтов А. С. Номинативные единицы – афоризмы (пословицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения. В: Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002, № 2, с. 88-97.

Полиниченко Д. Ю. Концепт «язык» в английской паремиологии. В: Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 26. Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004, с. 83-91.

Пословицы, поговорки и гатанки. Под ред. Цветана Минкова. Т. 12. София, 1963.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. 212 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Зайковская Т. В.

Отражение архетипической бинарной оппозиции *молодой – старый* в фольклорном сознании русских Республики Молдова

В русском устнопоэтическом народном творчестве и в фольклорном сознании сложным образом переплетаются противопоставления жизни и смерти, своего и чужого, внешнего и внутреннего, верха и низа, мужского – женского, молодого – старого и т. д. В данной публикации рассмотрим последнюю из указанных оппозиций. Она по-разному проявляется в различных фольклорных жанрах и в некоторых из них, например, в былинах, может быть сопоставлена с другими: *главный – неглавный, старший – младший* и т. д. Так, Аншакова С. Ю., исследовавшая оппозицию *молодой – старый* на примере былин, отмечает: «Оппозиции традиционной народной культуры *старый – молодой, старший – младший* представляют в былинной картине мира аксиологические значения: а) оппозиция *старый – молодой* в отношении богатырей = „опытный, осторожный/геройский, сильный”»; б) оппозиция *старший – младший* показывает иерархию в сословной и семейной сферах. Это связано с тем, что усилению коннотативной семантики первого и второго члена оппозиции *старый – молодой* способствует глагольная лексика; в оппозиции *старший – младший*, характеризующей степень родства богатырей, воз-

можно нейтрализация значений; в оппозиции *старший – младший*, обозначающей возраст персонажа, осуществляется актуализация одного из оппозитивов» (Аншакова, 2004).

Прежде всего, следует указать на то, что, по всей видимости, в лирических песнях для носителей фольклора важным является в первую очередь особо отметить такое качество человека, как молодой. Вне оппозиции именно эта характеристика (а не старый) является маркированной: парень молодой; казак молодой; меня, молодую; а я, молодёшенька; срублю я, молоденька, кленовое дерево; дружок мой молодёхнынький и др.:

Брала девочка дробен лён,
Она брала, тонко выстилала,
Всю долинушку сходила
Да молодого парня намолвила,
Которого верно полюбила.
– Да, эх, я любила парня молодого,
Да у солдатушки его взяли,
У солдаты его взяли,
Взяли, взяли, парня молодого.
<...>
(Бирюкова А. И., 1906 г.р., с. Кунича, 1971)

<...>
– Я тогда тебя забуду,
Как на свете жить не буду,
Замуж отдадут. (2 раза)
Отдавали молодую
На чужую сторону
За того дружка, (2 раза)
Что за того, за одного,
За Ванюшку молодого.
<...>
(Богомольная, 1968, № 92,
Шёл Ванька, торопился...)

Ср. еще пример, в котором, помимо маркированности, проясняется и еще один момент – чувство любви изначально совместимо только с таким качеством, как молодость:

Ох, я молода, калину ломала я,
Калину, калину, калину ломала я.
Ох, я молода, с калины упала я.
С калины, с калины, с калины
упала я.
В речку я, в речку я, в речку я упала я.

Ах, я молода, юбку замочила я.
Ах, я молода, рыбы наловила я.
Рыбы я, рыбы я, рыбы
наловила я.
<...>
(Богомольная, 1968, № 151,
Ох, я молода, калину ломала я...)

Данная песня является иносказанием любовной истории. Ломать калину, упасть в речку, замочить подол/платье, ловить рыбу – всё это выражения, свидетельствующие о любви, которая в фольклорном сознании связывается только с отношениями между молодыми людьми.

Не зря в известной шуточной песне, в которой Дуне предлагается сшить сарафан из лопушка, кузнецы – тоже молодые:

<...>	– Пойдём, ды пойдём, Дуня, (2 раза)
Во той кузне молодые	Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок
кузнецы. (2 раза)	<...>
Они, да они куют, (2 раза)	(Моргун М. Я., 1907 г.р., с. Кунича,
Они куют, приговаривают:	1971,
<...>	Во той, ды во той кузне...)

Что касается маркирования, о котором говорилось выше, то, похоже, оно занимает особое место в фольклорном сознании и является столь обязательным, что часто словосочетания со словом *молодой* обнаруживают свою плеонастичность (парень молодой, молодушка моя молодая и т. п.). Напомним, что плеоназм (от др.-греч. πλεονασμός – излишний, излишество) – оборот речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента семантики. В нашем случае парень – изначально молодой человек; по сути, нет необходимости отмечать это еще и прилагательным, однако в фольклорном произведении важно это подчеркнуть, даже продублировав смысл.

К сказанному добавим, что существительные, с помощью которых именуется юноша, достигший определенного возраста, расцвета удали, готовый к женитьбе, – *молодец*, *молодчик*, – также включают в себя корень с этой семантикой.

По свидетельствам исследователей, в других фольклорных жанрах, например, в былинах, наблюдается более развернутая картина относительно рассматриваемой оппозиции: «Пожилой возраст персонажей противопоставлен молодому по двум параметрам: физическим и интеллектуальным качествам человека. В частности, молодому герою свойственны способность к деятельности, физическая сила, а персонажи преклонного возраста характеризуются физической немощью, неспособностью к активной деятельности. Однако при противопоставлении интеллектуальных качеств героя в рамках оппозиции *старый* – *молодой* приоритетным является пожилой возраст: „молодой” противопоставляется „старому” как умный мудрому» (Аншакова, 2004).

Что касается представленности рассматриваемых качеств в оппозиции в фольклорных лирических песнях – как записанных нами, так и обнаруженных нашими предшественниками – противопоставление старости и молодости встречается довольно часто именно как противопоставление по физическим параметрам; интеллектуальные качества, в отличие, например, от сказок, былин и др., в расчет не принимаются. Причем, в основном, в народной лирике они представлены в таких контекстах, когда оппозиция *молодой* – *старый* накладывается на другую – *мужской* – *женский*. Молодое начало в таких случаях находит свое выражение в образе

девушки, а старое – в образе мужа, навязанного ей родителями, за которого она выходит замуж не по своей воле. Приведем в качестве примера песню, которая была записана нами и в Покровке (Бельченкова И. М., 1978 г. р., с. Кунича, с. Покровка, 2011), и в Куниче (Подлеснова А., 1948 г. р., и др., с. Кунича, 2011), причем в абсолютно одинаковых, слово в слово, вариантах:

Как во всех-то мужья молодые,
А в мяня ж-то, у младёшеньки старичище. (2 раза)
Вот такое старичище-яричище,
Не пускает младёшеньку на гульбище. (2 раза)
Я и вкрадкой от старого уходила,
Под полою светло платье выносила. (2 раза)
Я в соседа под вербою снаряжаюсь,
Вот теперь я, младёшенька, нагуляюсь. (2 раза)

В приведенной песне обыгрываются такие возможности деривации, как образование слов с помощью суффиксов экспрессивной оценки, так называемых оценочных увеличительных и уменьшительных суффиксов, за счет которых усиливается противопоставление. Старый муж называется не просто *стариком*, а *старичищем*, молодая жена именуется себя уменьшительно-ласкательным словом *младёшенька*. Экспрессивное обозначение *старичище* сопровождается также выразительным словом *ярище*, образованным от прилагательного *ярый*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля находим такие определения данного слова: «*Ярый* – огненный, пылкий; | сердитый, злой, лютый; горячий, запальчивый; | крепкий, сильный, жестокий, резкий; | скорый, бойкий, неудержный, быстрый; крайне ретивый, рьяный; | расплавленный и плавкий; весьма горячий; | белый, блестящий, яркий; | *горячий*, *похотливый* (выделено нами – Т. З.). <...>» (Даль, 1980). В данном определении мы выделили те отрицательные оттенки значения, которые, как нам кажется, могли бы характеризовать «мужа старого, постылого».

В такого рода песнях старое представлено в резко отрицательном свете. Причем не само по себе, а именно в паре с молодым. В фольклорном сознании закреплено, что такой союз не является нормой, что это (в первую очередь, с точки зрения получения здорового потомства) нечто неправильное, противоестественное. Поэтому старики, обычно богатые (здесь мы видим пересечение с еще одной оппозицией – *богатый* – *бедный*), взявшие себе в жены молодую девушку, жестко высмеиваются. В песнях (обычно шуточных) их не жалеют, полагая, что наказание им поделом. В лингвофольклористике считается, что «как правило, устойчивые,

типовые для фольклорной сферы оппозиции построены на противопоставлении не прямых, узуальных значений слов, а той „приращенной” семантики, которая и является единственно важной в народной поэзии. Например, в лирике *старый* ‘не соответствующий требованиям’ – *молодой* ‘соответствующий, адекватный’. Поэтому большинство оппозиций, при обобщении максимального числа контекстов их употреблений, можно рассматривать как оценочные, объединяющие члены со знаками „плюс” и „минус”. Базовые антонимические оппозиции способны заменять друг друга, а также дополняться вторичными противопоставлениями, узуальными и окказиональными, которые, в свою очередь, тоже могут становиться устойчивыми» (Бобунова и др., 2005, 65).

Далее мы приведем песню, представленную в сборнике Р. А. Богомольной, в которой старый муж на основе метонимии (обозначение целого по его части) именуется выражением *седая борода* (в другой песне – *сивая борода*, см. ниже):

Выдавали молоду на семнадцатом году, На семнадцатом году за седую бороду, Ой, калина, ой, малина, за седую бороду. А седая борода не пускает никуда. (2 раза) Ой, пойду я за водой – возьму старого с собой, Возьму старого с собой – брошу в прорубь головой:	– Оставайся, чёрт с тобой, (2 раза) Я сама пойду домой: (2 раза) Меня ждёт там молодой, Ой, калина, ой, малина, меня ждёт там молодой. (Богомольная, 1968, № 115, Выдавали молоду...).
---	---

Более полный вариант этой песни (с зачином и концовкой) нам удалось записать в 2011 г. в с. Покровка:

Как я была молода, Я смородину рвала. Припев: Ой, калина, ой, малина, Я смородину рвала. Отдавали молоду На чужую сторону. Припев. На чужую сторону, За седую бороду.	Кину в прорубь головой. Припев. Кину в прорубь головой: – Погопися, черт с тобой. Припев. Меня любит молодой, Неженатый, холостой. Припев. Неженатый, холостой, Нос картошкой, сам хромой.
---	---

Припев. А седая борода Не пускает никуда. Припев. Пойду в прорубь за водой, Возьму старого с собой. Припев. Возьму старого с собой,	Припев. Нос картошкой, сам хромой, Зато парень молодой. Припев. (Бельченкова И. М. 1978 г.р., Килимник Г. М., и др., с. Покровка, 2011, Как я была молода...)
--	--

В приведенном варианте шуточной песни молодая жена пытается выправить положение, которое изначально, с точки зрения природы, сложилось неправильно, и моделирует своеобразную смеховую ситуацию. Образ человека (Неженатый, холостой), который ее ждет вместо старого мужа, утопленного в проруби (Кину в прорубь головой), также представлен в юмористическом свете (Меня любит молодой, / Нос картошкой, сам хромой). Но даже обладая такими непривлекательными характеристиками, он мил сердцу молодой женщины, поскольку молод (Зато парень молодой). Таким образом, такое качество, как молодость, выводится на первое место по своей значимости, становится эталонно важным.

В другой песне девушка готова остаться в старых девах, чем пойти замуж за неровню по возрасту:

Среди двора бел камушек лежит, С-под камушка быстра реченька бежит, В этой речушке судёнышко плывёт, Во судёнышке немножко людей: В моём счету шесть человек, А семья (седьмая – Т. З.) – седая борода, А восьмая – красна девица-душа. Она ходила-похаживала,	Потеряла свои золото-ключи, По цепочке, по серебряной. – Кто бы, кто бы мои ключики нашёл, Я бы замуж за того пошла. Как нашла ключи седая борода. – Пусть мои ключики пропадут, А за сивую борода не пойду. (Богомольная, 1968, № 121, Ой, калига-молодец...)
---	--

В фольклорном сознании отмечено, что любовь, женитьба – хороши, естественны и приличны в молодости. Если старый человек надумывает жениться, к тому же «в другой раз», да еще и на молодой, то обществом это не только не поощряется, но еще и остро порицается. Поэтому считается, что лучше вообще оставаться без второй половины, что и отражено в песнях:

Как задумал старый дед в другой раз жениться, Сидел думал, думал, думал в другой раз жениться. А старую в жены взять – работать не станет, Сидел думал, думал, думал – работать не станет, А молоденькую взять – она не полюбит, А если полюбит, так не поцелует. Сидел думал, думал, думал – так не поцелует.	А как поцелует – отвернётся, плюнет. Сидел думал, думал, думал – отвернётся, плюнет. Другой раз жениться – дело не годится, Сидел думал, думал, думал – дело не годится. (Бирюкова А. И., 1906 г.р., с. Кунича, 1971, Как задумал старый дед...)
--	---

Та же мысль проводится и в частушках. Приведем одну из них:

Не дай Бог, не дай Бог
Старому жениться.
Молодая не пойдёт,
Стара не годится.

(Сиротина В., 1944 г. р., с. Старая Добруджа, 1965)

Обычно, как уже отмечалось, такие запоздалые браки и инициировавшие их мужчины высмеивались. Однако есть ряд песен, в которых просматривается такое положение вещей (видимо, не смоделированное, а реальное), когда старый муж был хозяином ситуации (заставляя уважать себя под угрозой физической расправы) и молодая жена была вынуждена, несмотря на свое несогласие с судьбой, подчиняться ему. Хотя песня, которую мы приводим ниже, похожа зачином на предыдущую (Как задумал старый дед в другой раз жениться...), но все ее дальнейшее содержание говорит о том, что ее никак нельзя отнести к шуточным. В ней муж с неприязнью именуется «старым чертом»:

Как задумал старый чёрт осенью жениться, Взять молодую – не будет любить, А взять старую – не будет робить. Ну и взял старый чёрт молодую жену. Молодая жена не хочет любить: «У моего жениха дротяная борода, Ременные губы и с проволоки усы».	И пошёл старый чёрт на базар за покупкой, И купил он дротяную плётку. И стал он её бить, и стала она его любить: И тогда говорить: «У моего мужика шёлковая борода, Сахарные губы, медовые щёчки».
--	---

Что такое дротяная (борода), мы выяснили, вновь обратившись к Толковому словарю В. Даля: Дрот (м. южн.) – с немецк. проволока; *дроти-наж*. пск. толстая проволока. || *Дрот*, *дротик* м. донск. копьё, пика; <...> *Дротяной*, южн. кур. вор. Проволочный <...>» (Даль, 1980).

Следует упомянуть, что некоторые авторы, например, П. П. Червинский, у которого был свой подход к основным архетипическим оппозициям, рассматривают их очень широко. В своих исследованиях он отталкивается от концептов-символов, на основе тщательного анализа присваивая им, в том числе, те или иные характеристики, являющиеся оппозициями – правой или левой частями оппозиций. Исследователь пишет: «Так, *ягода* раскрывает отношения „женское, молодое, зрелое (незрелое), хорошее, достойное, любимое дитя у родителей, взлеянное, вскормленное“, часть из которых должна быть представлена как морфологические, часть – как синтагматические. *Лебедушка* – „женское, молодое, благородное, белое, красивое, способное дать хорошее потомство“. *Малина* – „женское, молодое, ласковое, способное любить, жизнь с которым будет сладка и приятна“. Не всё одновременно и не всё так прямо проявляется в фольклоре. Не всё возможно вывести с достаточной определенностью. Однако механизм, заложенный в движении значений, представляется не случайным и единым. Не только значения слов, но и самостоятельные смыслы оказываются внутренне связанными и органичными в фольклоре» (Червинский, 1989, 18-19). В его исследованиях видно переплетение и контаминация, наложение одних оппозиций на другие – то, что и мы отчасти попытались показать в данной статье, отталкиваясь, однако, не от концептов-символов, а исходя из самих оппозиций.

Литература

Аншакова С. Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов. Тамбов, 2004. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-kartina-mira-v-sisteme-antonimicheskikh-oppozitsii-russkikh-bylinnykh-tekstov#ixzz3G1uRmWdS> (дата обращения – 17.07.2015).

Бобунова М. А., Климас И. С., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Эвристический потенциал лингвофольклористики. В: *Palaeoslavica*, XIII. Cambridge, Massachusetts. 2005, № 1.

Богомольная Р. А. Русская народная песня в Молдавии. Кишинев, 1968.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980.

Червинский П. Семантический язык фольклорной традиции. Тернополь, 2011, с. 18-19.

Долгов В. Г.

Типологическая близость юродства и кинизма в философско-аксиологическом аспекте

Значение «юродства Христа ради» как знакового феномена русской культуры переоценить сложно. Сущностные и формальные черты древнерусского юродства таят в себе богатый эстетический потенциал, чем и объясняется, по всей видимости, высокая степень «живучести» этой традиции в русской культуре и литературе. Понимание самобытности данного образа православного подвижника важно для адекватной интерпретации особенностей произведений А. С. Пушкина, А. И. Герцена, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Бунина, А. М. Ремизова, М. Волошина, А. П. Платонова и других классиков русской литературы. Следует подчеркнуть актуальность художественной рецепции данного феномена и на современном этапе ее развития (показательны в этом отношении произведения Вен. Ерофеева, Саши Соколова, Л. Улицкой и др.). В ряду важнейших вопросов, заявленных и решавшихся за более чем полутора-вековую историю научного изучения юродства, актуальной в аспекте диалога культур нам представляется задача установления точек соприкосновения и разграничения таких внешне похожих духовно-философских практик, как юродство и кинизм.

Крестившаяся Русь, перенявшая основополагающий для православия концепт *святость*, воспринимает из Византии и юродство как вполне сложившийся религиозный феномен. Истоки юродства обнаруживаются в IV в. в Египте. Об этом свидетельствует, как отмечает Иоанн Ковалевский (Ковалевский, 2000, 100-104), Ефрем Сирийский, незадолго до своей смерти посетивший пустыни Египта и описавший жизнь Христа ради юродивой Исидоры. Евагрий Схоластик в «Истории церкви» описывает различные формы бытования в монастырях и лаврах Византии. Говоря о пустынножителях, которые прикрывали одежду «одни тайные члены своей природы», питались «прямо от земли, срывая проросшие семена», получали необычный облик (становились «зверовидными») и даже «образ мыслей <...>, несвойственный людям», бежали от всяких сношений с людьми, он обращает внимание на выделявшуюся среди них малочисленную группу, «род жизни» которых «превосходнее всех». Они, «через добродетель достигнув бесстрастия, возвращаются в мир и, среди шума притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие <...>. Нередко посещают они бани, и там бывают и моются большей частью с

женщинами, покорив страсти так, что имеют полную власть над своей природой <...>. Враги своих хотений и своей природы, они служат хотениям ближних, чтобы всеми средствами изгонять удовольствия плоти, и чтобы правительницей была душа, всегда избирающая и сохраняющая наилучшее и богоугоднейшее» (Евагрий). Согласно житию Леонтия Неаполитанского, юродивый Симеон Эмесский, пользовавшийся широкой популярностью на Руси, был выходцем как раз из такой среды. Таким образом, уже ранние адепты этой духовной практики обнаруживают базовые характеристики юродства.

Для восточного православия, в отличие от западного, как отмечают исследователями, характерно представление о растворенной в мире святости, которая обязательно обнаруживается. В Византии, как поясняет С. А. Иванова, ощущение, что мир «чреват святостью», породило получивший в дальнейшем широкое распространение мотив «о тайных слугах Господа». Он возникает не только в ранних историях о юродивых, но и в зрелой византийской агиографии. Но «пока что тайный святой никак не провоцирует агрессии против себя» (Иванов, 1994, 38). Впоследствии, когда юродство перестанет быть своеобразной формой служения в кинонии и выйдет к VI в. за пределы монастырей, окончательно сформируются ключевые особенности этого сверхзаконного типа святости: бесстрашие, аскетизм, мученичество, постоянное стремление к самосовершенствованию и без того духовно совершенного адепта, устремленность к Абсолюту, примат этического над эстетическим, травестизм, провокативность и др.

Каноническое описание юродивого представляет человека, который добровольно принимает личину безумия, чтобы скрыть от мира свое внутреннее совершенство, и, духовно наставляя, всячески стремится избежать мирской славы. В иррационально-сущностном аспекте данного феномена различают «пассивную» и «активную» составляющие. Первая проявляется в обращенности на субъект – это аскетическое самоуничтожение, маска безумца, оскорбление и умерщвление плоти, подкрепляемое буквальным толкованием Священного писания («Аще кто хочет по мне ити, да отвержется себе») и аксиологией православия. Юродство представляется добровольно принимаемым подвигом. Причем подвижник повторяет жертвенный подвиг Христа. «Подражание крестному пути и делает подвиг юродства „сверхзаконным“ в представлении агиографов – труднейшим и славнейшим, венчающим лестницу христианского подвижничества: „...выше естества нашего подвизаясь“» (Лихачев, 1984, 88). «Активный» аспект юродства характеризуется векторной направленностью на объект и заключается в необходимости жить в миру и одновременно «ругаться миру», обличая пороки и грехи без учета

обстоятельств, места и времени. Таким образом, юродство Христа ради характеризуется парадоксальным единством смирения и бунта, истины высшего порядка и безумия в мирском понимании.

Психологическая сторона юродства заключается в «сублимации» всех желаний ко Христу: «Мы не знаем более полной сублимации, чем та, которая выражена в словах: „Не я живу, но живет во мне Христос“» (Вышеславцев, 1994, 67). Для юродивых недостаточно было найти себя, они стремились найти Бога и не понимали и не принимали всего, что не может быть продолжено в пределах вечности. Можно согласиться с А. М. Панченко, подчеркивавшим содержательные и формальные черты древнерусского юродства, которые вполне приложимы и к византийскому юродству периода его расцвета: амбивалентность (принадлежность миру антикультуры и опора на нравственные ценности христианства); зрелищность; приемы самоуничтожения, презрения к общественным приличиям, эстетика безобразного, аскетизм, использование особого языка, косноязычного бормотания, сходного с языком детей.

Г. П. Федотов в книге «Святые Древней Руси» отмечает, что юродство захватывало не только разумную, но и моральную сферу личности. Святость прикрывалась безумием и имморализмом. Однако в древнерусских житиях, в отличие от византийских, мотив безнравственности чаще всего был выражен слабо, и только народные легенды и некоторые замечания в летописях подтверждают, что насмешка над общественной моралью присутствовала в поведении русских юродивых. В этом отношении выделяются следующие составляющие подвига юродства:

1. аскетическое поправление тщеславия, всегда опасного для монашеской аскезы. Юродство – притворное безумие или безнравственность с целью «поношения от людей»;

2. выявление противоречия между глубинной христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью «посмеяния миру»;

3. служение миру своеобразной проповедью, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством (Федотов, 1999, 257-258).

Учитывая, что христианство зарождается на православном Востоке, логично предположить, что питательной средой юродства выступала эллинистическая духовная культура. Известна степень влияния кинизма на идеологическое оформление юродства (см., например: Философский энциклопедический словарь).

Преемственность очевидна в том, что христиан и киников характеризует специфическое смешение дерзости и смирения. При этом в описании жизни юродивых агиографы нередко заостряли внимание на «кини-

ческих» чертах поведения. «Так, у Леонтия Неапольского Симеон ходит с дохлой собакой и испражняется у всех на виду – совершенно как знаменитый Диоген, а спустя тысячу лет Никифор Григора в житии Иоанна Ираклийского называет юродивого „благочестивый киник“, – отмечает византиевед С. А. Иванов (Иванов, 1994, 15).

Сюда же, кроме зрелищности, следует отнести принадлежность этих двух маргинальных фигур к миру антикультуры, самоограничение, стойкость в перенесении трудностей, утверждение добродетели, эстетику безобразного, двойственность отношения к адептам (безумец или мудрец?). Однако надо отметить, что «скандальный эпатаж» киников связан с невозможностью социальной адаптации и отрицанием всего общественного строя, институтов рабовладельческого государства, а также его законов, норм, стереотипов, морали, идеологии. Все это трактуется киниками как «дым», который следует развеять. «Без общины, без дома, без отечества» – таков сознательный выбор асоциального статуса киника. Но «отсечение» юродивым всех горизонтальных связей призвано, в отличие от парадигмы кинизма, упрочить связи вертикальные (Бог – человек). Киники утверждают, что человек должен быть «нагим и свободным», потому что он неуязвим лишь тогда, когда ничем не связан. Отсюда идеал предельного бытового аскетизма киников вплоть до бездомного нищенства, что дало основание такой этимологии данного термина, которая возводит его к греческому *kinikos* – «собачий» (видимо, ведущий «собачью жизнь»). При этом в кинизме нет ничего от смирения, которое становится одной из главных характеристик юродства, да и аскетизм юродивого, что гораздо важнее, определяется иным посылом – его сознательным отречением от всего «мирского» и «плотского».

От юродства кинизм отличает «раскрепощенность» (С. А. Иванов), с которой осуществляется высшая свобода (кинник «низвергает ложных кумиров не от имени божества, но авторитетом собственной мудрости»), а также сосредоточенность на себе («они интересовались другими лишь постольку, поскольку понимали, что человек по природе существо политическое»).

Кинизм также отличала критика традиционных религиозных представлений, цель которой – низвержение установленных идеалов. «Похабство» отличает и юродство, однако оно в своем отрицании никогда не ставит под сомнение истинность и ценность идеалов, основополагающих идей и принципов православия. Более того, этика кинизма «негативная», «перечеканивающая» общепринятые ценности, требует «отлучения от зла», то есть разрыва со всеми старыми нравственными нормами, освящавшими социальное зло (Нахов, 1984, 5-52). Зло здесь «ограничивается» социальными рамками, и такое понимание существенно удалено от вос-

приятия зла в православии. Отрицание, «порушение миру», провокативность юродства направлены на утверждение непреходящей ценности духовных истин, стремление утвердить их в миру, так как юродивый своим «служением» не себя спасает, он призван вести к спасению других. Таким образом, «разумному эгоизму» киника противопоставлен жертвенный альтруизм и безграничная любовь к людям юродивого.

Предпринятый нами анализ, думается, позволяет утверждать, что сближения (но не совпадения) феноменологии киников и юродивых основаны на совпадении ряда специфических (но не сущностных) характеристик, что, как мы полагаем, не дает оснований возводить юродство к кинизму, культурная парадигма которого, без сомнения, оказала влияние на становление данного вида подвижничества. В этой связи бесспорными считаем попытки отождествления рассматриваемых философско-духовных практик на основании совпадения в отдельных чертах (в этом отношении показательно, например, исследование Т. Горичевой, утверждавшей, что юродивые, как и киники, близки животному миру, потому что любят грязь – см.: Горичева, 1991). Обоснованной нам представляется гипотеза ряда ученых, что рассматриваемые практики восходят к одному паттерну (который можно обозначить как «святой безумец»), знаковому и значимому для многих духовных культур Востока и Запада. Перспективным и вызывающим несомненный научный интерес в этой связи представляется исследование в сравнительно-сопоставительном аспекте знаковых фигур различных конфессий, восходящих к обозначенному паттерну.

Литература

- Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
 Горичева Т. Православие и постмодернизм. Л., 1991.
 Евагрий Схоластик. История церкви. Книга I, раздел 21. Режим доступа: <http://agioskanon.ru/hist-evagriy/001.htm> (дата обращения – 12.09.2015).
 Иванов С. А. Византийское юродство. М.: Международные отношения, 1994.
 Ковалевский Иоанн. Подвиг юродства. М., 2000.
 Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
 Нахов И. М. Очерк истории кинической философии. В: Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. М.: Наука, 1984.
 Федотов Г. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
 Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Мегрелишвили Т. Г.

Современная художественная парадигма развития русскоязычной литературы Грузии

Вследствие распада СССР изменились пространственные параметры существовавшего в Грузии на протяжении почти двух веков культурного пространства, что привело к образованию русскоязычной литературной диаспоры в Грузии – специфическому явлению культурного репертуара современной Грузии. Главным критерием в определении национальной специфики произведений рассматриваемой культурной общности следует признать стремление проникнуть в жизнь современной Грузии и своеобразный менталитет авторов. Пространство текстов поэтического русскоязычного Тбилиси располагается, в основном, вне господствующих литературных форм русской литературы, развивающейся в современной России. Однако его организация определенным образом соотносена с общей структурой культуры эпохи постмодерности.

Постижение русскоязычной литературы Грузии связано с экстрали-тературоведческими факторами, играющими в современном культурном процессе немаловажную роль. Среди них можно выделить: предпосылки возникновения и развития русскоязычной поэзии Грузии; изменение типов культурного сознания современного социума; многоуровневость и неоднородность собственно поэтического процесса.

Общие направления, ныне определяющие литературный быт русскоязычного поэтического Тбилиси, должны быть изучены в контексте господствующей аксиологической парадигмы, которая представляется отражением новых социальных явлений в историческом процессе развития цивилизации и одновременно отражением нового типа сознания личности, живущей в переходную культурную эпоху на стыке двух культур. Сегодня можно утверждать, что в Грузии фиксируется культурное явление, которое следует именовать русскоязычной литературой Тбилиси, потому что этот город стал очагом ее локализации. Филологический мир практически ничего не знает об этом предмете. А между тем это явление требует описания и изучения (Мегрелишвили, 2010, 43-50; Мегрелишвили, 2012, 566-576). Наблюдая сам факт современной русскоязычной литературы Грузии, необходимо констатировать, что описание этого явления во всей сложности и многоликости процессов, происходящих в русскоязычном литературном Тбилиси, требует интердисциплинарных подходов в исследовании, которые позволяют пролить свет на сложные вопросы, требующие своего решения.

Обозревая пространство поэтических текстов, создаваемых представителями русскоязычного литературного Тбилиси, нельзя не заметить, что весь корпус текстов можно условно разделить на, мягко говоря, «наивную словесность» и на тексты реальных мастеров. Для большинства лиц, чьи тексты можно обозначить как наивные, занятия литературой стали следствием травмы, вызванной стремительно меняющейся жизнью. Травма в психологическом смысле имеет две важнейшие черты: 1) это опыт, очень трудный и болезненный, который не всякое сознание способно усвоить, воспринять и пережить, и поэтому он западает в подсознание; реакция на травматический опыт запаздывает по сравнению с моментом воздействия, порой на годы; 2) травма изживает себя впоследствии какими-то действиями, которые порой никак не связаны ни по смыслу, ни по теме с историческим и бытовым контекстом, в котором они развиваются.

Идеология, основанная на вере в торжество ценностей социализма, исчезла вместе с государством, ее проповедовавшим. Однако в сознание людей новые формы жизни и мысли проникали с трудом, приводя к серьезным психологическим травмам, обнажая симулятивную основу многих стереотипов. Крушение этих стереотипов породило ранее не фиксировавшееся в обществе чувство эпистемологической неуверенности, которое на Западе было отмечено как характерная черта внутреннего мира человека последней четверти XX столетия еще в трудах М. Фуко. В поисках твердой почвы под ногами многие, особенно представители старшего поколения, ухватились за последний стереотип, который им казался незыблемой истиной, – литературное творчество как высшую форму самореализации для любой, как они полагали, независимо от степени или наличия какой-либо литературной одаренности, личности. В надежде на спасение от собственных экзистенциальных проблем многие, оказавшиеся в одночасье на обочине жизни, потянулись в «Арион». Тексты этих людей составляют условный низший пласт русскоязычной литературы Грузии.

Высший ряд включает творчество реальных мастеров. Можно сказать, что сегодня существует три поколения таких авторов: те, чье поэтическое творчество начиналось еще в 1980-е гг.; авторы, пришедшие в поэзию в 1990-е, и те, кто вошел в литературу уже в 2000-е гг. Каждый из них интересен особой тональностью своих произведений и ярко выраженной индивидуальной тематикой.

Читательская аудитория у авторов, пишущих на русском языке, практически отсутствует. Этот фактор представляется частью более широкого явления современной действительности – снижения интереса к литературе в рейтинге приоритетов современного человека. Кроме того,

немалую роль в этом процессе играет общая ситуация на книжном рынке Грузии, где в настоящее время функционируют только коммерческие издательства, а издание книги стало дорогостоящим делом, оплата которого полностью ложится на самих авторов. Практически все сборники художественных произведений русскоязычных литераторов Грузии издаются малыми тиражами на деньги самих авторов, а их печатные экземпляры авторы раздаривают своим знакомым – коммерческая реализация отсутствует.

Ситуацию во многом спасает Интернет, где на поэтических сайтах можно обнаружить много произведений, принадлежащих авторам – представителям современного русскоязычного литературного Тбилиси. На подобных сайтах существует интересное интернет-общение, любопытные комментарии, представляющие особый интерес в контексте отсутствия читательской аудитории для печатной продукции (см., к примеру: <http://www.stihi.ru/>; <http://www.litkarta.ru/world/georgia/>; <http://www.proza.ru/about/>).

Выходят два русскоязычных периодических издания: художественный альманах «На холмах Грузии» (гл. редактор М. Айдинов) и гламурный журнал «Русский клуб» (гл. редактор А. Сватиков). В интернет-версии существует литературно-художественный журнал «АБГ» (ред. А. Шахназарова, М. Ляшенко). Но эти издания не вполне отражают все стороны литературного процесса, да и произведения, публикуемые на их страницах, по своему, если можно так выразиться, литературному качеству, неоднозначны.

Действуют несколько литературных объединений. Самые крупные из них – «Арион», которым ныне руководит М. Ю. Айдинов, и «МолотОк (О.К.)», созданный в 2005 г. и руководимый А. Шахназаровой и М. Ляшенко. Членами «Ариона» являются многие яркие фигуры современного русскоязычного литературного Тбилиси: Н. Селезнева, Е. Джапаридзе, И. Кескюль, М. Ламар, Е. Черняева и др.

«МолотОк» (*Молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси о'кей*) по форме чем-то напоминает «Цех поэтов» Гумилева и занимает ту нишу, которая освободилась после прекращения функционирования студии «Обитаемый остров». Участники «Молотка» явно устремлены к «левым» экспериментам в поэзии, о чем свидетельствуют яркие вечера поэзии, которые проводит объединение. Под руководством В. Сарисвили функционирует Ассоциация литераторов и работников культуры «Новый современник», в которую входят Л. Орагвелидзе, И. Парошина, А. Григоренц и др.

Кроме этих объединений, существуют авторы, которые не принадлежат к какому-либо объединению, но при этом их творчество весьма за-

метно. Это, в первую очередь, И. Кулишова, Д. Мониава, Н. Гвелесиани, драматурги А. Мейпариани, Гаручава и Хотяновский.

Так или иначе, рубеж тысячелетия провел четкую границу в сфере художественного дискурса в русскоязычной литературе Грузии: сегодня можно утверждать, что художественная парадигма прошлого века уступила место иной, складывающейся на наших глазах парадигме. Каковы же основные особенности этой художественной парадигмы? Она формируется как отражение новых мировоззренческих установок, иного взгляда на мир, который все чаще проявляет себя в личности творца. И если пытаться сопоставить два типа художественного видения русскоязычной литературы Грузии – прошлого и современного, – то главным отличием второго от первого следует признать центральную методологическую установку на интерпретацию самого прошлого культурного дискурса как семиотического процесса, реализующегося в различных видах дискурсивных практик.

В едином корпусе русскоязычной литературы Тбилиси можно обнаружить тексты, описывающие событие, которое якобы отражает некую реальность, а на самом деле заменяет эту реальность – симулякр, по определению Жана Бодрийяра. Типичным примером создания симулятивной реальности служит повесть Н. Гвелесиани «Уходящие тихо», удостоенная премии им. М. Алданова за 2007 г. (Гвелесиани, 2007).

В этой повести рассказывается о сложных перипетиях становления личности в период эпохи перемен, крушения старых устоев жизни и еще не выработанных новых реалий, в то время, когда границы добра и зла в сознании индивида размыты, а жизнь кажется длящейся только один день: прожит – и ладно. Тот факт, что действие происходит в Тбилиси между 1993 и 2000 гг., никакой существенной нагрузки в тексте не несет, потому что реальность, создаваемая автором, представляет собой типичный симулякр по отношению к реальности Тбилиси тех лет. Герои принадлежат к поколению, по которому как бы прошелся шов времени: они не успели реализовать в жизни до событий 1991 г., а потом оказались неспособными реализовать в новой реальности и заменили ее симулятивными образами. К числу таких симулякров в тексте повести Гвелесиани относятся религиозное бытие героини, ее мнимые друзья, мнимое замужество – при ближайшем рассмотрении все эти образы призваны заполнить ужасающую пустоту в жизни Ксены, главной героини повести. Ксения, Ксена – типичный новый лишний человек, в судьбе которого бездомность и бесприютность становятся символом определенного мировидения.

Все герои Гвелесиани – жертвы симулятивной реальности старой эпохи, в которую они воспитывались и которая заложила в их сознании массу стереотипов, на поверку оказавшихся симулякрами. К числу таких

симулякров относятся в тексте повести жизнь во имя других, образ западной культуры, казавшийся притягательным, но при соприкосновении с ним герои понимают, что реальный Запад совсем не похож на тот мифический образ, который они создали в своем воображении. Автор как бы отражает в своем произведении определенную установку сознания советского человека на притягательность Запада при полном отсутствии реальных представлений о жизни на Западе. При столкновении с этими реалиями герои оказываются неспособными вписаться в западную действительность, не могут принять реальный Запад и возвращаются к себе на родину, которая тоже успела измениться за период их отсутствия. Сама автор так пишет о своем произведении: «Весь текст, всю совокупность героев и расклад сил можно еще истолковать как проекцию внутреннего мира, подсознания современного интеллигентного человека с загадочной русской душой – трагически раздробленного, разделенного с Источником и корнями, но все же невидимо с ним связанного, по-своему гармоничного даже в своих диссонансах» (Гвелесиани, 2012). Однако хочется заметить, что «загадочная русская душа» героев Гвелесиани в тексте, возможно, и независимо от авторской воли, сама становится симулятивной реальностью, потому что о душах в полном смысле этого слова применительно к героям говорить очень сложно. Повесть Гвелесиани, написанная прекрасным языком, читается с большим интересом и заслуживает как внимания читательской аудитории, так и изучения с позиций науки.

Второй особенностью художественной парадигмы, которая складывается в русскоязычной литературе Тбилиси, следует признать отказ от веры в метарассказы, симуляции общего делания жизни в пользу независимости и свободы личной самореализации. Тут важнейшим моментом представляется понимание того факта, что общество прошлого было одержимо идеей общности, приматом коллективного над индивидуальным. В текстах авторов русскоязычной литературы Грузии наблюдается тенденция к реабилитации права личности на индивидуальную жизнь.

Стихотворение молодого поэта русскоязычного Тбилиси, билингва, Зураба Гоциридзе «13 сентября» (Гоциридзе, 2012, 13) построено на антитезе «ложное – истинное». Старые установки сознания, спроектированные на роль и назначение поэзии в современном мире, понимаются как «мещанские». Свою заслугу поэт видит в том, что сумел сбросить эти установки и теперь устремлен в будущее. «Лживые наросты» старых установок, распространение которых он видит в пространстве вселенной (Вот бы мне прошагать через луны и звезды, / Все людские громады в них освистать!), – это своеобразное индивидуальное восприятие явления, известного как крах метарассказа, о чем писал Ж. Ф. Лиотар в книге «Постмодернистский удел» (1970). И если Лиотар под «великими историями»

понимает в том числе, как мы помним, гегелевскую диалектику духа, идею прогресса, просветительского представления о знании как о средстве установления всеобщего счастья, то Зураб Гоциридзе включает в метарасказы и идею достижения всеобщего счастья путем коллективного труда – то есть идею социализма/коммунизма. Ей автор противопоставляет труд единицы над собой, индивидуальный путь становления личности.

Одной из центральных тем русскоязычной поэзии Грузии выступает тема родного города – Тбилиси. Практически у всех авторов есть стихотворения о Тбилиси, который в их текстах является хронотопом эпохи. Надо отметить, что город действительно является символом изменений, произошедших в Грузии за последние 25 лет, и летопись этих изменений запечатлена, в том числе, в текстах русскоязычных поэтов. Тема города присутствует и в творчестве молодого поэта Дмитрия Мониава.

Очень сложное по своей художественной и символической наполненности, стихотворение Дмитрия Мониава «Гравюра» (Мониава, 2002, 3) имеет несколько пластов: внешний – описание старинной гравюры; второй – Тбилиси самых мглистых его времен (1993 – начало 2000-х гг.). Прочтение текста сквозь призму второго плана позволяет увидеть скрытые в нем смыслы. Символически переданы реалии тогдашней жизни города: отсутствие электроэнергии неделями, ставшие отнюдь не романтическим атрибутом, а необходимостью свечи, керосиновые лампы; разбитые дороги; грабежи на улицах, и вдруг ставшее актуальным пьянство, которое никогда до этого момента в грузинской культуре не просматривалось – словом, «новое средневековье». Полагаю, не будет ошибкой рассматривать текст Мониава как попытку запечатлеть определенную стадию новой мифологии города, которая стала формироваться на рубеже XX и XXI вв. Сегодня уже все изменилось, но память о том времени останется у всех, кто это пережил.

Одним из центральных культурных концептов поэзии русскоязычного Тбилиси является Россия. Этот культурный концепт претерпевает сложную трансформацию в каждом индивидуальном творческом сознании. Общим же полем для всех авторов является восприятие данного концепта сквозь призму новых межкультурных дискурсивных практик. Тема России в поэтических текстах русскоязычного литературного Тбилиси обретает следующее наполнение: 1) далекая историческая родина, на которую никак не может вернуться заблудившееся дитя; 2) пространство культурной памяти; символ великой русской культуры прошлого, хронотопом которой становится Петербург XIX столетия.

Итак, как можно определить культурную идентичность современной русскоязычной литературы Грузии? В чуть ли не единственной об-

наруженной в российской периодике (журнал «Знамя», 2009, № 2) очень интересной статье Михаила Бединеишвили, носящей обзорно-публицистический характер, эта литература отнесена к явлению «новое русское зарубежье». Однако такое утверждение не кажется бесспорным.

Автор использует понятие «новое русское зарубежье», прецедентным к которому является понятие «русское зарубежье», которым принято обозначать литературу Великой русской эмиграции XX столетия. При осмыслении вопроса национальной идентичности литературы русского зарубежья, то есть литературы, созданной авторами-эмигрантами, следует придерживаться мнения, что это полнокровный рукав единого потока – русской литературы XX столетия.

Но не до конца ясна терминологическая дефиниция понятия «новое русское зарубежье» применительно к литературным процессам, протекающим на постсоветском пространстве. Если этим термином определяется весь без исключения поток русскоязычного творчества в странах постсоветского пространства, то кажется сомнительным понимание этого потока как однородного явления. Напротив, следует отметить, что если обратиться к исследованию каждого из компонентов этого потока – русскоязычной литературы Украины, Эстонии, Азербайджана, Грузии и других стран, образовавшихся на рубеже XX–XXI вв., то различий будет больше, чем сходств.

Если же термин определяет пространственные координаты существования русскоязычной литературы на текущем этапе ее исторического развития, то опять-таки эта литература существует не только в странах постсоветского пространства. Можно принять данное выражение исключительно как художественную метафору, но никак не научный термин. Таким образом, в вопросе принадлежности русскоязычной литературы Грузии к явлению, определяемому как «новое русское зарубежье», следует проявлять необходимую исследовательскую осторожность.

Наиболее продуктивным ракурсом осмысления феномена современной русскоязычной литературы Грузии представляется восприятие ее творческого продукта как явления, в котором нашли свое художественное воплощение особенности постмодерного мировидения человека. Тенденции художественного творчества современной эпохи, определяемой как постмодерность, давно отчетливо проявили себя в литературном творчестве. В этом смысле русскоязычная литература Грузии представляет собой часть общечеловеческого художественного творчества, обладающую характерными особенностями, которые суть отражение новых мировоззренческих установок.

Литература

Гвелесиани Н. Уходящие тихо. Режим доступа: <http://www.netslova.ru/gveliesiani/ut.html> (дата обращения – 12.01.2016).

Гвелесиани Н. Об «Уходящих тихо». Режим доступа: <https://www.proza.ru/2010/04/14/831> (дата обращения – 12.01.2016).

Гоциридзе Зураб. Стихи. Тбилиси, 2012. 58 с.

Мегрелишвили Т. Русскоязычный литературный Тбилиси как явление современного межкультурного дискурса. В: Stereotypes in Literatures and Cultures. International Reception Studies. Peter Land Internationaler Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien. 2010, с. 43-50.

Мегрелишвили Т. Русскоязычная поэзия – разновидность культурного репертуара в современной Грузии. В: Русистика: язык, культура, перевод. Сб. научных трудов. София: Софийский гос. университет им. Климента Охридского. Изд-во «Исток-Запад». 2012, с. 566-576.

Мониава Димитрий. Стихотворения. Тбилиси, 2002. 60 с.

Солонкова И. В.

NATASHA, PROPAGANDA, KALASHNIKOFF

(Опыт преподавателя русского языка как иностранного в преодолении стереотипов у военно-политических и гражданских экспертов через ознакомление с духовными ценностями современной русской культуры)

Процесс глобализации предполагает расширение возможностей для взаимодействия культур. Задача специалистов академической сферы – являться источником и распространителем позитивного послания в отношении русской культуры и духовности к представителям других культур. Русский как иностранный (РКИ) в Молдове изучают специалисты, обладающие мандатом для урегулирования приднестровского конфликта, для развития военно-политической и гражданской сфер, а также имеющие дипломатический мандат. В текущей политической ситуации преподавателю следует подбирать материалы по страноведению таким образом, чтобы отделить у слушателей понятия «культура» и «политика».

Цель нашего исследования: показать некоторые стереотипы в отношении представителей русской культуры; поделиться опытом путей их преодоления. Публикация «Русские делают 16 вещей, которые могут показаться странными для американцев» (16 Things...) – пример формирования стереотипов. Публикация размещена в социальных сетях, на

странице завершившего свой мандат миротворца, работавшего над урегулированием приднестровского конфликта.

Стереотип Natasha: девушки «наряжаются, чтобы сходить в магазин. Русские, особенно русские, проживающие в городах, любят наряжаться. Например, красивое платье и каблук – отличный наряд для простой прогулки», – говорится в публикации. Здесь же рассказывается о том, что русские никогда не выбрасывают полиэтиленовые пакеты, поздравляют друг друга с выходом из сауны и душа, постоянно смотрят советские мультфильмы. Стереотип Propaganda: популярный сайт Russian Language Mentor (Russian...) предлагает среди прочего основы русской культуры. Под заголовком к курсу – плакатный портрет сурового человека. Надпись: «Чего вы ожидали – изображения Святого Павла?» Стереотип Kalashnikoff: плакат «Работать надо – винтовка рядом» – модульная заставка по страноведению, к тому же курсу. Другой маркер – известная многим международным экспертам песня Стинга 80-х «Русские» (Sting) о холодной войне: «Надеюсь, русские тоже любят своих детей». Задача преподавателя – установить: какие маркеры русской культуры определяют современный образ мышления? Каковы цели и задачи курса РКИ и дискурса по ознакомлению с русской культурой и ментальностью? Какие виды искусства целесообразно представить? В каком объеме?

Цель дискурса – сформировать положительное отношение к русской культуре и ее представителям, вне зависимости от этнической принадлежности ее носителей и политических воззрений учащихся. Принцип отбора – разнообразие, видовое и жанровое. Из опыта работы. На занятии: «Сейчас мы посмотрим мультфильм о Карлсоне, его знают все. – Аha, propaganda», – реагирует дипломат.

Фото 1. «Тот самый Мюнхгаузен»,
Фото 2. «А зори здесь тихие»,
Фото 3. «Кавказская пленница»
<http://visualmix.narod.ru/kino2.html>

Фото 4. «Kalashnikoff» <https://www.123rf.com/stockphoto/kalashnikov-sti=nswnmq6oe3eeyio3i6|Kalashnikov Stock Photos and Images>

Фото 5. Михаил Жванецкий, <https://uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-mihail-zhvaneckiy.html>, Узнай всё!

Фото 6. Ансамбль песни и пляски им. Александра, http://www.tvsmidia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9877:2015-08-11-06-16-42&catid=34:new, ТВС-Медиа Информационный портал

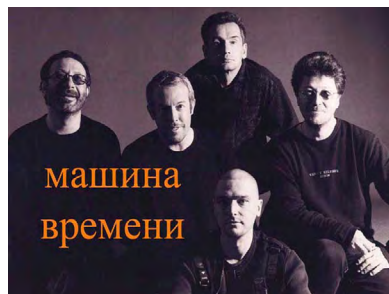

Фото 7. Группа «Машина времени», <http://abdulalhzared.narod.ru/music/masch-vremeni/masch-vremeni.html>, Nothing Superfluous.

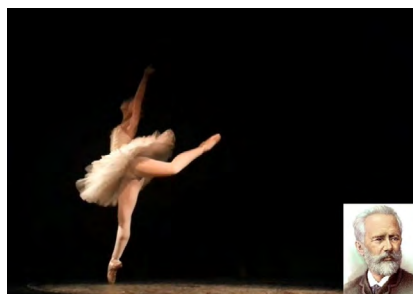

Фото 8. Джемелинская В. «Лебедь», Сен-Санс – из личного архива балерины

Фото 9. «Natasha» https://www.buzzfeed.com/azazello/16-things-russians-do-that-americans-would-find-we-cqjif?utm_term=.nrWYzXezP#.ty9vzElzX

Фото 10–12. «Propaganda» <http://russianmentor.net/Russian Language Mentor>

Фото 13. «Винни Пух», Фото 14. «Ежик в тумане», <https://cameralabs.org/9978-kadry-s-tsitatami-iz-lyubimykh-sovetskikh-multfilmov>. Кадры с цитатами из любимых советских мультфильмов

Фото 15. Телепередача «Непутевые заметки», <https://www.kam24.ru/news/main/20160402/35881.html>, Кам 24;

Фото 16. Телепередача КВН; <http://online-kvn.ru/>

Фото 17. Клара Новикова, <https://www.youtube.com/watch?v=fPASpeLBAr0>

Фото 18. <http://1969ja.livejournal.com/273505.html>, Роман Карцев

Фото 19. Мики Маус, <https://www.pinterest.com/explore/imagenes-de-miki-maus/?lp=true>, Best 25+ Imagenes de mikimaus ideas

Какие основные маркеры русской культуры формируют дискурс? Какой минимум произведений следует представить на каждом уровне? В программу дискурса включаются, при жанровом разнообразии, наиболее известные произведения, повлиявшие на формирование мышления современных носителей русской культуры: художественные фильмы и мультфильмы; вокальные номера: фольклор, советская и авторская песня, рок- и поп-музыка; театральные постановки; сцены из балетов, выдержки из произведений симфонической музыки; документальное кино; популярные телепередачи и миниатюры разговорного жанра.

Маркер 1. Популярность произведения.

Маркер 2. Значимость произведения с художественной точки зрения: художественная литература малых жанров; видео- и аудиовыдержки разных жанров и видов искусства.

Маркер № 3. Значимость произведения с исторической точки зрения. Из опыта работы. На занятии рассказывает учащаяся из Великобритании: «У нас с мужем были друзья – симпатичная пара. Он из Великобритании, она из Румынии. Встречались давно, но он не делал ей предложения. Мы спрашивали: „Почему? Она такая замечательная”. – „Конечно, – отвечал он. – Но, к сожалению, в детстве мы смотрели разные мультфильмы”. В качестве платформы для понимания базовых критериев оценки произведения, то есть видения его художественности, предлагаются основы литературного анализа по программе общеобразовательной русской школы, что со многими другими составляющими являют собой менталитет представителей русской культуры. Ознакомление с некоторыми критериями анализа художественного (литературного) произведения в рамках курса РКИ: Структура художественного произведения¹; Тематика художественных произведений²; Художественные детали (подробности)³.

Обобщение

- Общая тональность стереотипов о характере носителя русской культуры: агрессивность, негибкость, несобранность, ортодоксальность мышления и образа жизни.

- Создание дискурса по страноведению в рамках курса РКИ требует от преподавателя учета необходимости противостоять стереотипам, которые формируются либо людьми малообразованными, либо с политической целью.

- При отборе материала рационально руководствоваться тремя основными маркерами дискурса: 1. популярность произведения, автора либо исполнителя; 2. художественная значимость; 3. историческая значимость.

- Принцип отбора – разнообразие, видовое и жанровое.

- Объем: произведения малых жанров могут быть представлены полностью, крупные – в отрывках и выдержках.

- На среднем и продвинутом этапах, В1 – С2, целесообразно ознакомиться с базовыми критериями анализа художественного (литературного) произведения.

Принятие культурного разнообразия способствует более успешному взаимодействию политических, военных, экономических и гражданских институтов.

Примечания

¹ Солонкова И. В. Мостик для осла. В: Педагогический журнал, 1996, № 5–6, с. 74.

² Солонкова И. В. Таблицы, схемы, рисунки к анализу художественного произведения. В: Педагогический журнал, 1998, № 3–4, с. 13.

³ Солонкова И. В. Мостик для осла. В: Педагогический журнал, 1996, № 5–6, с. 76.

Литература

Things Russians Do That Americans Might Find Weird. В: https://www.buzzfeed.com/azazello/16-things-russians-do-that-americans-would-find-weird?utm_term=.nrWYzXezP#.ty9vzElzX (дата обращения – 07.10.2015).

Russian Language Mentor. Режим доступа: <http://russianmentor.net/> (дата обращения – 14.01.2016).

Sting. Russians. В: <http://www.sting.com/discography/lyrics/lyric/song/220> (дата обращения – 03.12.2015).

Шорина Л. В.

Митрополит Гавриил – святитель

3 сентября 2016 г. произошло важное событие культурной и духовной жизни РМ, которое можно было бы назвать долгожданным. В этот день митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир совершил Божественную литургию в Каприянском Успенском мужском монастыре, во время которого согласно решению Священного Синода Русской Православной Церкви от 15 июля 2016 г. состоялось прославление в лике местночтимых святых митрополита Кишиневского и Хотинского Гавриила (Бэнулеску-Бодони).

Это событие вызвало вполне закономерные вопросы: во-первых, почему прославление известного церковного деятеля, почившего в 1821 г., чья жизнь и свершения давно и достаточно подробно изучены, состоялось только сейчас? И почему именно сейчас?

Исследователи, рассматривавшие проблему канонизации святых, считают, что толчком к акту прославления, как правило, бывает некоторая политическая необходимость¹. А именно – утверждение определенных идей, получивших актуальность в определенный исторический момент. И тогда высвечивается личность, чья жизнь прошла в трудах во славу Божию, а помыслы, выраженные в официальных документах, или свидетельствах современников, оказываются созвучны задачам, которые решаются сегодня. Так вот, жизнь митрополита Гавриила прошла в непрерывных трудах на благо Церкви. Его духовный путь был убедительно прямым, несмотря на многочисленные зигзаги и неожиданные повороты в биографии святителя. Где бы ни проходило его служение, он неустанно трудился над укреплением или созданием фундамента для нормального спокойного течения православной богослужбной и приходской практики.

Почему же вопрос о канонизации² был поставлен сегодня, какие акценты в образе митрополита Гавриила оказались важными для нас нынешних? Во-первых, цельность его личности. Он ни разу не усомнился в истинности служения православной Церкви и выбирал для этого ясные и внятные формы. «Румын по происхождению», «получив образование в Киевской Академии» и проучившись некоторое время в Греции, «он затем почти всю жизнь свою посвятил служению русской церкви и государству»³. Здесь необходимо подчеркнуть: прежде всего – служению церкви, и как результат – служению государству, в котором православная церковь имела в тот период статус государственной. Именно потому митрополит Гавриил избрал Российскую империю местом своего церковного служения, что это была страна, свободная от чуждого конфессионального диктата, суверенная и твердо стоящая на позиции православия. Во времена митрополита Гавриила Россия и была единственной в мире православной страной, не только не подчинявшейся Османской империи, но и защищавшей православие в странах – вассалах Порты.

Во-вторых, редкий организаторский талант митрополита в сочетании с последовательной ортодоксальностью и неутомимой работоспособностью дали впечатляющий результат его поистине исторических свершений. Архипастырское служение митрополита Гавриила всегда проходило или в епархиях, где возникали сложные конфликтные ситуации, или же ему приходилось организовывать новые церковно-административные структуры, что, конечно, было сопряжено с многочисленными и разнообразными сложностями.

Начало его святительского служения 11 февраля 1792 г., когда он по повелению Екатерины II был возведен в сан митрополита и назначен экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии, было кратковременным, и связано оно было с действиями русской армии в Дунайских княжествах.

Конечно, по условиям Ясского договора (1791) русские войска должны были покинуть княжества, и назначение Гавриила экзархом имело дипломатическое, даже символическое, а не практическое значение – российские власти подчеркивали свою решимость участвовать в решении кардинальных вопросов в судьбе княжеств с точки зрения защиты интересов православных.

Уже через несколько месяцев, 19 июля 1792 г., митрополит Гавриил был арестован за отказ подчиниться назначенному Портой молдавскому господарю Александру Мурузи, который потребовал, чтобы он оставил митрополичью кафедру. Митрополит Гавриил отказался, мотивируя свое решение верностью присяге⁴, вследствие чего под усиленной охраной был доставлен в распоряжение Константинопольского патриарха. Конечно, можно обсуждать проблему каноничности поставления митрополита на территорию, формально считавшуюся уделом чужой епархии другой Поместной Церкви. Но при этом важно учитывать понимание святительского долга, не приемлющего положение, когда Константинопольский патриарх оказывался политически зависимой фигурой и проводником воли султана. Стоит также помнить, что по Кучук-Кайнарджийскому договору (1774) Россия официально получила право покровительства православным народам в Турции⁵.

Во всяком случае, в плену митрополит Гавриил подвергся унижениям, и обольщениям в попытках склонить его к служению Константинопольскому Патриархату. Он же рассматривал этот вариант как предательство страны, которая прилагает усилия для защиты православия. По требованию российского правительства митрополит Гавриил был освобожден. Его святительская деятельность в княжествах продолжилась в 1808 г., когда он вновь назначается экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии с местопребыванием в Яссах. Положение церкви и духовенства здесь было плачевным во многом из-за системы управления, сложившейся во время правления фанариотов. «Они были назначаемы не пожизненно, а только на три года, и, следовательно, должны были стараться и ухитряться обогащать себя в такое непродолжительное время; так как не быв связаны со своими подданными никаким чувством общности, они питали по отношению к ним только чувство известного греческого презрения ко всему негреческому и, следовательно, не могли знать никакой меры в своих стремлениях к обогащению»⁶.

Церковь в княжествах оказалась под двойным гнетом: правителей-фанариотов (в свою очередь подчиненных султанским властям), и собственных иерархов, повторявших управленческую схему греков, в основании которой лежал принцип обогащения. Митрополит Гавриил по своему обыкновению действовал решительно и конкретно: потребовал наладить

тщательное делопроизводство в монастырях, для чего ввел прошнурованные книги учета всех сторон деятельности; это должно было пресечь злоупотребления и воровство. Экзарх решительно защищал священно- и церковнослужителей от светских властей, облагавших их различными непомерными повинностями. Митрополит так определял свою деятельность: «препятствую быть самоправными разорителями монастырей»⁷.

Все это вызвало резкое недовольство валашских митрополитов Досифея и Игнатия, которые, совместно с боярами, оказывали противодействие всем начинаниям экзарха, писали доносы в Петербург⁸. Местные церковные иерархи вообще вели как явную, так и скрытую антироссийскую политику, предпочитая оставаться под управлением Турции, потому что это оставляло много возможностей для обогащения и других злоупотреблений. Туркам нужны были доходы от монастырей, а уж как осуществлялась хозяйственная и духовная деятельность, их не заботило. Между двумя периодами экзаршего служения в Дунайских княжествах митрополит Гавриил с 1793 по 1808 гг. управлял Екатеринославской (Новороссийской) епархией.

«Многосложная и разносторонняя деятельность митрополита Бодони по управлению жизнью приходов шла по трем главным направлениям, образуя три основные отрасли. Они выражались: во-первых, в борьбе с католиками и униатами за целостность православия в новоприсоединенных приходах; во-вторых, в установлении новой правительственной системы обеспечения приходского духовенства содержанием, независимым от панов-католиков; и, в-третьих, в уравнении с порядками законами Российской Империи новоприсоединенных приходов со стороны внутренних отправлений их общинной жизни»⁹.

Особенно трудной была борьба с католическим и протестантским влиянием в Новороссии. Необходимо было создать новые школы, храмы, типографию, которая могла бы печатать догматически выверенные богослужебные, катехизические и просветительские тексты. На все это требовалось время и огромные усилия митрополита.

Кроме того, его энергия созидателя была необходима и при устройстве и налаживании деятельной жизни в крае. По его благословению был основан город Одесса, на месте селения Хаджибей, в котором сразу заложены четыре храма¹⁰. Есть предположение (правда, спорное), что митрополит Гавриил принял участие в закладке первых церквей¹¹. И наконец, к числу действительно выдающихся свершений относится деятельность митрополита Гавриила по организации и устройству Кишиневской и Хотинской епархии в Бессарабии, которая, «...можно с уверенностью сказать, всецело обязана митрополиту Гавриилу своим духовным бытием»¹².

Деяния митрополита Гавриила в Бессарабии в начале XIX в. сродни деяниям митрополита Петра Московского в начале XIV в., который перенес митрополичью кафедру в Москву, на новое, «чистое» место, не зараженное еретическими и филокатолическими тенденциями и тем самым придал направление развитию будущего государства. Митрополит Гавриил обладал редкой способностью перспективного видения. «Нельзя не удивляться деятельности м. Гавриила. Едва стало известно об условиях мира с Турцией, по которому к России отходила Бессарабия, как он составил проект об управлении новоприсоединенным краем и просил князя А. Н. Голицына поднести Государю свою записку по этому проекту»¹³. Еще не полностью определилась ситуация, а он уже обдумывает необходимые шаги по разумному обустройству епархии.

Прекрасный администратор, он сделал невероятно много для формирования материальной базы церковного служения. По его благословению строятся новые и ремонтируются старые храмы. «Безо всяких пособий от казны в один год он возвел двенадцать построек: это пример, достойный удивления. Все эти многочисленные здания возводились на средства совершенно случайные и крайне неопределенные, каковы например „пособия добродетельных деятелей, епаршеские доходы” и личные средства строителя»¹⁴.

Митрополит старается привезти грамотных учителей из Киевской Духовной Академии, открывает в Кишиневе духовное училище, а затем семинарию, в которых получали прочные знания и светские молодые люди. Он понимал острую необходимость повышения общего культурного уровня Бессарабии.

Для начала старается повысить образование священников и вообще расшевелить их, вывести из состояния апатии и рутинного требования исполнения. По его поручению «...составлены краткие поучения на молдавском языке и разосланы по церквам. В 1814 году – предписание протопопам и благочинным о том, чтобы по церквам во все воскресные и праздничные дни во время литургии непременно читаемы были разосланные на молдавском языке поучения, а протопопы и священники, окончившие учение в семинариях, говорили бы проповеди своего сочинения, присылая их предварительно в Кишинев на цензуру»¹⁵.

А для того чтобы сделать священные и духовные тексты как можно более широко доступными, митрополит открывает типографию. «Устройство типографии в новоприсоединенной епархии являлось необходимым следствием, связанным с заботами Гавриила об упорядочении и возвышении церковной жизни в ней. <...> Гавриил не мог не обратить внимания на то, что в церквах не было в достаточном количестве необходимых богослужебных книг. Само собой разумеется, что нигде в России

не было молдавской типографии»¹⁶. Типография эта помогала удовлетворить и потребности в церковной литературе ясского духовенства: в столице Молдавского княжества была старая, маломощная типография.

Существуют выразительные и очень важные свидетельства духовного облика митрополита Гавриила. Преобразуя внутренний порядок в молдавских монастырях, он старался организовать киновию¹⁷ по образцу Нямецкой лавры. Старец Паисий был для него высоким образцом духовной жизни. Знакомство митрополита Гавриила с Паисием Величковским относится еще ко времени бытия его в первый раз митрополитом Молдавским (1791). Есть свидетельство отношения старца к митрополиту. В рукописи Исаака Сирина собственноручно Паисием сделана следующая приписка: «Перевод сей мой книги сия в дар приношу высокопресвященнейшему Господину Кир Гавриилу митрополиту – его же есть недостойный раб трудивыйся в переводе сем свято-вознесенскаго Нямецкаго и Предтечева Секульских молдо-валахских монастырей Архимандрит Паисий Величковский родимец полтавский»¹⁸.

Есть важная характеристика отеческого бережного отношения митрополита к людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, в какой в это время оказывались некоторые священники, потерявшие приходы. Они опускались, пьянствовали, бродяжничали. «...Первосвятителем Бессарабии даже престарелые из них по возрасту <...> отдаются под присмотр и чисто воспитательное руководство „искусных“ старцев <...>, мера в высшей степени целесообразная, гуманная. <...> Зло поборається здесь медленно, но прямо против него собственно направленным противодием»¹⁹.

Обширная деятельность митрополита Гавриила, положившего основы церковного управления Бессарабией, распространялась и на административно-гражданское устройство края. Достаточно упомянуть о его хорошо известных принципиально важных решениях в градостроительной планировке Кишинева, которой город долгое время был обязан удобством да и красотой многих улиц.

Всю свою святительскую жизнь митрополит Гавриил основывал, учредил, строил, организовывал, боролся со злоупотреблениями, невежеством. И самое главное, он старался мягко и настойчиво открыть дверь в новую для населения края русскую культуру, призывая бережно сохранять при этом язык и традиции молдаван. Можно с уверенностью утверждать, что на церковном и культурном основании, которое было заложено при участии и систематических усилиях митрополита Гавриила, два столетия плодотворно развивался край, стойко защищая свой духовный облик в самых сложных и, казалось, глухих исторических ситуациях.

Такая непомерная для человеческих сил деятельность, давшая столько благих результатов, невозможна без промыслительной божественной воли. И добрые плоды этого послушания длиною в человеческую жизнь, которое исполнял митрополит Гавриил, многое определили и в сегодняшнем духовном строе бессарабского общества.

А что касается человеческих слабостей, о которых с юношеской небрежностью упомянул великий поэт, – действительно, митрополит любил добрые застоля. Так и вспоминают те, кто жил и напряженно работал рядом с ним: «Митр. Гавриил, подобно св. Августину, приглашавшему всегда приближенных своих <...> к умеренной, но хорошо устроенной трапезе своей, разделял хлеб свой с разделявшими с ним бремя служения его Церкви и отечеству...»²⁰. Вот эта готовность митрополита Гавриила всеми силами честно и непреклонно служить Богу и Его Церкви, преодолевать нестроения, конфликты, историческую путанность, непонимание окружающих, понадобилась нашим современникам, оказавшимся перед опасностью утратить способность к служению. И потому стала очевидной необходимость канонизации верного сына Церкви и Отечества. Ведь канон – это норма, правило, образец.

Примечания

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. Ярославль, 1903; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986 и др.

² Лат. *canonisatio*, от греч. *kanon* – канон.

³ Стадницкий А. Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–1812), Митрополит Кишиневский (1813–1821). Кишинев, 1894, с. 1.

⁴ «По словам о. П. Куницкаго, он обыкновенно говорил при этом: „Я монах, плакать по мне некому, а умереть надо же когда-нибудь, попить присягу для того, чтобы еще несколько лет больше пожить, почитаю за грех, и вам грешно вынуждать у меня противосовестное отрицание“. См.: А. Стадницкий, с. 72–76.

⁵ Кучук-Кайнарджя. В: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 тт. (82 т., изд. 4-е, доп.). СПб., 1890–1907.

⁶ Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-валахской. М., 1871, с. 337–338.

⁷ Стадницкий А. Указ. раб., с. 222.

⁸ Там же, с. 193.

⁹ Чеховский В. Гавриил Банулеско-Бодони (1799–1803 гг.). Киев, 1905, с. 32.

¹⁰ Артем Филипенко. Митрополит Гавриил Банулеску-Бодони. В: Юго-Запад. Одессика, Одесса, 2008.

¹¹ Там же.

¹² Стадницкий А. Указ. раб., с. 293.

¹³ Зыков Г. Очерк деятельности митрополита Гавриила – экзарха Молдавии и Валахии, по улучшению церкви и православного духовенства в княжествах и Бессарабии (1808–1812). В: Кишиневские епархиальные ведомости, 1879, № 14, с. 377.

¹⁴ Жмакин В. Гавриил Бодони. В: Русский архив, 1898, № 12, с. 490.

¹⁵ Стадницкий А. Указ. раб., с. 323.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Киновия – монастырь общежительного устава.

¹⁸ Стадницкий А. Указ. раб., с. 320 (сноска).

¹⁹ Там же, с. 307-308.

²⁰ Ириной Нестерович. В: Отечественные записки, 1821, ч. 7, с. 93-94.

Сведения об авторах

Аксенова Надежда Владимировна, научный сотрудник, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, Институт литературы и искусства им. Мухтара Ауэзова (Алматы, Республика Казахстан)

Батаева Ольга Игоревна, сотрудник представительства Россотрудничества в Республике Молдова (Кишинев, Республика Молдова)

Белоусов Вячеслав Николаевич, кандидат филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Российская Федерация)

Березовикова Татьяна Николаевна, доктор искусствоведения, Академия музыки, театра и изобразительных искусств (Кишинев, Республика Молдова)

Галущенко Олег Сергеевич, доктор истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Гарусова Ольга Андреевна, научный сотрудник, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Голубева Эльвира Степановна, музыковед, историк культуры, член Союза композиторов и Союза театральных деятелей РФ (Брянск, Российская Федерация)

Горбачева Нина Анатольевна, доктор педагогики, Славянский университет (Кишинев, Республика Молдова)

Дамьян Надежда Андреевна, старший преподаватель, Кишиневский государственный университет им. И. Крянгэ (Кишинев, Республика Молдова)

Долгов Вячеслав Геннадиевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славистики, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо (Бельцы, Республика Молдова)

Донцу Надежда Федоровна, доктор филологии, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова)

Думиника Иван Иванович, доктор истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Душакова Ирина Сергеевна, менеджер проекта вебинаров Центра преподавания иудаики в вузах «Сэфер» (Москва, Российская Федерация)

Душакова Наталия Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, РГГУ (Москва, Российская Федерация)

Жигалова Мария Петровна, доктор педагогических наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, профессор, Брестский государственный технический университет (Брест, Республика Беларусь)

Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Иванова Нина Валерьевна, доктор истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Захарова Лариса Михайловна, преподаватель, Славянский университет; докторант Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии, Славянский университет (Кишинев, Республика Молдова)

Кантарян Николай Васильевич, доктор экономических наук, Митрополит Кишинева и всея Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Кара Надежда Васильевна, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Квилинкова Елизавета Николаевна, доктор хабилитат истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Ковалов Александр Иванович, доктор истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Кондратикова Лиана Эдуардовна, доктор искусствоведения, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Королева Эльфрида Александровна, доктор искусствоведения, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Кушниренко Виктор Филиппович, пушкинист (Кишинев, Республика Молдова)

Лашенова Людмила Алексеевна, председатель Русской общины Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова)

Мухаметшин Фарит Мубаракшевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Молдова

Мегрелишвили Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, Грузинский технический университет (Тбилиси, Республика Грузия)

Млечко Татьяна Петровна, доктор хабилитат филологии, Славянский университет (Кишинев, Республика Молдова)

Никогло Диана Евгеньевна, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Оразбаева Наркес Серикбаевна, PhD докторант кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)

Осипова Нина Осиповна, доктор филологических наук, профессор, Вятский Государственный университет (Киров, Российская Федерация)

Погорелая Екатерина Афанасьевна, доктор филологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Республика Молдова)

Пригарин Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент ОНУ им. Мечникова (Одесса, Республика Украина)

Прокоп Наталья Владимировна, доктор искусствоведения и культурологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Прокоп Светлана Павловна, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Рабинович Роман Аронович, доктор истории, университет Высшая антропологическая школа (Кишинев, Республика Молдова)

Рацеева Елена Владимировна, доктор истории, Тараклийский университет (Кишинев, Республика Молдова)

Рябцев Иван Андреевич, младший научный сотрудник, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Рябцева Светлана, доктор истории, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Солонкова Ирина, преподаватель РКИ, директор DidacticMediaStudio (Кишинев, Республика Молдова)

Сорочану Евдокия Степановна, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Орел, Российская Федерация)

Сырф Виталий Иванович, доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Типа Виолетта, доктор искусствоведения, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Ткачук Евгений Маркович, магистрант Ягелонского университета (Краков, Республика Польша)

Тудосе Вера Ивановна, доктор педагогики, Славянский университет (Кишинев, Республика Молдова)

Цвик Ирина Осиповна, доктор педагогики, КГПУ им. И. Крянгэ (Кишинев, Республика Молдова)

Цвиркун Виктор, доктор хабилитат педагогики, доктор истории, профессор, координатор Отделения гуманитарных наук и искусствоведения Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Циркунова Светлана Викторовна, доктор искусствоведения, профессор, Академия музыки, театра и изобразительных искусств (Кишинев, Республика Молдова)

Частина Алла Петровна, доктор искусствоведения и культурологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Червенков Николай Николаевич, доктор хабилитат истории, Научное общество болгаристов Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова)

Шаршов Татьяна Федоровна, доктор филологии, Молдавский государственный университет (Кишинев, Республика Молдова)

Шишкан Константин Борисович, доктор искусствоведения, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

Шорина Лариса Васильевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Ставропигиального мужского Высоко-Петровского монастыря (Москва, Российская Федерация)

Юзифович Валентина Александровна, кандидат филологических наук, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Республика Молдова)

Юрченко Наталья Антоновна, научный сотрудник, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова)

ADNOTARE

Culegerea de articole include materialele conferinței științifice cu participare internațională *Patrimoniul spiritual și istorico-cultural al rușilor din Moldova* consacrată celor 25 de ani de la formarea sectorului *Etnologia rușilor* din cadrul Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei.

Manifestarea a avut loc la 23 martie 2016, la Chișinău, și a fost organizată de către Institutul Patrimoniului Cultural, în parteneriat și cu susținerea Centrului de Știință și Cultură a Federației Ruse în Republica Moldova, Asociației Profesorilor de Limbă și Literatură Rusă din Republica Moldova.

La lucrările conferinței au participat 68 de cercetători științifici, cadre didactice, doctoranzi din Republica Moldova, Rusia, România, Bulgaria, care au pus în discuție cele mai variate aspecte ale patrimoniului cultural, istoric și spiritual al etnicilor ruși din Basarabia, RSSM și Republica Moldova.

Lucrările conferinței s-au desfășurat în următoarele secțiuni: 1) *Contactele etnice și interferențele în domeniul culturii și limbii*; 2) *Patrimoniul istoric și cultural*; 3) *Studierea limbii și literaturii sub aspect etnologic* și 4) *Culturologie. Interdisciplinaritate și influențe reciproce*. Volumul de față este structurat în aceleași patru compartimente distincte, cercetătorii experimentați și tinerii specialiști reflectând asupra diverselor probleme legate de valorificarea științifică a patrimoniului cultural al țării.

Aria tematică, spațială și temporară a subiectelor abordate este foarte vastă, incluzând dezbaterile problemelor de o pondere deosebită, legate de istoria, cultura, etnologia, tradițiile, interferențele culturale etc., majoritatea fiind reflectate într-o cheie inter- și multidisciplinară. Prin intermediul acestui volum jubiliar sunt introduse în circuitul științific informații și date noi cu referire la patrimoniul istoric și cultural al rușilor din Moldova.

Culegerea comunicărilor științifice susținute în cadrul conferinței jubiliare a sectorului *Etnologia rușilor* este destinată unui cerc larg de cititori, mediului academic, cadrelor didactice și studenților de la instituțiile de învățământ preuniversitar și universitar.

